Электронная библиотека
Института истории,
археологии и этнографии
Дагестанского ФИЦ РАН

instituteofhistory.ru

instituteofhistory.ru

К ИСТОРИИ И ЭТНОГРАФИИ АВАРЦЕВ

Хапизов Ш.М., Галбацев С.М.

Хапизов Ш.М., Галбацев С.М.

К ИСТОРИИ И ЭТНОГРАФИИ АВАРЦЕВ

(исследования и материалы)

Махачкала 2017

Национально-культурная автономия аварцев
Республики Дагестан

Хапизов Ш.М., Галбацев С.М.

К ИСТОРИИ И ЭТНОГРАФИИ АВАРЦЕВ

(исследования и материалы)

АЛЕФ

Махачкала 2017

УДК 94 (470.67)
ББК 63.3 (2Р-6Д)
Х-19

Хапизов Ш.М., Галбацев С.М.

Х-19 К истории и этнографии аварцев (исследования и материалы). Махачкала: АЛЕФ (ИП Овчинников М.А.), 2017. – 276 с.

ISBN 978-5-4242-0563-7

Данное издание содержит, прежде всего, исследования авторов по различным вопросам истории и этнографии аварцев. Предваряют его исследования по этимологии этнонима Awar и первому гербу Аварского нуцальства, приведенному в источнике 1735 г. Далее приведены отдельные очерки по истории Сарира, Аварского нуцальства, отдельных его областей и некоторых выдающихся личностей. В монографии также даны очерки, рассказывающие о формировании многовековых добрососедских отношений аварцев с различными народами Дагестана и Закавказья – кумыками, грузинами, чеченцами…

Во второй части данной монографии мы предоставляем возможность ознакомиться с ранее неизвестными широкому кругу читателей материалами по этнографии и истории аварцев. Прежде всего, это описание поселений и жилища аварцев, законченное в 1945 г. К. Козловой и хранившееся в рукописном фонде Интситута истории, археологии и этнографии. Второй материал – это обширная статья, вышедшая отдельным изданием в 1858 г. в Санкт-Петербурге и рассказывающая о деятельности генерала И.Р. Анрепа, который в 1839-41 гг. занимал должность управляющего Джаробелоканской областью и командующего Лезгинской кордонной линией. В 1840 г. генерал предпринял с небольшой свитой мирный поход в Нагорный Дагестан и ознакомился с жизнью аварских обществ Чурмут, Тленсерух, Мукратль и Андалал (ныне Тляратинский, Чародинский и Гунибский районы). В данном сочинении русским автором наглядно показано, что при соответсвующей политике Кавказского наместничества Российской империи можно было бы избежать долгой и кровопролитной Кавказской войны.

ISBN 978-5-4242-0563-7

© НКАА РД, 2017

СОДЕРЖАНИЕ

ИССЛЕДОВАНИЯ
1.1. К вопросу о происхождении этнонима Awar. 4
1.2. Герб «леков Дагестана» 1735 г. 20
1.3. Сарир и доктрина «Москва – третий Рим» 27
1.4. О военном походе аварского нуцала в Тушети в 1570 г. 32
1.5. Загеми/Базари. О средневековом городе в Алазанской долине. 47
1.6. Город Аркас и шайх Асилдар. 68
1.7. Нуцалчи Исмаил – основатель Эрпелинского «амирства» .. 78
1.8. Трагедия, воспетая в песне. Биография Бахтики – сестры аварского нуцала Уммахана Великого. 86
1.9. «Черкесы» или аварцы Ирана: исторический экскурс и современное положение 93
1.10. Туралиб – Каспийск: связь времен. 104
1.11. Историческая география Бабаюртовского района (XVIII-XIX вв.). 111
1.12. Этнодемографический очерк Белоканского района. 122
1.13. Клычевы – аксайская фамилия хунзахского происхождения. 136
1.14. К вопросу об административном делении в Имамате Шамиля (Анкратль и Анцратль). 148
1.15. Взаимоотношения восточногрузинских горцев и Имамата. 153
1.16. Шахабас Каранайский и его потомство. 160
1.17. Роль аварских алимов в распространении ислама в Панкисском ущелье Грузии (XIX – XX вв.) 169

МАТЕРИАЛЫ
2.1. О джарцах и лезгинских племенах на Кавказе. 1858 г. 182
2.2. Козлова К. Поселения и жилища аварцев. 1945 г. 208

1.1. К вопросу о происхождении этнонима Awar

Дискуссии о происхождении этнонима **Awar** на Кавказе велись с самого начала возникновения интереса в русском научном сообществе к данному вопросу, то есть еще с XIX в.

В настоящее время наибольшее признание получила научная гипотеза, согласно которой некоторые исследователи считают вполне допустимым соотнесение современного этнонима *аварцы* с именем кочевого народа *авар*, который появился на Северном Кавказе в VI в. На взгляд Н. Г. Волковой, не исключено продвижение отдельных небольших групп аваров в горные районы, где они со временем ассимилировались местным кавказоязычным населением. По ее мнению, несмотря на их растворение среди местного населения, след этого народа сохранился в названии аварцев[1].

Во-первых, эта мысль не нова, поскольку зафиксирована в грузинском средневековом историческом источнике «Картлис Цховреба», а во-вторых, не отвечает на вопрос о происхождении самих аваров. В грузинском источнике излагается версия о переселении на Северный Кавказ аваров в конце VI в., во время правления в Картли Гурама Куропалата (византийский титул сановника), и подчинении ими населения горного Дагестана. Для уточнения хронологии процесса важно отметить, что пришедший к власти Гурам (годы правления: 568–600) при помощи Византии в 575 г. смог взять под контроль всю территорию Грузии и освободить ее от власти Ирана[2].

У аваров, согласно грузинским источникам, возникла война с Гурамом, в ходе которой посредником между двумя враждующими сторонами выступил император Византии Юстиниан (527–565 гг.). После этого они «помирились», и тогда Гурам якобы «расселил их в горных ущельях Кавказа, а также в Хунзахе, они и

[1] *Волкова Н.Г.* Из кавказской этнонимии // Материалы по этнографии Грузии. Вып. XXII. Хелеури (Сборник). Тбилиси, 1985. С. 109.

[2] *Вахушти Багратиони.* История царства Грузинского / пер., пред., слов. и ук. Н. Т. Накашидзе. Тбилиси, 1976. С. 185–186.

ныне называются аварами»[1]. Здесь мы, скорее всего, имеем дело с поздней попыткой осмысления грузинским историком наличия по соседству с ними неких аваров и имеющихся сведений о конфликте одноименного народа с Грузией в VI в. Думается, что данные предания были записаны гораздо позже и вряд ли могут рассматриваться как достоверные источники. К примеру, согласно С. С. Какабадзе, предание о том, что ксанские эриставы «пришли вместе с аварцами из Туркестана во время этого Гварама», записано в 1799 г. Иоанном Багратиони[2]. Таким образом, скорее всего, мы имеем дело с «книжной легендой», получившей в дальнейшем широкое распространение.

На основании вышеизложенных сведений грузинского источника кавказовед Т. М. Айтберов считает, что VI в. часть «имперских авар» переселилась на Хунзахское плато и смешалась с местным населением. В дальнейшем название это становится именем собственным, по крайней мере, одного из правителей Сарира. Таким образом, он выдвигает версию, что авары, осев в незначительном количестве в центральной части современной Аварии, сформировали значительную часть ее правящей элиты, но сами растворились среди количественно преобладавшего местного населения[3].

institutеofhistory.ru

Идентично мнение и А. А. Мамедовой – одного из современных азербайджанских авторов, обратившихся к этой проблематике: *«Таким образом, взгляд на историю аваров (истинных и псевдоаваров) дает нам возможность выдвинуть предположение о причинах названия аварами народа, предками которого мы считаем лпинов и силвов*[4]*. По нашему мнению, хотя авары не оста-*

---

[1] Картлис Цховреба. Пер. с древнегрузинского, предисловие и комментарии Г.В. Цулая. М., 1982. С. 21.

Самые же знатные из тех кочевых аваров, по «Картлис Цховреба», были поселены на княжеских правах в Грузии, и именно от них происходят ксанские эриставы – «воеводы» раннесредневекового времени и иные представители картлийской знати.

[2] Памятник эриставов / пер., исслед. и прим. С. С. Какабадзе. Тбилиси, 1979. С. 42. Прим. 22.

[3] Айтберов Т. М. Древний Хунзах и хунзахцы. Махачкала, 1990. С. 25–30.

[4] Аварское население в южной Аварии и в Алазанской долине было известно у античных авторов под названием сильвов и лпинов [Подробнее см.: Хапизов Ш. М. Поселения Джарского общества (историко-географическое и этнографическое описание микрорегиона в Восточном Закавказье). Махачкала, 2011. С. 14–24].

вались долго в степях Северного Кавказа, они оказали определенное влияние на местные племена. Возможно, что во время переселения в Европу часть их осталась и смешалась с местными северокавказскими племенами. Ведь в истории немало таких фактов! И именно они оставили свое название силвам и лпинам»[1].

По данному вопросу выдвигались и другие версии, которые также имели под собой реальную фактологическую базу. На взгляд азербайджанского исследователя Г. Гейбуллаева, *«этноним лбин, лпин, был, очевидно, названием той части аварцев, которые жили в Албании и были христианами. Другая часть аварцев, обитавшая севернее – в южном Дагестане, называлась силв (в армянских источниках – чилб). Этноним лбин, лпин как самоназвание не сохранился, потому что ныне потомки лпинов называют себя «авар». Но это не является их настоящим самоназванием»*[2].

Вместе с тем вышеуказанный азербайджанский исследователь Г. Гейбуллаев в связи с вопросом происхождения данного этнонима высказывает еще одно предположение, на которое мы считаем особенно важным обратить внимание: «*Некоторые исследователи допускают, что кавказский этноним авар восходит к тюркскому этнониму авар. Но это вряд ли верно. Впервые этот этноним авар в соседстве с удинами (в данном случае с удинами северо-западной Албании, живущими в соседстве с аварцами) упоминается у Стефана Византийского*[3]*, т. е. в то время, когда тюркские авары (вернее, абары) не могли быть в Албании»*[4]. Отметим, что в науке принято считать упоминаемых Стефаном Византийским «оваренов» (owarene) предками современных аварцев[5], так же как авар-hазк, упоминаемые в древнеармянских источниках[6].

---

[1] *Мамедова А. А.* Авары в Азии, на Кавказе и в Европе // VI-е Дзагуровские чтения «От античности к возрождению». Материалы международной научно-методической конференции. Махачкала, 2007. С. 69–71.

[2] *Гейбуллаев Г. А.* К этногенезу азербайджанцев. Баку, 1991. Т. I. С. 154.

[3] *Латышев В. В.* Известия древних писателей греческих и латинских о Скифии и Кавказе. СПб., 1893. Т. I. Вып. I. С. 271.

[4] *Гейбуллаев Г. А.* К этногенезу азербайджанцев. Баку, 1991. Т. I. С. 154.

[5] *Новосельцев А. П., Пашуто В. Т., Черепнин Л. В.* Пути развития феодализма: (Закавказье, Средняя Азия, Русь, Прибалтика). М., 1972. С. 40.

[6] *Товма Артсруни.* История дома Артсруни. Тифлис, 1917. С. 144.

Еще до Г. А. Гейбуллаева высказанное им мнение обосновывал советский востоковед В. М. Бейлис. Он полагал, что предки аварцев были известны под названием авгар или авхар (awhar) – этноним, который затем преобразовался в известный арабским источникам awar, в то время как арабской передачей названия среднеазиатских аваров является «ал-Абар»[1]. В этой связи можно вспомнить русский этноним обры, в котором также встречается «б», а не «в».

На взгляд В. М. Бейлиса, этноним awar впервые встречается в арабских источниках в качестве титула правителя Сарира[2].

Средневековые персидские историки Ибн-Русте (ученый-энциклопедист 1-й пол. X в.) и Гардизи (XI в.) называют этого правителя [راوا – aw**a**r] и [زاوا – aw**a**z][3]. Исходя из этого сообщения некоторые дагестанские исследователи (М. Агларов, О. Давудов и др.) полагают, что Awar было «династическим именем» царя Сарира. К примеру, согласно О. М. Давудову, аварцами народ Сарира стал называться лишь после IX в., когда это имя было перенесено на сам народ[4].

Арабский историк Абуль-Хасан аль-Балазури (ум. в 892 г.), рассуждая о титулах, дарованных сасанидским шахиншахом Хосровом I Ануширваном (501–579) дагестанским правителям, утверждает: «хакан горы (*kh**a**q**a**n al-jabal*), который есть «Владетель Трона», называется شاه نازرارهو» [v.h.r**a**rz**a**n**sh**ah] (варианты названия: شاهن روارهو и شاهنرارارهو [v.h.r**a**r r**a**n**sh**ah] и [v.h.r r**a**ur.n.**sh**ah]). При сравнении этого названия с упоминанием народа aurhaz-k' Ուրհազք Фомой Арцруни – армянским автором X в. – и формой *auhar*, которая употреблена для названия дагестанских аварцев в сочинении 1424 г. («Зафар-наме»), В. Ф. Минорский пришел к выводу о близости этих названий к термину аль-Балазури[5].

В. Ф. Минорский предлагает следующую модель расшифровки титула, употребленного аль-Балазури. В *aurhazk',* армян-

---

[1] *Бейлис В. М.* Из истории Дагестана VI–XI вв. (Сарир) // Исторические записки. Вып. 73. М., 1963. С. 256.

[2] Там же. С. 255.

[3] Hudud al-Alam. The Regions of the World (A Persian Geography 372 a.h. – 982 a.d.) / translated and explained by V. Minorsky. London, 1937. P. 447.

[4] *Давудов О. М.* Материальная культура Дагестана албанского времени (III в. до н. э. – IV в. н. э.). Махачкала, 1996. С. 232.

[5] Hudud al-Alam… P. 447–448.

ском названии аварцев X в., *k′* – это суффикс множественного числа, сочетание *rh* при обычной перестановке должно соответствовать *hr*. А конечный *-z* в этом названии В. Ф. Минорский рассматривает в качестве иранского суффикса происхождения, как в *Gur-z, Lak-z, L**a**y-z*. Следовательно, армянская форма **auhra-z* (< *auhar-z*) идентична позднейшему персидскому *auhar* (> *av**a**r*), и в этом свете мы можем восстановить титул у аль-Балазури, состоящий из имени + суффикс *z* + суффикс ***a**n*. Что касается формы رارهو [v.h.r**a**r] – В. Ф. Минорский предполагает, что это результат нескольких попыток транскрибировать сложное имя, содержащее элементы ارو (вав, ра, алеф), которые нередко путают на письме. Одна из букв ر [ра] может быть лишней, и при помощи ارهو [v.h.r**a**] (или еще лучше – رهوا [a**u**h.r]) мы приходим к армянской форме. В предварительном восстановлении данный титул будет выглядеть следующим образом: *Auhar-z-**a**n-sh**a**h* (т. е. «шах народа под названием Awar»)[1].

В. М. Бейлис, соглашаясь в основном с В. Ф. Минорским, аргументированно возражает против его предположения, согласно которому династия, управлявшая Сариром, была алтайского происхождения[2]. В. М. Бейлис на основе анализа различных средневековых источников был склонен отрицать связь этнонима кавказских аварцев с кочевым миром Средней Азии[3]. На основе данных о наличии к началу правления (531–579) Хосрова Ануширвана I на территории Сарира государственного образования, носившего титул иранского происхождения (*Auhar-z-an–shah*), он считает маловероятной возможность подчинения аварами-кочевниками труднодоступной горной области, осесть в ней и стать союзниками сасанидов[4]. Таким образом, он, как и Г. А. Гейбуллаев, разделяет кавказских и среднеазиатских авар, понимая под ними совершенно различные народы, которых «объединяет» всего лишь кажущаяся идентичность названия.

[1] Hudud al-Alam… P. 447–448.
[2] *Бейлис В. М.* Указ. раб. С. 255.
[3] Там же. С. 256.
[4] Там же.

LIBER

EXPUGNATIONIS REGIONUM,

AUCTORE

Imámo Ahmed ibn Jahja ibn Djábir

al-Beládsorí,

QUEM

E CODICE LEIDENSI ET CODICE MUSEI BRITTANNICI

EDIDIT

M. J. DE GOEJE.

Nous ne connaissons pas un meilleur travail sur l'histoire de la conquête musulmane.

MAÇOUDI, *Les prairies d'or*, Tom. I, p. 14.

LUGDUNI BATAVORUM,
E. J. BRILL.
—
1866.

حتّى رفق به أَنُوشِرْوان واعتذر اليه فسكن ثمّ انّ أَنُوشِرْوان امر فأُلقيت النار فى ناحية من عسكره لم يكن بها الّا اكواخ قد اتّخذت من حشيش وعيدان فلمّا اصبح ضجّ أَنُوشِرْوان الى التُّرْكى وقال كاد اصحابك يذهبون بعسكرى وقد كافأتنى بالظّنّة فحلف انّه لم يعلم لشىء[a] ممّا كان سببًا[b] فقال أَنُوشِرْوان يا اخى جندنا وجندك قد كرهوا صلحنا لانقطاع ما انقطع عنهم من النيل فى الغارات والحروب الّتى كانت تكون بيننا ولا امن ان يحدثوا احداثًا يفسد قلوبنا بعد تصافينا وتخالصنا حتّى نعود الى العداوة بعد الصهر والمودّة والراى ان تاذن لى فى بناء حائط يكون بينى وبينك ونجعل عليه بابًا فلا يدخل اليك من عندنا واليينا من عندك الّا من اردتَ واردنا فاجابه الى ذلك فانصرف[c] الى بلاده واقام أَنُوشِرْوان لبناء الحائط فبناه وجعله من قبل البحر بالصخر والرصاص وجعل عرضه ثلثمائة ذراع والحقه برءوس الجبال وامر ان تحمل الحجارة فى السفن وتغريقها فى البحر حتّى اذا ظهرت على وجه الماء بنا عليها فقاد الحائط فى البحر ثلثة اميال فلمّا فرغ من بنائه علّق على المدخل منه ابواب حديد ووكّل به مائة فارس يحرسونه بعد ان كان موضعه يحتاج الى خمسين الفًا من الجند وجعل عليه دبّابة فقيل لخاقان بعد ذلك انّه خدعك وزوّجك غير ابنته وتحصّن منك فلم يقدر على حيلة ». وملّك أَنُوشِرْوان
230 ملوكًا رتّبهم وجعل لكلّ امرئٍ منهم شاهيّة ناحية فمنهم خاقان الجبل وهو صاحب السّرير ويدعى وهرارزانشاه[d] ومنهم ملك فيلان وهو فيلان شاه ومنهم طَبَرْسَرانشاه[e] وملك اللّكز[f] ويدعى جرشانشاه[g] وملك مَسْقَط وقد بطلت مملكته وملك ليران ويدعى لِيرَانْشاه وملك شَرْوان ويدعى شَرْوَانْشاه

---

a) Codd. بسبى. b) A. om. c) B. وانصرف. d) ? B. وهرارزانشاه, Istakhrí (facs. Moeller), p. 82 اهرارورنشاه. e) Jacut طبرستران. f) B. اللكن. g) A. جرشانشاه.

Выводы В. М. Бейлиса приобретают еще большую значимость, если учесть, что известные в Европе авары пробыли на Северном Кавказе всего лишь несколько лет. Известно, что в 560-х гг. «авары, пришедшие к Дунаю и Саве, продвигались с северных берегов Каспия и южнорусских степей»[1]. Впервые появившись на востоке северокавказских степей, в 558 г. при посредничестве аланского «царя» Сарозия авары вступают в союз с Византией, находившейся в состоянии войны с Ираном. А в 560–561 гг. авары перешли Дон, разгромили славян и в конце концов стали оседать на среднем течении Дуная, где и образовали Аварский каганат, который объединил различные племена, не имевшие общего языка[2]. Между тем, согласно вышеприведенным данным, уже в 530-х гг. на Восточном Кавказе существовало государственное образование, известное в средневековых персидских источниках как *Auhar*.

Таким образом, получается, что якобы авары, прибыв из Средней Азии, всего лишь на несколько лет задержались в степях Северного Кавказа и за это время успели подчинить себе лишенную больших богатств и потому малопривлекательную и к тому же труднодоступную горную область, которую не смогли надолго подчинить в дальнейшем ни арабы, ни монголы, ни Тимур, ни другие завоеватели. Потому теория, согласно которой какое-то кочевое племя, спасавшееся бегством от своих преследователей, «мимоходом» могло захватить и на долгие века подчинить себе вышеуказанный регион, выглядит явно надуманной и лишена какой-либо логики.

instituteofhistory.ru

Между тем, исследуя этноним *awar*, все исследователи даже не задумываются о возможности собственно аварской этимологии этого слова. Между тем аварская лексика в сравнении с другими родственными языками говорит о возможности ее объяснения на основе кавказских языков.

В этой связи обращает на себя внимание наличие в хурритском языке слова *авари* – «поле», которое было свойственно прежде для широкого круга языков Восточного Кавказа, но сохранилось, на взгляд И. М. Дьяконова, в рутульском языке со

---

[1] *Пигулевская Н. В.* Сирийская средневековая историография. 2011. С. 322.

[2] См. История народов Северного Кавказа с древнейших времен до конца XVIII в. М., 1988. С. 98–99.

значением «лужайка» и в аварском языке – со значением «целина»[1]. Н. Нозадзе в своей монографии, посвященной хурритской лексике, также отмечает данное слово *авари* в значении «поле»[2]. При этом она также приводит и другой термин, связанный с этим словом, – *awar-uhli* (другая форма – *ав.р.гъ.л*) в значении «надзиратель полей»[3], что имеет аналогию с аварским *магъи-гIел* с тем же значением. Наличие в хурритском языке подобного слова гарантирует нам то, что это слово относится к исконному лексическому фонду восточнокавказских языков, а не является заимствованием.

В южных диалектах аварского языка и в местной топонимии широко распространен термин *авахI* в значении «пустошь»[4], в то время как «целина» в них означает скорее *алахI*[5]. Вместе с этим в аварском языке есть слово *гIалах* («глушь, неосвоенная земля, пастбище»)[6], которое распространено в северном наречии и вошло в литературную норму этого языка. Очевидно, что *авар*, *авахI*, *алахI* и *гIалах* – различные формы одного и того же слова, позднее обретшие различную семантику и звучание в диалектах и литературной норме аварского языка. От *алахI* и *гIалах* произошли различные формы слова «дикий»: *гIалхул*, *гIалхил*, *улхIол*[7]. При помощи суффикса *-лав* от слова *гIалах* в литературной норме аварского образовался антропонимический термин «дикарь» – *гIалхулав*[8] (*гIалхилав*). Однако вместе с этой негативной семантикой у данного слова есть и значение «обитатель пустошей, отшельник», также оно употребимо в качестве имени мужского. Аварское имя *ГIалхулав* (варианты – *АлхIулав*, *ГIалхилав*, *Архулав*) возникло, согласно И. Х. Абдуллаеву, от *гIалах* («степь») и

---

[1] *Дьяконов И. М.* Алародии (Хурриты, урарты, кутии, чеченцы и дагестанцы) // Алародии (этногенетические исследования). Махачкала, 1995. С. 10.
[2] *Нозадзе Н. А.* Лексика хурритского языка. Тбилиси, 2007. С. 106.
[3] Там же.
[4] *Хапизов Ш. М.* Тлейсерух (Кьесер): историко-этнографический очерк. Махачкала, 2008. С. 291; *Айтберов Т. М., Хапизов Ш. М.* Елису и Горный магал в XII–XIX вв. (очерки истории и ономастики). Махачкала, 2011. С. 202; *Омаров М. М.* Анкьракь (Семиземелье). Махачкала, 2006. С. 101.
[5] *Саидова П. А.* Диалектологический словарь аварского языка. М., 2008. С. 43.
[6] Там же. С. 136.
[7] Там же.
[8] *Саидов М.* Аварско-русский словарь. М., 1967. С. 189.

означает «степной, дикий»[1]. Э. Я. Сафаралиева считает, что это имя «в переводе означает дикий, т. е. выходец из необжитых мест»[2].

В аварском языке понятия *гIалах* и *мегIер* («гора») имели схожую семантику и значение (пастбища) в хозяйственном освоении территории. М. Агларов переводит их как «зимние пригревы» (*гIалах*) и «летние пастбища» (*мегIер*), определяя их как земли третьей категории, вслед за землями под поселением (*росу*) и сельхозугодьями (*мегъ*)[3].

О термине *Awarag*

В связи с рассматриваемым вопросом следует обратить внимание на схожесть этнонима *awar* и собственного аварского обозначения пророка – *awarag*. Этимология данного слова поможет понять принцип формирования этнонима *awar*. Как мне представляется, в этом же ряду стоит и термин *авараг* с изначальным смыслом «отшельник», живущий вдали от общества и занимающийся богослужением. Состоит термин из двух слов – *авар* («пустошь, целина»; вариант – *авахI*) и *лаг* («человек»; вариант *раг, лак*) – и означает «человек [из] пустоши, пустыни».

Происхождения аварского слова *awarag* в той или иной мере коснулись П. К. Услар, Н. Я. Марр, Л. И. Жирков. По мнению П. К. Услара, это слово, вероятно, происходит от тюрк. *Awara* – «обездоленный, отшельник»[4]. Н. Я. Марр связывал с армянским *margarey* – «пророк» – и грузинским *memarage* – «звездочет»[5]. Но, как показал И. Х. Абдуллаев, подобное соотнесение представляется проблематичным[6], поскольку грузинская и армянская

---

[1] *Абдуллаев И. Х.* Междагестанские языковые схождения. 1. Материалы и исследования по аварско-лакским языковым взаимоотношениям. Махачкала, 2013. С. 105.

[2] *Сафаралиева Э. Я.* Как тебя зовут? Махачкала, 1994. С. 163.

[3] *Агларов М. А.* Сельская община в Нагорном Дагестане в XVII – начале XIX в. (Исследование взаимоотношения форм хозяйства, социальных структур и этноса). М., 1988. С. 36.

[4] *Услар. П. К.* Этнография Кавказа. Языкознание. III. Аварский язык. Тифлис, 1889. С. 36. (Сборник слов).

[5] *Марр Н. Я.* Яфетическое происхождение армянского слова margarey «пророк» // ИАН. 1909. VI серия. Т. III. С. 1157–1158.

[6] *Абдуллаев И. Х.* К истории названий пророка в дагестанских языках // Этимология. 1970. М., 1972. С. 339–348.

формы по происхождению являются среднеиранскими: грузинская восходит к ср.-перс. *Marag*, армянская идет, по мнению Р. Ачаряна, от пехлев. **margar*[1].

В «Аварско-русском словаре» Л. И. Жирков авар. *awarag* – «пророк» – соотносит со словом *aparag* – «пришелец» (и «скиталец») – и приписывает это же значение и форме *awarag*, т. е. для Л. И. Жиркова обе формы являются как бы этимологическими дублетами[2]. Но для такой увязки оснований нет, поскольку тщательная проверка, проведенная известным лингвистом-кавказоведом И. Х. Абдуллаевым, показала, что слово *awarag* в аварском языке имеет только значение «пророк» и не употребляется в значении «пришелец» («скиталец»)[3]. Соотнесению Л. И. Жирковым этих слов способствовала, видимо, народная этимология, по которой *awarag* возводилось к *aparag* (получилась как бы контаминация *awara* с *awarag*), т. е. «скиталец» («пришелец») > «пророк». Таким образом, *awarag* увязывается с распространенным во многих дагестанских языках *aparag* – «пришелец, скиталец, чужак». Данное слово некоторые исследователи соотносят с «кавказским» словом *abrag* (*abreg)* – «абрек» – и возводят к ср.-перс., пехлев. *aparak*, *apartan* – «грабить»[4].

Однако такая увязка, как логично объясняет И. Х. Абдуллаев, встречает ряд препятствий: необъясним на аварской почве переход *p* > *w*, семантическое развитие «пришелец» («скиталец») > «пророк» не убедительно[5]. К тому же этим сближением авар. *awarag* отрывается от остальных дагестанских названий пророка, которые можно и следует рассматривать в одном ряду. В большинстве дагестанских горских языков (в аварском, андийских, цезских, даргинском, лакском, арчинском, цахурском) в качестве обозначений пророка употребляются следующие термины: авар., анд., дид. *awarag;* дарг. (акуш. и урах. д.) *idbag;* дарг. (кубач. д.)

---

[1] *Андроникашвили М. К.* Очерки по иранско-грузинским языковым взаимоотношениям. Тбилиси, 1966. С. 76 (на груз. яз.).

[2] *Жирков Л. И.* Аварско-русский словарь. М., 1936. С. 14, 16.

[3] *Абдуллаев И. Х.* К истории названий пророка… С. 339–348.

[4] См. *Андроникашвили М. К.* Очерки по иранско-грузинским языковым взаимоотношениям. Тбилиси, 1966. С. 76 (на груз. яз.).

[5] *Абдуллаев И. Х.* К истории названий пророка… С. 339–348.

ibadag; дарг. (цудах. и хайдак. д.) *iwarak;* арчин. *idbag-ttu;* цахур. *idāg;* лакск. *idaws (idows)*[1].

На взгляд И. Х. Абдуллаева, автора исследования, посвященного названиям пророка в дагестанских языках, *«данная лексема не связана ни с арабским, ни с персидским, ни с тюркскими языками, из которых идет религиозная терминология дагестанских языков, и не связана с распространением ислама. Этот термин (в различных вариантах по языкам) существовал в дагестанских языках, несомненно, еще в доисламскую эпоху и был впоследствии перенесен на пророков, признаваемых»* исламом[2].

Важно отметить также, что этот термин был распространен во всех группах дагестанских языков: аварско-андо-цезской, даргинской, лакской, лезгинской (цахурский и рутульский?) и говорит об общности религиозных воззрений (да и исторических судеб) всех дагестанских народов еще в домусульманскую эпоху. В дагестанских языках этот термин появился в одно и то же время и по-разному адаптировался в различных языках. К тому же он не заимствован из одного дагестанского языка в другой (за исключением аварской формы для андийских и цезских языков). Например, авар. *awarag* не может дать лакск. *idaws,* а лакск. *idaws* не может дать дарг. *idabag* и *iwarak*[3].

Явную аналогию с образованием термина *awarag* имеют несколько подобных слов в аварском языке: *авар-раг* (авар. – «пророк» = *авар* (?) + [*л*]*аг* («человек»)); *биса-рахъ* (тлядал. – «рыбак» = *биса* («рыба») + *рахъ* («человек»)?) и т. д. Схожая форма образования терминов есть и в даргинском языке (к примеру, *шагьар-лан* – «горожанин», *дубур-лан* – «горец» и т. д.).

Со временем конечное *лаг* в значении «человек» с его производными (*рахъ, лагI, лагъ*) при употреблении в сложно образованных словах, состоящих из двух и более слов, превратился в конечный «-ал, -гIал» в словах-терминах и «-лав» – в ономастике. Эта трансформация наглядно видна на примере слова *будалагI,* которое в некоторых аварских диалектах употребляется в форме *будала* или *будал* при неизменной его семантике. Образование новых слов при помощи суффикса «*-гIал*» также получило рас-

[1] Там же.
[2] Там же.
[3] Там же.

пространение в аварском языке: *вацгIал* («двоюродный брат» = *вац* («брат»)_ + *-гIал*), *яцгIал* («двоюродная сестра» = яц («сестра») + *-гIал*); *имгIал*, *эмгIал* («дядя, брат отца»[1] = *эмен*, *иму* («отец») + *-гIал*), *цоногIал* («троюродный брат или сестра»[2] = *цоно* (?) + *-гIал*), *доногIал* («четвероюродный брат или сестра»[3] = *доно* (?) + *-гIал*), *ункъгIал* («тетя» = *ункъ* («четыре») + *-гIал*), *мадугьал* («сосед» = *маду* от *гъоду*, которое в южноаварских диалектах означает «близко, рядом» + *-гьал*),

Необходимо здесь обратить внимание на то, что и в настоящее время происходит своего рода «упрощение» этих терминов. К примеру, слово *ункъгIал* все чаще произносится в форме *ункъал* или *ункъалай* или *вацгIал* стало употребляться в форме *вацал, вацалав* в закатальском диалекте аварского языка и в бежтинском языке со смыслом «близкий друг» (аналог русского жаргонного «браток»). Вероятно, таким образом сложились следующие социальные термины Дагестана: *нуцал*, *шамхал*, *чIахIал* («старшина» – закат. диал.; отсюда общеаварское *чIухIби* – «старшины»), *гIасасал* («стражник» – закат. диал.).

institutofhistory.ru

Значение слова *лаг, лак*

Э. Бенвенистом, Н. Трубецким, В. Минорским высказано предположение, что название *lăg* является древним восточнокавказским словом со значением «человек»[4]. Еще в XIX в. небезынтересное предположение сделал П. К. Услар: «...не в связи ли оно (осет. *lag* – «человек». – *И. А., К. М.)* с легами, лезги, лезгинами?»[5]. Однако, если оно носило интуитивный характер, то замечание по этому поводу В. И. Абаева основано на исследовании большого объема материала кавказских языков: *«Слово lag – «человек», «крестьянин», «раб» – представляется нам исконно кав-*

---

[1] *Ахмедов А. А.* Термины родства у томарских аварцев (Анцухский диалект, сел. Камилух (Къамилухъ) Тляратинского района ДАССР) // Отраслевая лексика дагестанских языков. Материалы и исследования. Махачкала, 1984. С. 69.

[2] *Ахмедов А. А.* Термины родства у томарских аварцев… С. 71.

[3] Там же. С. 72.

[4] *Бенвенист Э.* Очерки по осетинскому языку. М., 1965. С. 127; *Trubetskoy N.* См. в кн. Melanges J. van Ginneken, Paris, 1937. С. 172; *Минорский В. Ф.* История Ширвана и Дербенда. М., 1963. С. 112.

[5] *Услар П. К.* Этнография Кавказа. Языкознание. IV. Лакский язык. Тифлис, 1890. С. 18.

казским. В осетинском оно сохранилось как одно из ярких отложений кавказского субстрата»[1]. Со ссылкой на Н. Трубецкого эту же мысль проводит и Э. Бенвенист[2]. Данный элемент *лак* В. Ф. Минорский считает по происхождению местным, дагестанским, и соотносит со словом *лаг,* означающим в ряде языков Северного Кавказа «человек». Форму же *лезг-(ин)* он считает полученной в результате метатезы[3].

Видимо, эти авторы приходят к такому выводу, исходя из того, что осетинское слово *lag* (лæг) – «человек», «мужчина» – не является по происхождению иранским и считается вошедшим в осетинский язык из северокавказских языков, причем это слово сопоставлялось многими учеными (П. К. Услар, В. И. Абаев, Э. Бенвенист и др.) с этническими названиями *лак, leg.*

Интересна дальнейшая судьба этого, уже ставшего осетинским, слова – оно снова появляется в дагестанских языках. Кроме того, мы видим его и в нахских языках, чеченском и ингушском. Мало того, в составе различных слов абхазского и абазинского языков В. И. Абаев также обнаруживает анализируемую лексему[4], т. е. из осетинского оно перекочевало в большинство горских языков Северного Кавказа. Правда, новое его значение в этих языках – «прислуга», «холоп», «раб». Аналогичные случаи известны и в других языках[5]. И, конечно, трудно на фоне этих фактов что-либо возразить В. И. Абаеву, когда он говорит: *«От понятия «человек» до названия сословия – дистанция небольшая...»*[6].

Выводы

Таким образом, этноним **awar** вполне может иметь и собственно кавказскую, аварскую этимологию, что, возможно, прольет свет на этнические процессы, происходившие в эпоху раннего Средневековья на Восточном Кавказе. Их результатом стало возникновение народа с таким названием. Изначально, как пола-

---

[1] *Абаев В. И.* Осетинский язык и фольклор. М.–Л., 1909. Вып. I. С. 315.
[2] *Бенвенист Э.* Указ. раб. С. 127.
[3] *Минорский В. Ф.* История Ширвана и Дербенда. М., 1963. С. 134.
[4] *Абаев В. И.* Указ. раб. С. 315.
[5] См. *Абдуллаев И. Х., Микаилов К. Ш.* К истории дагестанских этнонимов Лезг и Лак // Этнография имен. М., 1971. С. 13–26.
[6] *Абаев В. И.* Указ. раб. С. 315.

гают некоторые исследователи, оно имело форму awhar (*авахI + ар/ал*, т. е. «суффикс множественного числа»?), а в последующем вошло в письменные источники в форме awar, хотя даже в отдельных источниках XIV–XV вв. этот этноним сохраняет форму awhar. Значение его можно определить как «люди из целины, необжитых мест» и связать с самоидентификацией их как пришельцев с прикаспийских равнин, опустевших в начале нашей эры в результате нашествий племен пришельцев. Этот процесс, как нам кажется, отражен в «Картлис Цховреба». Согласно данному источнику, наиболее значительная часть леков, называемая хунзы (под которыми, вероятно, следует понимать центральных аварцев), мигрировала в районы Горного Дагестана[1]. В источнике говорится об усилении каких-то кочевых племен, обозначенных летописцем как «хазары» (исследователи считают, что это анахронизм), которые подчинили себе весь Северный Кавказ. В связи с этим говорится, что «Хозаних, будучи знатнее остальных потомков Лека, пошел и сел в расселине горы, построил там город и нарек его своим именем – Хозанихети»[2]. Датировать данные события позволяет то, что, согласно «Картлис Цховреба», эти события произошли до усиления персов, т. е. Сасанидской империи, которые построили «город у Морских ворот и назвали его Дербентом»[3]. Поскольку усиление персов, т. е. создание Сасанидской империи, имело место в III в. н. э., а строительство Дербентской крепости – в V в., то переселение «Хозаниха» произошло ранее, возможно, на рубеже н. э.

По схожему, географическому, а точнее рельефному, принципу сформировался этноним *лъарагIал* – «жители равнины» (в современном понимании – «кумыки»). Может, таким же образом сформировался этноним «аварал» – «жители степей, пустошей»?

В пользу этого говорит еще одно наше наблюдение. Самоназвание андийцев – одного из самых крупных аварских субэтносов (*гъванал*) – совпадает в смысловом значении с этнонимом Awar. Об этом говорит язык творчества аварского классика Гамзата Цадасы, который использовал слова *гъванил уммат* (также

---

[1] *Гаджиев М. Г., Давудов О. М., Шихсаидов А. Р.* История Дагестана с древнейших времен до конца XV в. Махачкала, 1996. С. 125.

[2] Картлис Цховреба (История Грузии) / под ред. Р. Метревели. Тбилиси, 2008. С. 18.

[3] Там же.

однокоренное слово *гъваниллъи*) в значении «люди из диких, необжитых мест» (*гIалхулал, ракъ жубалареб къавм*)[1], т. е. из пустошей или целины. В словарях аварского языка отсутствует это слово, однако есть однокоренные слова со схожим смыслом: *гванзу* – «пустырь, пустошь»[2]; *гванзих* – «очень далеко»[3]; *гванзаб* – «грубый, невежливый»[4].

Электронная библиотека
Института истории,
археологии и этнографии
Дагестанского ФИЦ РАН

instituteofhistory.ru

[1] *ХIамзатил ХIажияв.* ЦIадаса ХIамзатил адабияб ирс. Баянал. МахIачхъала, 2010. Гь. 52 (на авар. яз.).
[2] *Саидов М.* Аварско-русский словарь. М., 1967. С. 147.
[3] *Саидова П. А.* Диалектологический словарь аварского языка. М., 2008. С. 96.
[4] Там же.

1.2. Герб «леков Дагестана» 1735 г.

В Институте древних рукописей Академии наук Грузии имени К. Кекелидзе хранится карта Грузии (1735), известная как «Карта Иберийского царства или всея Грузии», на которой изображены 16 «гербов» и «знаков» составляющих Грузию земель, отдельных грузинских княжеств и исторических областей (Грузия, Картли, Кахети, Имерети, Одиши, Гурия, Самцхе, Сванети, Абхазети, Осети, Сомхити, Ширван и др.), в том числе и Дагестана.

Автор карты – царевич Вахушти Багратиони (1696, Тбилиси – 1757, Москва[1]), сын царя Картли Вахтанга VI Багратиони, известный грузинский историк, географ и картограф. Он получил традиционное духовное и светское образование при дворе отца, у миссионеров-католиков изучал латынь и европейские языки, математику, астрономию, историю, географию и другие науки, много путешествовал. В 1724 году из-за тяжелой политической ситуации, создавшейся в стране, Вахушти Багратиони был вынужден вместе с многочисленной свитой царя Вахтанга VI эмигрировать в Россию, где он продолжил научную деятельность в Москве. Наряду с Михаилом Ломоносовым Вахушти Багратиони считался одним из основателей Московского университета (до начала XX века его имя было указано на мемориальной доске на стене здания университета).

Основным фундаментальным сочинением Вахушти, написанным в Москве в 1742–1745 годах на основе собранных ранее материалов, является «История древней Грузии» и приложенное к ней «Описание царства Грузинского», включающее исторические события «от сотворения мира» до 1745 года и подробное описание географии страны. В качестве приложения к своему труду Вахушти составил географический атлас с 22 картами[2]. Карты эти были скопированы и переведены на русский и фран-

---

[1] Грузинская энциклопедия. Тбилиси, 1979. Т. 4. С. 339. Называются и другие даты смерти Вахушти – 1758, 1772 и 1784 гг.

[2] География Грузии (царевича Вахушти) / Введ., пер. и примеч. М.Г. Джанашвили // ЗКОРГО. 1904. Кн. XXIV. Вып. 5. Приложение. С. I-XLIX. 1-241. Рукопись и оригиналы карт Вахушти хранятся в Институте востоковедения РАН. См. также: *Brosset M.F.* Carte georgienne de la Georgie // Nouveau Journal Asiatique. 1838. Octobre. T. VI. P. 305-320.

цузский языки еще в 1730-х годах[1]. Карта Вахушти была издана во французском переводе в 1766 году в Париже, а русские копии хранились в Отделе рукописной книги Библиотеки Академии наук.

Вахушти составил два атласа: «Казанский» в 1735 году и «Петербургский» с уточнениями и дополнениями в 1742–1743 годах. Впервые оба атласа были опубликованы в 1997 году, к 300-летию со дня рождения ученого, Академией наук Грузии и Институтом географии им. Вахушти Багратиони в издании «Вахушти Багратиони. Атлас Грузии, XVIII век» (Тбилиси). К сожалению, в Дагестане это событие оказалось незамеченным, хотя «Атлас Вахушти» содержит уникальный материал по исторической географии Северо-Восточного Кавказа.

Нас интересует первый атлас Вахушти, в котором находится так называемая «Общая карта Грузии». Об этой карте еще в 1852 году академик М. Броссе писал: «...в библиотеке казанского университета сохранились пять листов восьмилистового русского атласа Закавказья, составленного также царевичем Вахуштом. Карты эти поступили в означенную библиотеку в 1807 году в числе прочих книг, принадлежавших некогда князю Г.А. Потемкину-Таврическому... Первая из сохранившихся пяти карт этого атласа есть общая карта Грузии… На особом щитке грузинская надпись с подробным исчислением разных стран, включенных в карты. Это исчисление оканчивается словами: «мною (описаны) с поспешною охотою. Ваш слуга царственный Вахушти. Гербы или знаки всех тех частей порознь выше выставлены. 1735 янв. 22». Действительно, на этой же карте изображены 16 гербов всех частей бывшего грузинского царства»[2].

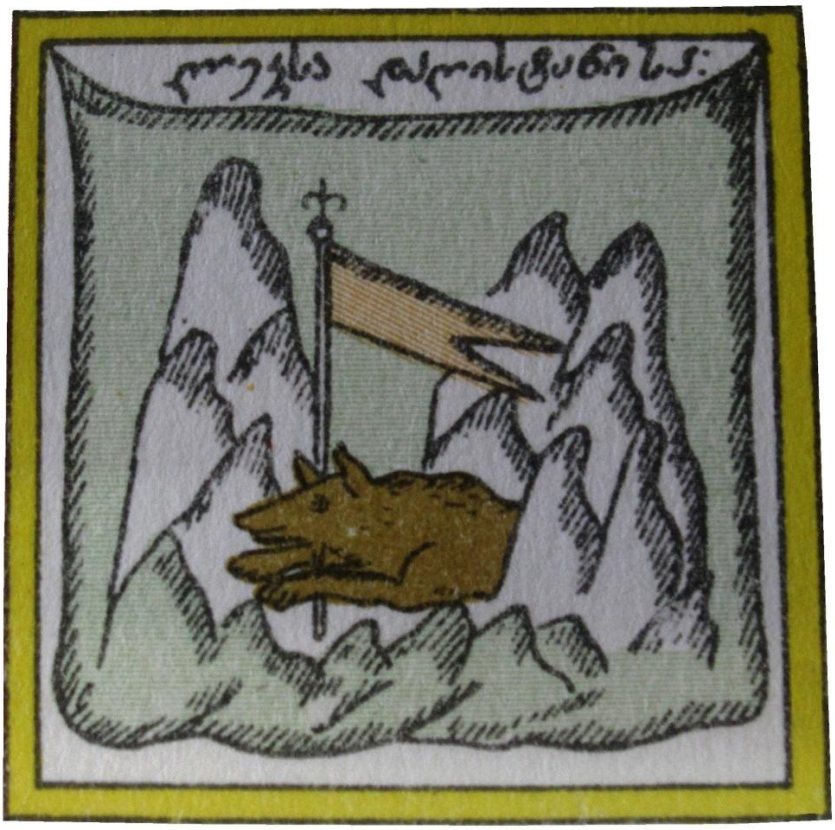
Вахушти называет изображения на своей карте «гербами» или «знаками», в числе этих традиционных символических обозначений известен и дагестанский герб: на светло-зеленом полотнище изображен выбегающий из-за горных кряжей волк (часть его тулова сокрыта меж гор), между передними лапами которого помещено древко флага с навершием. Над гербом сделана

---

[1] *Гнучева В.Ф.* Географический департамент Петербургской академии наук XVIII в. М.-Л., 1940. С. 45.

[2] *Броссе М.И.* О бумагах астронома Делиля, хранящихся в архиве императорского русского географического общества. СПБ., 1852. С. 2-3.

надпись на грузинском языке: «*лекIиса дагьистаниса»*, т. е. «[герб] леков Дагестана».



Сравнение с волком как комплимент

Если говорить о волке как центральном сюжете герба, то необходимо отметить то обстоятельство, что это животное традиционно использовалось у аварцев и некоторых других народов Дагестана (далеко не всех) в качестве символа храбрости и мужества. Г. Ф. Чурсин в работе по этнографии аварцев пишет, что смелость и отвага, с какими волк совершает свои хищнические набеги, «породили у аваров уважение к нему, некоторого рода культ. «Волк – божий сторож», говорят авары. У него нет ни стад, ни закромов, он добывает пропитание своей удалью. Уважая волка за силу, смелость и отвагу, народ естественно приписывает различным частям тела волка магические свойства. К примеру, волчье сердце варят и дают есть мальчику, чтобы из него вышел сильный, воинственный мужчина»[1]. П. К. Услар в кратком словаре к своему труду по аварскому языку дает такое объяснение восприятию волка у аварцев: «Всякое уподобление волку у горцев считается похвалой, подобно тому, как у нас уподобле-

[1] *Чурсин Г.Ф.* Авары. Махачкала, 1995. С. 58.

ние льву». Там же он дает пять выражений – сравнений с волком, имеющих характер комплимента в обиходной аварской речи[1] (волчий нрав, короткоухий волк и т. д.). При этом волк даже у самих аварцев не везде пользовался таким пиететом, часть западных аварских обществ в этой роли использовала орла, а часть – медведя. Культ волка тем же Чурсиным был отмечен особенно в центральных аварских районах.

В местных источниках мы не смогли найти четких указаний, каковы были флаги тех или иных этнополитических образований и государств Дагестана, кроме самого факта наличия этих знамен. К примеру, в аварском фольклоре отмечено использование знамен при выходе в поход войска аварского нуцала. В песне, посвященной Уммахану Великому (умер в 1801 году), так описывается его поход на кызылбашей (тюрок-шиитов Азербайджана и Ирана):

Вахъана ГIумахан гъизилбашалъе,
ТIад тарихал хъварал дугъалги росун.
В переводе:
Вышел Уммахан в Кызылбаш,
Взяв знамена, покрытые надписями[2].

Карта ранее не публиковалась, но в 1992 году по инициативе историков Тимура Айтберова и Кайтмаза Фаталиева была предпринята попытка изобразить этот герб как «знамя Аварского хана». Руководствовались они описанием герба в статье Г. Тогошвили (который видел его в изображении Вахушти), вышедшей в 1979 году в тбилисском сборнике «Источниковедческие разыскания»[3]. По инициативе Айтберова и Фаталиева флаг, выполненный художниками Еленой и Тагиром Гапуровыми, был опубликован в том же году в «Историко-биографических и исто-

[1] *Услар П.К.* Этнография Кавказа. Аварский язык. Тифлис, 1889. Часть III. С. 50.
[2] МагIарул хъалкъиял кIучIдул / хIадурана С.М. ХIайбуллаевас, М.-К. Гьиматовас. МахIачхъала, 2001. С. 228.
[3] *Тогошвили Г.Д.* Вопросы истории народов Северного Кавказа в труде грузинского историка XVIII в. Вахушти Багратиони // Источниковедческие разыскания. Тбилиси, 1979. С. 192.

рических очерках» Хайдарбека Геничутлинского[1]. Получилось (довольно известное в настоящее время) стилизованное изображение: на черном фоне над геометрической цепью гор изображен волк, в передних лапах которого зажат штандарт с солярным символом, а голова волка повернута назад, в сторону полумесяца.

«Леки» в представлении Вахушти Багратони

На карте Вахушти Багратиони отображена этнополитическая картина Дагестана XVIII века: «Андреевцы» (Эндирейское владение – территория нынешних Хасавюртовского и большей части Бабаюртовского районов), «Авары» (зависимое от аварского нуцала Бактлулальское владение, примерно соответствующее современным Гумбетовскому, Казбековскому районам и частично прилегающие территории Чечни), «Леки» (Хиндалал – Унцукульский, Гергебильский, части Хунзахского, Гумбетовского и других районов), «Дидо» (северная часть Цунтинского района), «Дидоети» (южная и западная части Цунтинского района), «Хунзахи» (Аварское нуцальство – Хунзахский, большая часть Шамильского, Ахвахского, Ботлихского, Цумадинского районов, и другие сопредельные территории, в т. ч. горной Чечни), «Гулхадари» (Тляратинский, Чародинский, частично Гунибский районы), «Енисели» (Закатальский округ), «Кулмухи» (Гази-Кумухское ханство – Лакский, Кулинский районы, частично Дахадаевский, Чародинский и некоторые районы Южного Дагестана), «Дагистаны» (покрывают территорию соответствующую Тарковскому шамхальству, Акуша-Дарго, Кайтагскому уцмийству – равнинный и предгорный Дагестан от реки Сулак и почти до Дербента), «Чилдагистани» (т.е. «внутренний Дагестан», покрывает большую часть южного Дагестана), «Табасараны» (Табасаран – Табасаранский, Хивский районы), «Куба» (горная часть Кубинского ханства – Кубинский, Кусарский районы АР), «Мускуры» (низменная часть Кубинского ханства – Хачмасский район АР).

Отметим, что под этнонимом «леки» в Грузии понимали обычно дагестанцев в целом. Этой теме была посвящена извест-

[1] *Хайдарбек Геничутлинский.* Историко-биографические и исторические очерки. Пер. с араб. Т.М. Айтберова, под ред. М.Р. Мугумаева, вступ. статья, комм. и общая ред. В.Г. Гаджиева. Махачкала, 1992. С. 168.

ная статья языковедов Исы Абдуллаева и Казбека Микаилова[1]. Сам же Вахушти на своей карте размещает «леков» в северных и северо-восточных аварских районах – в основном в историческом Хиндалале, словно очерчивая те пределы, откуда в основном исходила угроза так называемой «лекианобы».

Мы располагаем еще одной географической привязкой «леков», упоминаемой в грузинской средневековой хронике «Картлис Цховреба» (датируемой XII веком.): «Хозоних, что был самым знаменитым в роду Лекана, ушел в горную теснину, воздвиг там город и дал ему свое имя – Хозонихети»[2]. Через определенный промежуток в «Картлис Цховреба» встречается еще одно уточнение: «усилилась Персия, возвеличился царь персов Кекапос. В ту пору жил в Лекети волшебник из рода Хозанохиза. Волшебством своим ослепил он царя Кекапоса и войско его, и не смогли [персы] войти в Лекети, повернули вспять и лишь только тогда озарились глаза их. Кекапос вновь сделал данниками картлийцев и вернулся к себе»[3]. В древнеармянской версии «Жизни картлийских царей» этому волшебнику дана более определенная характеристика: «главарь леков был родом хузанх и чародей»[4]. Необходимо сказать, что имя личное Хунзах действительно упоминается и в дагестанских письменных источниках. К примеру, в Хунзахе покойным М.-С. Саидовым была найдена рукопись, переписанная в 1372 году рукой Адама, четвертым предком которого указан Хунзак[5]. Так же по арабоязычным записям преданий про Аргвани, одним из потомков Сураката, правившим в Аваристане, скорее всего в XII веке, был некий Хунзак[6]. То есть имя личное Хунзак/Хунзах зафиксировано документально, а общая сюжетная линия грузинских исторических хроник отражает реальные исторические процессы. Потому идентификация центра Лекети грузинских источников с Хунзахом носит ясный характер.

institutеofhistory.ru

---

[1] *Абдуллаев И.Х., Микаилов К.Ш.* К истории дагестанских этнонимов лезг и лак // Этнография имен. М., 1971. С. 15.

[2] *Мровели Леонти.* Жизнь Картлийских царей. Извлечение сведений об абхазах, народах Северного Кавказа и Дагестана / Пер. предисл. и комм. Г.В. Цулая. М., 1979. С. 25.

[3] Там же. С. 26.

[4] Там же. С. 57.

[5] *Айтберов Т.М.* Древний Хунзах и хунзахцы. Махачкала, 1990. С. 21.

[6] Там же.

Вместе с тем очевидно, что территориально область «Леки» и «Хунзахи» (известное издревле своими тесными политическим связями с Грузией государственное образование) у Вахушти не совпадают.

Возможно, известная по Леонтию Мровели традиция возводить генеалогию основателя столицы средневековой Аварии к легендарному прародителю леков – Лекану позволяет предположить, что герб «леков» мог принадлежать аварским нуцалам. Тем более, что в XVIII веке сюзеренитет (верховенство) аварских нуцалов в той или иной форме признавали все или почти все аварские общества. Но с другой стороны, если по трудам Мровели с XII века «леками» принято считать почти всех дагестанцев, то по карте Вахушти под «леками» воспринимают именно хиндалальскую зону, на ней отчетливо выписаны и даны этнополитические образования Дагестана, приведенные нами выше. Вместе с тем, высокой точностью географические сведения Вахушти по территориям за пределами Грузии не отличаются, а потому к его этнополитической карте Северо-Восточного Кавказа следует подходить с осторожностью.

Самое примечательное в том, что известный герб *лекIиса дагьистаниса,* по всей видимости, за пределами Дагестана воспринимался (по крайней мере в Грузии, а через атласы Вахушти Багратиони – и в Европе XVIII–XIX веков) как герб Дагестана, а не каких-то его отдельных областей.

instituteofhistory.ru

1.3. Сарира и доктрина «Москва – третий Рим»

Кавказ – особая сфера, нуждающаяся в специальной доктрине, которую никто из нынешней власти пока не может предложить. Нет также органичной идеи встраивания Кавказа в общероссийское пространство, а талантливых исполнителей нет постольку, поскольку они вырастают только на дрожжах цельных, понятных массам идей. Так как кроме механического скрепления, объединяющей идеи нет, то воспитанная на русской культуре и традициях национальная элита уже не возрождается, а старая умирает. Новые поколения воспитаны на противоположных ценностях, поэтому центробежные силы на российском Кавказе только набирают силу.

Как мы уже писали, последние события на Ближнем Востоке, а именно гражданская война в Сирии и конфликты меньшей интенсивности в других странах, невольно наводят на размышления о неустойчивости современных государств, границ и режимов. Одновременно они же дают понять, безусловно имеющую место искусственность процессов так называемой Арабской весны – волны политических кризисов в арабских странах, приведших к смене режимов. Полностью этот процесс контролировать невозможно – о чем говорят те же события в Сирии. Однако запуск и подводка к нужному общему результату очевидны. Эта же внешняя направленность носит потенциальную угрозу для Кавказа и России в целом. Причем в последнее время угроза эта приобретает все более явственные черты. Запад уже открыто заявляет о необходимости сменить правящий режим в России, менее открыто говорится о «слишком большой» России, которую необходимо подвергнуть тому же, через что прошел СССР в самом начале 1990-х гг., т.е. развалу на несколько государств. Думается, что будут предприниматься попытки реализовать не один из этих сценариев, а обязательно оба вместе. Речь, возможно, будет идти о приходе к власти в России какого-либо либерального круга политиков, которые заявят о необходимости избавиться от ряда лишних регионов, к тому времени подготовленных изнутри к такому сценарию. Тем более, что основные слоганы такого проекта в русле «Хватить кормить Кавказ!» уже апробирована в российском обществе и уже имеет своих сторонников.

В нынешних условиях, когда расстановка сил на Ближнем Востоке претерпевает глобальные изменения, возникает необходимость оценки прочности и перспективности возникающих ныне политических союзов. Обращение к истории говорит о четких параллелях и преемственности между политикой Византийской империи на Ближнем Востоке и нынешней системой взаимоотношений между ключевыми игроками на Ближнем Востоке, выстраиваемой современной Россией.

Геополитическая ситуация той части земного шара, известного евразийцам тысячу лет назад естественно, существенно различалась от современной, но также можно сказать, что именно тогда сложились основы современного миропорядка, по крайней мере в Евразии.

Об этом можно судить по одному из наиболее известных и компетентных трудов по географии того периода, который написан известным арабским путешественником по имени Ибн Хаукал. Будучи выходцем с территории современного Ирака, первое свое путешествие он предпринял по его собственным словам в рамазане 331 / мае 943 г. из Багдада. Как пишет И.Ю. Крачковский, под видом купца, по существу, быть может, в роли политического агента, он долго странствовал по Африке, Европе (Испании и Италии) и Азии (Иран, Индия). Будучи очень образованным человеком с дальновидным политическим кругозором Ибн Хаукал составил крупный обобщающий труд по политической географии известного ему мира. В резюме к нему он пишет: *«Вот вид земли, заселенных и незаселенных частей ее. Опор государства на земле четыре: самое населенное, благоденствующее с лучшим политическим строем, порядком заселения и обилием сборов – государство Ираншехр; центр его вавилонский округ – оно же государство Фарса. Границы этого государства во времена персов известны; когда же появился ислам, оно у всех государств захватило часть. От государства румов оно захватило Сирию, Египет, Магриб и Андалус, у государства синов Мавераннахр и присоединило к себе эти обширные государства.* ***В государство румов входят пределы славян и соседних с ним русов, ас-Серир, ал-Лан, армян и исповедующих христианство.*** *В государство ас-Син входят все области тюрков, часть Тибета и*

исповедующие из них идолопоклонство. В государство Хинд входят ас-Синд, Кашмир, часть Тибета и исповедующие их религию…»[1]. Из всего вышесказанного наибольшее значение имеет указание о политическом союзе восточнохристианских государств под опекой Византии («пределы румов»), который состоял из государств славян и в частности, русов, аварцев (Сарир), осетин (Алания) и армян. Кстати об этом же говорят и другие арабские авторы X в. К примеру, в «Книге видов земли» Абу-Зайда Ахмеда Ибн-Сахль аль-Балхи (умер в 940-950-х гг.) указано, что ***«в государство Рум входят пограничные земли Славян и их соседей, как-то: Рус, Сарир, Аллан, Арман и (другие), которые исповедуют христианскую веру»***[2]. Сарир, несмотря на то, что политический его центр располагался в центре горной Аварии – в Хунзахе, являлся государством не только аварцев, но и также даргинцев, лакцев и других народов современного Дагестана, а также Чечни, объединенных под эгидой аварских нуцалов, т.е. царей или правителей. В представлении грузинского историка XI в. Леонти Мровели в Восточном Кавказе существовала крупная этнополитическая общность «Лекети», которая тянулась от «моря Дарубандского на востоке до реки Ломеки»[3], т.е. Терека на западе. Под Лекети, по мнению исследователей, «скрывается конкретное наименование Сарир»[4].

Есть еще одно интересное обстоятельство, которое нельзя проигнорировать. Почти все правители различных владений Дагестана претендовали на арабское происхождение, дабы «подкрепить своим авторитетом» права социальной верхушки. Однако в этом ряду есть одно исключение. Как подчеркивают дагестанские историки, *«правитель Аварии никогда не связывал свою родословную с арабами. Род его «более древний». Этот настойчивый отказ от мусульманских родословных – следствие того ожесто-*

---

[1] *Крачковский И.Ю.* Арабская географическая литература. М., 2004. С. 201.

[2] Сказания мусульманских писателей о славянах и русских (с половины VII века до конца X века по Р.Х.) / пер. и комм. А.Я. Гаркави. Спб., 1870. С. 273.

[3] *Мровели Леонти.* Жизнь Картлийских царей: Извлечение сведений об абхазах, народах Северного Кавказа и Дагестана / пер. с древнегруз., пред. и комм. Г.В. Цулая. М., 1979. С. 25.

[4] *Атаев М.М.* Авария в X-XV вв. Махачкала, 1995. С. 78; *Гадло А.В.* Экономическая история Северного Кавказа IV-X вв. Ленинград, 1979. С. 25.

ченного сопротивления, которое приверженцы язычества и христианства оказали в этом высокогорном районе исламу»[1]. По сведениям арабских источников, властитель этой области имел золотой трон, из-за чего и получил свое имя или титул, имеющий сасанидское происхождение[2].

Таким образом, Византия на Кавказе опиралась на государства армян, грузин, осетин и аварцев, которые будучи проводниками единой политики несколько веков смогли сдерживать негативные для себя тенденции развития ситуации и только монгольское нашествие в XIII в. смогло нарушить сложившийся баланс сил и подорвать мощь государственного союза под эгидой Византии. Очевидно, что прямых параллелей тут быть не может – древние Сарир и Алания – ныне органичные части государства – духовного наследника Византии (как тут не вспомнить знаменитую фразу – «Москва – третий Рим», а вторым, как известно, был Константинополь), а Армения – все также надежный союзник. Создание некого союза ближневосточных государств, прочно связанных с Россией экономически, политически, а где возможно – и культурно – есть жизненная необходимость. Тем более что все стартовые для этого имеются.

Вместе с тем, возникает необходимость воссоздать в Дагестане идею органичного встраивания в ткань российской общественной и политической жизни, а также надежное и реальное историческое обоснование необходимости и безальтернативности союза с Россией. Вместо этого, исторические сообщества, позиционирующие себя, как сторонники интересов России, как и местные патриоты, зациклились на истории XIX в. и все свое понимание взаимоотношение России и Дагестана строят исключительно на опыте обобщения данного исторического опыта. В то время как мы показали лишь на одном вышеуказанном примере, реальность намного более многогранна и в мире огромных империй и многомилионных наций Ближнего Востока, для которых дагестанцы лишь строительный материал, который должен войти в их состав, лишь включение в состав христианской России, позволило и позволяет сохраниться «дагестанскому миру», как уни-

---

[1] *Гаджиев М.Г., Давудов О.М., Шихсаидов А.Р.* История Дагестана с древнейших времен до конца XV в. Махачкала, 1996. С. 339.

[2] *Калинина Т.М.* Сведения ранних ученых Арабского халифата. М., 1988. С. 124.

кальному культурному феномену. Нисколько не сомневаюсь, что теоретическое вхождение в состав Турции или Ирана имело бы для Дагестана, сохранения его языков и культуры – катастрофические последствия.

Еще в начале XX в. кн. Трубецкой, известный лингвист и сторонник евразийства в русской диаспоре, писал: *«Вряд ли в интересах России допускать такую тюркизацию Дагестана. Ведь если весь Дагестан тюркизируется, то получится сплошная масса тюрков от Казани до Анатолии и Северной Персии, что создаст самые благоприятные условия для развития пантуранских идей с сепаратистским, русофобским уклоном. Дагестан должен быть использован как естественный барьер на пути тюркизации этой части Евразии». Ему же принадлежит инициатива широкой поддержки одного из местных языков, как естественной преграды на этом пути: «Следует поощрять развитие аварской литературы, прессы, ввести этот язык во все низшие школы перечисленных округов, а также в соответствующие средние училища как обязательный предмет»*.

Сейчас же имеем ситуацию, когда сторонники идеи пантуранизма начинают потихоньку раскачивать ситуацию на южных рубежах России, в том числе в новом ее субъекте – Крыме, воспринимаемом ими как часть будущего глобального проекта.

Электронная библиотека
Института истории,
археологии и этнографии
Дагестанского ФИЦ РАН

instituteofhistory.ru

1.4. О военном походе аварского нуцала в Тушети в 1570 г.

В истории взаимоотношений Аварии и Грузии, в особенности приграничных областей, наряду с многовековыми традициями тесных торгово-экономических и культурно-политических взаимоотношений, имели место и случаи военной конфронтации. Обойти их стороной при изучении прошлого этих стран было бы неправильно, поскольку означало бы игнорирование исторической действительности. Однако и при освещении этих фактов необходимо отделить объективную реальность от поздних наслоений, интерпретаций, а также вольных и невольных искажений.

Прежде чем приступить к основному вопросу статьи хотелось бы вкратце ознакомить читателя с регионом, о котором пойдет речь в статье. Тушети - это горный регион на стыке границ Грузии, Чечни и Аварии (Дагестана), занимающий 896 квадратных километров верховий реки Анди-ор (Андийское Койсу). Согласно грузинским источникам, «тушины и дидойцы хотя входили в состав удела Лекоса», то есть этнарха аварцев и других дагестаноязычных народов, но потом были покорены грузинскими царями[1]. Имеются также данные об инфильтрации в среду тушин грузинских горцев из соседних регионов. В Тушети «значительную часть населения составляли выходцы из Хевсуретии и Пшавии. Переселение их было одним из путей внедрения культа их божеств в Тушети»[2]. В частности значительную популярность в Тушети приобрел «Лашарис-Джвари» - всепшавский покровитель[3].

Населенные пункты региона расположены в раздваивающейся межгорной котловине, будучи отделены от остальной Грузии и районного центра Ахмета, высокими хребтами. В настоящее время постоянное население имеется лишь в 6 поселениях (см. таблицу), остальное население переселилось на кахетинскую равнину, главным образом в села Земо и Квемо Алвани (в переводе с

---

[1] *Джанашвили М.* Известия грузинских летописей и историков о северном Кавказе и России. Описание Осетии, Дзурдзукетии, Дидоэтии, Тушетии, Алании и Джикети. СМОМПК. Тифлис, 1897. Вып. 22. С. 81.

[2] *Бардавелидзе В.В.* Древнейшие религиозные верования и обрядовое искусство грузинских племен. Тбилиси, 2008. С. 28.

[3] Там же. С. 26.

грузинского, соответственно: Верхнее и Нижнее Алвани; а Алвани означает «чинары»[1]).

Таблица. Населенные пункты исторического региона Тушети (согласно административной границе между Грузинской ССР и Дагестанской АССР) и их этнический состав по переписи 2002 г. (для грузинских населенных пунктов) и полевым данным автора на 2008 г. (для аварских населенных пунктов)

Населенные пункты	Всего жителей	Основной этнос и % его доли в общем населении
Омало	58	Грузины – 98
Дикло	16	Грузины – 94
Шенако	7	Грузины – 100
Дартло	9	Грузины – 100
Хахабо	2	Грузины – 100
Дочу	1	Грузины – 100
Черо	15	Аварцы – 100
Кивони	16	Аварцы – 100
Инцух	9	Аварцы – 100

Здесь же на приграничной с Цумадинским районом территории расположены хутора *ЧIеро* (от авар. *чIер* – «жареное зерно», т.е. полуфабрикат для толокна?) и *Инцухъ* (авар. – «у родника»), а также частично – *Кивони* (этимология не ясна). В Черо сейчас живут 5 хозяйств, состоящих из 15 членов семьи, в Инцухе – 4 семьи из 9 человек и в Кивони – 7 семей из 16 человек.

Отметим, что в середине XIX в. земли, на которых расположены 3 аварских хутора, были предметом спора между хушетскими аварцами и тушинскими грузинами. Поземельная комиссия кавказского наместничества Российской империи, расследовавшая этот вопрос, пришла к выводу, что «урочище Черо и гора Хай, раньше принадлежавшие, хушетинцам составлявшие бесспорную собственность их, землемер отдал в использование жи-

[1] Там же. С. 65

телям Дикло и Шенако»[1]. Соответственно спор был решен в пользу хушетских аварцев, имевших в этой местности хутора, однако позднее они все же оказались в составе Грузинской ССР, а позже - независимой Грузии. Всего на спорной территории находится 2600 га пастбищ и покосов, а также несколько га пашен. Всей этой землей хушетцы пользовались и до развала СССР, не имея никаких поземельных споров с тушинами. Просто административная граница Грузинской ССР и Дагестанской АССР в свое время была проведена по топографической карте, без учета реальной картины на месте. Если в советское время это не вызывало каких-либо трудностей, то сейчас это превратилось в проблему межгосударственного масштаба.

Всего в Хушетской сельской администрации Цумадинского района Дагестана, к которой относятся эти хутора, проживало на 2008 г. 199 хозяйств, состоящих из 801 человека. Если после развала СССР, несмотря на наличие границ, население имело сообщение с остальной частью Дагестана, то после ужесточения пограничного контроля 7 марта 2003 г. эти контакты почти прекращены. Это создало дополнительные сложности аварцам, живущим на этих хуторах, поскольку от них до первого более или менее крупного населенного пункта Хушет несколько часов ходьбы по опасным тропам, а оттуда до райцентра Агвали – еще 96 км.

Возвращаясь к основной теме нашего исследования, отметим, что одним из наиболее сложных вопросов при изучении аваро-тушинских отношений является история одного военного похода аварского нуцальского дома в Тушети в XVI в., который мы решили разобрать более подробно. Неверные интерпретации вокруг этого похода доходят до того, что некоторые авторы переносят его на 200 с лишним лет позднее и приписывают его осуществление совершенно другим лицам, при этом безапелляционно превращая фольклорных героев в реальных исторических персонажей. Приведем один характерный для таких интерпретаций отрывок: *«Омар-хан с 20-тысячным войском напал на Грузию в 1785 г. Он через Карагаджи, перейдя р. Алазани, грозно продвигался к Картли… По поручению Омар-хана один отряд дагестанцев под предводительством Нуцал-хана направился в Гор-*

[1] ЦИА Грузии. Ф. 231. Д. 208. Л. 30.

ную Тушети»[1]. Не избежал ошибок и известный исследователь исторического прошлого Тушети – А. Шавхелашвили. Приводя вышеуказанную цитату, он безоговорочно ей доверяет и более того, продолжает повествование: *«По плану Нуцал-хана, он намеревался одним набегом взять Тушети и наложить на жителей дань; кроме того, по плану завоевателей, в Тушети должны были построить мечети и распространить мусульманство среди горцев. Нуцал-хан послал своих к хевисберу Тушети Девдрис-Анта, чтобы поделиться с ним своими планами; Девдрис-Анта потребовал некоторое время на то, чтобы обдумать предложение. В то же время Девдрис-Анта сообщил царю Кахети Левану о создавшемся положении. Леван послал в Тушети вспомогательное войско. При встрече с Девдрис-Анта, Нуцал-хан заметил по ту сторону какой-то свет, однако его успокоили, сказав, что там лишь только пастух. Нуцал-хан, несмотря на то, что при нем было его большое войско, все же боялся предательства, однако Девдрис-Анта убедил его в своей искренности. Тогда Нуцал предложил завтрак. В это время объединенное войско тушин и кахетинцев напало на Нуцала и застигло врасплох. Этот эпизод описан в народном фольклоре. В этом неравном бою, несмотря на малочисленность, грузинское войско одержало победу над врагом»*[2].

Комментируя приведенные отрывки, не можем не указать, что часто повторяющаяся даже в современных исследованиях форма имени аварского нуцала Умахана Великого – «Омархан» является неправильным искажением имени *ГIумахан*, которое образовалось от традиционного аварского *ГIума* (другие варианты: *ГIумалав, ГIама*) с прибавлением монгольского по происхождению, титула (*хан*) и никакого отношения к арабскому имени Омар не имеет. Во-вторых, в Аварии не было нуцала с именем Нуцал-хан – это всего лишь одна из форм обращения аварцев к своему правителю с дублированием исконного титула (*нуцал*) и привнесенного извне (*хан*). То есть это не имя, а титул и частое приведение в исторических исследованиях имени Нуцал-хан, особенно характерное для закавказских авторов, некорректно,

[1] Очерки истории Грузии. Тбилиси, 1973. Т. IV. С. 703-704.

[2] *Шавхелашвили А.* Тушины (историко-этнографическое исследование цова-тушин). Тбилиси, 2001. С. 45.

также как если кахетинского царя Ираклия II, называть просто мепе (груз. – «царь»). Не обращая внимания на прочие детали, вызывает искреннее недоумение то с какой легкостью А. Шавхелашвили делает современниками царя Левана, жившего в XVI веке (правил в 1520-1574 гг.) и Умахана, жившего в конце XVIII в., зная о времени правления обоих исторических личностей?

Лингвист и этнограф Г. Цоцанидзе, сам по происхождению тушин, родившийся в 1937 г. в сел. Квемо Алвани Ахметского района, в своем историко-этнографическом труде по Тушети[1] приводит весьма ценный полевой материал по данному сражению, записанный со слов тушина Габро Цадзикидзе**:** *«Однажды вступил в Гиреви предводитель кистин Нуцал[2] с огромным войском. Занял село да еще разослал по всем деревням своих людей - требует дани: давайте, говорит, по одной девушке с каждого села, не то разрушу все, камня на камне не оставлю. Собрались тушины и судят, - как быть, что делать? Решили, что одни с этим войском не справимся, мол, можно просить царя о помощи и послали к нему одного гомецира. «Богом клянемся, трудно нам, пошли нам людей на помощь». А к Нуцалу послали стариков: дай, мол, нам время, чтобы собрать силы в селениях. Тот, конечно, согласился, а за это время подоспела помощь из Кахети. У Накаичо разбили свой стан кахетинцы и тушины, а за рекой, на равнине Гиреви, стоит войско Нуцала. Решили начать с поединка лучших воинов. От кистин вышел сражаться сам Нуцал, со стороны тушин - один кахетинец. Андарезом его звали, Андарезом Сагинашвили. Царь, оказывается, держал его в тюрьме, а когда направил войско в Тушети, освободил его и послал туда. Хорошим воином он был, оказывается, очень удалым. Вышли они сражаться, сошлись посередине Алазани. У коня Андареза, оказывается, подпруги были из шелковых ремней, а у Нуцалова коня - кожаные. Когда шелк намокает, сильнее стягивается, а кожаный ремень, наоборот, расслабляется. Вот и свалился Нуцал в воду. Убил его Андарез и пустил тело вниз по реке. Налетели по-*

institute of history.ru

[1] *Цоцанидзе Г.* От листопада до листопада. Тбилиси, 2008. С. 222-223.

[2] В данном предании титул аварского правителя опять же спутан с его именем. Также ошибочно определено происхождение войска, что видимо, объясняется тем, что в Тушети оно спустилось из Шаройского ущелья Чечни, тогда входившего в состав Аварского нуцальства и населенного аварцами и чеченцами.

том на кистин тушины и кахетинцы и перебили всех, ни одного в живых не оставили, чтобы весть до своих донести. Много песен было про этого Андареза, но не помню я их хорошо:

«...Кто войдет сражаться в воду, кто с Нуцалом биться смеет? Андарез в рубахе синей, видно, жизни не жалеет, Зарубил вождя кистинам, край шатра Нуцала взрезал славный меч ***Накудаури,*** *меч короткий Андареза».*

Другие стихи подробнее рассказывают о тех событиях:

По Качу-горе сползает рать великая Нуцала,
Вниз стекает словно к соли с горных круч овец стада,
Перешла в поля Гиреви, и земли не видно стало,
Затопила всю равнину, как затор прорвав, вода.
- С каждого села по деве! - В села вестников послали,
- Нужно дать, - одни сказали, - нам не выиграть тот спор,
- Не дадим мы дев кистинам, - им другие отвечали,
- Засмеют друзья с врагами, и не смоем мы позор.
В Кесело[1] *узнала дева, рассуждают как тушины,*
Прокляла своих собратьев: «Иль храните честь мою,
Или деве уступите вы мечи свои, мужчины,
И позор вам, коль не скрою косы женские в бою».
Подтянул Итабанури своему коню подпругу,
В полночь вылетел к Телави и к рассвету кончил путь,
С ходу в замок он ворвался и вздохнуть не дал он другу,
- Помоги, Леван-батоно, и спасителем нам будь!
Десять сотен царь отправил, чтоб быстрее доскакали
Чтоб в пути светлее было, факел каждому зажег,
Мчались ночью, и подковы в темноте ночной блистали,
У Хитаны станом стали, помоги в бою им Бог!
Серый конь Итабанури на земле лежит, не дышит,
Рядом с ним сидит хозяин - женским плачем слезы льет,
Как траву врагов косили, в кучи клали скирд повыше,
Под Парсмою Алазани цвета красного течет»[2]**.**

---

[1] Кесело - название старого Омало - самого крупного поселения Тушети. Расположено Кесело на скальной гряде и состоит из башенных комплексов и укрепленных жилых строений.

[2] *Цоцанидзе Г.* Указ. раб. С. 223.

Место сражения на реке Пирикительская Алазани у села Гиреви

Другой, хотя и мало отличающийся от вышеприведенного, вариант песни, был записан в середине XIX в. А. Зиссерманом:

«Чрез вершину горы Качу-мта переходят многочисленные войска Нунцала (аварский хан)

Они, раскинув стан свой на Горевской равнине, превратили ее в запруженную реку.

Цовец, Давдриз Анта, не замедлил явиться к Нунцалу.

Этот велел поставить пред ним золотой поднос с кониной.

Сверху лежал ножик с насечкою и черенком из каменного угля.

Он ел и не насыщался (т.е. не чувствовал отвращения), потому что свыше ждал Божеской помощи.

Сведал об этом Итабанул (имя наездника), тотчас подковал своего серого (коня).

К рассвету он уже был в Гремах у царя Леона.

«Леон, царь наш! Пошли к нам войско.

Леон собрал войско в числе тысячи всадников.

Зажгли ночные факелы и в темноте проехали далекий путь.

Они проходят уже через гору Накавеча. Боже, пошли нам свое благословение!

Итабанулы серый конь в Накавечах пал бездыханен.
Около сидит хозяин и плачет над ним, как девушка.
Кто отважится пожертвовать собою, кто перейдет быструю реку Гиреви?
Вызвался молодец в синей рубашке.
Он должен быть из сынов, которого имя Андераз.
Сей перепрыгнул чрез быстрину реки на салхигурской лошади.
И накудауртским мечом изрубил палатку Нунцала.
Жена Нунцала взрыдала: что сталось с моим возлюбленным?
Нунцал убит Андеразом, и тело его коршуны унесли в когтях своих.
Заплакали лезгинки: не возвратятся к нам мужья наши!
Что будем делать с конями их, которые рвутся на поводьях?
Иные говорят: крепко запрем их в конюшнях.
Другие: пустим в горы.
А третьи: оседлаем наоборот и сами сядем на них.
Поедем в страну Тушети и там выберем себе мужей!...»[1]

Как видим, и А. Зиссерман не избежал ошибок приведенных выше авторов – он ошибочно принял титул аварского правителя за его имя, хотя и правильно определил, что войско было аварское. Он же дал и небезынтересный комментарий к песне: *«Для пояснения этой песни может служить следующее предание: аварский хан, Нунцал, вторгнулся однажды с многочисленным скопищем в Тушетию, чтобы поработить ее и обратить в магометанскую веру. До прибытия помощи от грузинского царя Леона, к которому был послан храбрец Итабанула, старшина тушинский Анта явился в лагерь Нунцала, уверил его в готовности тушин исполнить требуемое и для убеждения согласился есть конину. Между тем войско грузин успело перейти хребет, соединилось с тушинами и лезгинская орда была разбита. В деревне Парсма хранится до сих пор небольшая пушка, отбитая, как говорят, у Нунцала»*[2].

Вскользь об этом сражении упоминает и лингвист Ю. Дешериев, который также опирается на устную традицию: *«По преданию бацбийцев, их предки обратились к кахетинскому царю Лео-*

[1] *Зиссерман А.* Десять лет на Кавказе // Современник. 1854. С. 7-8.
[2] Там же.

ну (умер в 1575 г.) с просьбой о военной помощи в борьбе против нашествия аварского хана (в историческом предании его называют просто Нуцалом). Царь Леон решил оказать бацбийцам помощь. С большим количеством войск он направился в Горную Тушетию, где они жили. Враг был разгромлен. Царь Леон особой грамотой разрешил бацбийцам спускаться в Кахетию пасти овец, за что они должны были платить ему дань. С этого времени бацбийцы приняли покровительство кахетинских царей»[1].

Маршруты аварского и грузинского отрядов и место сражения на реке Пирикительская Алазани

[1] *Дешериев Ю.Д.* Бацбийский язык. М., 1953. С. 5.

За исключением фольклора, грузинские письменные источники, по крайней мере доступные автору, не сообщают никаких сведений о походе аварского нуцальского дома на Тушети в XVI в. Таким образом, выявить по этим источникам точную дату и имя аварского нуцала, предпринявшего неудачный поход на Тушети, не представляется возможным.

Вопрос в том, сохранились ли в Аварии сведения об этом походе и как оказывается, такие данные в местных арабоязычных источниках имеются. Выявлению и вводу их в научный оборот мы обязаны Т.М. Айтберову, который в нескольких статьях и монографиях затронул этот вопрос[1].

В памятной записи, сделанной в 1660-х годах и содержащей материал по генеалогии аварского нуцала Умма-нуцала (он же Умма-хан) имеется информация о происшедшем в Мосокибе (согласно А.М. Дирру, аварцы называли тушин Мосок[2]; оттуда и географический термин Мосокиб, который локализуется в Тушети; Т.М. Айтберов убедительно доказывает, что под этнонимом Мосок аварцы подразумевали Цова-Тушети, т.е. нахоязычных тушин[3]) сражении с «неверными», в котором учавствовали два представителя нуцальского рода: Туралав по прозвищу Адалав (авар. – «Безумец») и Барти (авар. – «жеребец»), сын Андуника (*ГIандуникI* – аварская форма греческого имени Андроник). Па-

[1] *Айтберов Т.М.* Памятные записи из сборника №220 // Восточные источники по истории Дагестана. Махачкала, 1980. С. 122-126; Айтберов Т.М. Источники по истории Аварии XVI-XVII вв. // Развитие феодальных отношений в Дагестане. Махачкала, 1980. С. 184-193; *Айтберов Т.М.* Нахоязычный район Мосок в XVI – начале XIX в. (Локализация и политические связи) // Вопросы исторической географии Чечено-Ингушетии в дореволюционном прошлом. Грозный, 1984. С. 56-60; *Айтберов Т.М.* Материалы по хронологии и генеалогии правителей Аварии (VIII-XIX вв.) // Источниковедение средневекового Дагестана. Махачкала, 1986. С. 150-152; *Айтберов Т.М.* Древний Хунзах и хунзахцы. Махачкала, 1990. С. 102; *Хайдарбек Геничутлинский.* Историко-биографические и исторические очерки / пер. с араб. Т.М. Айтберова, под ред. М.Р. Мугумаева, вступ. статья, комм. и общ. ред. В.Г. Гаджиева. Махачкала, 1992. С. 142-143 («Памятные записи, представленные нам Магомедгаджиевым Магомедом – кадием сел. Орота» в приложениях).

[2] *Дирр А.М.* Современные названия кавказских племен // СМОМПК. Тифлис, 1909. Вып. 4. Отд. III. С. 4, 23.

[3] *Айтберов Т.М.* Нахоязычный район Мосок в XVI – начале XIX в. (Локализация и политические связи) // Вопросы исторической географии Чечено-Ингушетии в дореволюционном прошлом. Грозный, 1984. С. 57-58.

мятная запись, обнаруженная в сел. Арадерих Гумбетовского района, позволяет точно датировать это событие: 25 джумада ал-ахира 977 года хиджры (6 декабря 1569 г.) умер нуцал Аварии – Андуник, а 23 шаввала того же года (1 апреля 1570 г.) – *«день, когда было разбито аварское войско»*[1]. Андуник II упоминается в качестве нуцала Аварии в 954 (1547-48 г.) и 961 (1553-54 г.) гг. хиджры, а умер он в 1569 г.[2] У него было два сына: Ахмад (упоминается в 954/1547-48 г.) и Барти (убит в 1570 г.), а также родной брат Туралав[3]. Именно он вместе со своим племянником – Барти, в конце марта 1570 г. решил совершить поход на Тушети. Таким образом, аварский отряд под руководством Туралава и Барти, прибыл в Тушети в последних числах марта, а 1 апреля состоялось решающее сражение, в ходе которого войско их было разбито, а сами они погибли: *«среда двадцать третье [число месяца] шаввал – день, в который было обращено в бегство войско Авара»*[4].

instituteofhistory.ru

Интересен также вопрос о том, кто все-таки командовал аварским войском? На этот вопрос однозначно ответить сложно. Возвращаясь к цели похода, отметим, что согласно Т.М. Айтберову, ею была исламизация населения Тушети[5]. Как следует из вышеприведенных материалов, есть и другая версия цели похода аварского нуцала, а именно сбор дани, в т.ч. якобы и девушек. Отметим, что вассальные отношения тушин по отношению к аварским нуцалам отмечены задолго до XVI века. Согласно историческому сочинению «Тарих Дагестан», *«владетель Аварии Байар* (нуцал Байар правил в Аварии в конце XI – начале XII вв.[6]*), сын Сураки, с титулом нуцал, бежал вместе с некоторыми из родственников, близких и их семей в область Туш, а они его райаты* (подвластные – Ш.Х.)*»*[7]. Произошло это, вследствие того, что газийские (воителей за веру) отряды *«опустошили силь-*

---

[1] *Айтберов Т.М.* Источники по истории Аварии… С. 187-189.
[2] *Айтберов Т.М.* Материалы по хронологии и генеалогии… С. 150.
[3] Там же. С. 150-151.
[4] *Айтберов Т.М.* Памятные записи из сборника №220… С. 125.
[5] *Айтберов Т.М.* Древний Хунзах и хунзахцы... С. 102.
[6] *Айтберов Т.М.* Материалы по хронологии и генеалогии… С. 149.
[7] *Шихсаидов А.Р., Айтберов Т.М., Оразаев Г.М.-Р.* Дагестанские исторические сочинения. М., 1993. С. 102.

нейший из городов Дагестана, резиденцию его владетеля – город, называемый Хумз, посредством принуждения и насилия, и убили многих воинов и их помощников»[1].

О том, что тушины вплоть до начала XIX в. платили аварским нуцалам своеобразный налог или дань сообщают многочисленные русские источники еще с XVIII в. Согласно И.А. Гильденштедту, тушины «дают лезгинскому Ауар-хану, или нуцалу, ежегодную дань из 10 мулов или возмещают каждого 60 овцами, из которых каждая оценивается в соответствии с русскими деньгами в 80 коп»[2]. Русский офицер в 1820-х гг. пишет, что *«ханство Аварское и округи оного граничат: …к западу округами Туш и Мусук, обитающими в Черных горах и бывшими данниками аварских ханов, но отказавшиеся от платежа дани по смерти Умахана…»*[3]. Согласно Ф.П. Скалону – русскому офицеру в 1829 г. побывавшему в Хунзахе, правительница Аварии – Баху, *«хочет иметь жалованье то же, которое получал муж ее, чтобы возвращена была отобранная часть Мехтулинского владения и от тушинцев и мосаков дань рогатым скотом, катерами, бурметом, получаемая ханами аварскими до покорения Грузии под российскую державу»*[4]. Также согласно Н. Дубровину, *«считаясь подданными Грузии, тушины в то же время платили дань дагестанцам. Дань эта состояла из 600 овец, из коих каждая ценилась в 80 копеек на наши деньги. В свою очередь, владея хорошими пастбищами, тушины за плату дозволяли им пасти свой скот на их полях. От этого соседние к ним дагестанцы считались самыми спокойнейшими. Грузинскому царю тушины вносили ежегодно одну определенную дань, не признавая кроме ея никакой другой. Дань эта состояла из 400 баранов и 200 барашков и известна была под именем сабалахо»*[5].

---

[1] Там же.

[2] *Иоганн Антон Гильденштедт.* Путешествие по Кавказу в 1770-1773 гг. / комм. и ред. Ю. Карпова. СПб., 2002. С. 177.

[3] *Хрисанф.* Сведения об аварском ханстве. 1828 г. // История, география и этнография Дагестана. Архивные материалы / под ред. М.О. Косвена и Х.-М. Хашаева (ИГЭД). М., 1958. С. 269.

[4] *Скалон Ф.П.* Сведения об аварском ханстве. 1829 г. // ИГЭД. С. 277-278.

[5] *Дубровин Н.* История войны и владычества русских на Кавказе. СПб., 1871. Т. I.: Очерк Кавказа и народов его населяющих. Кн. II.: Закавказье. С. 287.

Одновременно источниками упоминаются эпизодические и видимо не вполне удачные попытки грузинских царей покорить Тушети. К примеру, в 1630-х гг. это попытался сделать кахетинский царь Теймураз: «Только ныне тою землею учел владеть государь их Теймураз царь»[1].

Возвращаясь к теме нашего исследования отметим, что все-таки в данном случае, более вероятна версия о желании аварских нуцалов распространить ислам в Тушети. В то время аварскими нуцалами активно осуществлялась исламизация южных и юго-западных регионов Аварии и в принципе исламизация Тушети, как соседнего региона вполне вписывается в логику исторического процесса.

Интересен вопрос и о количестве воинов, принимавших участие в сражении. Известно только количество конных воинов посланных царем Кахети Леваном в помощь тушинам – одна тысяча. Учитывая, что согласно данным русских послов от 1657 г. в Тушети насчитывалось около 8 тысяч жителей[2], а также то, что в силу ограниченности сельхозугодий численность населения Тушети, как и многих других горных регионов, практически не изменялась, можно приблизительно оценить количество тушин – воинов. На защиту родных ущелий, вероятно, встали около 2 тыс. тушин. Выяснить, какова была численность аварского войска, намного сложнее и вряд ли вообще можно сколь-нибудь уверенно ответить на этот вопрос. Вероятно, их было не менее 2 тыс., но и не более 3 тыс., поскольку с меньшими силами отправляться в Тушети не имело смысла, также как и привлекать к участию в походе более 3 тыс. человек, поскольку в Хунзахе хорошо знали демографический потенциал тушин, а на то, что к ним придут на помощь, судя по итогу сражения, нуцал не рассчитывал.

И наконец, материалы данного сражения представляют интерес и с точки зрения этногенеза тушин, поскольку именно в 1570 году впервые на историческую арену выходят цова-тушины, которые по происхождению своему являются выходцами из Ингу-

---

[1] *Полиевктов М.А.* Материалы по истории грузино-русских взаимоотношений, 1615-1640. Тбилиси, 1937. С. 254

[2] *Накашидзе Н.Т.* Грузино-русские политические отношения в первой половине XVII века. Тбилиси, 1968. С. 191-192.

шетии, а именно – местности Ваппи в Джейрахском ущелье Ингушетии. По преданиям, ваппийцы из-за конфликтов на родине или по экономическим причинам оставили родину и перебрались сначала в Итум-калинское ущелье Чечни, а затем переселились в Тушети. Здесь они сначала осели в селениях Гиреви, Чонтио и Чиго, а затем перебрались в местность, которая стала позже известна как Цова-Тушети – одна из четырех общин Тушети.

Карта региона и маршруты походов войск из Хунзаха и Греми

Решение о поселении ваппийцев в Цовати было принято общим тушинским собранием, поскольку жители этих трех селений Пирикительского ущелья сами испытывали земельный голод. Первоначально, даже после поселения в Цовати, ваппийцы несли своих покойников в Чонтио для захоронения[1].

В этой связи интересно то, что на переговоры с аварским нуцалом, занявшим селение Гиреви и разбившим лагерь на окраине села, вышел цова-тушин «*Давдриз Анта*», хотя само оно всегда было известно (вплоть до переселения его жителей в начале XX в. в Кахети) не как цова-тушинское, а как поселение картвелоязычных тушин. Это обстоятельство позволяет нам предположить, что поход 1570 г. состоялся в начальный период оседания в Тушети выходцев из Ваппи, а история их пребывания здесь насчитывала не больше нескольких десятков лет. Таким образом, можно заключить, что ваппийцы переселились в Тушети, скорее всего, в середине XVI века.

И наконец нельзя пройти мимо того факта, что согласно источникам поход в Тушети через перевалы прошел в конце марта – начале апреля. Это не самое лучшее время для перехода снежных перевалов, однако, по всей видимости, климат в XV-XVI вв. на Кавказе был более теплым, что видно из исторических источников. К примеру, в центральной Аварии - Гидатле в конце XV в. выращивался виноград и в относительно большом количестве, а «похолодание, которое печально отразилось на кочевом мире Евразии 2-й половины XVI – XVII вв., начало заметно проявлять себя, как утверждают климатологи, с XVI в.»[2].

instituteofhistory.ru

[1] *Шавхелишвили А.И.* Из истории горцев Восточной Грузии (Тушетия XVI - первой половины XIX вв.) Тбилиси, 1983. С. 97; *Топчишвили Р.* Цова-тушины (бацбийцы). Тбилиси, 2009. С. 110-111 (на груз. яз.).

[2] *Айтберов Т.М.* Надир-шах Афшар и дагестанцы в 1741 г. Махачкала, 2011. С. 169.

1.5. Загеми/Базари. О средневековом городе в Алазанской долине

Исследователи поселенческой культуры дагестанских народов (в частности А. Исламмагомедов, касаясь вопроса типологии поселения на территории исторического Аваристана[1], или М.О. Османов обращаясь к аналогичному вопросу в рамках всего Дагестана[2]), вообще не рассматривают город, как один из типов традиционного дагестанского поселения. Имеется лишь одно комплексное обобщающее исследование М.С. Гаджиева[3], посвященное проблеме древнедагестанского города (в албано-сарматский период), акцентируется внимание на необходимости рассматривать административно-политические центры Дагестана, именуемые в письменной и устной традициях термином «шагьар», в качестве городов.

Между тем, наиболее крупные городища, занимавшие выгодное положение на торговых магистралях и в рамках общинных союзов – «горских республик», могут быть рассмотрены в качестве протогородов. Обычно под этим термином понимается некая зачаточная форма собственно города, отличающаяся от его более зрелых, окончательно определившихся форм не столько качественно, сколько количественно, т.е. по степени выраженности одних и тех же признаков или в более редких случаях, по полноте их «ассортимента». Эти, так называемые протогорода, выступают экономическими, политическими и идеологическими центрами определенного района, округа[4]. Их население в основной своей массе оставалось членами поземельных общин и продолжало заниматься земледелием и скотоводством. Согласно

---

[1] *Исламмагомедов А.И.* Аварцы (историко-этнографическое исследование XVIII – нач. XIX в.). Махачкала, 2002. С. 147.

[2] *Османов М.О.* К вопросу о типологии поселений Дагестана (XVIII – первая половина XIX века) // Историко-культурные и экономические связи народов Кавказа: прошлое, настоящее, будущее. Тезисы докладов Международной научной конференции, посвященной 80-летию основания ИИАЭ ДНЦ РАН. Махачкала, 2004. С. 211-215.

[3] *Гаджиев М.С.* Древний город Дагестана: Опыт историко-топографического и социально-экономического анализа. М., 2002. С. 246-247, 250.

[4] *Андреев Ю.В.* Ранние формы урбанизации // Вопросы древней истории. 1987. №1. С. 10.

М.С. Гаджиеву, археологические данные свидетельствуют о тесной связи раннего города Дагестана и Кавказской Албании с сельским хозяйством, которое являлось его экономической базой наряду с ремеслом и торговлей. Они же говорят о незавершенности процесса «общественного разделения труда между земледелием и ремеслом, который приводил к возникновению противоположности между городом и деревней»[1].

Показателем города разные ученые называют различные признаки. В.М. Массон, например, определяет город как крупное укрепленное поселение с населением не менее 5 тыс. чел., являющееся центром сельскохозяйственной округи и центром ремесла и торговли[2]. И.М. Дьяконов для междуречья Тигра и Ефрата II тыс. до н.э. определяет город как центр сельскохозяйственной округи и общинных органов самоуправления и резиденцию государственной администрации и религиозно-идеологический центр[3]. В настоящее время получило распространение определение города, основанное на численности жителей поселения свыше 5 тыс. человек, помимо наличия монументальной архитектуры и письменности (или наличия производственных центров) и ядра города – цитадели[4].

Такие региональные или более крупного масштаба центры, которые можно назвать городами, постепенно трансформировались из ранних форм города на территории Кавказской Албании (и собственно Алазанской долины) как можно полагать на основании археологических данных и свидетельства Клавдия Птолемея о населенных пунктах (городах и селах) Кавказской Албании (Ptol. Geogra. V. ЛЛ. 2-6), ранние города сложились в Алазанской долине к рубежу н.э.

---

[1] *Гаджиев М.С.* Указ. раб. С. 250.

[2] *Массон В.М.* От возникновения поселения до сложения раннеклассового общества // Доклады и сообщения археологов СССР. VII Международный конгресс доисториков и протоисториков. М., 1966. С. 163-164.

[3] *Дьяконов И.М.* Проблемы вавилонского города II тыс. до н.э. // Древний Восток. Города и торговля (III-I тыс. до н.э.). Ереван, 1973. С. 31.

[4] *Массон Н.В.* Раннеземледельческие общества и формирование поселений городского типа // Ранние земледельцы. Л., 1980. С. 181; Childe V.G. The Urban Revolution // Town Planning Review. Liverpool, 1950. V.21.

В этой историко-географической области письменные источники раннесредневекового периода указывают на существование, в частности, «укрепленного города **Цри**» (дословно – «город-крепость Цри»), упоминаемого при описании событий IV-V вв.[1] и который идентифицируется с современным селением Джар Закатальского района[2]. В отличие от города Цри, который выступал центром «страны чилбов», Мовсесом Каланкатваци упоминается в связи с событиями 68 г. в Алазанской долине и анонимный «город лпинов», являвшийся, по всей видимости, административно-политическим центром «страны лпинов».

Этот анонимный город, может быть, следует отождествлять с известным позднее городом Эрети или Хоранта, упоминаемым грузинскими источниками и в частночти, Вахушти Багратиони: «А выше соединения Куры и Алазани, к северу, притекает в Алазань Малая Алазань или Иора и между их слиянием находится Герети (Herethi), город, который основал Герос и назвал своим именем; через это получила имя и эта страна, и теперь это место называют **Хоранта**, и был тут город с крепостью до Кру[3] и Берки, затем разорился и теперь находится в запустении»[4]. Локализация города Хоранта, как центра Эрети, в устье реки Иори, при слиянии ее с Алазани, предложенная еще Вахушти Багратиони, поддержана современными грузинскими исследователями[5]. Согласно Л. Чилашвили, этот древний город был расположен на стыке транзитных путей и, как свидетельствуют археологические раскопки, достиг высокого развития[6]. По всей видимости, по сложившейся исторической традиции, после разорения во время раз-

---

[1] *Мовсес Каланкатуаци.* История страны Алуанк / пер. с древнеармянского, пред. и ком. Ш.В. Смбатяна. Ереван, 1984. С. 38.

[2] Об этом см. *Хапизов Ш.М.* Поселения Джарского общества (историко-географическое и этнографическое описание микрорегиона в Восточном Закавказье). М., 2011. С. 15-20.

[3] Кру (груз. – «глухой») – прозвище арабского полководца Мервана ибн Мухаммада, завоевавшего в 730-х гг. Закавказье.

[4] *Вахушти Багратиони.* География Грузии / Введ., пер. и примеч. М.Г.Джанашвили // Записки Кавказского отдела Императорского Русского географического общества (ЗКОИРГО). Тифлис, 1904. Кн. XXIV. Вып.5. С. 103.

[5] *Папуашвили Т.Г.* Вопросы истории Эрети. Тбилиси, 1970. С. 313-316 (на груз. яз.).

[6] *Чилашвили Л.* Города в феодальной Грузии. Тбилиси, 1968. Т. I. С. 59 (на груз. яз.).

грома Восточного Закавказья арабским полководцем Мерваном ибн-Мохаммадом Хоранта вновь возродилась и окончательно пала в период монгольского господства[1].

В верховьях р. Арши-ор (Арешис-цкали, приток Алазани) у подножья отрогов Главного Кавказского хребта Л. Чилашвили выявлено городище, с которым отождествляется **Ареши** – древний населенный пункт царства Эрети[2]. Рядом с Ареши[3] расположены развалины другого подобного городища – **Гавази**[4]. Согласно результатам археологического изучения верховий рек Аван-ор (Аванис-цкали) и Шара-ор (Шорохеви) в междуречье которых расположено Гавази, Л. Чилашвили приходит к выводу об освоении этой благодатной территории еще с бронзового века. Строительство здесь в VI в. раннехристианского храма явно выделяет Гавази среди аналогичных поселений левобережья Алазани[5]. Однако периода наибольшего расцвета Гавази достигает, по всей видимости, в X-XIV вв. Этим периодом, в частности, датируется большинство находок в аграрном районе (сельскохозяйственной округе) Гавази – Копалэ. Остатки развитой оросительной системы (орошаемая площадь между реками Аван-ор и Шара-ор составляла до 1200 га), мастерские, сельхозинвентарь, закопанные в землю большие кувшины для вина (груз. квеври) и др. свидетельствуют о высоком уровне развития сельского хозяйства[6]. К этому времени относится и упоминание Ареши и Гавази, как крупных

---

[1] *Мровели Леонти.* Жизнь картлийских царей. Извлечение сведений об абхазах, народах Северного Кавказа и Дагестана / пер. с древнегрузинского, пред. и ком. Г.В. Цулая. М., 1979. С. 45. Прим. 23.

[2] *Чилашвили Л.А.* Дзвели Гавази (историко-археологическое исследование). Тбилиси, 1975. С. 99 (на груз. яз., резюме – на русском).

[3] До 1944 г. здесь было расположено аварское село Ареши (авар. ГIаршиб), а после переселения аварцев в Чечню, оно было заселено грузинами из сел. Хизабавра Аспиндзского района и переименовано в Мтисдзири (груз. – «предгорье»). Ныне в составе Кварельского района Грузии.

[4] Ныне сел. Ахалсопели (груз. – «новое село») Кварельского района. Современное селение основано в 1852 г. В XVIII-XIX вв. здесь располагалось зимнее поселение анцухцев – Бежаниани, а до 1732 г. (разорения его газикумухским ханом Сурхаем II) – крупное грузинское селение Гавази или Дзвели Гавази (груз. «старый Гавази»).

[5] *Чилашвили Л.А.* Дзвели Гавази… С. 110.

[6] Там же. С. 101-103.

населенных пунктов Эрети[1]. Спустя несколько лет после нашествия в 914 г. в Грузию арабов под предводительством Абул-Касима, владетель Кахети Квирике и правитель западной Грузии Константин, начали осаждать эретскую крепость Веджини на границе с Кахети. Царь Эрети патрикий Адарнарсе (906-943 гг.) запросил мира, предложив отдать Константину Ареши и Гавази («Ариши и Гавазни»), а Квирике – Орчоби[2].

Касаясь вопроса городской культуры в Цоре (Алазанской долине), следует сказать, что хозяйственно-экономическое развитие края было решающим фактором, определяющим ее уровень. Отдельные памятники эпохи античности и раннего средневековья зафиксированы в нескольких пунктах Алазанской долины. В это время на данной территории существовали достаточно крупные поселения. Обращает внимание то, что существовавшие в северо-западной области Кавказской Албании монастыри и храмы (Лекит, Кебец-дара, Пипан, Кхи, Зейзит, Видеиз, Кунгут, Джалут и др.) концентрируются в непосредственной близости от городищ и поселений[3].

В.И. Керимов отмечает, «что некоторый упадок можно проследить в течение VII-VIII вв. н.э. Однако на IX-XIII вв. н.э. приходится наивысший расцвет не только северо-западной области, но и на всей территории (бывшей – Ш.Х.) Кавказской Албании. Территория северо-западной области заселена в этот период достаточно густо. Жизнь продолжается как в значительной части поселений, существовавших в позднеантичное и раннесредневековое время, так и во вновь возникших поселениях. Именно в это время обживается вся северо-западная область Кавказской Албании, возводятся крепости, строятся монастыри и храмы. Целый ряд прежних небольших поселений превращается в городища и религиозные центры, именно в это время монументальная архитектура данной области переживает свой расцвет, строятся и перестраиваются такие сооружения, как монастырский комплекс в Леките, Кишский храм, базиликальный храм в сел. Кум. Активно

institute of history.ru

[1] Картлис Цховреба (История Грузии) / Под ред. Р. Метревели. Тбилиси, 2008. С. 144.
[2] Там же.
[3] *Керимов В.И.* Храм Зейзит Кавказской Албании. Баку, 2008. С. 67-68.

функционирует караванный путь, на трассе которого строятся в большом числе караван-сараи.

После монгольского завоевания территории Кавказской Албании (повторимся, что на тот момент этого государства уже не существовало – Ш.Х.), начинается период упадка в северо-западной области и, хотя в XIV-XVI вв. наблюдается некоторое возрождение данной области, все же упадок в целом несомненен. Часть поселений со своими религиозными центрами прекращают свое существование, остальные резко сокращаются в размерах. Постепенно перестает функционировать ряд храмов и церквей»[1]. Вместе с тем, с конца XVI в. в предгорьях Главного Кавказского хребта заметно выросло аварское мусульманское население.

Развитие этих процессов хотелось бы показать на примере одного из средневековых городов Алазанской долины, известного как Загеми или Базари. Если не само возникновение, то по крайней мере, расцвет города **Загеми** есть заслуга гибкой внешней политики кахетинских царей XVI в., благодаря которой они смогли избежать опустошительных вражеских нашествий, а также переноса в этот город ими своей резиденции[2]. Возможно на месте будущего города Загеми в прошлом существовал небольшой населенный пункт, жители которого являлись представителями местных албанских племен (лупениев и сильвов греко-римских источников или лпинов и чилбов армянских источников). Окончательный ответ на этот вопрос мы можем получить только при комплексном археологическом изучении остатков Загеми, которое пока не проводилось. Мы же можем констатировать, что благодаря грамотной экономической политике и политической стабильности (купленной ценой вассальной зависимости от Ирана) в Кахети в XVI веке процветали старые и даже возникали новые города в отличие от других грузинских государственных образований – Имерети, Картли и др., где города и городская жизнь приходили в постепенный упадок. Л.А. Чилашвили датирует экономическое возрождение Кахети, сопровождавшееся ростом населения, зарождением и процветанием городов,

[1] Там же. С. 68.

[2] *Кутелия Т.С.* Грузия и Сефевидский Иран (по данным нумизматики). Тбилиси, 1979. С. 14.

второй половиной XV в. и особенно XVI в.: «В это время был основан один из центров Кахетского царства город Греми, возрождается в это же время город Базари (Загеми), ставший вторым политическим центром царства»[1].

Одним из признаков возрождения города (впервые город упоминается в 1392 г. – об этом ниже) следует считать строительство в Загеми церкви, которое датируется серединой XVI в. Так, согласно Г.Н. Чубинашвили, «формы этой церкви позволяют считать ее выведенной ранее Матанской церкви Николая; а попутные данные русских посольство уточняют это общее положение»[2]. Так, посольство Звенигородского 1589-90 гг. отмечает, что церковь освящена уже 50 лет назад («в Заеме… храм… стоит свещен пятдесят лет»[3]), т.е. именно при царе Леване, примерно в 1540 г. Косвенным подтверждением этого является откопанный около церкви в 1865 г. колокол (обнаружить его позднейшим исследователям в музейных фондах Тбилиси, куда он был сдан, не удалось) с надписью, которую приводит Т. Иванецкий: «ეს ზარი მე კახეთის მეფემ ლეონმა ბახთალოს ღვთის მშობლის ეკლესიას»[4] («я царь Кахети Леван, называю эту Бахтальскую церковь [в честь] Богородицы» – перевод автора).

Выражением постепенного включения в свой состав земель Эрети стало смещение столицы из Телави в Греми и далее в Загеми[5], что уже было осуществлено царем Кахети – Леваном. Поскольку Загеми, как и вся Кахети, юридически являлся территорией сефевидского Ирана, то соответственно, здесь была налажена чеканка монет этого государства. На монетах, отчеканенных в Загеми, встречается подтверждение этого факта в форме легенды *З.Г.М.*а, как места их производства. Деятельности Загемского монетного двора посвящена часть монографии Т.С. Кутелия[6]. Таким образом, Загеми, наряду с Телави и Греми, являлся не только

---

[1] *Чилашвили Л.А.* Дзвели Гавази… С. 108.

[2] *Чубинашвили Г.Н.* Архитектура Кахетии (текст). Тбилиси, 1959. С. 459-461.

[3] *Белокуров С.А.* Сношения России с Кавказом. М., 1889. Вып. I: 1578-1613 гг. С. 191-192.

[4] *Иванецкий Т.* Иверия. Тбилиси, 1895. №211 (на груз. яз.).

[5] *Бердзенишвили Н.А.* Грузия в XVI веке // Вопросы истории Грузии. Тбилиси, 1973. Т. VI. С. 160.

[6] *Кутелия Т.С.* Указ. раб. С. 14-24 и далее.

политическим, но и наиболее значительным торгово-ремесленным центром Кахети. В самом деле, «оживленные торговые сношения грузинских городов с иранскими центрами способствуют образованию значительного благоустроенного караванного пути, часть которого протяженностью в 140 км пролегала по территории Грузии»[1], а Загеми являлся одним из ее главных опорных пунктов и рынков сбыта. Английские путешественники Т. Бэнистер и Дж. Дэкет (1568-1574 гг.) писали о Загеми следующее: «В 3 днях пути от Арраша лежит страна, по имени Грузия (Grosin), обитатели которой – христиане; предполагают, что это тот же самый народ, который иначе называют георгийцами (Georgians). Там также продается много шелка. Главный город этой страны называется Зегам (Zegham), откуда ежегодно вывозится в Персию невероятное количество орехов одного и того же сорта и добротности, таких же вкусных и с такой же тонкой скорлупой, как наши лесные орехи. Их вывозят ежегодно на 4 000 груженых верблюдах»[2].

Экономическая специализация города Загеми оказалась отражена и в его втором названии – Базари. Как пишет Т.С. Кутелия, грузинские письменные источники, используя название «Базари», не знакомы с «Загеми», но зато иноязычные источники XVI-XVII вв. так и пестрят сведениями о кахетском городе Загеми[3]. Под названием Загеми этот населенный пункт известен впервые под 1520/21 г.[4] Название «Базари» впервые упоминается в «Иммунитетной грамоте Мцхетских католикосских владений» (1392 г.). Данный документ – грамота Гиорги VII об освобождении владений Мцхетского Свети-Цховели от всех повинностей. В числе имущества главного храма Грузии перечисляются: «владения в Гавази, земли в Бараунта, семь участков мамасхлисских (для поселения), селение и монастырь Лагод-хеви (в двух других вариантах – Лагодехи – Ш.Х.), 80 дымов в Ганухи, **27 дымов купцов армян и евреев в Базари** (выделено мной – Ш.Х.); в

[1] *Чилашвили Л.А.* Дзвели Гавази… С. 109.

[2] Английские путешественники в Московском государстве в XVI веке. М., 1937. С. 256.

[3] *Кутелия Т.С.* Указ. раб. С. 21.

[4] Сведения Хасана Румлу о Грузии / персидский текст с груз. пер. и введ. издал В.С. Путуридзе, прим. Р. Кикнадзе. Тбилиси, 1966. С. 26.

Енисели…»[1]. В жалобе грузинского посла, адресованной российскому государю (конец XVI в.), также содержится информация о наличии в Загеми торговцев из разных государств и представителей различных национальностей и религиозных общин. Это жалоба на действия членов русского посольства: «И там, государь, в Загеме многих земел торговых людей грабили, чалмы и шапки и сермяги и денги силно имали и жон бесчествовали, шапки з голов хватали и на кабаке пропивали. И про то, государь, государь наш услышав про их насилство от **жидов** и от **армен** и от **бусурманов** и от **крестьян** ото всяких людей, послал к твоим царским послом меня, холопа вашего»[2].

То есть Загеми, как и всякий административный и торговый центр, являлся городом полиэтничным. В отчете послов М.И. Татищева и дьяка А. Иванова в Кахети и Картли (1604-1605 гг.) содержится информация о проживании в Загеми выходцев из горного Дагестана, которые якобы сбежали от русских войск, прибывших в приморский Дагестан. В январе 1605 г. послы эти говорили царевичу Юрию, «чтоб он, собрався с своими людьми, шол на Кумыцких людей в то же время», что и воевода Бутурлин. Обосновывали свои слова последние тем, что «им есть ведомо, что **Кумыцкие люди, от государевы рати збежав, живут блиско их земли у Загеми; а иные пришли в Загем з женами и з детми** (выделено мной – Ш.Х.), - тех бы велел» Юрий «побивать»[3]. Юрий, однако под разными предлогами ушел от предложения. Помимо Загеми, «кумыцкие люди» осели и в сельской местности на Алазанской равнине. Согласно информации послов: «А которые деревнишки меж Крыму (Греми – Ш.Х.) и Базару (Загеми – Ш.Х.), и те деревнишки отданы кумыцким людем для того, как поидут на Теймураза царя горские люди, кумыки, и они Теймуразу царю подают весть чтоб з гор кумыцкие люди на него Теймураза бесвестию не пришли и над самим над ним дурна какова не учинили»[4].

---

[1] *Какабадзе С.С.* Грузинские документы Института народов Азии АН СССР. М., 1967. С. 148.

[2] *Белокуров С.А.* Указ. раб. С. 397.

[3] Там же. С. 481.

[4] *Полиевктов М.А.* Посольство князя Мышецкого и дьяка Ключарева в Кахетию, 1640-1643 гг. Тифлис, 1928. С. 159.

Исходя из объективных географических реалий (с Грузией общую границу из дагестанских народов имеют только аварцы), а также исторических и этнографических данных (см. ниже) можно предположить, что под общедагестанским для русских послов того времени этнонимом «кумыцкие люди» подразумеваются аварцы из горного Дагестана.

Согласно Н.А. Брегадзе, «некогда густо населенный Базари (Загеми) к 30-40-м годам XVII в. превратился в развалины»[1]. Произошло это из-за военных действий с Ираном, враждебное отношение которого населению Загеми пришлось почувствовать на себе уже в первой половине XVI в. Согласно сведениям Хасана Румлу и Искандера Мунши, в 1520/21 г. шах Исмаил I послал против кахетского царя Левана Дивсултана военачальника, который «преодолел реки Канук и Кабр и разорил города Загеми и Греми»[2].

По данным русских посольств начала XVI в., вернее их грузинских информаторов, «из гор идут Кумыцкие люди», которые «хотят у нас лутчее место Загем взять, чем мы живем, и в том месте хотят город поставить»[3]. В тот же период (7 октября 1604 г.) источник говорит о сражении царевича Юрия с «турскими людьми от Загеми в днище», т.е. в одном дне пути от города. Последних кахетинцы разбили, но на следующий день пришло известие о том, что «Кумыцкие люди з другой стороны идут на Грузинскую землю», но последние ретировались в горы[4]. 30 декабря в «Боатани» этих послов принял близкий царевичу Юрию «дворенин Уманов сын Кей-Хосров»[5], более известный как Кайхосро Оманишвили – руководитель военной экспедиции в горный Дагестан[6]. Судя по маршруту экспедиции, прошедшейся по аварским селениям в ущельях рек Хван-ор и Джурмут[7] (современный Тля-

---

[1] *Брегадзе Н.А.* К вопросу об этническом составе населения Грузии в XVII в. // Кавказский этнографический сборник. М., 1976. С. 242.

[2] Сведения Хасана Румлу о Грузии… С. 26.

[3] *Белокуров С.А.* Указ. раб. С. 476.

[4] Там же. С. 477.

[5] Там же. С. 478.

[6] *Вахушти Багратиони.* История царства Грузинского / Перевод, предисловие, словарь и указатель: Н.Т. Накашидзе. Тбилиси, 1976. С. 37.

[7] *Генко А.Н.* Из культурного прошлого ингушей // Записки коллегии востоковедения при азиатском музее АН СССР. 1930. Т. 5. С. 730-731.

ратинский район и Бежтинский участок), понятно кого в основном подразумевают грузинские источники под общедагестанским, в данном случае, этнонимом: «кумыцкие люди». Кстати, название Загеми/Дзегами И.А. Джвахишвили этимологизирует с помощью дагестанских языков[1].

Однако главную угрозу представляли не эти мелкие пограничные стычки, а сефевидский Иран. Решающим для дальнейшей судьбы Загеми стало нашествие армии шаха Аббаса I, состоявшееся в 1616 г. По приказу шаха, ширванское войско и части из Ирана атаковали Загеми: «Газии разрушили жилье и в городе Загем даже следа жителей не оставили»[2].

После 1616 г. Загеми не запустел полностью, хотя о прежнем уровне говорить и не приходится: «Теймураз восстановил Загем и занял трон Кахетинского царства»[3]. В нем по крайней мере, судя по источникам, сохранился караван-сарай (гостиный двор): «девятнадцатого приехали в Загем. Им (российским послам – Ш.Х.) отвели квартиру в гостином дворе, обведенном каменною стеной, длинною в 200 саженей»[4]. В 1629-1630 гг. в возрожденном Загеми был возобновлена и чеканка монет, которая однако, окончательно прервалась в 1632 г.[5] Последним упоминанием Загеми в источниках является распоряжение Арчила II ходже города Базари Ростому и ходже города Греми Кули-хану, как и будущим ходжам Базари и Греми, не взыскивать повинностей в пользу ходжи с определенного имущества дарованного церкви[6]. Документ С.С. Какабадзе датирует царствованием кахетского царя Арчила II (1664-1675 гг.). Однако эта информация противоречит другим данным и, в частности, приведенным Н.А. Брегадзе (см. выше), которые говорят о затухании городской жизни в Загеми уже к 1640-м годам. Иоанн Багратиони в «Описании селений

---

[1] *Джавахишвили И.А.* Введение в историю грузинского народа. Тбилиси, 1950. Кн. I. С. 50.

[2] Сведения Искандера Мунши о Грузии / персидский текст с грузинским переводом и предисловием издал В.С. Путуридзе. Тбилиси, 1969. С. 107.

[3] *Шенгелия Н.Н.* Османские источники о Грузии XV-XIX вв. Тбилиси, 1974. С. 79 (на груз. яз.).

[4] Переписка на иностранных языках грузинских царей с российскими государями от 1639 г. по 1770 г. / изд. М. Броссе. СПб., 1861. С. XXXVI.

[5] *Кутелия Т.С.* Указ. раб. С. 24.

[6] *Какабадзе С.С.* Указ. раб. С. 176.

Картли и Кахети», написанном по повелению царя Ираклия II и его преемника Георгия XII в 1794-99 гг., при указании населенных пунктов и топонимов области Енисели называет «Базари»[1], который следует отождествить с Загеми, который к тому времени был уже в развалинах.

Интересна судьба тех жителей Загеми и его окрестностей, которые оказались выселенными в Иран. Их участь описывает Искендер Мунши: «Одна группа племени энисели и группа грузин, которые находились в Загеми и его окрестностях, количеством в две-три тысячи семейств под страхом уничтожения, разорения и пленения согласились на переселение и решили поселиться в Доме безопасности – Мазандаране»[2].

В связи с этим сообщением, необходимо сделать акцент на двух фактах из него. Во-первых, сообщение о поселении загемцев в Мазандеране, подтверждается другими источниками: французский исследователь Л.-Л. Беллан указывает среди эмигрантского населения иранской провинции Мазендеран, расположенной на южном побережье Каспийского моря, 3 тысячи грузинских семей из «Закама»[3], что на мой взгляд, можно увязать именно с Загеми/Базари. Большинство грузинских семей Мазендерана были расселены в Ашрафе, Сари и Фарахабаде. Эти данные исходят от миссионера Пьетро дела Валле, который посетил эту провинцию в феврале 1618 г. Правда, в отличие от грузин Ферейдана, эта часть грузин «быстро потеряла язык, религию и культуру»[4], что, возможно, объясняется тем, что сами они являлись грузинизированными «энисельцами».

institute of history.ru

Во-вторых, из сведений Искендера Мунши можно сделать вывод о том, что население Загеми и его окрестностей было представлено грузинами и «племенем энисели», под которым, вероятно, подразумеваются повергшиеся частичной грузинизации жители левобережья Алазани – потомки лупениев/лпинов и сильвов/чилбов, упоминаемых античными и древнеармянскими авто-

---

[1] *Иоанн Багратиони.* Описание Картли и Кахети / изд. Т.П.Енукидзе и Г.В. Бедошвили. Тбилиси, 1986, С. 72 (на груз. яз.).
[2] Сведения Искандера Мунши о Грузии… С. 109.
[3] *Lucien-Louis Bellan.* Chah Abbas I. Paris, 1932. P. 230.
[4] *Oberling P.* Georgians and Circassians in Iran // Studia Caucasica. The Hague. 1963. №1. P. 137.

рами[1]. В комментариях к переизданной недавно «Хронике войн Джара» А. Дибиров предлагает небезынтересную интерпретацию названия «энисели». По его словам, это название на аварском следует читать как «энисел» (> *гьенисел*, *henisel*), а переводить как «живущие на этой стороне [реки]». В этой связи аварское *Гьенисел* следует рассматривать как «аналог» грузинского названия левобережья Алазани, т.е. *Гагма-мхари*[2]. Интересно в данной связи, что в современных эпохе Вахушти Багратиони восточных документах, касающихся Джарского союза, и в исторических хрониках это название фиксируется как «Инисел» (например, в фирмане Османского султана Ахмада III, от 26 февраля 1728 г.[3] выданном на имя Джарской «республики») и отождествляется с грузинским поселком Алиабад (Закатальский район) и его окрестностями (Загеми находится в 7 км от Алиабада).

В европейских источниках в качестве жителей восточной окраины Кахети наряду с грузинами упоминаются «черкесы». В качестве примера можно привести сведения, сообщаемые голландским путешественником и исследователем XVII в. Н. Витсеном[4]. Он неоднократно упоминает Загеми (Saquan, Zaquan), как столицу Кахети: «Затем Константин вошел в государство Гурджистан и занял его главный город Загем, где все подчинились ему»[5]. Здесь речь идет о событиях 1605 г., когда младший сын кахетинского царя Александра (1574-1605 гг.) – Константин, по наущению шаха Аббаса I, приказал убить своего отца, брата Георгия X (1600-1605 гг.) и завладел царством. Он же приводит сведения, присланные ему в 1684 г. из Константинополя, согласно которым среди главных городов Кахети упоминаются «Греми

---

[1] Об этом см.: *Хапизов Ш.М.* Указ. раб. С. 10-15.

[2] Хроника войн Джара в XVIII столетии / Комм. Дибирова А. Махачкала, 2009. С. 20. прим. 2.

[3] *Сулейманова С.* Археографические документы XVIII - XIX веков из Закатальского историко-краеведческого музея // Известия Академии наук Азербайджана (серия истории, философии и права). Баку, 1990. №4. С. 54 (на азерб. яз.).

[4] *Витсен Н.* Северная и Восточная Татария. Вторая часть, содержащая области: Грузия, Менгрелия, Чиркассия, Крым, Астаккия, Алтин, Тингузия, Сибирь и Самоедия. Амстердам, 1705. С. 505 (на голланд. яз.). См.: *Ватейшвили Д.Л.* Грузия и европейские страны: Очерки истории взаимоотношений. XIII-XIX вв. М., 2003. Т. I. Кн. 2: Грузия и Западная Европа, XIII-XIX вв. С. 448-568.

[5] Там же. С. 505.

– столица, Пазари (т.е. Базари/Загеми – Ш.Х.), Карагач и Хекити»[1].

Н. Витсен приводит сведения Гарсиа де Силва Фигероа, который *«говорит, что в его время, а именно в тысяча шестьсот двадцатом году, когда он находился в Ширазе в Персии видел, как привезли туда плененную Бегун, принцессу или королеву Восточной Грузии или Гурджистана, это древняя азиатская Албания. Шах Аббас увез в плен из Грузии двадцать тысяч человек, все христиане, которые в большинстве впоследствии были обращены в рабство и отреклись от своей веры…*

В большинстве своем эти грузины были обращены в рабов и рассеяны по всем областям Персии, в том числе поселены и в Махине, где образовалось их крупное поселение и в Махине, где образовалось их крупное поселение, а жили они очень бедно.

Среди них находилось большое количество ***черкесских христиан****, которые, чтобы избежать дома гражданских раздоров и не связываться с какой-либо из сторон, поселились на границах Грузии вблизи Персии, отсюда их и увезли вместе с вышеназванными грузинами, после того как их земля была опустошена шахом Аббасом. Здесь заканчивается сообщение Фигероа»*[2].

Чуть ранее Н. Витсен со ссылкой на барона Мейерберга, указавшего приводимые данные в описании своего путешествия в Московию, пишет: *«Иверия или Иберия, которую называют Георгиа или, по-турецки, Гурджистан, имеет с запада Мингрелию…, с востока Ширванию…, с севера Кавказские горы и древнюю Албанию, теперь заселенную (черкесами), с юга Армению или Туркоманию»*[3]. Под черкесами (этноним, под которым, нередко подразумевают в общем северокавказцев: в Турции до сих пор всех мухаджиров из Северного Кавказа называют черкесами) Н. Витсен, возможно, подразумевает, в данном случае, аварцев и шире – дагестанцев, которые проживают к северо-востоку от Восточной Грузии.

В таком случае особый интерес представляют сведения делла Валле, который писал: *«Персия, Кирман (Кармания), Мазандеран на Каспийском море и многие другие области этой империи пе-*

[1] Там же. С. 516.
[2] Там же. С. 518.
[3] Там же. С. 515.

реполнены грузинами и черкесами – ведь ***многие черкесы еще издавна перешли из Черкесии на жительство в близкую к ней землю Теймураза, стали его вассалами, породнились с грузинами*** *и поэтому также были выведены в Персию»*[1]**.**

В данном случае мы имеем явные аналогии с сообщениями русских послов о переходе на местожительство в Загеми и его окрестности «кумыцких людей», под которыми следует на наш взгляд понимать, прежде всего, аварцев из общества Джурмут или Томур (у закатальских аварцев – *КIумур, Къумур*). В этой связи интересно, что закатальские аварцы называют место расположения Загеми *Къумур-Базар*, а выходцев из него, поселившихся в аварских селениях – кумурцами (*кIумурхьи*) или базарцами (*базархьи*). В частности, выходцы из Джурмута проживают ныне в селах Гоабтала (около 10% жителей), Нухбик (ок. 4%) и других населенных пунктах Закатальского района, в поселке Кабахчолиб, селе Цалбан и других селах Белоканского района.

Согласно преданиям джарцев, записанным в XIX в. А. Посербским, выходцами из Джурмута в Закатальском округе был образован тухум «Джурмутский», представители которого проживают в различных селениях Алазанской долины[2]. Его представителями, по полевым данным автора[3], являются, к примеру, представители тухума *Къалаял* (авар. – «жители крепости»), предки которых, где-то в середине XVII в. переселились в Алазанскую долину в поселение Кумур-Базар (примечательно в этой связи замечание Н.Г. Чубинашвили, который считает «Базар» и «Кумур-Базар» разными вариантами названия одного поселения[4]), а туда – из Томура (закат. диал. авар. *КIумур*), т.е. верховьев р. Джурмут в Тляратинском районе. По преданиям, после неоднократных нашествий войск Надир-шаха и его брата Ибрагим-хана Кумур-Базар был оставлен кумурскими (джурмутскими) аварцами, которые перешли в предгорные, более укрепленные поселения (Джар, Белоканы, Катех и т.д.).

---

[1] *Ватейшвили Д.Л.* Указ. раб. С. 50.

[2] *Фон-Плотто А.И.* Природа и люди Закатальскаго округа // Сборник сведений о кавказских горцах. Тифлис, 1869. Вып. IV. С. 8.

[3] Предание записано у жителя сел. Гоабтала Галлазул Абдулхамида Джуджул, 1938 г.р.

[4] *Чубинашвили Г.Н.* Указ. раб. С. 459. Прим. 5.

Локализация средневекового города Загеми не вызывает сомнений у исследователей. В то же время интересно, что в настоящее время под названием Загеми известен населенный пункт Загеми в Кахском районе, жители которого являлись грузинами, но в настоящее время перешли на азербайджанский язык и считаются ныне азербайджанцами[1]. Вероятно, новый Загеми был основан уцелевшими жителями города, которые смогли избежать участи других загемцев, выселенных в Иран.

Таким образом, Загеми предстает перед нами полиэтническим, преимущественно этнически грузинским, городом, в котором с конца XVI в. начинает увеличиваться аварское, в большинстве своем христианское, население, перешедшее к концу XVII в. в ислам и включенное в состав Джарского общества. В составе современных джарских аварцев есть фамилии, образованные выходцами из Кумур-Базара (Загеми).

Л.А. Чилашвили идентифицировал исторический город Загеми с крупным городищем в 7 км к западу от Алиабада[2]. В 1970 г. во время пахоты на территории городища был найден одноручный красноглиняный кувшинчик с трехлепестковым венчиком, заполненный серебряными монетами[3]. Уроженка села Эхеди Тала Мухаммадил Нана 27 мая 1886 г. на земле Пулатил Хажи-ахмада в поле в местности Килса-аху (авар. – «церковная поляна»), в 8 км ниже селения, нашла византийскую монету, очевидно XI в.[4]

Все эти находки были сделаны в местности, носящей название Басрияб Базар (в пер. с авар. – «старый Базар»), где и располагаются остатки городища[5]. Остатки прежнего города Базари/Загеми еще в XIX в. привлекли внимание исследователей: «О давно прошедшем христианстве в округе свидетельствуют развалины нескольких церквей, между которыми особенно замечательна по величине и наилучше сохранившаяся, находится в 12 верстах от За-

---

[1] *Имнайшвили Г.М.* Особенности ингилойского наречия грузинского языка. Тбилиси, 1966. С. 7.

[2] *Чилашвили Л.А.* К локализации Базари-Загеми // XXI научная сессия Государственного музея Грузии им. С.Н. Джанашиа. Тбилиси, 1973.

[3] *Кутелия Т.С.* Указ. раб. С. 84.

[4] *Пахомов Е.А.* Монетные клады Азербайджана и других республик, краев и областей Кавказа. Баку, 1959. Вып. VIII. С. 60.

[5] *Гусейнова Б.М.* Расселение дагестаноязычных и других народов в восточном Закавказье в XVIII - середине XIX вв. Махачкала, 2004. С. 20.

катал по дороге к муганлинской переправе на месте бывшего грузинского городка Акси-базара (т.е. тюрк. Эски-базара – «Старого Базара» - Ш.Х.). Эта постройка как гласит надпись, относится к времени грузинского царя Леона, богослужение же прекратилось в ней еще в XII веке (так в тексте – Ш.Х.). Несколько надписей и фресок сохранились еще хорошо; однако последние, изображающие разных святых, как прежде служили предметом поклонения, так теперь, обезображенные рукой потомка прежнего христианина, носят слишком явные следы поруганий»[1]. Как пишет А. Посербский, «кроме остова церкви, изрытой местности и нескольких родников чистой воды ничего больше не осталось от этого города»[2]. Речь идет о церкви, известной под названием Бахтало.

Как писал А. Хаханашвили, «церковь Бахтало или Фальдарло. Церковь эта единственная в Закатальском округе, которая уцелела с куполом и фресковой живописью. Она лежит право от шоссейной дороги, идущей из деревни Алиабад к Закаталам и носит у народа название Перикала. Церковь построена из кирпича, имеет в длину 15 арш., шир. 10 аршин; Барабан купола очень высокий; В алтаре сохранилась стенная живопись с церковно-славянской надписью, присутствие которой дает основание предполагать, что церковь эта могла быть построена русскими художниками и архитекторами, после того как начались частые сношения между Российскими государями и кахетинскими царями, т.е. с конца XV и начала XVI в. при Иоанне IV, Феодоре Иоанновиче и Борисе Годунове»[3]. На самом деле, русские архитекторы к строительству церкви отношения не имели, но зато известно, что русские иконописцы Сенька Казанец и Левка Ростовец, присланные с посольством Волконского и Хватова в 1637 г., работали в церкви Воскресения в Загеми[4].

institute of history.ru

---

[1] *Посербский А.* Очерк Закатальского округа // Кавказский календарь на 1866 г. Тифлис, 1865. С. 17-18.

[2] Там же. С. 52.

[3] *Хаханашвили А.С.* Экспедиции на Кавказ 1892, 1893 и 1895 гг.// Материалы по археологии Кавказа, собранные экспедициями Императорского Московского Археологического Общества, снаряженными на Высочайше дарованные средства. М., 1898. Вып. VII. С. 32-33.

[4] *Волкова Н.Г.* Статейные списки русских посольств XVI-XVII вв. этнографический источник // Кавказский этнографический сборник. М., 1976. Вып. VI. С. 292.

В литературе еще до 1960-х гг. Загемская церковь отмечена в статьях Т. Иванецкого[1], А.С. Хаханашвили[2], Д. Джанашвили[3], М.Г. Джанашвили[4], З. Эдили[5] и в монографии Г.Н. Чубинашвили[6].

Согласно исследованию Г.Н. Чубинашвили, «церковь Бахтало в Загеми представляет собой обычного для данного времени (XVI-XVII вв. – Ш.Х.) небольшого размера по площади и значительной высоты, придающей ей впечатление импозантности, здание. Она выведена целиком из кирпича (размером от 21,5 до 23 сторона квадратной плитки и, видимо, также 23 х 13,5 при толщине в 4-5 см); только верх барабана купола и четырех фасадов и все карнизы церкви выведены полосами желтого ширими»[7].

На топографической карте 1905 г. видно, что остатки городища (развалины церкви, остатки крепости) расположены на протяжении 1 км, что позволяет делать выводы о его размерах. В письменных источниках мы имеем лишь одно упоминание о размерах города и относится оно ко времени упадка Загеми после его разорения шахом Аббасом I в 1616 г. Русский посол Волконский отмечал, что «городок невелик, кабы двор, и огорожен каменною оградою. В городке лавки каменные, а двора царева и палат нет»[8]. Традиционно город управлялся «воеводами» из старинной кахетинской феодальной фамилии Андроникашвили, имевшей по преданиям византийские корни. К примеру, по данным посольства Михаила Татищева и дьяка Андрея Иванова царевич Юрий присылал к ним «воеводу Загемского Елизбара Ондронникова да пристава Сулеймана»[9].

Г.Н. Чубинашвили пишет, что «сейчас церковь на ровном месте в чаще густого леса… на запад от Алиабада в 6-8 км и, как говорили в Алиабаде, недалеко от русского колхоза «Светлый

---

[1] *Иванецкий Т.* Указ. раб.
[2] *Хаханашвили А.С.* Указ. раб. С. 32-33.
[3] *Джанашвили Д.* Журнал «Могзаури». Тбилиси, 1901. № XI. С. 1037-1038.
[4] *Джанашвили М.Г.* Древняя Грузия. Тбилиси, 1913. С. 77 (на груз. яз.).
[5] *Эдили З.* Ингилойцы. Тбилиси, 1947. С. 151-154 (на груз. яз.).
[6] *Чубинашвили Г.Н.* Указ. раб. С. 459-461.
[7] Там же. С. 459.
[8] *Полиевктов М.* Материалы по истории грузино-русских взаимоотношений. 1615-1640. Тбилиси, 1937. С. 422.
[9] *Белокуров С.А.* Указ. раб. С. 475.

путь» (на 5-верстке, вероятно, она отмечена буквами «Р.Ц.» около «Х. Судели»)»[1]. Место, где расположена церковь, называют «Бахтало», от чего вероятно и пошло название церкви – Бахтальская (ბახტალოს). В середине XIX в. царские власти задались идеей заселения этой территории местными грузинами – ингилойцами: «для обеспечения сообщения кр. Закатал с муганлинской переправой, поселить близ Бахтальского поста несколько семейств ингелойцев, которые бы содержали караул и конвоировали проезжающих»[2]. Планам превращения этого места в христианский населенный пункт с возрождением службы в реставрированной церкви не суждено было сбыться.

В 1,5 км восточнее церкви расположен хутор аварского села Эхеди Тала. Названием своим (Чудулоб) он обязан развалинам Загеми. Исследователи возводят ойконим к аварскому слову чудул – «развалины»[3]. В закатальском диалекте аварского языка *чIудул* действительно означает «развалины» (авар. – *чIваднал*), а само селение расположено на территории бывшего города Загеми. С. Сулейманова предлагает и другую этимологию, говоря о наличии на «землях Закатала-Ках» топонима Чудулу-бина, которое произошло от аварского *чу* - «конь», соответственно *чудул* означает «конский»[4]. Однако это другой населенный пункт и расположен он на территории Кахского района, а не Закатальского, и возможно его название объясняется как «конское».

В сел. Чудулоб в 2007 г. числилось 120 жителей[5]. По данным переписи 1926 г. здесь проживало 37 семей (123 чел.)[6]. Согласно Г. Гейбуллаеву, «вновь образованное» село Чудулоб обязано своим появлением переселению на свои пашни тальских фамилий «Гарах (*КIарахъал* – Ш.Х.), Гурдулу (*Гургъулал* – Ш.Х.), Мурад-

---

[1] *Чубинашвили Г.Н.* Указ. раб. С. 459. Прим. 5.

[2] Отношение ген-ад. Воронцова ген.-ад. Чернышеву о положении на Кавказе. 25 октября 1847 г. // Движение горцев северо-восточного Кавказа в 20-50 гг. XIX века. Сб. док. Махачкала, 1959. С. 553.

[3] *Нуриев Э.Б.* Исследование названий населенных пунктов южного склона Большого Кавказа (междуречья Мазымчай – Геокчай). Автореф. дис. канд. ист. наук. Баку, 1983. С. 9; *Гейбуллаев Г.А.* Топонимия Азербайджана. Баку, 1986. С. 87.

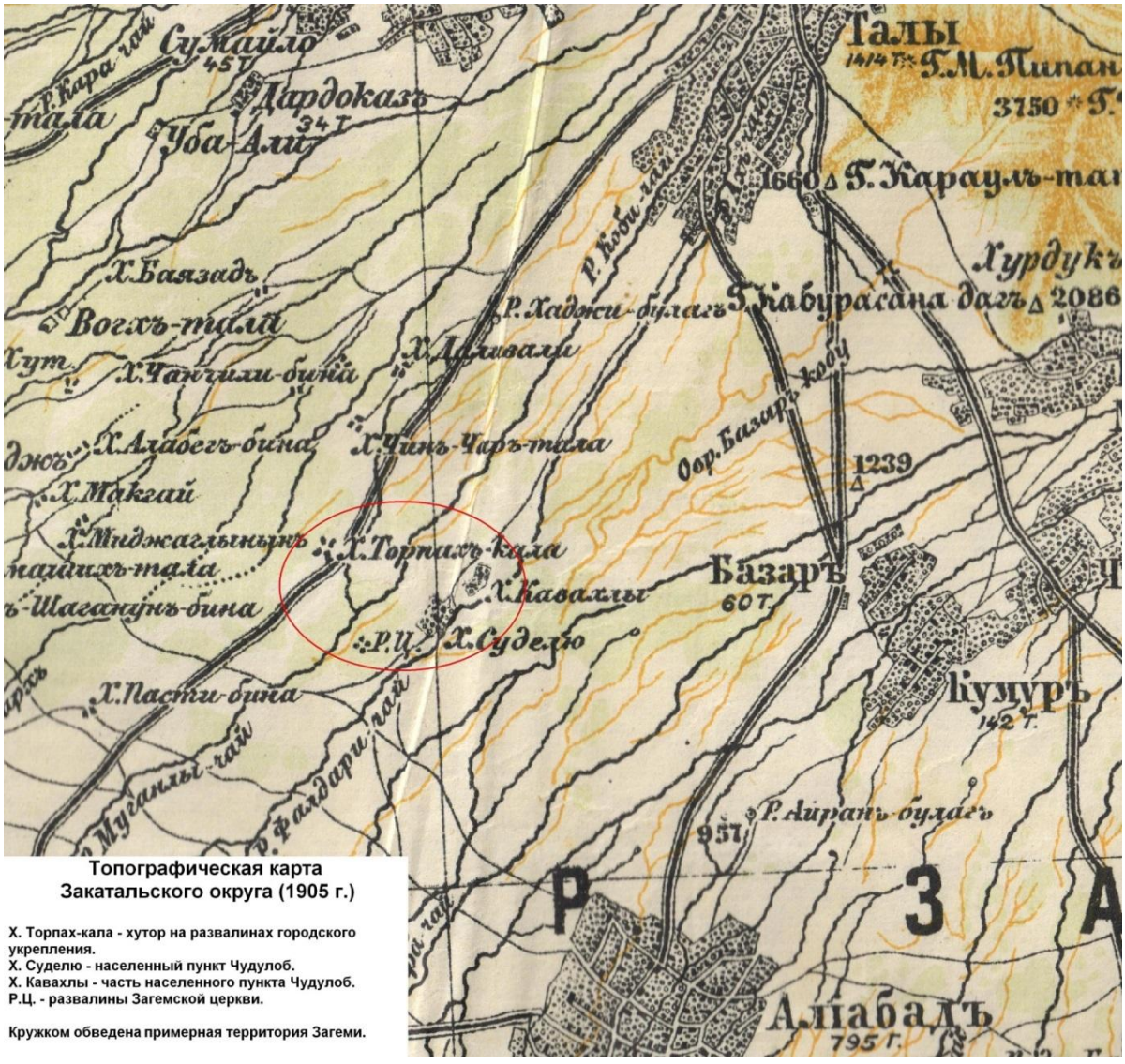
[4] *Молла Мəһəммəд əл-Чари.* Чар Сəлнамəси. Тəрчүмə, кириш, гејд С.А. Сулејмановаһындыр. Бакы, 1997, С. 78 (на азерб. яз.).

[5] Официальный сайт администрации Закатальского района: www.zaqatala.az.

[6] Список населенных мест Азербайджана по данным переписи 1926 г. АзЦСУ. // Рукописный фонд ИИАЭ. Ф. 1. Оп. 1. №482.

ли и Еребаханлар (азербайджанское название тухума *ЧIурмутIал/КIумурал* – Ш.Х.)»[1], которые входят в состав тухума Чурмутал.

Постепенному его превращению в крупное аварское селение помешали неоднократные разрушения населенных пунктов Алазанской долины войсками кызылбашей Надир-шаха и его брата Ибрагим-хана в 1730-40-х годах. Если после опустошения края предгорные укрепленные населенные пункты были восстановлены, то аналогичное возрождение поселений на равнине, т.е. незащищенной со всех сторон местности, было нецелесообразным и население Кумур-базара (Чудулоба) расселилось в предгорных аварских селениях, имевших как естественные, так и искусственные укрепления.



Топографическая карта Закатальского округа (1905 г.)

Х. Торпах-кала - хутор на развалинах городского укрепления.
Х. Суделю - населенный пункт Чудулоб.
Х. Кавахлы - часть населенного пункта Чудулоб.
Р.Ц. - развалины Загемской церкви.

Кружком обведена примерная территория Загеми.

[1] *Гейбуллаев Г.А.* Топонимия Азербайджана. Баку, 1986. С. 178.

1.6. Город Аркас и шайх Асилдар

Чуть выше аварского селения Аркас Буйнакского района, на склоне горы *ЦебемегIер* (авар. – «передняя гора») расположены развалины городища, называемого местным населением *Гъоркьияб хъала* (авар. – «нижняя крепость»), над которым расположены остатки более укрепленного поселения *ТIасияб хъала* (авар. – «верхняя крепость»). Среди местного населения разрушение городища связывается с именем Тамерлана, который якобы потратил пять дней на его взятие. Древний Аркас был заново заселен в 1867 г., когда здесь основались 33 семьи выходцев из селения Гуниб, которое было разрушено после его взятия в 1859 г. и пленения Имама Шамиля[1].

Археологические раскопки Аркасского городища дали в целом довольно богатый материал для исследования. Городище это занимает территорию довольно крутого склона обширного плато, нависающего с юга над сел. Аркас. Боковые стороны плато прорезаны глубокими каньонами, отвесные склоны которых достигают 50 и более метров высоты. Структура городища хорошо

[1] *Казиев С.* Падение Гуниба и конец Кавказской войны. Махачкала, 2011. С. 189-190.

прослеживается по строительным остаткам и сохранившимся частично оборонительным стенам. Их очертания четко воссоздают трехчастную структуру городища. На возвышающейся части плато имеются остатки цитадели, контуры которой повторяют в плане треугольную форму вершины плато размерам 60 на 80 метров. Остатки оборонительной стены, протянутой между боковыми склонами обрывистых каньонов, ограждают цитадель с единственно доступного северного направления, где простираются остатки самого городища. В этой стене есть только обрыв шириной 2 м, где находился вход в цитадель с территории городища. Ниже цитадели простирается территория городища, площадь которого расширяется и резко понижается по мере удаления от стен цитадели. Как и цитадель, она была ограждена оборонительными стенами с открытого северного направления. На всем протяжении стены к ней примыкает семь башен четырехугольной формы. Ниже оборонительных стен самого городища и до подножия плато, где расположено современное село Аркас, также имеются строительные остатки, которые являлись в прошлом городским посадом. Общая площадь Аркасского городища составляет 26 гектаров[1].

По заключению археологов, крупные размеры городища, трехчастная его структура (цитадель, собственно город, рабад), развитая оборонительная архитектура, наличие дворцовых и культовых сооружений, следы ремесленных производств позволяют видеть в нем один из крупных средневековых городов Дагестана[2]. Здесь также пересекались внутридагестанские коммуникации, что обеспечивало торговую активность населения. Время бытования города, определяется IX-XIV веками и принадлежит к ареалу традиционной для аварских районов материальной культуры[3].

Интересно, что выводы археологов о существовании в верхней части Аркаса укрепленной цитадели, подтверждаются письменными источниками. В дагестанском историческом сочинении,

---

[1] *Магомедов М.Г.* Оборонительные сооружения Дагестана в X-XIV вв. // Древняя и средневековая архитектура Дагестана. Махачкала, 1989. С. 126-128.

[2] *Атаев Д.М., Гаджиев М.С., Сагитова М.Д.* Культовые сооружения Аркаса // Древняя и средневековая архитектура Дагестана. Махачкала, 1989. С. 114.

[3] *Магомедов М.Г.* Оборонительные сооружения Дагестана… С. 128, 132, 133.

названном исследователями «История Ирхана» дано повествование о взятии Аркаса *«мусульманским»* войском. Сначала описано взятие Кадара, а *«затем состоялось сражение в Хиркасе, продолжавшееся целую неделю. Селение было взято, но оставался [не занятым] один квартал верхней части селения, где укрылись их раисы и эмиры – таватиял и арнахурал. Мусульмане в течение двух месяцев не могли овладеть этим укрепленным кварталом. [Наконец] он был взят с помощью всевышнего Аллаха, господина миров. Мусульмане убили всех, кого там застали, за исключением тех, кто принял ислам»*[1]. В цитате особый наш интерес вызывает обозначение социальной верхушки населения Аркаса аварскими терминами («таватиял» и «арнахурал»). «Таватиял» - это конечно аварская производная (в множественном числе) от грузинского термина «тавади», а «арнахурал» - такая же форма грузинского «азнаури». Оба термина, обозначающих феодальное сословие в средневековой Грузии, были переняты, как и православная форма христианства, средневековой Аварией в ходе тесных политических и культурных взаимосвязей с восточным соседом, но здесь уже стали органичной частью социальной терминологии средневековой Аварии, также как, к примеру «батрики».

institute of history.ru

Функционирование христианства в Аркасе доказано раскопками Д.М. Атаева, который в 1964 г. обнаружил здесь две мечети, которые, скорее всего, являются сооружениями, возникшими на основе более древних культовых зданий – церквей. Время строительства и функционирования церквей, согласно выводам археологов, приходится на XI-XIII вв., а их перестройка в мечети датируется ими серединой XIII – началом XIV в.[2]

Дальнейшее укрепление ислама в Аркасе видимо протекало довольно интенсивно. Об этом говорит наличие как минимум двух мечетей. Первая находилась в северо-западной части, в 12 м. от привратных сооружений и представляла собой помещение размерами 9,2х6,0 м. Вторая мечеть выявлена у юго-восточного края Аркаса, вблизи цитадели. Она больше размерами, нежели

---

[1] *Шихсаидов А.Р., Айтберов Т.М., Оразаев Г.М.-Р.* Дагестанские исторические сочинения. М., 1993. С. 167.

[2] *Атаев Д.М., Гаджиев М.С., Сагитова М.Д.* Культовые сооружения Аркаса // Древняя и средневековая архитектура Дагестана. Махачкала, 1989. С. 123.

первая – 16х9 м., но первая мечеть включала в себя помимо самого молельного здания несколько других помещений и состояла из двух этажей. На первом этаже располагалось мадраса, а второй этаж предназначался для коллективных намазов, здесь же располагался и михраб[1]. Существование в Аркасе – одном из крупных средневековых городов Дагестана – духовной школы, где обучались и жили ученики – мутаалимы, находящиеся на содержании джамаата, на взгляд археологов исследовавших городище, вполне допустимо. Аргументируется это утверждение как тем, что *«в Аркасе жил и проповедовал известный шейх Асельдер (ум. в 1404 г., похоронен в Аркасе)»*, так и тем, что средневековые мусульманские авторы пишут о существовании в Дагестане подобных образовательных учреждений[2].

Шейх Асилдар

Основным источником, сообщающим информацию о шейхе Асилдаре, является биографический труд Назира ад-Дургели «Нузхат ал-азхан фи тараджими уламаи Дагистан». Биография шейха Асилдара из Аркаса составлена Назиром ад-Дургели с привлечением материалов «амира Салимхана ал-Гадари», т.е. Кадарского. Ниже дан полностью отрывок из сочинения ад-Дургели, посвященный шейху Асилдару: *«Известный шейх Асилдар ал-Хиркаси ад-Дагистани. Хиркас (Аркас) – большая гора над селением Малый Газаниш (Верхнее Казанище). Он Асильдар похоронен под этой горой. Вот так написано почерком ал-амир Салимхан ал-Гадари (Кадарского): «Шейх, который похоронен в этой могиле - друг божий, ал-Хаджж Асилдар, сын Ата ал-Гадари. По происхождению он из эмиров Карачи. Мать его - Ай Мисей Эндиреевская. Она из рода сала (т.е. сала-узденей). Асильдар трижды совершал хаджж. Он, как рассказывают, из Курайш (Курайшитов). Его предки были мусульманами в двенадцати поколениях. Шестое [поколение] – Ша‘бан, десятое – ‘Араб. Жил он 49 лет. Гора, на которой он похоронен, и другая гора Нана - обе были его мульком. Дата его смерти – 860 или 806. Рассказывают, что он у него было масса чудес (карамат),*

[1] Там же. С. 118-119.
[2] Там же. С. 119.

что свидетельствует о его высоком уровне святости. Его могила (мазар) известна: ее посещало много людей из всех регионов и всех наук»[1].

Зиярат шейха Асилдара

Здесь стоит подробно разобрать сведения, сообщаемые Назиром ад-Дургели о шейхе. Прежде всего, стоит отметить, что могила Асилдара Аркасского на самом деле была широко известна и ранее. В XIX в., в виду отсутствия к тому времени здесь населенного пункта она, по всей видимости, даже служила неким ориентиром на местности. По крайней мере, Мухамад-Тахир Карахский при описании событий 1843 г. пишет, что *«имам послал войско в крепость Бурандиб, расположенную вблизи могилы шейха Асильдара»*[2]. Похоронен шейх Асилдар к северо-западу от селения Аркаса за автодорогой у подножья горы *Шайихасул бакълъи* (авар. – «солнечный склон шейха»). Есть связанное с традиционными верованиями представление, что если без оста-

[1] *Назир ад-Дургели.* Услада умов в биографиях дагестанских ученых (Нузхат ал-азхāн фū тарāджим ‘уламā’ Дāгистāн) / пер. с араб., комментарии, факсимильное издание, указатели и библиография подготовлены А.Р. Шихсаидовым, М. Кемпером, А.К. Бустановым. М., 2012. С. 37.

[2] *Мухаммад Тахир ал-Карахи.* Блеск дагестанских шашек в некоторых шамилевских битвах / пер. Барабанова. М., 1941. С. 165.

новки человек забежит на вершину горы, то попадет в рай[1]. Автор XIX в. также описывает процедуру соблюдения этого обычая забегания на вершину горы. Еще в XIX в. здесь проводились обряды жертвоприношений накануне дня курбана, кади три раза обходит могилу шейха читая молитвы. После этого и происходит массовый забег на вершину. *«Кроме того, по верованию горцев, гроб шейха Асельдера может изгонять из человека бесов, поэтому… больного тотчас отвозят к гробу, т.е. храму, построенному там и оставляют на несколько дней»*[2].

Происхождение шейха Асилдара

Далее важным вопросом является происхождение шейха, поскольку Назир ад-Дургели со ссылкой на Салимхана ал-Гадари дает две противоположные и противоречащие друг другу версии. Сначала говорится о том, его отец из рода карачи, а мать из сала, а далее, с важной оговоркой «как рассказывают», что он родом из арабского племени корейшитов, к которому принадлежал пророк Мухаммад, более того, говорится, что его предки в 12 поколениях являлись мусульманами. В данном случае, очевидно, что первая версия явно заслуживает большего доверия, чем «рассказы» о его корейшитском происхождении, поскольку подобные легенды, призванные облагородить чье-то происхождение в глазах мусульманского населения довольно часто имели хождение на Кавказе. Этот вопрос был рассмотрен Т.М. Айтберовым, который исходя из вышеприведенных данных писал, что Асилдар происходил из рода амиров «карачи», которые видимо являлись потомками одного из членов нуцальского рода Аварии, который достиг при Золотой Орде ранга «карачи»[3]. Как известно, традиционные правители ряда предгорных селений Дагестана носили золотоордынский титул **карачи** *(къарачи)*, но считали себя выходцами из рода аварских ханов, то есть хунзахцами по происхождению. Согласно Т.М. Айтберову, наиболее вероятно, что названное явле-

---

[1] *Казиев С.* Падение Гуниба… С. 271-272.

[2] Дагестанские предания и суеверия: Харкас // СМОМПК. Тифлис, 1884. Вып. 4. С. 26-30.

[3] *Айтберов Т.М.* Новое о карачибеках и салаузденях (XVв.) // I конференция молодых ученых Дагестанского филиала АН СССР (тезисы докладов). Махачкала, 1978. С. 1.

ние – свидетельство службы знатных хунзахцев Золотой Орде, которая имела место в пределах конца XIII–XV вв.[1]

Согласно полевым данным собранным Р.М. Магомедовым в 1941 г. в селах Эрпели, Каранай, Ишкарты и Ахатли Буйнакского района, карачи-беки являлись членами аварского нуцальского дома: *«сами эрпелинцы, ишкартинцы и каранайцы рассказывают о своем прошлом следующее. Примерно в XII веке три наследника хана аварского, потомка Сураката, бывшего правителя Аварии, первого принявшего мусульманскую веру и вместе с нею титул хана, не поладили между собою и один из них по имени Исмаил, будучи изгнан из Аварии, пришел со своим братом Карланом и поселился в Гурбеке (ниже Караная)»*[2].

Сословная комиссия, образованная местными органами власти Российской империи для выяснения происхождения и прав различных слоев населения Дагестанской области собрала о карачи-беках следующие данные: *«Сами беки карачиевские проводят свою родословную от Аварских ханов (по показанию чиркеевцев, они выходцы из Аргуани). О выходе их из Аварии и занятии настоящих селений остались следующие предания. Три наследника хана аварского, потомка Сураката, бывшего правителя Аварии, первого принявшего мусульманскую веру и вместе с нею титул хана, не поладили между собой и один из них, Исмаил, будучи вытеснен из Аварии, пришел со своими приверженцами и молочным братом Карланом и поселился в Гурбеке (ниже Караная), когда земля эта не была еще ни кем занята. По смерти Исмаила, сын его Тели-Будайчи перевел оттуда юрт в нынешние Эрпели…»*[3]. В дальнейшем карачи-беки расселились и в других предгорных селениях Буйнакского района.

Очень интересный полевой материал собрал известный краевед Булач Гаджиев в 1956 г. у потомка карачибеков Герея Гереева, родившегося в 1860-х гг. (он дожил до 106 лет) в селении Эрпели. Согласно его рассказу *«селу нашему 250 лет. На клад-*

---

[1] *Айтберов Т.М.* Древний Хунзах и хунзахцы. Махачкала, 1990. С. 86.

[2] *Магомедов Р.М.* Общественно-экономический и политический строй Дагестана в XVIII– начале XIX веков. Махачкала, 1957. С. 155.

[3] См. *Асваров Н.А., Ибрагимова А.Ш., Мансуров Ш.М.* Общественно-экономическое и правовое развитие Салатавского союза сельских общин в конце XVIII – первой половине XIX века. Махачкала, 2008.С. 165-167.

бище я не нашел могильных плит старше этой даты. Люди в эти места пришли с гор, точнее из аула Танус»[1]. Эту же версию о происхождении сословия карачи рассказали Булачу Гаджиеву и в селении Каранай: «рассказывают, что семь молодцев из аварского аула Тануси облюбовали тот холм и стали на нем жить»[2].

Показательно, что сохранились предания, согласно которым шейх Асилдар поселился в Аркасе, бежав из Хунзаха после убийства им Сураката, отказывавшегося принять ислам[3]. Таким образом, ясно, что по отцу происхождение шейха Асилдара увязывается с родом аварских нуцалов, при этом часто называется имя самого нуцала Сураката, жившего, скорее всего, на рубеже XI-XII вв.

В сочинении ад-Дургели также указано, что мать шейха Асилдара была из рода сала-узденей. Согласно кумыкскому автору XIX в. Д.-М. Шихалиеву (1791 г.р.), сала-уздени идентичны салатавцам, и по большей части происходили из селений Анди и Риквани. Переселившись якобы оттуда они поселились на реке Салаор (кум. – Саласу), которая протекает близ села Дылым, отсюда переселились в селение Гелбах[4]. Согласно Д.-М. Шихалиеву *«когда Султанмут прибыл в Чирюрт, там жили Риконинские выходцы, предки нынешних сала-узденей, а в вышеупомянутой записке* (памятная запись на арабском языке, на которую ссылается Д.-М. Шихалиев) *сказано, что эти выходцы происходили из Анди. Впрочем, и Рикони есть отселок Андийский»*[5]. Он же выше пишет, что Султанмут нашел Чирюрт, заселенным салатавцами[6]. В обращении сала-узденя Хаджимуратова, поданном в сословно-поземельную комиссию, сообщается: *«предки мои, жившие первоначально в селении Гельбах Хасавюртовского округа, происходящие из почтенных узденей, так называемых сала-узденей, пользовались, и ныне фамилия наша пользуется, правами и преимуществами наравне с беками и независимо от последних; не платили ни бекские повинности, ни государственную подать»*[7].

---

[1] *Гаджиев Б.* Буйнакский район в истории и легендах. Махачкала, 2003. С. 131.
[2] *Гаджиев Б.* У отрогов Исмаил-меэра. Махачкала, 2001. С. 5.
[3] *Казиев С.* Падение Гуниба… С. 271-272.
[4] *Шихалиев Д.-М.М.* Рассказ кумыка о кумыках. Махачкала, 1993. С. 23.
[5] Там же. С. 28.
[6] Там же.
[7] ЦГА РД. Ф. 90. Оп. 1. Д. 1. Л. 40.

Жизнедеятельность шейха

Назир ад-Дургели пишет в своем труде, что шейх Асилдар трижды совершил хадж и отличался способностью совершать чудеса. Местное население Буйнакского района считает шейха Асилдара распространителем ислама в горной Аварии и в частности в Хунзахе[1].

Согласно сведениям Назира ад-Дургели, Асилдар прожил 49 лет и умер в 806 или 860 году хиджры. Источники его данных, вероятно, те же, что и у М. Гайдарбекова. Последний пишет, что по записям М. Нурмагомедова Асилдар умер в 806 году хиджры (1403-04 г.), а по записям Инквачилава в 860 (1455-56 г.)[2]. Большинство исследователей склонны согласиться скорее с Нурмагомедовым и считают, что Асилдар умер в 1403-04 г., а родился, скорее всего, в 1354-55 г.

Интересно также, что согласно преданиям местного населения, уцелевшее после нашествия Тимура в 1396 г. население (в их числе был и Асилдар) позже переселились в местность, где располагается селение Нижнее Казанище. Здесь рассказывают, что спасшиеся 4 семьи, поселились там, где располагается теперь верхний квартал Нижнего Казанища и тем самым основали это селение. Этот квартал и теперь называется аркасским. Будучи первоначально авароязычным позднее население Нижнего Казанища перешло на современный кумыкский язык. Это видимо произошло из-за переселения к ним остатков кипчакского населения, прежде кочевавшего в степях Северного Кавказа. Такие же «аркасские» кварталы есть также в селениях Верхнее Казанище и Буглен, которые также считаются основанными аркассцами, хотя правильнее считать Буглен отселком Нижнего Казанища.

Предания о переселении аркассцев в указанные кумыкские ныне селения, были записаны еще в XIX веке. Они говорят о том, что *«прежде на Харкасе было два аула, от которых теперь остались развалины; потомки же жителей старых аулов носят название «Харкаслар» и живут теперь в Большом и Малом Казанищах и Буглене. Старые харкасские аулы друг от друга находи-*

[1] *Казиев С.* Падение Гуниба… С. 271-272.

[2] *Гайдарбеков М.* Антология дагестанских ученых. 1970-71 // Рукописный фонд ИИАЭ ДНЦ РАН. Ф. 3. Оп. 1. Д. 129. Т. 9. Л. 30.

institutofhistory.ru

лись на расстоянии 2 верст; в одном из них жили правоверные (т.е. магометане), в другом – неверные (т.е. христиане); вследствие этого оба аула постоянно были во вражде: нападали друг на друга, угоняли скот, брали в плен детей и обращали их в свою веру. Магометане, утомленные борьбой, обратились к шейху Асельдеру, жившему в их ауле, с просьбою, чтобы он помог им истребить неверных»[1].

Электронная библиотека
Института истории,
археологии и этнографии
Дагестанского ФИЦ РАН

instituteofhistory.ru

[1] Дагестанские предания и суеверия: Харкас // СМОМПК. Тифлис, 1884. Вып. 4. С. 26-30.

1.7. Нуцалчи Исмаил – основатель Эрпелинского «амирства»

В устной традиции местного населения и в письменных источниках в связи с событиями XVI в., происходившими на прикаспийской равнине нередко упоминается некий нуцалчи Исмаил. Приведенные ниже данные говорят о его большой роли в истории равнинного Дагестана. Достаточно сказать, что именно он заложил основы традиционного права применявшегося всем населением дагестанской равнины вплоть до начала XX в. Названная его именем знаменитая книга «Исмаил-Коран», а по сути сборник традиционного местного права (авар. – *балъ*, араб – *гIадат*) являлась основным источником, служившим своего рода конституцией в этой части Дагестана (об этом ниже). Также велика его роль в общественно-политической жизни Дагестана и притом не только того периода. Ведь его потомство правило вплоть до XIX в. северной частью современного Буйнакского района и носило золотоордынский титул карачи. При всем этом, однако, потомки названного князя считались людьми, происходящими «от коренных владетелей Дагестана из рода Сураката», то есть сородичами нуцалов Аварии, хунзахцами по происхождению[1].

Предания об семи молодцах из Тануси

Как пишет известный дагестанский краевед Булач Гаджиев *«в 24 км на запад от Буйнакска на высоте 1200 м над уровнем моря у отрогов горы Исмаил-меэр находится аварское село Верхний Каранай. Происхождение его связывают с холмом Хурбугугох* (правильнее – *ХуригохI*)*, на котором до сих пор находят каменные плиты весом до 200 кг. Рассказывают, что семь молодцев из аварского аула Тануси облюбовали тот холм и стали на нем жить. Вокруг леса, вода, дичь. Но оказывается, все богатство – принадлежность шамхала из Кафыр-Кумуха. Поэтому между ними началась война»*[2]. По преданию, примирение между танусинцами и шамхалом состоялось из-за помощи, которую оказали братья шамхалу у которого ногайцы угнали табун лошадей, а они не смогли его отбить. Ногайцы переправились за Сулак, когда танусинцы подъехали к реке у местности Бавтугай. Исмаил

[1] *Айтберов Т.М.* Древний Хунзах и хунзахцы. Махачкала, 1990. С. 102.
[2] *Гаджиев Б.* У отрогов Исмаил-меэра. Махачкала, 2001. С. 5.

вплавь переплыл Сулак и сам вернул табуны лошадей. Шамхал тогда якобы пришел в дом одного из братьев – Тели-Будайчи и спросил его – что он может им дать взамен. Тели-Будайчи и шамхал поднялись на вершину горы Хурбугугох и все земли, которые были видны отсюда в сторону моря, были уступлены танусинцам[1].

Упоминаемое в преданиях, как первое поселение члена нуцальского рода Исмаила «городище Хуригох» (авар. *ХуригохI* – «холм в поле»), по заключению исследовавших его археологов, *«является наиболее интересным памятником, выявленным в окрестностях села Верхний Каранай*». Оно расположено к югу от урочища Чабчах и в 2 км к востоку от селения, занимая несколько вытянутую к северо-востоку вершину холма, рельефно возвышающегося среди раскинутых здесь полей. Высота холма составляет около 50 м. Его крутые и достигающие до 45 гр. Крутизны, склоны служили довольно надежной естественной защитой городища. Наиболее крутые и покрытые лесом юго-восточные склоны холма, сливаются с древним оврагом, у подножия которого расположен единственный в округе источник воды. На территорию городища ведет колея древней дороги шириной 1-1,5 м, пробитая наискось по западному склону холма. Округлая, соответствующая конфигурации вершины холма площадь городища достигает 250 м длины и около 180 м ширины. Строительные остатки бытовавших здесь сооружений из камня хорошо прослеживаются на наиболее возвышающейся южной его стороне. К северу он частично выбраны под строительный камень. Помимо естественной защищенности холма, городище было дополнительно укреплено оборонительными стенами, остатки которых сохранились по более пологим юго-восточным склонам. По характеру керамики, городище Хуригох, по заключению археолога М.Г. Магомедова, является двуслойным памятником, который можно датировать в пределах VIII-XIV вв.[2]

В данном случае возможны два варианта объяснения несовпадения датировок – ошибка археологов или занятие нуцалчи Исмаилом уже обжитого или разрушенного к его приходу укреп-

---

[1] Там же. С. 6.

[2] *Магомедов М.Г.* Оборонительные сооружения Дагестана в X-XIV вв. / Древняя и средневековая архитектура Дагестана. Махачкала, 1989. С. 130-131.

ленного поселения. Кроме того, сами предания тоже в датах разнятся. К примеру, согласно собранным Р.М. Магомедовым в 1941 г. в селах Эрпели, Каранай, Ишкарты и Ахатли, карачи-беки эрпелинского владения являлись членами аварского нуцальского дома, пришедшими сюда еще в XII веке: *«Сами эрпелинцы, ишкартинцы и каранайцы рассказывают о своем прошлом следующее. Примерно в XII веке три наследника хана аварского, потомка Сураката, бывшего правителя Аварии, первого принявшего мусульманскую веру и вместе с нею титул хана, не поладили между собою и один из них по имени Исмаил, будучи изгнан из Аварии, пришел со своим братом Карланом и поселился в Гурбеке* (ХуригохI). *Земля эта не была еще никем занята. Имелись большие леса, много дичи. Исмаил сильно укрепил новое свое местопребывание Гурбек. Обнес его деревянным валом, оградил подступы к нему. После смерти Исмаила сын его Тели-Будайчи, следуя примеру своего отца, не только обезопасил свои земли, но и сильно расширил их, да к тому же еще перенес свою резиденцию в нынешние Эрпели. Шамхалам, имевшим резиденцию в Кафыр-Кумухе, это пришлось не по душе. Началась война Будайчи с шамхалами кафыр-кумухскими за землю. К этой войне были привлечены и акушинцы. Борьба была длительная и упорная. Дружина Будайчи была малочисленна, но сражалась упорно и всегда одерживала победу…»*[1].

Приблизительно такие же сведения были собраны в XIX членами сословной комиссии Дагестанской области: *«Сами беки карачиевские проводят свою родословную от Аварских ханов (по показанию чиркеевцев, они выходцы из Аргуани). О выходе их из Авариии занятии настоящих селений остались следующие предания. Три наследника хана аварского, потомка Сураката, бывшего правителя Аварии, первого принявшего мусульманскую веру и вместе с нею титул хана, не поладили между собой и один из них, Исмаил, будучи вытеснен из Аварии, пришел со своими приверженцами и молочным братом Карланом и поселился в Гурбеке (ниже Караная, когда земля эта не была еще ни кем занята. По смерти Исмаила, сын его Тели-Будайчи перевел оттуда юрт в нынешние Эрпели, откуда они воевали с Шамхалами, имевшими*

[1] *Магомедов Р.М.* Общественно-экономический и политический строй Дагестана в XVIII– начале XIX веков. Махачкала, 1957. С. 155.

резиденцию в Кафыр-Кумухе и за храбрость и отвагу прозваны шамхальцами Эри-Пери (отважными духами), от чего и осталось название их юрта – Эрпели. Долгое время шамхалы не оставляли их в покое и только следующий случай примирил их. Ногайцы отбили табун Шамхала и он с шамхальцами не мог преследовать их; Карачиевские беки с пришельцами своими выбежали на тревогу, догнали ногайцев у переправы через Сулак ниже Миатлов, отбили табун и возвратили подоспевшему туда же Шамхалу. За услугу эту Шамхал на возвратном пути выехал на вершину Гумалов и подарил им всю землю, которую можно увидать оттуда по направлению к Темиргою, носящую общее название Башлар. Земля эта и теперь находится в нераздельном пользовании карачиевцев (за нее впрочем в недавнее время возникнул спор, который еще не решен). Впоследствии, при занятии отделившимися беками Караная и Ишкартов, земли занятые карачиевцами, исключая Башлар, разделены между тремя селениями (Ахатлы – отселок Караная) и составляли совместное общественное пользование жителей каждого селения с правами беков брать себе под распашку и покосы 4 пая против узденя и 2 пая против чанки»[1].

Очень интересный полевой материал собрал известный краевед Булач Гаджиев в 1956 г. у потомка карачи-беков Герея Гереева, родившегося в 1860-х гг. (он дожил до 106 лет) в селении Эрпели. Ниже мы приводим два отрывка из его воспоминаний, касающихся истории рода и селения Эрпели: *«Селу нашему 250 лет. На кладбище я не нашел могильных плит старше этой даты. Люди в эти места пришли с гор, точнее из аула Танус. С ними воевал шамхал. Человек по имени Будайчи построил здесь шалаш и воткнул кол. К нему стали стекаться и другие. Вокруг имелись дикие леса со зверями и дичью. Дома строили из дерева. О Будайчи услыхал шамхал. Вызвал к себе, чтобы приказать построить село. Между ними произошел скандал. Будайчи женится на чеченке и от чеченцев получает силу. И народ поддерживает Будайчи. Шамхал отстает и снимает свои претензии. Так начинается жизнь в Эрпелях. А название происходит от слов эр*

[1] См. *Асваров Н.А., Ибрагимова А.Ш., Мансуров Ш.М.* Общественно-экономическое и правовое развитие Салатавского союза сельских общин в конце XVIII – первой половине XIX века. Махачкала, 2008. С. 165-167.

(«смелые, крепкие люди») и пели («люди, идущие по их пути»)»[1]. Булач Гаджиев записал также родословную своего информатора и его предания о положении в Эрпелинском владении: *«Меня зовут Герей, - начинает он, - отца - Эдиль, дедушку - Атай, его отца - Герей, далее: Махди (упоминается в 1732 г. как сын эрпелинского «владельца» Будайчи*[2]*), Будайчи, Мусавус, Султан-Ахмад, Умалат, Газихан, Сурхайхан. Мой отец Эдиль, дай Аллах ему спокойствия на том свете, не просто был лично знаком с Шамилем, а служил у него, временами возвращаясь в родное село. После пленения имама Эдиль уже не покидал Эрпели. Жил он в Томеньауле, нижней части села, где имел крепкий дом. Наш аул 6 раз подвергался разрушению. После 6-го раза моим родственникам пришлось переселиться в верхнюю часть Эрпелей. С тех пор прошло, по-моему, 95 лет. (Я мысленно подсчитал, что переселение могло случиться в 1861 г. – Б. Гаджиев). Нам принадлежали земли от Аварского Койсу до казанищенских земель, далее по границе Капчугая, Торкали-Чирюрт и смыкались на реке Сулак. Четыре поколения назад население Эрпелей два дня косило на нас, два дня пахало и столько же дней убирало урожай. Каждая семья должна была доставлять нам воз дров. Имелись и рабы (они были даже у людей со средним достатком). Рабов можно было купить как вещь. Их доставали во время войн или набегов в Грузию. От моего отца Эдиля оставались рабы, хотя русские еще 70-80 лет назад отменили рабство. Не все из них захотели уйти на свободу, привыкли к своим хозяевам, остались навсегда у них»*[3].

О происхождении сословия «карачи»

Вопрос о происхождении сословия «карачи» становился предметом исследования разных авторов, среди которых следует, прежде всего, следует отметить Х.-М. Хашаева, который пишет, что на прикаспийской равнине кроме беков и чанков шамхальской фамилии, были известны карачи-беки и карачи-чанки. Они жили в аулах Эрпели, Ишкарты, Каранай, Ахатлы, Карабудахкент и Губден. Существуют три противоречивых друг другу утвер-

[1] *Гаджиев Б.* Буйнакский район в истории и легендах. Махачкала, 2003. С. 131.
[2] ИГЭД. С. 122.
[3] *Гаджиев Б.* Буйнакский район…С. 129.

ждения по вопросу о происхождении карачи-беков. Есть мнение, что карачи-беки существовали еще тогда, когда кипчаки заняли Прикаспийскую низменность. Другие утверждают, что карачи-беки происходят от одного из сыновей аварского хана Исмаила, который переселился на плоскость. Наконец, третьи доказывают, что карачи-беки являются потомками смотрителей или наблюдателей, назначенных Тамерланом во время его походов в Дагестан. Вероятно, карачи-беки являются общинной знатью, успевшей закрепить за собой феодальные привилегии в старых селениях плоскостного Дагестана, на которых, видимо, Тамерлан возложил наблюдение за жителями[1].

Нельзя не отметить и выводов исследования В.К. Линдена, автора конца XIX – начала XX вв., который также приводит несколько версий происхождения карачи-беков. Согласно первой, *«некоторые исследователи относят происхождение карачи-беков ко времени заведения прибрежной части Дагестана, к северу от г. Дербента кумыками»*, которое он датирует концом XII века[2]. *«По другой же версии, карачи-беки ведут свое начало от трех братьев – выходцев из Аварии (членов аварской ханской династии)… Карачи-беки в глазах туземного населения Темир-Хан-Шуринского округа не только не уступают бекам шамхальского дома в древности, но, напротив, в этом последнем отношении должны быть поставлены выше их»*[3].

institutеofhistory.ru

Само слово «карачи» становилось объектом внимания кумыкского автора XIX в. Д.-М. Шихалиева: *«карачи есть слово древнейшее кумыкское, в переводе оно значит «смотритель», или разбиратель»*[4]. Однако, очевидно, что это предположение скорее можно отнести к разряду народной этимологии, поскольку это – золотоордынский социально-политический термин: *къарачи* < монг. *хъарачу «чернь; татаро-монгольская знать не происходящая от божественного Чингиз-хана»*. Шихалиев, в подтвер-

---

[1] *Хашаев Х.М.* Общественный строй Дагестана в XIX веке. М., 1961. С. 212.

[2] *Линден В.К.* Краткий исторический очерк былого общественно-политического и поземельного строя народностей, населяющих мусульманские районы Кавказского края // Аграрные отношения у народов Северного Кавказа в российской политике XVIII – начала XX века. Архивные материалы и научные исследования. Нальчик, 2006. Т. I. С. 349, 363.

[3] Там же. С. 363.

[4] *Шихалиев Д.-М.М.* Рассказ кумыка о кумыках. Махачкала, 1993. С. 45.

ждение своих слов пишет, что «в случае важных недоразумений в решении тяжб», многие жители равнины отправлялись к карачи, которые выступали в качестве *«блюстителей всех старинных кумыкских обычаев... Сословие «карачи» находится в деревнях Северного Дагестана, Карабудахкенте, Губдене, Эрпели, Каранае и Ишкарты. Они суть потомки туземных князей, когда-то знаменитых, но влиянием шамхала ныне униженных. Из карачи известны теперь в Дагестане: Уллу-бей Эрпелинский и Юсуф-бей Каранайский. В Эрпели хранилась книга, Исмаил-куран, где записывались все достопамятные постановления карачинского сословия»*[1].

Коран, упомянутый Шихалиевым, вероятно принадлежал тому самому нуцалчи Исмаилу, который является основателем династии эрпелинских и каранаевских беков. Эти данные находят подтверждение и в других источниках. По архивным данным XIX в. на равнине роль апелляционного суда выполнял один из представителей сословия карачи в селениях Карабудахкент, Губден и Эрпели, «где разбирались дела по Измаил-корану», причем поясняется, что *«Измаил-коран у кумыков называется коран с толкованием известного дагестанского ученого Хаджи-Измаила (XVI в.)»*[2]. Процитированные данные говорят о том, что нуцалчи Исмаил являлся помимо прочего и хорошо образованным человеком, специалистом в области обычного права, разбиравшимся также и в шариате.

Документальные свидетельства

Если же обратиться к документальным данным, то выясняется, что в начале второй половины XVI в. в селении Каранай сидел в качестве правителя *«благородный, уповающий на всевышнего Аллаха эмир»* Исмаил. Его сыновья Будайчи и «Килпров» (правильнее – *КIихIосро*) упоминаются в русских источниках под 1588 г. и позднее как правители соседнего сел. Эрпели[3]. В 1581-86 гг. согласно Ф. Кырзыоглу в османских источниках говорится

[1] Там же. С. 46.

[2] Из записки комиссии о сословном строе в Кумыкском округе Терской области. 1869 г. // Феодальные отношения в Дагестане. XIX – начало XX в. Архивные материалы / Сост. Х.-М. Хашаева. М., 1969. С. 89.

[3] *Айтберов Т.М.* Древний Хунзах и хунзахцы. Махачкала, 1990. С. 102.

о братьях Исмаиле и Кахсуру (*КIихIосро*)[1]. Однако в более достоверных русских источниках 1589 г., Кихосро упоминается как один из двух сыновей Исмаила, наряду с Будайчи («Костов да Будачей»), а оба они названы самостоятельными «князья»[2]. В 1614-15 гг. «владетель Эрпелей Будайчи» формально принимает русское подданство, а сын его Уцуми выдан аманатом в русский город Терки, находившийся на реке Терек на территории современного Кизлярского района. Учитывая эти свидетельства, нуцалчи Исмаил, скорее всего, родился в середине первой половины XVI в. (1520-е гг.), а умер в самом начале 1580-х гг.

Владение эрпелинских нуцалчи до покорения равнинного Дагестана русскими, состояло из четырех селений: Эрпели (*Эрпелиб*), Ишкарты (*Ишкаталиб*), Каранай (*Хъараниб*) и Ахатли (*Ахакь*). Будучи изначально аварским Эрпели, в дальнейшем за счет притока тюркоязычного населения из других регионов Дагестана подвергся языковой ассимиляции и население его стало кумыкским. Приток населения был обусловлен заинтересованностью эрпелинских нуцалчи в увеличении подвластного населения. Другое кумыкоязычное селение этого владения – Ишкарты было образовано в результате переселения на это место жителей селения Мадигин (*Мадигьин*), разрушенного в ходе нашествия Надир-шаха и переселения в селение тюркоязычного населения из Южного Дагестана и северной части современного Азербайджана (местное население их называют *падарал*, что является аварским названием азербайджанцев – суннитов). Таким образом, пополнение населения Эрпели и Ишкарты за счет притока тюркоязычного населения способствовал превращению их в кумыкские, тогда как жители Караная и Ахатли, сохранили аварский язык и самосознание.

instituteofhistory.ru

[1] *Кырзыоглу Ф.* Кипчаки. Анкара, 1992. С. 312 (на тур. яз.).
[2] Русско-чеченские отношения во второй половине XVI–начале XVII вв. М., 1997. С. 24.

1.8. Трагедия, воспетая в песне Биография Бахтики – сестры аварского нуцала Уммахана Великого

По сей день главным источником, из которого аварцы что-то узнают о героине нашей статьи, является сочиненная ею песня – по признанию экспертов – один из шедевров аварского устного творчества. Между тем, эту женщину можно назвать и опытным политиком, обнаруживаются и многие другие подробности ее биографии. Уверен, что и эта статья не раскроет всего представления об этой личности, тут необходимы дополнительные исследования, в том числе в архивах Армении и Азербайджана.

Отец исследуемой нами личности – аварский нуцал Мухамад имел четырех жен и многочисленное потомство, однако первым браком он женился еще несовершеннолетним на Баху – дочери Ханмухамада, сына кайтагского уцмия Ахмадхана в 1156 (1743-44) г.

Интересные сведения по этой части содержит исторический труд XIX в., авторство которого приписывается Хайдарбеку Геничутлинскому. Он пишет, что Баху *«родила Мухаммад-нуцалу четверых детей – одного сына и трех дочерей… Третью дочь звали Бахтика. Она была выдана за Карабахского хана, известного в Дагестане как Шушухан; действительным именем последнего было Ибрахимхан, а выдал за него Бахтику ее собственный брат Уммахан после смерти их отца Мухаммаднуцала. Бахтика была не согласна на этот брак. За то, что ее выдали за Ибрахимхана, Бахтика впоследствии обвиняла и Уммахана, и его визиря Алисканди Гоцатлинского. Осуждению были подвергнуты также Ибрахимхан и его местопребывание – Шуша. Существует, кстати, и песня, сочиненная Бахтикой такого примерно содержания: «Если бы не были мертвы мой отец Мухаммаднуцал, его брат Мухаммадмирза и Булач – сын Мухаммадмирзы, то старший брат Уммахан меня бы за Ибрахимхана не выдал», – которая начинается так:*

«Я косы чесала гребнем золотым,
И вдруг сообщили, что новость пришла из Шуши»[1].

[1] *Геничутлинский Х.* Указ. раб. С. 46.

Даты рождения и выхода замуж Бахтики точно неизвестны и о них пока можно строить предположения. Известно, что сам Ума-нуцал Великий являлся старшим братом Бахтики и родился в 1761 г. Очень важным свидетельством является памятная запись о том, что «в 1181 (1767/68) г. умерла жена Мухамад-нуцала – Баху»[1]. Известно и то, что старшего своего сына Бахтика родила в 1785 г.[2] и произошло это когда ей не было и 20 лет. Судя по преданиям, Баху умерла вскоре после рождения или же при родах своей дочери Бахтики. Исходя из этого, можно предположить, что Бахтика родилась, скорее всего, в 1767 г. и в 1784 г., в возрасте 17 лет была отдана замуж за союзника ее брата Ума-нуцала – карабахского хана Ибрагим-хана (1726-1806). У Бахтики от брака с Ибрагим-ханом родились два сына – Ханлар и Ахмадхан и дочь Султанат[3]. По данным 1805 г. Ханлару было 20 лет и Ахмадхану – 10[4].

Союз с Ибрагим-ханом играл большую роль для Ума-нуцала в его внешней политике на Восточном Кавказе. Женитьба карабахского хана на сестре аварского нуцала еще более закрепила эти отношения. Согласно П.Г. Буткову в июле 1787 г. Ума-нуцал в союзе с Ибрагим-ханом Карабахским «овладевает Нахичеванью». Тогда же они «намереваются отторгнуть Эривань у царя Ираклия»[5]. В июле 1787 г. Ираклий II в своем письме П.С. Потемкину выражал обеспокоенность военными сборами Ума-нуцала, а также тем, что тот хочет взять под контроль Ереванское ханство, для чего привлекает Ибрагим-хана Карабахского[6].

В 1780-х гг. Иран был охвачен внутренним кризисом, который был обусловлен борьбой за власть различных группировок, развернувшейся после смерти в 1779 г. Карим-хана Зенда, который объединил Иран под своей властью. Конкуренцию иранской династии Зендов составил Агамухамад-хан (1741-1797 гг.) – сын

---

[1] *Айтберов Т.М.* Источники по истории Аварии // Развитие феодальных отношений в Дагестане. Махачкала, 1980. С. 189.
[2] АКАК. Т. II. С. 725.
[3] АКАК. Т. II. С. 695.
[4] АКАК. Т. II. С. 725.
[5] Там же.Ч. III. С. 204.
[6] Межкавказские политические и торговые связи Восточной Грузии… С. 92.

Мухамадхасан-хана, бывшего главы тюркского племени каджаров. Его отец был придворным племянника Надир-шаха – Адил-шаха, правившего недолгое время Ираном и впал в немилость к шаху. Отец успел сбежать, но шестилетнего Агамухамад-хана Адил-шах приказал оскопить, что отразилось на его характере и из-за чего он получил прозвище Ахта-хан (Скопец-хан). В 1785 г. он взял столицу – Исфахан, а весной 1791 г. другой оплот Зендов – город Шираз. Далее он был *«готов был силою оружия принудить к покорности ханов карабагскаго и эриванскаго… Ибраим-Хан призывал на помощь к себе аварскаго Омар-Хана, который поспешно к нему с войсками своими и прибыл»*[1].

В сентябре 1791 г. Дибир-кади оставил запись о том, что через три дня он готовится уехать «с великим правителем Ума-ханом, его великим войском в страны Кызылбаш и Карабах на помощь Ибрагим-Халил-хану, правителю Карабаха, против Ага Мухаммад-хана (Ахта) с его великим войском»[2]. В то же время Агамухамад-хан устремился в Азербайджан и был «готов был напасть на карабагского Ибраим-Хана, прежде нежели прибыл к сему последнему родственник его Омар-Хан аварский». Однако из-за волнений в Ширазе в том же сентябре 1791 г. ему пришлось удалиться в «сторону Испагана»[3]. Однако для безопасности, Бахтика с детьми переселилась в Аварию, где жила в основном в Голотле и Заибе, бывая в Хунзахе в основном наездами.

К тому времени Ума-нуцал уже прибыл в Карабах и решил остановиться там на зиму, благо Агамухамад-хан расположил часть своих войск в низовьях Куры распуская слух, что весною 1792 г. он сам туда приедет для нападения на Ибрагим-хана. Потому хан карабахский просил Ума-нуцала остаться с войском в Карабахе[4].

Ума-нуцал был фактически единственным правителем, который оказывал успешное противодействие попыткам Агамухамад-хана установить контроль над Закавказьем. Аварское войско под руководством Алисканди из Гоцатля захватило Шеки и посадило

---

[1] *Бутков П.Г.* Указ. раб.Ч. II. С. 320.
[2] *Алибекова П.М.* Указ. раб. С. 185.
[3] *Бутков П.Г.* Указ. раб. Ч. II. С. 318.
[4] Там же. С. 318-319.

Селима на ханский престол, а также разбило шахское войско под началом Мухамадхасана. Последний бежал к иранскому шаху Агамухамад-хану, который за потерю крупного отряда, выколол Мухамадхасану глаза и отправил в Тебриз[1].

Попытки Агамухамад-хана сделать Ума-нуцала своим союзником были тщетны: *«Аварского Омар-Хана и казыкумыхского Хамбутай-Сурхай-Хана и других, равномерно Ага-Магомет-Хан преклонял на свою сторону, обещал Омар-Хану титул дагестанского сардара, а всем то жалованье, которое получали они при прежних шахах. Но Омар-Хан, сколько по внушению генерала Гудовича и по полученным от него подаркам, не меньше и по родственной связи с шушийским Ибраим-Ханом; своим шурином, не пошевелился, как и прочие дагестанские владельцы»*[2].

Весной 1797 г. Агамухамад-хан атаковал Карабахское ханство, чтобы покорить Ибрагим-хана, оказавшего в прошлый поход значительное сопротивление. Ибрагим-хан, чувствуя, что не в силах сопротивляться столь крупному войску, приказал жителям скрыться в горах, а сам *«с семейством своим и с несколькими владетелями уехал к тестю своему, аварскому хану»*[3].

Как пишет карабахский историк Мирза Адигезаль-бек, Ибрагим-хан отправился в Джар-Тала, т.е. в Джарскую республику. Бахтика с окружением, скорее всего, была в горной Аварии и узнав о прибытии мужа в Цор, поспешила навстречу. Прельщенные обещанным Агамухамад-ханом большим вознаграждением за убийство Ибрагим-хана, некоторые аварцы пытались захватить его в плен и отправить шаху. Как пишет карабахский историк, ***«вот-вот должна была завязаться схватка, но тут вмешалась жена покойного Ибрагим-хана – Бике-Ага*** **(Бахтика), *сестра правителя Авара – Умма-хана. Она своими советами сумела предотвратить кровопролитие.*** *В эти самые дни Мухаммед-Рафи-бек карабагский привез в Белаканы окровавленную голову Ага-Мухаммед-шаха и известил о его гибели высокочтимого Ибрагим-хана»*[4].

---

[1] *Серебров А.Г.* Указ. раб. С. 192, 195.
[2] *Бутков П.Г.* Указ. раб. Ч. II. С. 333.
[3] *Серебров А.Г.* Указ. раб. С. 193.
[4] *Мирза Адигезаль-бек.* Карабаг-наме / пер. В.Н. Левиатова. Баку, 1950. С. 86-87.

Итак, в 1797 г. из-за внутренних противоречий в лагере Ага-Мухамад-хана в Шуше он был убит, а голова его была отсечена и отправлена к карабахскому хану, который скрывался в Джаре. Ибрагим-хан *«со всеми подобающими почестями похоронил ее в Джарах. Обезглавленное же тело шаха отправлено им в Тегеран, где и похоронено среди властителей Персии»*[1]. В создавшейся сумятице войско Агамухамад-хана поспешило вернуться под руководством своих ханов к себе на родину. Ибрагим-хан же оставался еще три месяца в Белокане[2]. Сюда к тому времени прибыл и Ума-нуцал, покровительством которого во многом Ибрагим-хан был обязан своим влиянием и сохранением за собой Карабахского ханства, а его сестре – Бахтике сохранением своей жизни.

Согласно свидетельству секретаря карабахского хана: *«Ибрагим-Хан управлял Карабагом самостоятельно, не признавая над собою ни власти Персии, ни власти Турции. Но чтобы более или менее обеспечить свои силы и иметь, в случае нужды, верного союзника, первым делом его было вступить в родство с Умма-Ханом, сыном Нусал-Хана, владетелем Аварии, на сестре которого он женился»*[3].

institute of history.ru

Автор этого сообщения – Мирза Джемал Джеваншир, будучи секретарем Ибрагим-хана, занимался всеми письменными делами, касавшимися Карабаха, а потом был управляющим у жены его Бахтики (азерб. – «Бике-Ханум»). Известно, что во время исправления этой должности Мирза Джемал *«послан был в дер. Хонзак (Хунзах), где прожил целые шесть лет. У тамошних ученых он учился арабскому языку. После убиения Ага-Мухаммед-Шаха он вместе с Бике-Ханум прибыл в Карабаг, в кр. Шушу»*[4]. Будучи в Аварии, Бахтика с детьми жила в Заибе, где были построены зимние дома, а также в Голотле, который также отличался своим теплым климатом. Здесь же были построены дома для Бахтики, заложены сады и начато выращивание риса, привезенными из Карабаха крестьянами – подвластными Бахтики[5]. Будучи здесь, Ахмед-хан и Ханлар, а также их сестра Султанат выучили

---

[1] *Потто В.* Кавказская война. Т. 1. С. 212.
[2] *Мирза Джемал Джеваншир Карабагский.* Указ. раб. С. 134-136.
[3] Там же. С. 130.
[4] *Мирза Джемал Джеваншир Карабагский.* Указ. раб. С. 114.
[5] *Хъазанбиев П.* Указ. раб. Гь. 70-71.

помимо азербайджанского, также и аварский язык. Здесь они жили с 1791 по 1797 годы, учились у местных алимов и получили таким образом традиционное для аварских детей образование на аварском и арабском языках. Бахтика с детьми окончательно переселилась в Карабах в 1797 г. после убийства Агамухамад-хана, после чего исчезла угроза для их пребывания в Шуше. Осенью 1797 г. вместе с отрядом аварцев в несколько сот конных воинов, Ибрагим-хан снова смог возвратить себе контроль над Карабахским ханством[1].

Последний раз Ума-нуцал видел свою сестру Бахтику, скорее всего в конце 1800 г., когда после сражения на реке Иори, около 2 000 своих воинов он разместил на зимние квартиры в Шуше и окрестностях, где их снабжением занимался Ибрагим-хан[2]. После смерти Ума-нуцала 22 марта 1801 г. положение Ибрагим-хана Карабахского значительно ухудшилось и через три года он вынужден был принять русское подданство.

К тому времени Ханлар, как сын карабахского хана, поступившего на русскую службу, получил звание полковника, однако отношение к нему как племяннику Ума-нуцала со стороны командования было неприязненное[3]. В июне 1806 г. ночью в дачной местности близ Шуши по ложному доносу Ибрагим-хан был заколот егерями Д.Т. Лисаневича. Вместе с ним убиты некоторые члены его семьи. Это происшествие ознаменовалось для Бахтики еще одной личной трагедией – вместе со своим отцом по приказу майора Лисаневича была 2 июня 1806 г. в г. Шуша была убита несовершеннолетняя Султанат («Солтанат-беим»)[4]. Ханлар, находившийся тогда с отцом, вынужден был после этого бежать в Иран. Однако потом он вернулся в Карабах и 16-го апреля 1807 г. снова присягал Российскому императору[5].

В этой ситуации, обеспокоенный положением Бахтики, Султан-Ахмад-хан Аварский в декабре 1806 г. связывался с главнокомандующим на Кавказе И.В. Гудовичем с целью выяснить воз-

---

[1] *Ахмед Бек Джеваншир.* О политическом существовании Карабахского Ханства. Шуша, 1901. С. 54.
[2] АКАК. Т. I. Д. № 132. С. 187.
[3] АКАК. Т. II. С. 722.
[4] Milli Azärbaycan Tarixi Muzeyi. Bakı, 2008. S. 89.
[5] АКАК. Т. III. С. 346.

можность возвращения на родину Бахтики – «тетки его с ее детьми, находящейся в Карабахском владении»[1].

Ханлар родился в 1785 г. в Шуше. Получив дворцовое образование, он начал занимать важное место в системе управления Карабахским ханством. В 1805 г. он сначала получил чин бригадира русских войск[2]. Уже 11 июля того же года Ханлар был произведен в полковники[3]. Умер Ханлар, по одним данным в 1831 г., а по другим – в 1833 г. (в 1837 г. прошение14 семей ремесленников – армян из Шуши, что они уже 4 года, как после смерти Ханлара служат его брату – Ахмед-хану)[4]. Сведений о его потомстве не имеется, а судя по переходу его наследства к младшему брату, не исключено, что у него потомства и не было. Ахмед-ага родился в 1793 или 1795 г. и женился на Гюриджахан-беим – дочери Юсиф-хана Шамшадильского – родившейся около 1820 г. У них была всего одна дочь – Бахтика (Бике-ага), которая вышла замуж за генерала Гасан-бека Агаларова. У них был единственный сын Давуд-хан Агаларов-Джеваншир. Точная дата смерти Бахтики точно пока неизвестна.

instituteofhistory.ru

[1] Русско-дагестанские отношения в XVIII – начале XIX в… С. 276, 281.
[2] АКАК. Т. II. С. 703.
[3] АКАК. Т. II. С. 712.
[4] Колониальная политика Российского царизма в Азербайджане в 20-60-х гг. XIX в. Ч. I. Феодальные отношения и колониальный режим. 1827-1843 гг. М.;Л. 1936. С. 369.

1.9. «Черкесы» или аварцы Ирана: исторический экскурс и современное положение

В начале XVII века (1616 г.) большая часть населения Алазанской долины была выселена в Иран войсками иранского шаха Аббаса I[1]. Особенно значительный ущерб понесла столица Кахети – город Загеми, располагавшийся на территории современного Закатальского района АР, недалеко от аварского сел. Тала. Загеми являлся административным и торгово-ремесленным центром Кахети в XVI–XVII вв. и одной из резиденций кахетинских царей. Население Загеми в количестве 3 000 семей было поселено в Мазандеране[2].

Здесь оно довольно быстро было ассимилировано и к началу XX в. о них не сохранилось никаких сведений, однако судьба тех жителей Загеми и его окрестностей, которые оказались выселенными в Иран в любом случае представляет большой интерес для исследователей. Их участь описывает историограф шаха Аббаса I - Искендер Мунши: «Одна группа **племени энисели** и группа **грузин**, которые находились в Загеми и его окрестностях, количеством в две-три тысячи семейств под страхом уничтожения, разорения и пленения согласились на переселение и решили поселиться в Доме безопасности – Мазандаране»[3].

В связи с этим сообщением, необходимо сделать акцент на двух фактах из него. Во-первых, сообщение о поселении загемцев в Мазандеране, подтверждается другими источниками: французский исследователь Л.-Л. Беллан указывает среди эмигрантского населения иранской провинции Мазендеран, расположенной на южном побережье Каспийского моря, 3 тысячи грузинских семей из «Закама»[4]. Большинство грузинских семей Мазендерана были расселены в Ашрафе, Сари и Фарахабаде. Эти данные исходят от миссионера Пьетро дела Валле, который посетил эту провинцию

---

[1] *Малик Шах-Хусайн Систани*. Хроника воскрешения царей / пер. с персидского, пред., комм. и указатели Л.П. Смирновой. М., 2000. С. 392; *Берадзе Г.Г., Смирнова Л.П.* Материалы по истории ирано-грузинских взаимоотношений в начале XVII века (Сведения "Ихйа ал-мулук" о Грузии). – Тбилиси, 1988. – С. 90.

[2] *Lucien-Louis Bellan*. Chah Abbas I. Paris, 1932. P. 230.

[3] Сведения Искандера Мунши о Грузии / персидский текст с грузинским переводом и предисловием издал В.С. Путуридзе. Тбилиси, 1969. С. 109.

[4] *Lucien-Louis Bellan.* Ibid. P. 230.

в феврале 1618 г. Правда, в отличие от грузин Ферейдана, эта часть грузин «быстро потеряла язык, религию и культуру»[1], что, возможно, объясняется тем, что сами они являлись грузинизированными «энисельцами».

Во-вторых, из сведений Искендера Мунши можно сделать вывод о том, что население Загеми и его окрестностей было представлено грузинами и «**племенем энисели**», под которым, вероятно, подразумеваются **аварцы**, повергшиеся частичной грузинизации, т.е. потомки лупениев/лпинов и сильвов/чилбов, упоминаемых античными и древнеармянскими авторами в Алазанской долине[2].

В комментариях к переизданной недавно «Хронике войн Джара» А. Дибиров предлагает небезынтересную интерпретацию названия «энисели». По его словам, это название на аварском следует читать как «**энисел**» (> *гьенисел*, *henisel*), а переводить как «**живущие на этой стороне** [реки]». В этой связи аварское ***Гьенисел*** следует рассматривать как «аналог» грузинского названия левобережья Алазани, т.е. ***Гагма-мхари***[3]. Интересно в данной связи, что в современных эпохе Вахушти Багратиони восточных документах, касающихся Джарского союза, и в исторических хрониках это название фиксируется как «**Инисел**» (например, в фирмане Османского султана Ахмада III, от 26 февраля 1728 г.[4] выданном на имя Джарской «республики») и отождествляется с грузинским поселком Алиабад (Закатальский район) и его окрестностями (Загеми находится в 7 км от Алиабада).

Расцвет Загеми – одного из важных центров средневековой городской жизни Алазанской долины – есть заслуга гибкой внешней политики кахетинских царей XVI в., которые смогли избежать опустошительных вражеских нашествий и сделали го-

---

[1] *Oberling P.* Georgians and Circassians in Iran // Studia Caucasica. The Hague. 1963. №1. P. 137.

[2] Об этом см.: *Хапизов Ш.М.* Поселения Джарского общества (историко-географическое и этнографическое описание микрорегиона в Восточном Закавказье). Махачкала, 2011. С. 10-15.

[3] Хроника войн Джара в XVIII столетии / Комм. Дибирова А. Махачкала, 2009. С. 20. прим. 2.

[4] Сулейманова С. Археографические документы XVIII - XIX веков из Закатальского историко-краеведческого музея // Известия Академии наук Азербайджана (серия истории, философии и права). Баку, 1990. №4. С. 54 (на азерб. яз.).

род своей резиденцией[1]. Возможно на месте будущего города Загеми в прошлом существовал небольшой населенный пункт, жители которого являлись представителями местных дагестаноязычных племен. Окончательный ответ на этот вопрос мы можем получить только при комплексном археологическом изучении остатков Загеми, которое пока не проводилось. Отмечу, что название Загеми И.А. Джавахишвили этимологизирует с помощью дагестанских («лекских») языков: по его предположению название города восходит к ძიგამ (*дзигъам*), что означает «кустарник ежевики»[2]. Эта версия в целом поддержана грузинскими историками[3].

В жалобе грузинского посла, адресованной российскому государю (конец XVI в.), также содержится информация о наличии в Загеми торговцев из разных государств и представителей различных национальностей и религиозных общин. Это жалоба на действия членов русского посольства: «И там, государь, в Загеме многих земел торговых людей грабили, чалмы и шапки и сермяги и денги силно имали и жон бесчествовали, шапки з голов хватали и на кабаке пропивали. И про то, государь, государь наш услышав про их насилство от **жидов** и от **армен** и от **бусурманов** и от **крестьян** ото всяких людей, послал к твоим царским послом меня, холопа вашего»[4].

То есть Загеми, как и всякий административный и торговый центр, являлся городом полиэтничным. В отчете послов М.И. Татищева и дьяка А. Иванова в Кахети и Картли (1604-1605 гг.) содержится информация о проживании в Загеми выходцев из горного Дагестана, которые якобы сбежали от русских войск, прибывших в приморский Дагестан. В январе 1605 г. послы эти говорили царевичу Юрию, «чтоб он, собрався с своими людьми, шол на Кумыцких людей в то же время», что и воевода Бутурлин. Обосновывали свои слова последние тем, что «им есть ведомо,

---

[1] *Кутелия Т.С.* Грузия и Сефевидский Иран (по данным нумизматики). Тбилиси, 1979. С. 14.

[2] *Джавахишвили И.А.* Историко-этнологические проблемы Кавказа и Ближнего Востока. Тбилиси, 1950. С. 50 (на груз. яз.).

[3] *Чилашвили Л.А.* Города Кахетии (XIV-XVII вв.). Тбилиси, 1980. С. 282. (на груз. яз.).

[4] *Белокуров С.А.* Сношения России с Кавказом. М., 1889. Вып. I: 1578-1613 гг. С. 397.

что **Кумыцкие люди, от государевы рати збежав, живут блиско их земли у Загеми; а иные пришли в Загем з женами и з детми** (выделено мной – Ш.Х.), - тех бы велел» Юрий «побивать»[1]. Юрий, однако под разными предлогами ушел от предложения. Помимо Загеми, «кумыцкие люди» осели и в сельской местности на Алазанской равнине. Согласно информации послов: «А которые деревнишки меж Крыму (Греми – Ш.Х.) и Базару (Загеми – Ш.Х.), и те деревнишки отданы кумыцким людем для того, как поидут на Теймураза царя горские люди, кумыки, и они Теймуразу царю подают весть чтоб з гор кумыцкие люди на него Теймураза бесвестию не пришли и над самим над ним дурна какова не учинили»[2].

Исходя из объективных географических реалий (с Грузией общую границу из дагестанских народов имеют только аварцы), а также исторических и этнографических данных (см. ниже) можно предположить, что под общедагестанским для русских послов того времени этнонимом «кумыцкие люди» подразумеваются аварцы из горного Дагестана.

Чтобы подтвердить наше предположение приведем и данные европейских источников. Н. Витсен со ссылкой на барона Мейерберга, указавшего приводимые данные в описании своего путешествия в Московию, пишет: «Иверия или Иберия, которую называют Георгиа или, по-турецки, Гурджистан, имеет с запада Мингрелию…, с востока Ширванию…, с севера Кавказские горы и **древнюю Албанию, теперь заселенную (черкесами)**, с юга Армению или Туркоманию»[3]. Под черкесами (этноним, под которым, нередко подразумевают в общем северокавказцев: в Турции до сих пор всех мухаджиров из Северного Кавказа называют черкесами) Н. Витсен, возможно, подразумевает, в данном случае, аварцев и шире – дагестанцев, которые проживают к северо-востоку от Восточной Грузии.

---

[1] Там же. С. 481.

[2] *Полиевктов М.А.* Посольство князя Мышецкого и дьяка Ключарева в Кахетию, 1640-1643 гг. Тифлис, 1928. С. 159.

[3] *Витсен Н.* Северная и Восточная Татария. Вторая часть, содержащая области: Грузия, Менгрелия, Чиркассия, Крым, Астаккия, Алтин, Тингузия, Сибирь и Самоедия. Амстердам, 1705. С. 505 (на голланд. яз.); Ватейшвили Д.Л. Грузия и европейские страны: Очерки истории взаимоотношений. XIII-XIX вв. М., 2003. Т. I. Кн. 2: Грузия и Западная Европа, XIII-XIX вв. С. 515.

В таком случае особый интерес представляют сведения жившего долгие годы в Иране католического миссионера Пьетро делла Валле, который писал: «Персия, Кирман (Кармания), Мазандеран на Каспийском море и многие другие области этой империи переполнены грузинами и черкесами – ведь **многие черкесы еще издавна перешли из Черкесии на жительство в близкую к ней землю Теймураза, стали его вассалами, породнились с грузинами** и поэтому также были выведены в Персию»[1].

В данном случае мы имеем явные аналогии с сообщениями русских послов о переходе на местожительство в Загеми и его окрестности «кумыцких людей», под которыми следует на наш взгляд понимать, прежде всего, аварцев из общества Джурмут или Томур (у закатальских аварцев – *КIумур, Къумур*). В этой связи интересно, что закатальские аварцы называют место расположения Загеми *Къумур-Базар*, а выходцев из него, поселившихся в аварских селениях – кумурцами (*кIумурхьи*) или базарцами (*базархьи*). В частности, выходцы из Джурмута проживают ныне в селах Гоабтала (около 10% жителей), Нухбик (ок. 4%) и других населенных пунктах Закатальского района, в поселке Кабахчолиб, селе Цалбан и других сёлах Белоканского района.

Согласно преданиям джарцев, записанным в XIX в. А. Посербским, выходцами из Джурмута в Закатальском округе был образован тухум «джурметский», представители которого проживают в различных селениях Алазанской долины[2]. Его представителями, по полевым данным автора[3], являются, к примеру, представители тухума *Къалаял* (авар. – «жители крепости»), предки которых, где-то в середине XVII в. переселились в Алазанскую долину в поселение Кумур-Базар (примечательно в этой связи замечание Н.Г. Чубинашвили, который считает «Базар» и «Кумур-Базар» разными вариантами названия одного поселения[4]), а туда – из Томура (закат. диал. авар. *КIумур*), т.е. верховьев р. Джурмут в Тляратинском районе. По преданиям, после не-

institutefhistory.ru

[1] *Ватейшвили Д.Л.* Указ. раб. С. 50.

[2] *Фон-Плотто А.И.* Природа и люди Закатальскаго округа // Сборник сведений о кавказских горцах. Тифлис, 1869. Вып. IV. С. 8.

[3] Предание записано у жителя сел. Гоабтала Галлазул Абдулхамида Джуджул, 1938 г.р.

[4] *Чубинашвили Г.Н.* Архитектура Кахетии (текст). Тбилиси, 1959. С. 459. Прим. 5.

однократных нашествий войск Надир-шаха и его брата Ибрагим-хана Кумур-Базар был оставлен кумурскими (джурмутскими) аварцами, которые перешли в предгорные, более укрепленные поселения (Джар, Белоканы, Катех и т.д.).

Таким образом, Загеми предстает перед нами полиэтническим, преимущественно этнически грузинским, городом, в котором с конца XVI в. начинает увеличиваться аварское, в большинстве своем христианское, население, перешедшее к концу XVII в. в ислам и включенное в состав Джарского общества. В составе современных джарских аварцев есть фамилии, образованные выходцами из Кумур-Базара (Загеми).

«Черкесы» в Фарсе

Больше информации имеется о поселенных в южной, более труднодоступной части Ирана. Это население, по донесениям посланца Ватикана Пьетро делла Валле[1] папе Урбану VIII, было представлено «грузинами и черкесами, кои проживали в землях Теймураза I[2], от них (грузин. – *Х.Ш.*) неподалеку и стали уже его вассалами, совместно с грузинами, с которыми жили они, породнившись... В царском войске насчитывается более тридцати тысяч грузин, некоторое количество черкес и малое количество армян, и все они ренегаты (мусульмане. – *Х.Ш.*)»[3]. «Черкесы» из Кахети преимущественно оказались расселены в Фарсе[4], где их поселения в 1621 г. проезжал Пьетро дела Валле. В 1627 г. о живущих здесь «черкесах» и грузинах пишет Томас Герберт[5].

Н. Витсен приводит сведения Гарсиа де Силва Фигероа, который «говорит, что в его время, а именно в тысяча шестьсот двадцатом году, когда он находился в Ширазе, в Персии видел, как привезли туда плененную Бегун, принцессу или королеву Восточной Грузии или Гурджистана, это древняя азиатская Албания. Шах Аббас увез в плен из Грузии двадцать тысяч человек,

[1] Жил в Иране в 1617–1629 годах.
[2] Царь Кахети (1606–1648) и Картли (1625–1632).
[3] *Жордания Г., Гамезардашвили З.* Римско-католическая миссия и Грузия. Тбилиси, 1994. С. 362–363.
[4] *Pietro dela Valle*. Travels in Persia // Voyages and Travels / ed. Be John Pinkerton. London, 1811. Vol. IX. P. 100–101.
[5] *Sir Thomas Herbert*. Some years travels into divers parts of Africa and Asia the Great. – London, 1677. P. 152.

все христиане, которые в большинстве впоследствии были обращены в рабство и отреклись от своей веры… В большинстве своем эти грузины были обращены в рабов и рассеяны по всем областям Персии, в том числе поселены и в Махине, где образовалось их крупное поселение и в Махине, где образовалось их крупное поселение, а жили они очень бедно. Среди них находилось большое количество **черкесских христиан**, которые, чтобы избежать дома гражданских раздоров и не связываться с какой-либо из сторон, поселились на границах Грузии вблизи Персии, отсюда их и увезли вместе с вышеназванными грузинами, после того как их земля была опустошена шахом Аббасом. Здесь заканчивается сообщение Фигероа»[1].

Современные грузинские исследователи Г. Жордания и З. Гамезардашвили склонны понимать под «черкесами» кабардинцев[2]. Однако кабардинцы в значительном количестве на территории Грузии, особенно восточной, никогда не жили, да и в состав государства Теймураза не входили. Вместе с тем «Черкасией» и восточные, и европейские авторы в то время всегда называли весь Северный Кавказ с приморским Дагестаном, а черкесами почти все население Северного Кавказа[3].

Таким образом, со значительной долей уверенности можно утверждать, что под «черкесами» Пьетро делла Валле подразумевал именно христианское авароязычное население Кахети, находившееся под властью грузинских царей и подвергшееся в значительной степени языковой и культурной ассимиляции.

Современные «черкесы» Ирана

На данный момент в Иране не осталось «черкесов», которые бы знали и разговаривали на родном языке. Более того, уже к середине XX в. исследователи отмечают, что «черкесы» уже давно позабыли родной язык и разговаривают на фарси и других языках Ирана. Европейский исследователь П. Оберлинг, в 1957 г. посе-

---

[1] *Ватейшвили Д.Л.* Указ. раб. С. 518.

[2] Там же. – С. 389. Прим. 103.

[3] *Петрушевский И.П.* Государства Азербайджана в XV в. // Сборник статей по истории Азербайджана. Баку, 1949. Вып. I. С. 185; Путешественники об Азербайджане / сост. З.И. Ямпольский, под ред. Э.М. Шахмалиева. Баку, 1961. Т. I. С. 379.

тивший грузинские и «черкесские» поселения в Иране, отмечают наличие «черкесских» компактных поселений лишь в провинции Фарс[1]. Здесь он встретился с «очень старым человеком», являвшимся главой черкесской общины по имени Ширзад Фирузпур, который являлся калантаром (мэром) поселка Дезкорд. Он сообщил Оберлингу, что община черкесов состоит из более чем 120 членов и большей частью разговаривает на языке Лури, который является одним из иранских языков и близок курдскому и некоторым персидским диалектам. Кроме того, большая часть «черкесов» исповедует ислам шиитского толка[2]. По данным на 1953 г., приводимым в «Географическом словаре Ирана», написанном генералом Хосейн Али Размара в 1954 г. (Vol. VII. P. 174) в населенном пункте «Кале Черкес» проживало 562 жителя, владевших языками фарси, лури и торки (вероятно кашкайский)[3].

По полевым данным автора, который в 2009 г. встречался в Иране с грузинскими исследователями (А. Чолохадзе), изучавшими грузинские общины в южном Иране, черкесские общины имеются в районе Эклида и Абаде. По информации, полученной автором от иранских исследователей, работавших в Институте кавказских исследований (А. Шахрохи и Х. Каземзаде) компактное расселение «черкесов» сохранилось лишь в Дезкордском сельском районе.

Данный район входит в состав района Седе (Sedeh), который является частью административной области Эклид (Eqlid/ Икълид), находящейся на севере остана Фарс. Дезкордский сельский район, вернее его центр – поселок Дезкорд (Dezhkord), также известный как Исламие (Eslamiyeh), находится в 65 км к востоку от Ясуджа (город – центр остана Кохгилуйе и Бойерахмед) по дороге №78 и в 207 км к северу от Шираза (крупный город – центр остана Фарс) по дорогам №65 и 78.

По последней переписи 2006 г. в Дезкордском сельском районе в 14 деревнях проживает 7438 человек (1703 семьи), значительная часть которых являются черкесами.

---

[1] *Oberling P.* Georgians and Circassians in Iran // Studia Caucasica. The Hague, 1963. Vol. I. P. 127-143.

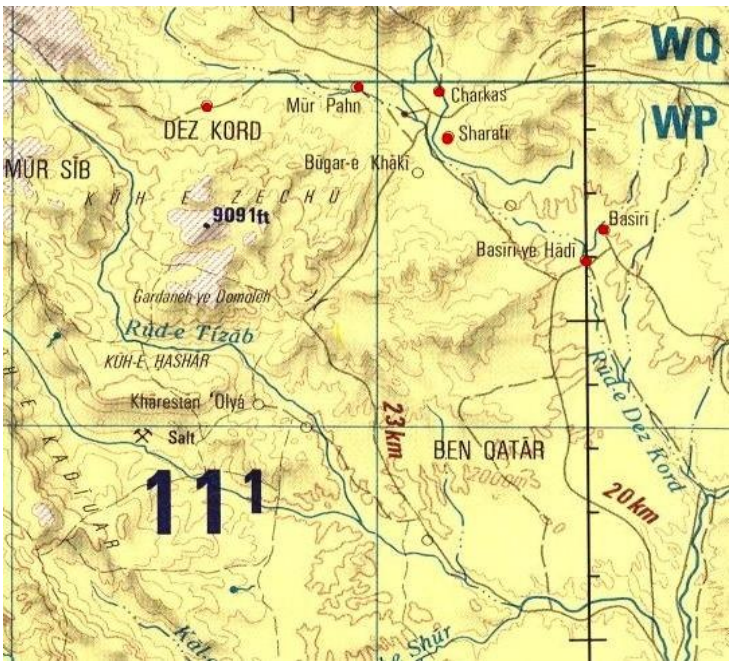
[2] Там же. P. 141-142; Encyclopedia Iranica. 2001. Tom. 10 / ed. Ehsan Yarshater. P. 497.

[3] *General Hoseyn Ali Razmara*. Farhang-e-Joghrafiya-ye-Iran. 1954. Vol. VII. P. 174.

Квартал Черкес населенного пункта Eslamiyeh

Большинство из них проживает в центре района – поселке Исламие, а полный список населенных пунктов данного района с количеством жителей в каждом из них (в скобках – количество семей, курсивом выделены населенные пункты, большинство жителей которых являются «черкесами»), представлен ниже:

1. *Eslamiyeh 4187 (975).*
2. Tang-e Boraq 425 (100).
3. Jamal Beyig 305 (76).
4. Pahnay Behi 297 (61).
5. Javadiye-ye Bugar 276 (57).
6. Sadatabad 270 (61).
7. *Mur Pahn 266 (48).*
8. Kharestan-e Sofla 257 (59).
9. Kharestan-e Olya 255 (64).
10. *Baseri Hadi 248 (46).*
11. Nurabad 234 (58).
12. *Baseri Aqajan 142 (37).*
13. *Jadval-e Now 129 (32).*
14. Qatar Aghaj 147 (29).



Почти все населенные пункты Дезкордского сельского района расположены в долине реки Руд-е-Дезкорд, которая в районе поселка Дезкорд собирает в себя различные притоки и образует горную котловину с возможностью орошения пахотных земель. Поселок Дезкорд делится на две неравные части, разделенные речкой и имеющие самостоятельные названия – Чаркас и Шарафи. В микрорайоне Чаркас около 2,8 тыс. чел., большинство из которых считает себя «черкесами», хотя владеют лишь языками фарси и лури и являются мусульманами-шиитами. Кроме того, «черкесами», по нашим данным являются жители еще нескольких населенных пунктов (выделены курсивом в приведенном выше списке н.п.). Об этническом составе прочих населенных пунктов надежных данных нам собрать не удалось, хотя нам говорили, что и в других населенных пунктах данного района имеются «черкесы».

institute of history.ru

Также нам удалось уточнить, что какая-то часть «черкесов» оказалась и среди курдов западного Ирана. Это жители сел. Чаркас (Charkas), расположенного в остане Керманшах (Сонгор каунти, центральный район, сельский район Гавруд). В нем живет 9 семей, состоящих из 57 членов.

В общем, на данный момент на территории Ирана проживает около 5 тысяч «черкесов», которые на самом деле являются потомками аварцев, проживавших в Алазанской долине и в начале XVII в. переселенных в южную часть Ирана шахом Аббасом I.

1.10. Туралиб – Каспийск: связь времен

Основание Каспийска – четвертого по величине города Дагестана, многие наши земляки, в том числе и авторы книги по истории этого города, возводят к началу 1930-х гг. Именно тогда, в 1931 г. в ЦК ВКП(б) рассматривался вопрос о строительстве завода по выпуску морского оружия, при котором должен был образоваться и рабочий поселок. Во время прений в правительстве, В.М. Молотов предложил построить его близ города Сумгаит, что на территории Азербайджана, однако С. Орджоникидзе настоял на местности в 14 км южнее Махачкалы на берегу Каспийского моря. Это предложение поддержал и руководитель СССР – И.В. Сталин, что и стало фактически главным фактором, способствовавшим выбору в январе 1932 г. именно этого места под строительство. Выполняя решение руководства страны 18 марта 1932 г. группа геологов из 17 человек на трех телегах двинулась из Махачкалы в сторону «долины смерти», как называлось место будущего основания Каспийска. Потратив 7 часов, они лишь к вечеру достигли горы, ныне известной как каменный карьер. По пути им пришлось преодолеть множество преград: болота, озерца, топи и тучи комаров. Они построили на склоне этой горы небольшой домик из досок. 5 мая 1932 г. по всему СССР было объявлено о начале стройки[1]. Вскоре здесь вырос поселок, получивший название – Двигательстрой, а еще через несколько десятков лет населенный пункт получил статус города и название – Каспийск.

Однако вместе с тем почти ничего не известно об истории местности, в которой возник город и предыстории данного населенного пункта, чему и посвящена данная статья. Известно, что в XVIII в. Каспийское море заметно отступило от гор в результате падения уровня воды в нем. В результате между морем и горами образовалась песчаная, солончаковая, местами заболоченная пустыня, где не было постоянного населения.

М.М. Абачараев и Р.Н. Дагларов – авторы книги о Каспийске – пишут, что данная местность, давно известная среди дагестанцев как Турали, получила свое название от слов: «Тур, Али!», что по-кумыкски означает «Встань, Али!» Якобы, согласно одной ле-

[1] *Абачараев М.М., Дагларов Р.Н.* Мой город родной. Махачкала, 2009. С. 3, 6-7.

генде, чабаны с отарой овец проходили через эту местность и в районе каменной горы, один из пастухов, не выдержав жары, духоты и комариных укусов, упал на землю и умер. Его спутники и кричали ему: «Тур, Али!». Согласно указанным авторам, «после этого случая Каменная гора стала называться Турали, а территория вокруг нее – Туралинская земля»[1]. Однако, во-первых, данная этимология явно надуманная, что чувствуют авторы и ссылаются на какую-то легенду, как источник, а во-вторых, название Турали изначально носила не гора, а соленое озеро, расположенное чуть южнее.

Соляное озеро Турали

Веками это озеро являлось источником соли для значительной части Дагестана и даже восточной части Чечни. Как пишет А.М. Буцковский в 1812 г. дагестанцы и частично чеченцы получали соль из «соленого озера Турали, меняя оную на просо и хлеб»[2]. Об этом же пишут в 1831 г. М.К. Ковалевский и И.Ф. Бларамберг: «в 15 верстах от Тарку находятся соленые озера, из коих за некоторую плату позволяется брать соль дагестанцам, кумыкам и пр. как для собственного пользования, так и для продажи»[3].

Журналист К. Алиев, рассуждая об этимологии названия Турали («название соляных промыслов на побережье Каспия») предполагает, что это «этнотопоним», т.е. название племени или народа, отложившегося в названии местности. При обосновании своей версии он ссылается на «южно-осетинский эпос» (!?), эпос «Китаб-и Дедем Коркуд» и наличие подобного названия среди татар, живших в Тобольской губернии[4]. Понятно, что эта версия явно надуманна и ничего общего с реальной историей топонима не имеет. Ценность в данном случае имело бы лишь привлечение собственно кумыкской лексики. Но из-за отсутствия объяснения на базе данного языка, вряд ли стоит привлекать для этих целей народные легенды Южной Осетии, Туркменистана и прибегать к

[1] Там же. С. 4.

[2] История, география и этнография Дагестана. XVIII-XIX вв. Архивные материалы. М., 1958. С. 244.

[3] Там же. С. 308.

[4] *Алиев К.М.* Таргу-наме. Лексикон. Махачкала, 2001. С. 245; Турали // Кумыкский энциклопедический словарь. Махачкала, 2009. С. 158.

аналогиям с якобы имевшим место названием какого-то племени, жившего за несколько тысяч километров от Дагестана. Тем более, что названия озер, согласно правилам образования топонимов, крайне редко бывают увязаны с этнонимами.

Отметим, что все вышеуказанные этимологии не имеют ничего общего с конкретными географическими и природными условиями местности, а вернее – озера, содержащего высокий процент содержания соли и всему Дагестану известного как главный источник получения этого минерала. Между тем, в аварском языке имеется близкий по смысловому содержанию и по звучанию слово «тури», означающее «рассол» или «соленую воду»[1]. Если в литературной норме аварского языка данное слово используется в форме «тури», то в северных диалектах (Хиндалал, Магдилал) употребляется форма «турали», которая полностью идентична названию озера. Это обстоятельство, а именно – наличие слова, логично объясняющего название соленого озера Турали, в переводе с аварского языка означающего «соленую воду» (в обиходе и «рассол»), позволяет с полной уверенностью отмести прочие этимологии и считать этот вопрос закрытым. Старики – аварцы, после основания города на этой земле, перенесли данное название на Каспийск и сейчас имеет бытование названия «Туралиб»[2]. Кстати, эта версия получает еще одно подтверждение тем, что согласно А. Тамаю озеро Турали имело и другое название – Тузлук («рассол, соляной раствор»), распространенное видимо у кумыков наряду с Турали[3]. Таким образом, Турали являлось, видимо, первоначальным названием озера, с аварской этимологией, на которое наслоилось собственно тюркское название (Тузлук) с тем же смыслом. Но второе название имело локальный характер, т.е. использовалось только самими кумыками и то лишь частично, поскольку кумыки также в основном использовали название Турали.

Вместе с тем, вышеуказанный К. Алиев интуитивно пытается увязать название местности Турали с боковой ветвью аварских нуцалов – Турловых, что нуждается в объяснении. В самом деле,

---

[1] *Саидов М.С.* Аварско-русский словарь. М., 1967. С. 482.

[2] *Дибиров А.* МагIарухъ жумхIурият (Дагъистан республика). Административияб рикьи. МахIачхъала, 2013. Гь. 7 (на авар. яз.).

[3] *Тамай А.* Материалы к вопросу о феодализме в истории Дагестана // Революционный Восток. М., 1935. №5 (33). С. 116-137.

налицо аналогия между *турали* и аварским мужским именем *Туралав*, которое послужило основанием для образования фамилии *Туралал*. Имя это было характерно для аварских нуцалов начиная с XVI в.[1] и несмотря на распространение мнения о форме его написания в виде «Турурав», на деле в письменных источниках фигурирует как «Турарав»[2], или «Туралав»[3]. Г.М.-Р. Оразаев дает его в форме «Турлав», однако поскольку имя это не огласовано, пропуск фонемы «а» вряд-ли оправдан. Ответом на измышления некоторых авторов о том, что Туралал (Турловы) якобы не являются ветвью аварских нуцалов, помимо многочисленных документов, введенных в научный оборот Т.М. Айтберовым, можно считать письмо, написанное самими Турловыми в 1756 г. В нем они указывают, что «наш предок… вышел из Авара» и что он «отделился от князя Авара»[4].

В конце XIX в. сел. Телетль Шамильского района представитель привилегированного сословия (*чанка*) носил имя Турулав. Большая их часть была убита наибом Кебед-Мухаммадом и к концу XIX в. остались две семьи – *Гьанкалава* и *Турулава*. Согласно объяснению его потомка – Таймасханова Ибрагима, 1938 г.р., корнем имени Турулав является слово *тури* («рассол, соляной раствор»), при добавлении к которому суффикса *-лав* (аналог русского «-вич») было образовано имя Туралав. По его словам, соль раньше в горном Дагестане являлась дорогостоящим товаром, поскольку за ней приходилось ехать далеко, потратив на дорогу несколько дней и рискуя заболеть малярией. Поэтому соляной раствор могли позволить себе обеспеченные люди, в то время как бедняки и средний слой пользовались солью лишь в крайних случаях и в малых дозах. Поэтому рассол считался привилегией богатых людей и по аналогии с другими «элитными» товарами (*месед* «золото» – *Меседу* «золотце» и одновременно «принцес-

---

[1] *Айтберов Т.М., Шихсаидов А.Р.* Из дагестанских памятных записей // Восточные источники по истории Дагестана. Махачкала, 1980. С. 124-125; *Хайдарбек Геничутлинский.* Историко-биографические и исторические очерки / пер. Т.М. Айтберова. Махачкала, 1992. С. 43.

[2] *Айтберов Т.М.* Источники по истории Аварии XVI-XVII вв. // Развитие феодальных отношений в Дагестане. Махачкала, 1980. С. 185, 186.

[3] *Оразаев Г.М.-Р.* Памятники тюркоязычной деловой переписки в Дагестане XVIII в. Махачкала, 2002. С. 174, 176, 254.

[4] Там же. С. 254.

са»; *гIарац* «серебро» – *ГIарцулай* «серебряная») от его названия сначала видимо образовалось прозвище – Турулав. Если в Тететле распространение имело имя Турулав, то в большинстве других аварских селений, это имя употреблялось в форме Туралав.

Кстати аварское *тури* имеет аналогии в других родственных языках, в том числе изолированных в труднодоступных горных ущельях и потому исключающих заимствование этого слова у других народов: в цезском – *ту*, тиндинском – *то*, гинухском – *турулъ* «в рассоле», годоберинском – *тури* и т.д. Есть и производное от него – *турали*, т.е. «соляные прииски». Соответственно Туралав означает «обладающий добычей соли», являвшейся в средневековье ценным и стратегическим товаром. Не зря это имя в средневековье носили только члены привилегированных сословий и только позднее оно распространилось и среди других сословий.

instituteofhistory.ru

Братья Маккаевы из Чоха – владельцы Турали до 1920 г.

В начале XX в. вся местность Турали принадлежала богатым овцеводам – братьям Маккаевым из аварского сел. Чох Гунибского района. В 1930 г. их репрессировали и все имущество было конфисковано, в том числе и кутан Турали изъятый у них еще в 1920 г. Как следует из уголовного дела одного из братьев – Хабибулы Маккаева: *«Владел кутаном «Турали», барантой 2 000 голов, КРС – 25 голов, дом стоимостью 2000 руб., хутор стоимостью 700 руб., сенокосными участками 100 га, пахотными участками 3 га, лес 5 га. «Турали» на плоскости – 2000 га, сенокосные и пастбищные участки, лес в Чохе и часть баранты в 800 голов были конфискованы в 1920 г…. В 1930 г. все имущество было конфисковано, кроме оставленной трудовой нормы»*[1]. Такие же характеристики были и на других братьев, также подвергшихся репрессиям в 1930-е годы. В архивном фонде Статистического комитета Дагестанской области в списке землевладельцев 1-й группы частных собственников Темирханшуринского округа за декабрь 1905 г. под №127 числится Маккашарип Маккашарипов, житель сел. Чох, владеющий 1758 десятин (га)

[1] ЦГА РД. Ф. 278-П. Оп. 1. Д. 28. Л. 102; *Тахнаева П.И.* Аул Чох: Мир ушедших столетий. М., 2010. С. 527.

близ села Тарки[1]. Умер он в 1921 г. в возрасте 103 года. Недалеко от Тарки 1156,7 га владел и его односельчанин Мамаласул Мамалав[2].

Видимо, сыновья Маккашарипа – вышеуказанные Маккаевы увеличили территорию кутана, поскольку в 1920-м г., когда у них забрали местность Турали, им здесь принадлежало уже 2000 га. Как пишет, в своем письме от 18.04.2011 г. их потомок – ныне покойный Маккаев М.-П.Х.: *«Мой отец – Маккаев Хайбула, братья отца – Ибрагим, Абдула, Гадис – жители сел. Чох… до установления советской власти в Дагестане были богатыми людьми – овцеводами. У каждого было около 3 тыс. голов овец, им принадлежали земли от Редукторного поселка в г. Махачкале до станции Манас, от моря до железной дороги, которые использовались как зимние пастбища для овец. На бугре, где расположено кладбище г. Каспийска, в 1917 г. ими был заложен фундамент для строительства жилого дома. Моему отцу и его брату Ибрагиму принадлежал двухэтажный дом по улице Пушкина №2, где раньше располагался горисполком г. Махачкалы, пориходованный как бесхозный. Лично моему отцу принадлежал кутан Турали, 2 тыс. гектаров земли. При раскулачивании в 1930 году документы о принадлежности этих земель и дома у них отобрали. Выросли мы в тяжелых условиях, как и все дети раскулаченных, без отца, погибшего в Сибири. В семье у нас сиротами остались семеро малолетних детей на иждивении матери. Когда арестовали отца в 1930 г., самой старшей сестре было 13 лет, а мне – младшему – не было и полгода»*.

Таким образом, первым жилым строением, построенным на территории Каспийска, являлся дом Маккаевых, возведенный в 1917 г. на склоне горы, известный ныне как Каменный карьер.

Старики Каспийска помнили о том, что эта земля принадлежала братьям Маккаевым из Чоха. В 1957 г. к автору вышеуказанного письма – Магомеду Хабибулаевичу Маккаеву, работавшему на почте в г. Буйнакск, пришли трое жителей города Каспийск во главе с уроженцем села Урма по имени Микаил.

[1] ЦГА РД. Ф. 21. Оп. 4. Д. 101. Л. 199.
[2] ЦГА РД. Ф. 21. Оп. 4. Д. 101. Л. 199.

В Каспийске решили создать мусульманское кладбище и его, как наследника этой земли, мусульмане решили попросить разрешения на использование ее на указанные цели (*хIалал*). Мы знаем, что землей, на которой основан Каспийск, владел еще твой дед – Маккашарип, сказал Микаил из Урма. Магмоед конечно не отказал в просьбе[1]. Через 43 года – в 2000 г., в Каспийске на стене вновь построенной Джума-мечети была установлена мраморная плита с надписью о том, что до 1917 г. земля г. Каспийск и прилегающей территории принадлежала братьям Маккаевым из с. Чох, а их потомки дают благословение на ее использование всем жителям города[2].

instituteofhistory.ru

[1] *МахIамIов М.* ХIалалаб ракьалда гIумру баракатаб букIуна // «ХIакъикъат». МахIачхъала, 11.01.2001 с. Гь 6 (на авар. яз.).
[2] Там же.

1.11. Историческая география Бабаюртовского района (XVIII-XIX вв.)

Территория современного Бабаюртовского района в физико-географическом плане представляет собой зону формирования дельтовых пространств (сочетания конусов выноса твердого стока рек с перманентно затапливаемыми паводковыми водами низинами) целого ряда горных рек, главными из которых выступают Терек и Сулак. Между постоянно перемещающимися (а на некоторых исторических этапах даже соединяющимися друг с другом) устьями этих двух крупных рек по густо заросших камышом и лесными массивами территориям здесь испокон веков пробегали бурные воды Аксая, Акташа и их многочисленных протоков. Сейчас воды всех этих рек зарегулированы.

Масштабные мероприятия по зарегулированию рек дагестанского междуречья начались примерно в первой четверти XIX в. После завершения войны с Наполеоном российский император направил в г. Кизляр несколько тысяч пленных французов для выполнения каторжных работ по обвалованию Терека как в районе города, так и несколько выше по течению для стабилизации паводкового режима крупнейшей реки Северного Кавказа [1]. Берегоукрепление в низовьях Терека в те годы имело и стратегический характер, поскольку берега этой реки выступали южным кордоном империи и одновременно плацдармом для покорения народов Северо-Восточного Кавказа.

Нынешнее Терско-Сулакское междуречье республики представляет собой совершенно иное эколого-географическое образование, нежели то, каковым оно было 200 лет назад. Сейчас – это в прямом смысле житница Дагестана, где за период XX века сформировался по сути самый крупный его сельскохозяйственный потенциал [2]. Однако примерно до середины XIX в. эта территория представляла собой зону исключительного природно-экологического риска, где чуть ли не ежегодно возникали катастрофические наводнения в результате прохождения паводков на реках Терек, Аксай, Акташ или Сулак. Поэтому в предыдущие века люди здесь предпочитали не селиться, а лишенные тростниковой растительности сухостепные участки использовались пре-

имущественно для сезонного выпаса скота жителями соседних территорий.

В советской исторической науке сложилось любопытное идеологическое клише для объяснения причин отсутствия признаков древнего расселения на некоторых преимущественно равнинных участках территории Дагестана, а именно – "человеческий мор", якобы имевший место там в результате прохождения в XIII–XIV вв. зловещих полчищ сначала монголо-татар, а затем жестокого Тимура. Хотя такого рода доводы совершенно лишены историко-географического обоснования, они до сих пор используются для объяснения истории расселения некоторых локальных групп населения Дагестана. Да и, вообще говоря, в последние годы тема "исторических лакун" в геоэволюции отдельных дагестанских поселений вдруг стала очень популярной на фоне взбудораженного имперского ренессанса в стране.

Итак, достоверно известно, что в первой половине XVIII в. территория дагестанского междуречья практически не имела постоянного населения. Например, А. И. Лопухин, проезжавший в 1718 г. по территории современного Бабаюртовского района, упоминает на ней только ногайцев, и то в их кочевых поселениях. Он продвигался по степи в северо-западном направлении от места впадения Сулака в море прямо к Кизляру, то есть через место расположения нынешнего административного центра рассматриваемой территории – с. Бабаюрт. При этом Лопухин не рассказывает о каких-либо постоянных поселениях, хотя его описания местностей отличаются чрезвычайной подробностью [3]. У И.-Г. Гербера (1728 г.) Бабаюртовский район ("*от Терека до устья реки Сулака"*) упоминается как территория, не имеющая постоянного населения: ***"Сей пустой уезд (незаселенный), в котором ни деревни, ни жителей, кроме ногайцев, которые, бывают, тамо кочуют"*** [4].

Кроме ногайских кочевий, здесь имелись и кутаны аварских селений, о чем свидетельствует ряд авторов XIX в. Аварцы "сгоняют свои овечьи стада на равнины в зимние месяцы, пока горы не обнажатся от снега" [5]. Осенью "степь" нынешнего Бабаюртовского района "наполняется барантою, пригоняемою сюда на зиму с Тавлинских гор" [6]. К примеру, ногайское селение Мужу-

кай Бабаюртовского района основано на месте аварского кутана, от которого осталось только разрушенное кладбище, называемое местным населением "Тавлажи" (Тавлу-Хаджи). Происшедшее в 1742 г. землетрясение разрушило весь кутан, от которого осталось только кладбище [7]. Весь север района по правую сторону реки Терек, ныне известный как Шава, был покрыт сетью кутанов Чиркея и других аварских селений уже с XVII в.

Якоб Рейнегс, служивший в 1780-х гг. в Тифлисе и Астрахани, дает следующее сообщение о наличии на территории Бабаюртовского района постоянного населения: *"От устья реки Терек к югу по приморским берегам между болот и лесов, называемых карагач, а коих река Акдаш-суи теряет свое течение до самые реки Койсу, находятся еще некоторые татарские и кавказские поколения, которые в сей стране со стадами своими кочуют и столь часто жилища свои переменяют, сколько нужда требует. Поколение Девлет-Керай и Арслан-бей до 800 семей простирается. А миргайские и кайтугские пастухи щитают 230 шатров, а селения, происшедшие от карабулаков и ингучей, заключают в себе 1200 домов"* [8].

Кроме того, этот же автор пишет, что на берегу реки Сулак, при выходе ее из горного ущелья на равнину, расположены аварские *"деревни Миедли и Циергут, из 600 дворов состоящие, из коих некоторые вдоль по реке Койсу даже до самых морских берегов простираются, которыя кроме земледелия должны еще иметь присмотр за кораблями, при берегах их разбитыми, ибо шамгал пользуется частию следующего ему по праву набережному. Циергут прежде называлось Иран-Калеси, стены старой нагорной крепости и теперь еще там находятся"* [10]. Вероятно, миатлинцы и зубутлинцы в зимнее время жили на своих кутанах, расположенных на левом берегу Сулака, вплоть до Каспийского моря. Таким образом, можно предположить, что на территории нынешнего Бабаюртовского района в конце XVIII в. проживало около 800 семей кочевых ногайцев, 1200 семей ингушей и родственных им карабулаков, живших между ними и чеченцами, а также около 1430 семей саламеэрских аварцев, в основном происходящих из сел Чиркей, Дайтух (Бавтугай), Миатли и Зубутли.

Возникновение постоянных поселений в Бабаюртовском районе.

Первоначально Эндирейское княжество состояло только из одного крупного поселения – Эндирей. Однако после разорения этого селения войсками Петра I 23 июля 1722 г. [11] население начало постепенно переселяться в другие места, в т.ч. и Аксай. Имеются подтверждения того, что Аксай состоял как из населения, переселившегося из Эндирея, так и недавних переселенцев из Аварии и Чечни. К примеру, только за период 1846–1865 гг. в Аксай переселилось 303 семьи, из которых 189 – аварцев, 85 – чеченцев и 20 – акинцев [12].

В августе 1825 г. Старый Аксай был разрушен и основан на современном его месте расположения. Однако часть жителей Аксая, состоявшая из аварцев, переселившихся ранее из Анди и окрестных селений, укрылась в лесах, на правом берегу Терека. Два года они провели в этих лесах, а на третий разлив Терека разрушил их турлучные жилища. Согласно преданиям, это заставило их переселиться на удаленное от Терека место, где позднее выросло селение Хамаматюрт Бабаюртовского района. Таким образом, Хамаматюрт был сооружен в 1828 г. андийскими аварцами.

Эти сведения основаны на преданиях, записанных учителем Хамаматюртовской школы Хайбулой Даибовым и уроженцем Аксая Рашидбегом Исламовым. Со слова Даибова, выходцы из Анди проживали и в Аксае (Кадыраджиевы). Краевед Багрудин Мирзоев пишет, что в 1970-х гг. встречал Шарапудина Кадыраджиева, который подтвердил достоверность этих фактов из других словесных источников [13].

institute of history.ru

Самые старые селения Бабаюртовского района в большинстве своем возникли в 1820–30-х гг. путем переселения из старого Аксая, разрушенного русскими войсками на первых этапах Большой Кавказской войны.

Дибираул, ставший Бабаюртом. В 1279 г.х./1862–-63 г. переписчиком, указавшим себя как "Дибирилав из Бабайурта", была переписана рукопись "Хашийат Дауд" [14]. Обращает на себя внимание обозначение переписчиком себя в форме не имени соб-

ственного, а отчества и притом в типичной для аварского языка форме – Дибирилав (Дибирович, т. е. сын Дибира). Аварское и само имя, в переводе означающее "мулла" или "имам мечети". Названный Дибирилав и его брат, оказывается, были основателями двух крупных селений – Бабаюрт и Татаюрт.

Согласно преданиям, сохранившимся среди Дибировых и записанным ***Дибировым Дибирсолтаном Данияловичем*** (житель с. Бабаюрт, краевед-любитель, ветеран труда, кавалер ордена "Знак почёта"), генеалогия братьев Магомеда и Тота Дибировых в 5-м колене исходит к Дибиру – сподвижнику Султан-Махмуда, выходцу из Салатавии, ставшему потом сала-узденем. Еще сам Дибир, оказывается, получил обширные земли в районе между реками Терек и Сулак. По словам Дибирсолтана Данияловича (данные им почерпнуты из ЦГА РД [15]), Тота Дибиров родился в селении Аксай в семье первостепенного сала-уздена Дибира Дибирова, в 1794 г. и умер в 1868 г. в возрасте 74 лет. Магомед Дибиров был старшим братом Тота Дибирова и умер в Бабаюрте в 1833 г.

С 1819 г. начинается создание Магоматова Моста. Согласно грамоте, выданной генералом Ермоловым в 1819 г., "от Бувгана (т. е. плотины, которая была сделана для направления р. Аксай на восток) до самого моря предоставил в распоряжение Узденя ***Магомата Дебирова*** с родственниками для устройства моста через р. Аксай по Кизлярской дороге на Казиюрт, на что и выдал от себя грамоту". "Магоматов Мост" должен был стать опорным пунктом на военном тракте, продолжающем Кавказскую Линию *"среди дороги, идущей из Кизляра в Казиюрт ... потому что место, где должна производиться эта работа, находится в степи, подверженной хищническим нападениям"*.

Магомед Дибиров жил в этом селе, названном его именем, до своей смерти, наступившей в 1833 г. По архивным сведениям, *"он первый выстроил мост, служащий главным нашим сообщением с Шамхальством Тарковским"*. 2 ноября 1831 г. имам Гази-Мухаммад, с 900 всадниками возвращаясь ночью из похода на Кизляр, сжёг Магоматов Мост, но вскоре его восстановили. Укрепление было в форме квадрата, обычно его окружал ров, вал

с колючками с той стороны, где ждали нападения, ворота были стальными.

Различные варианты обозначения отражают историю его развития: Магаматов пост,
Деревня Дибирова Магамата, Дибир-аул и т. д. Как пишет Казихан Казанбиев, вначале в Дибир-ауле, или Магометовом Мосту, находились всего 5–6 хозяйств. Население жило на сборы от проезжавших через мост путников, продажей рыбы и другой хозяйственной деятельностью. После известных событий 1825 г. в старом Аксае, а также после реформы 1861 г. сюда начали переселяться новые жители и село значительно разрослось. Находилось оно южнее нынешнего животноводческого комплекса совхоза "Дагестан".

Также стоит отметить, что командир отдельного Кавказского корпуса в 1836 г. предписывает приставу *"поселить аксаевских, эндиреевских ногайцев на реке Камбулатке, у Магометова моста, и местности Тотраз"*. Здесь они были поселены наряду с аксаевскими жителями, населявшими в основном поселение Бабаюрт, которое располагалось рядом с Магометовым Мостом. На месте современного Бабаюрта в 1825 г. поселились выходцы из квартала Захавул села Аксай во время его переселения после разрушения Аксая в 1825 г.

Старое селение Бабаюрт располагалось на левом берегу реки Ямансу, по дороге из Хасавюрта в Аксай. Согласно тексту прошения сала-узденя Алхамата Кандаурова – потомка гелбахского нуцалчи Бегава – от 22 октября 1864 г: "В Аксаевском участке на берегу реки Яман-Су находится участок Бабаюрт, на котором была деревня прадеда моего по матери, Аксаевского узденя Баба Сеитова, а сему последнему была подарена земля эта в неотъемлемое и потомственное владение от Аксаевского князя Муртазали Капланова, по примеру тому, как получают землю от князей и владеют ими бесспорно некоторые из кумыкских узденей". Изображён этот Бабаюрт на дорожной карте 1842 г., возле сёл Баммматбекюрт, Османюрт на левой стороне Яман-Су. В поземельных спорах отражены имевшиеся в этих местах участки земель и у Дибировых, и у Каплановых что может говорить о связях обоих Бабаюртов.

После сильных паводков и наводнений 1906-1908 гг. на реках Акташ и Аксай жители Магомедова моста были вынуждены оставить свое место жительства и переселиться в Бабаюрт. А до этого переселения по данным Всероссийской переписи населения 1896 г. в Магомедовом мосту проживало 165 человек, в Бабаюрте – 410. Тем самым Бабаюрт вобрал в себя население Магоматова Моста (Дибировки) и Каплановки. Бабаюрт стал крупным поселением, состоявшим из двух частей: кумыкский аул (западная часть) и ногайский аул (восточная), разделенные примерно по бывшей улице Комсомольской.

Татаюрт или Эйгенгейм. Как пишет Дибирсолтан Дибиров, по родословным сказаниям Дибировых и данным Государственного архива РД, селение Татаюрт (изначально Тотаюрт), основан в середине 1820-х гг. Тота Дибировым [16]. Там же имеется карта и межевой план дачи "Тотаюртовский" узденя корнета Тота Дибирова. Сохранились сведения, что в 1849 г. Тота, сын Дибира, купил у других лиц принадлежавшие ранее ногайцам "самые лучшие земли из тех мест, в которых мы обитали и на которых пахали" [17]. В 1864 г. была обмежевана "дача Тотаюрт, принадлежащая узденю, корнету Тота Дибирову, в количестве 1010 десятин земли". Под дачей в XIX в. имели в виду сельхозугодья, на которых построены жилые здания. Согласно данным конца XIX в. в селении, помимо родни самого Дибирова, жили кочевые ногайцы, которые, видимо, окончательно не обвыкли к оседлой жизни.

По данным истории селения, опубликованной на официальном сайте Татаюрта, селение основано в середине XIX в. аксаевским первостепенным узденем Тота Дибировым. Имя его оно носит и поныне, но после заселения в 1900 г. немецкими переселенцами из Бессарабии стало известно под названием Эйгенгейм. Ими было приобретено 2000 десятин земли. В колонии имелась школа. В 1914 г. в колонии проживало 458 человек. Немецкое селение было разорено и покинуто жителями в 1918 г., в результате чеченского набега. После окончательного установления Советской власти часть жителей вернулась. Но в 1944 г. все немцы и чеченцы, переехавшие в 1920-х гг., были выселены в Казахстан и Среднюю Азию. После выселения немцев в 1944 г. селение полу-

чает название "Совхоз имени 15 лет ДАССР", а впоследствии Татаюрт и заселяется кумыками и ногайцами. После реабилитации в село вернулось несколько немецких семей, а также здесь поселились вернувшиеся чеченцы [18]. Сейчас в Татаюрте живут ногайцы, кумыки, чеченцы, аварцы и другие народы Дагестана.

Сведения Дибирсолтана Дибирова о своем тухуме. Как рассказывали старожилы, Тота родился недоношенным и был совсем маленьким, его держали в папахе до возраста 5–6 месяцев.Когда же вырос, он стал мужчиной крупного телосложения, с крепким здоровьем, мужественным, с сильным характером. Физически сильный и с ясным умом, он все делал по-своему, умел других подчиняться собственной воле. В архивных материалах характер Дибирова так и охарактеризован: "сдирчивый, кипучий". Он организовал и возглавлял строительство нынешнего канала "Тотаюртовский", "для орошения пастбищ и пахотных земель, пойла скота и для бытовых нужд населения". Тогда не было артезианских скважин и колодцев было мало. Грунтовая вода лежала на глубине 7–10 метров и в основном бывала соленой. Тота нанимал много рабочей силы. Верхом на коне указывал, где устанавливать маяки по траектории будущего оросителя, которого народ и назвал его именем "Тота татаул". Хотя рельеф местности и равнинный, имелись определённые возвышенности и низины. Почти по всей территории пересекались старые русла реки Аксай. А ороситель, как известно, должен проходить по возвышенным участкам и с равномерным уклоном.

Незначительная ошибка стоила огромного и изнурительного ручного труда плюс немалых затрат. Поэтому данное строительство требовало неимоверного напряжения, усердия и настырности. Тота-татаул брал своё начало от Захь-татаула около селения Бабаюрт, точнее в районе нынешнего кафе "Междуречье" (шлюзы Бийболат агъава). А Захь-татаул – это нынешний канал Бабаюртовский, который был построен жителями Захьаула селения Яхсай для полива своих земель в этих местностях.

Когда в 1930-х годах так же вручную строили канал им. Дзержинского, использовали именно трассу Тота-татаула от селения Бабаюрт до селения Тотаюрт. Это говорит о том, что Тота и его сподвижники, не имея специального мелиоративного обра-

зования и приборов (теодолит, нивелир) очень грамотно определили трассу будущего оросителя Тота-татаула. Впоследствии, в 1980 годах, трасса канала им. Дзержинского была скорректирована и выпрямлена мощной техникой. Таким образом канал им. Дзержинского приобрёл нынешний вид. Строительство Тота-татаула длилось целое лето, продолжалось осенью и зимой, так как к весне нужна была вода для полива посевов, пастбищ и других нужд.

Тота Дибиров с 1842 г. начал первым разводить марену (красящее растение) на плоскости возле Магоматова Моста, а затем в Тотаюрте, где был старшиной. Несмотря на заслуги, был несколько раз арестован, сидел 14 месяцев в заключении в Дылымской башне.

Тота был строг и требователен как к окружающим, так и к себе, своей семье. Сам был исключительно трудолюбив, и ценил трудолюбие в людях. Порядочность, смелость и честность были присущи ему с детских лет. В то же время в нём чередовались щедрость и жалость к слабым, особенно больным и сиротам. Эти черты характера не могли не отразиться и на членах его семьи.

Внук брата Тоты, Магомеда Дибирова, тоже Магомед Дибиров (Мамам), впоследствии первым председатель Бабаюртовского ревкома (в 1920 г.) постоянно содержал сирот, обучал грамоте детей из бедных семей. Много фактов на эту тему приводил один из его учеников, ныне покойный Алхамат агъав, Камбулатов Ильяс из с. Карт-Юбе. Один из воспитанников Магомеда Дибирова, ногаец по национальности, Ахмеджан Мустафаев, рассказывал автору этих строк много эпизодов из жизни Тота и его племянника Магомеда. По его рассказам, Магомед сам не садился за стол, пока жена не накормит сирот, которые были им усыновлены и жили, росли вместе с его детьми. По рассказам того же А. Мустафаева, двери узденей Дибировых всегда были открыты для жителей и путников этих краёв. За это народ плоскости уважал и чтил их.

Согласно данным Госархива РД у Тота семья состояла из жен Шекер и Баке; сыновей – Салимгерея, Алимгерея, Арслангерея, Мажидгерея и Закарьи (Заки). Закарья родился в 1836 г. и долгое время работал шариатским судьёй в с. Аксай. Его правнуки Ди-

institute of history.ru

бировы Дибир, Табулду и Уллубий в настоящее время живут в с. Аксай. Из потомков Тота Дибирова в Бабаюрте живут: Дибиров Солтахан, Дибиров Дибирсолтан, его сыновья Адильсолтан, Даниял, Крымсолтан, Камал. Дибировы: Абдулгамид, Тимур, Нариман, Бозыгит. В Хасавюрте: Аташ, Батыр, Арслан. В Махачкале: Рустамов Амир, Дибировы Имай, его сын Саид, Дибиров Юсуп, его сыновья Мажид, Руслан, а также сыновья Дибирова Магомеда Базалай и Дагир.

Отметим следующую запись от 8 декабря 1860 г., хранящуюся в Госархиве РД. Она адресована фельдмаршалу Л. П. Барятинскому: "по сведениям, имеющимся у меня, прапорщик Тота Дибиров, проживающий на Магомедовом мосту с причислением этой деревни к вверенному мне участку, перешёл на жительство в собственную его деревню Тотаюрт, начальником участка деревни, которого он был прежде и есть теперь старшиной. О чём начальник кумыкского округа полковник кавалерии Клинчер донести честь имею". Вышеупомянутая запись говорит о том, что Тота, вероятно, был персоной определённой значимости в обществе, если Барятинскому о его переезде с одного места жительства на другое докладывал начальник округа (или же за ним велось наблюдение). Но данная запись ещё раз подтверждает, что селение (деревня) Тотаюрт (Татаюрт) – его собственность, то есть Тота по сути является основателем этого поселения.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Алексеевский Н. И., Самохин М. А., Сидорчук А. Ю*. Наводнения и опасные проявления русловых процессов в дельте Терека // XXII Межвуз. координац. совещ. по проблеме эрозионных, русловых и устьевых процессов. Новочеркасск, 2007. С. 18–31. **2.** *Алексеевский Н. И., Эльдаров Э. М*. Особенности среды проживания в зоне паводкового влияния Нижнего Терека // Современные экологические проблемы Дагестана. Махачкала: ДГПУ, 1994. С. 165–190. **3.** *Лопухин А. И*. Журнал путешествия через Дагестан. 1718 г. // ИГЭД. М., 1958. С. 49–50, 58. **4.** *Гербер И.-Г.* Описание стран и народов вдоль западного берега Каспийского моря. 1728 г. // ИГЭД. М., 1958. С. 63, 64. **5.** *Броневский С.* Новейшие гео-

графические и исторические известия о Кавказе. М., 1823. С. 202. **6.** *Семенов Н.* Туземцы Северо-Восточного Кавказа. СПб., 1895. С. 364. **7.** *Нохманов А. К.* Рассказы о селениях Мужукай и Янгылбай Бабаюртовского района Республики Дагестан. Махачкала, 2010. С. 11. **8**. Дагестан в известиях русских и западноевропейских авторов XIII–XVIII вв. Махачкала, 1992. С. 255. **9.** *Броневский С.* Новейшие географические и исторические известия о Кавказе. М., 1823. С. 225. **10**. Дагестан в известиях русских и западноевропейских авторов XIII–XVIII вв. Махачкала, 1992. С. 270. **11.** *Курукин И. В*. Персидский поход Петра Великого. Низовой корпус на берегах Каспия (1722–1735). М., 2010. С. 62. **10.** *Хашимов М*. Яхсай ва Яхсайлылар. Махачкала, 2004. С. 25 (на кумык. яз.). **12.** *Мирзоев Б.* Таш-Гечувалдаса лъутизе ккаразул ункъо росу // казият "Хъакъикъат". МахIачхъала, 28.04.2007 с. Гь. 17 (на авар. яз.). **13.** *Алхасова Д.М.* Дауд Хаджжи ал-Усиши: Жизнь и творческое наследие: Автореф. дис. ... канд. истор. наук / Ин-т истории, археологии и этнографии ДНЦ РАН. Махачкала, 2005 26 с. **14**. ЦГА РД. Ф. 105. Оп. 3. Д. 4 (10.08.1866 г.). **16**. ЦГА РД. Ф. 105. Оп. 2–4. Д. 29, 33; Ф. 236. Оп. 2. Д. 10. **17.** *Оразаев Г. М.-Р*. Тюркоязычная деловая переписка… С. 218–219. **18**. Официальный сайт села Татаюрт Бабаюртовского района [Электронный ресурс]. URL: http://tatayurt.modnoshop.com/ (дата обращения 12.09.2014). **19**. ЦГА РД. Ф. 105. Оп. 2. Д. 36.

instituteofhistory.ru

1.12. Этнодемографический очерк Белоканского района

Белоканский район Азербайджанской Республики (АР) расположен между рекой Алазани на юге и Главным Кавказским хребтом на севере. С востока по реке Катех к району примыкает Закатальский район Азербайджана, а с запада – Лагодехский район Грузии. Площадь района составляет 924,87 кв. км, из которых 165,6 заняты Закатальским заповедником. Из общей территории района 46,4 тыс. га составляют леса и 5,8 тыс. га – сады. Вся северная часть района покрыта лесистыми горными отрогами Большого Кавказского хребта. 65% территории района входит в зону субтропиков.

Как административная единица Белоканский район был образован 8 августа 1930 г. в ходе разукрупнения Закатальского округа АзССР. В 1963 г. район был ликвидирован, с одновременной передачей территории в состав Закатальского района, но в

1965 г. был снова восстановлен. С тех пор в статусе района изменений не было. Райцентр – город Белоканы – до 1954 г. имел статус селения, после – поселка городского типа, а в 1968 г. получил статус города. Расстояние от него до Баку 394 км.

По последним официальным данным в 59 населенных пунктах района (1 город – Белоканы, 1 – рабочий поселок Кабахчолиб и 57 селений) сосредоточено 20803 хозяйства. В районе находится 20 представительств исполнительной власти и 24 баладията (земельных комитета). Из 87644 жителей района, в городах и поселках городского типа живут 10461(12%) человек, в сельских населенных пунктах – 77183 (88%). Половой состав населения района: мужчин – 42245 (48,2%) и женщин – 45399 (51,8%). Кроме местного населения на территории района проживает также около 350 беженцев из Армении и Карабаха. Плотность населения Белоканского района – 95 чел. на 1 кв. км.

На численность и половозрастную структуру населения района повлияло участие жителей района в различных войнах. Самые крупные потери населения были связаны с военными действиями в XIX в. Так, только в 1803 г. в ходе сражения и при разрушении Белокан царскими войсками было убито более 500 аварцев [2]. Во Второй мировой войне на фронт ушло 6882 жителя, из них погибли на полях сражений 2315 белоканца. На Карабахском фронте в начале 1990-х гг. погибли 152 белоканца, 82 жителя района вернулись оттуда инвалидами [1].

В районе проживают представители 14 народов. По итогам переписи 1999 г. азербайджанцев в районе насчитывается – 56674 (67,7%), аварцев – 24415 (29,2%), грузин – 1731 (2,1%), русских – 237, лезгин – 219, турок-месхетинцев – 43, татар – 39, украинцев – 34, а также представители других этносов (курды, лакцы, фарсы и другие) – 337. Всего в районе проживало 83 732 жителей [37]. По последней переписи 2009 г., результаты которой по Белоканскому району опубликованы на официальном сайте администрации района, численность населения в нем составила 89 406 человек. Процент азербайджанского населения повысился при одновременном уменьшении аварского.

***Таблица 1*. Численность населения Белоканского района Азербайджана, 2007 г.**

Муниципалитеты	Количество жителей	Основные национальности					
		Количество человек			В процентах		
		Аварцы	Азербайджанцы	Грузины	Аварцы	Азербайджанцы	Грузины
Билкан	9294	5669	3346	93	61	36	1
Кабахчолиб	1005	995	10	0	99	1	0
Кех-росу	3595	3595	0	0	100	0	0
Рохоб	3438	3438	0	0	100	0	0
Шарип	3231	3166	65	0	98	2	0
Умалиб	3086	3086	0	0	100	0	0
Шумбул	2796	2796	0	0	100	0	0
Халатала	2731	2731	0	0	100	0	0
Мачабиц	1543	1142	401	0	74	26	0
Чедерабтала	846	838	8	0	99	1	0
Катих	7432	6392	892	0	86	12	0
Кортала	2996	2157	839	0	72	28	0
Пуштатала	2292	1879	413	0	82	18	0
Оциязух	2115	63	42	2009	3	2	95
Махамал-росу	4572	4435	137	0	97	3	0
Кациб	2110	1583	528	0	75	25	0
Гарагиб	3672	3525	147	0	96	4	0
Поштбина	1246	885	361	0	71	29	0
Колоб	5794	5041	753	0	87	13	0
Толиб	5719	1659	4060	0	29	71	0
Ханапи	5571	4401	1170	0	79	21	0
Рочахмад	428	394	34	0	92	8	0
Тулуял	5028	3017	2011	0	60	40	0
Рогноб	6639	1593	5046	0	24	76	0
ИТОГО	**87179**	**64479**	**20263**	**2102**	**74,0**	**23,2**	**2,4**

Рассчитано на основе официальных данных и оценок автора.

Азербайджанцев согласно переписи-2009 в районе 61 170 человек (68,4%), аварцев – 25 370 (28,4%), грузин – 23, а ингилой-

цев (местный грузинский субэтнос) – 2 145 (2,4%), в районе также насчитали 226 «фарсов» (ираноязычные цыгане) [38]. Однако эти данные не соответствуют реальности, что мы постараемся показать ниже.

Коренное население данного региона представлено аварцами, которые упоминаются Плинием под именами лпинов и сильвов еще в I века н.э.: "...С другой стороны, начиная от границ Албании, по всему челу гор (живут) дикие племена сильвов, а ниже лупении – затем дидуры и соды (... ruzsus ab Albaniae confinio tota monfium fronte gentes Silvorum ferae et infra Lupeniorum (Lubienorum) mox Diduri et Sodi)" [33, p.28]. Вообще аварское население Цора (Алазанской долины) по своему происхождению в основном делится на две группы – в прошлом племена, которые сейчас у аварцев называются "лъебелал" (тлебелы) и "хьванал" (хваны). Следы этих пелмен прослеживаются в преданиях, топонимике и языковых особенностях разных групп аварцев Цора и т.д. С тлебелами, скорее всего, следует идентифицировать племя лпинов. О возможности такого отождествления утверждает М.С. Гаджиев – автор специального исследования, посвященного истории, локализации и этнической принадлежности лпинов [6]. Этот автор указывает на связь аварских этнонимов *гьалби*, *гьалбал* и *лъебел* с этнонимом *лпины*, "учитывая их географическую близость при предложенной локализации, тесные и древние горно-равнинные хозяйственные и иные контакты, древний аварский топонимический пласт в долине Алазани" [6]. Переход "лъебел" – "лпин" вполне объясним, при допущении, что конечная "н" или "ни" – часто встречаемый суффикс места в аварской топонимике (к примеру: *Балахьуни*, *Рихьуни*, *ГьаракIуни* и т.д.). *"Этот этноним в древнеармянских источниках имеет форму "лбин" и "лпин". По мнению ряда исследователей "лбины" жили на левобережье реки Алазань – в Албании… Однако этническая принадлежность лбин до сих пор не определена. По нашему мнению, носителями этого этнонима являлись предки части современных аварцев северо-западного Азербайджана, а этноним лбин следует считать фонетической разновидностью этнонима hалби, которым аварцы именуются среди некоторых соседних народов Дагестанской АССР. Следует учесть, что этнонимы лбуен, лбин, лпин и hалби*

– это инонаименования в различных языковых передачах, и нам неизвестно, как звучал этот этноним среди его носителей. Кроме того, во-первых, лбины, как сказано выше, обитали в долине реки Алазань, там, где и в настоящее время живут аварцы..." [7, с. 84-85].

Второе племы, участвовавшее в формировании современных аварцев Цора – это "хьваны" или бежтинцы, известные в античных источниках как "цIилбал", т.е. "цилбы". Опять же процитируем Г. Гейбуллаева: *"Племя силв упоминает Плиний (I в.). По его сообщению "силвы живут за пределами Албании по всему челу гор". Однако, судя по древнеармянским источникам, силвы входили в число албанских племен. В этих источниках данный этноним зафиксирован в различных фонетических формах: шилб, шил (вариант шиб) и чилб. Что касается этнической принадлежности носителей этого этнонима, то, по-нашему мнению, их следует считать предками части современных аварцев. Это мнение подтверждается тем, что чечены и ингуши называют аварцев Южного Дагестана сули или соли, а точнее население верховьев реки Андийского Койсу называют "сулийн мохк" – "земли страны сули". Жители одного из аварских обществ в Дагестане назывались Сул. С ними, по мнению В.И. Абаева, следует связывать осетинское солу – аварцы. Таким образом, силв, солу, сули, сул следует считать фонетическим вариантом одного этнонима, правильная форма которого, по нашим полевым данным, собранным среди аварцев северо-западного Азербайджана – это цилб"* [7, с. 84]. В связи с высказыванием Гейбуллаева следует учесть и то, что арчинцы, живущие в Чародинском районе Дагестана, джарских аварцев называют "цилиш-тту" [14, с. 204]. "Тту" – есть показатель множественного числа, а "цилиш" – корень названия, аналогия которого с сильвами и "цилбом" Гейбулаева очевидна.

На наш взгляд, в одном ряду со многими другими топонимами, этимологизируемыми из "цилбского" (из которого возможно произошли современные бежтинский, гунзибский и гинухский языки), можно поставить и название "Алазани". В бежтинском языке "алазан" означает озеро, в родственных гинухском (гIалазан), в цезском (гIалзан), в асахском диалекте (гIалазан) [27,

с.105]. М.Халилов полагает, что эти слова образовались от названия реки Алазани [26, с.77], однако нельзя исключать и обратного, по примеру образования названия реки Алазани в закатальском диалекте аварского языка (*рахьад* – т.е. "море").

С. Сулейманова, ссылаясь на исследования Г. Гейбуллаева, Ю. Юсифова, Н. Марра, Н. Трубецкого и У. ехерта, также приходит к выводу, что лпины и сильвы (halbi, solu) являлись предками аварцев Алазанской долины [36, s.59]. Правда "ихоельцев" средневековых источников, упоминаемых вместе с дидойцами, С. Сулейманова там же отождествляет с предками ингилойцев, тогда как на наш взгляд более уместно увязывать их с тушинами, называемыми в Цунтинском и Тляратинском районах "ихал".

Подводя итог некоторым отсылкам в историческое прошлое, нельзя не согласиться с выводом Г.Гейбуллаева, что "предки современных аварцев – силвы, лубены (лбины) являлись коренными кавказоязычными племенами Кавказской Албании" [7, с.85]. В вопросах локализации этих двух племен исследователи не пришли пока еще к единому мнению. Однако общепринято, что лпины жили ниже по течению реки Алазани, а сильвы в верховьях этой реки. С.Т. Еремян локализуя лпинов в долине реки Алазани, помещает чилбов (сильвов) – к северу от них, вплоть до долины реки Тушетская Алазани [9, с. 137].

institute of history.ru

Соответственно, нельзя никак согласиться с мнением, насаждавшимся со времен Российской империи, что аварцы являются в этой зоне пришлым элементом. Абсурдными в этой связи выглядят утверждения, подобные нижеприведенному: "в условиях крайнего малоземелья в Хунзахе, как и вообще в горном Дагестане, аварцы еще в XVIII веке стали переселяться в соседний Северный Азербайджан. На новом месте аварцы…" [8].

Можно предположить, что белоканские аварцы в основной массе представлены потомками лпинов. По крайне мере самые крупные, коренные тухумы – роды Белокан: *ХIалажал, Горгиял* и *ГьарагIалилал* имели общее название – "лъебелал", а старая часть Белокан, в которой они были расселены, располагалась на правом берегу реки Билкан-ор. Напротив, через реку Билкан-ор, чуть выше по течению, располагалось древнее селение Цалбан, название которого наводит на мысль о возможности аналогии с назва-

нием племени "сильвов". Кроме коренного аварского населения в Белоканском районе живут и представители аварских родов, образовавшихся в результате переселения из Дагестана. В большинстве селений выходцы из Дагестана составляют не более 10% жителей, однако в одном селении (Мазумкарануб) они образуют большинство. Данное селение до 1740-х гг. было населено также джарскими аварцами, но оказалось опустошенным в результате нашествия Надир-шаха [5, с.115-118]. В конце XIX в. оно снова было заселено в основном выходцами из аварских сел Салда и Чорода [16, с.27]. В массе своей мигранты из Дагестана были представлены выходцами из Тляратинского и Чародинского районов, наряду с которыми в незначительном количестве в районе осели и потомки уроженцев Ахвахского и Лакского районов, а также цудахарцы, хаджалмахинцы и акушинцы.

Одновременно надо учитывать, что миграция аварцев была обоюдонаправленной. Во время нашествия Надир-шаха и других завоевателей, как более раннего так и позднего периода, аварцы из Алазанской долины вынуждены были отходить в укрепленные селения и хутора в Дагестане. Миграция из Белоканского района была отмечена и в XIX в. Например, в ходе завоевания царскими войсками Джарской "республики" в 1830 г. в Дагестан бежало "много белоканцев" [24, с.325]. Факты миграции из Белоканского района в Дагестан подтверждаются многочисленными данными этнографического характера. К примеру, самый многочисленный тухум аварского селения Кусур в Рутульском районе происходит из населенного пункта "Тене-Али" (под таким названием зафиксирован по итогам переписи 1926 г.) [28, с.347]. В селении Камилух Тляратинского района имеется тухум Габсал (насчитывают более 200 человек), который основан переселенцами из Кабахчолиба. Генеалогия рода позволяет проследить имена своих предков до середины XVII века (1650-е гг.), когда и произошло переселение [18, с.330].

В результате постоянных войн и неоднократного нашествия орд Надир-шаха, к концу XVIII в. населенные пункты в Белоканском районе в целях повышения обороноспособности "прижались" к отрогам Главного Кавказского хребта. В то время равнинная часть была в основном занята сезонными хуторами зем-

ледельческого и скотоводческого направления. К началу XIX в. население современного Белоканского района было сосредоточено в двух "обществах" (Белоканское и Катехское), входивших в состав Джарской "республики". Главным населенным пунктом здесь было селение Белоканы, о котором источники говорят как об одном из самых крупных аварских селений в Алазанской долине ("селение Белоканы – одно из самых крупных у лезгинцев")[1] [29, с.406]. В Белоканское общество входили селения Билкан, Цалбан, Рехутала и Чедерхев, а в Катехское – Катех, Кабла-уба, Кудабкара и "Тонгуручи" [22, с.324]. К 1817 г. в Билкане фиксируется 900 "семейств" [10, с.282]. В Катехском обществе – более 400 дымов, но в Катехское общество входило также селение Горахажиял, в котором по камеральному описанию 1859 г. числилось 67 дымов [17]. То есть в целом на территории Белоканского района в начале XIX в., до покорения царской Россией в 1830 г. насчитывалось около 1400 хозяйств, живущих в 9 населенных пунктах. В ходе подавления 1830 г. царские войска принудительно переселили значительную часть населения на равнину, ближе к реке Алазани. В результате была заново заселена Кабахчолибская зона, но опустела горная часть, в частности исчезли селения Чедерхев и Реху-тала. К примеру, самое крупное селение в Кабахчолибской зоне – Шарип, образовано выходцами из села Рехутала, Шумбул – из села Буцрах, Рохоб – из села Цилбан и т.д. В дополнение к ним сюда переселились выходцы из Дагестана (из Кахиба в Кех-росу) и из Кварельской зоны (из села Аршиб, ныне Мтисдзири, в Халатала).

По всем имеющимся данным, вплоть до 1863 г., когда было образовано селение Оциязух (Ититала) путем переселения 50 семей из села Алиабад Закатальского района, на территории Белоканского района жили только аварцы. Переселение грузин на территорию Белоканского района было организовано уроженцем Алиабада Иби-кевха, по предварительному предложению ему представителями джарского тухума Оциял (авар. "Быковы") [30]. По имени первопоселенца селение стало также называться и Иби-

[1] В Закавказье горские народы Дагестана исстари именовались общими терминами: "леки", "авары", "лезги", "лезгинцы" и др. В XIX в. эти же народы в обобщенной форме русские отождествляли с "татарами", "чеченами" и др.

тала, т.е. "поляна Иби". Название это позже было переделано в письменной форме в "Ититала" (азерб. "собачья поляна") из-за сильного влияния тюркского языка в административном аппарате Закатальского округа, представленного в значительном степени "кавказскими татарами", т.е. азербайджанцами.

После 1830 г. Джарская республика была преобразована в административно-территориальную единицу Российской империи, а территория Белоканского района стала Белоканским наибством, населенным "почти исключительно аварами" [3, с.12]. По данным 1886 г. на территории Белоканского района жило 13272 чел., из которых 97,3% (12910 чел.) – аварцы и 2,7% (362 чел.) – вышеуказанные грузины, переселенцы из Алиабада [21].

Мирные годы второй половины XIX в. и примерно полтора десятилетия XX в. сопровождались быстрым ростом населения. В этот период наблюдался обратный процесс переселения жителей больших предгорных селений на низменность в свои хутора или развалины старых населенных пунктов. В ходе такого процесса выходцами из аварского села Катех было образовано 9 населенных пунктов, входящих в муниципалитеты Кортала и Пуштатала. Одновременно и белоканцы начали расселяться по своим хуторам, а также сами белоканские кварталы стали разрастаться вширь. Таким образом возникло селение Ханапи, первопоселенцами которого были представители аварского тухума Ханапиял. Последние, наряду с Халажевыми, обладали правом выдвигать руководителей Белоканского общества из своей среды (*"Список фамилиям старшин, имеющим право наследственные в пяти главных обществах... 2. В Белоканах две фамилии: Аладжали, Анапеяне")* [12, с.258]. Аналогичным образом возникло селение Хетазулросу (авар. "село рыжих), бывшее в прошлом хутором белоканского тухума "ХIетал", т.е. "рыжие". Рядом поселились переселенцы из села Эхеди Тала Закатальского района, образовавшие селение Тулуял. Позже, в 1930-40-х гг. в Тулуял переселились и выходцы из села Лагич Закатальского района, которое на рубеже XVIII-XIX вв. было образовано переселенцами из татского селения Лагич в Исмаиллинском районе [23, с.50]. Они образовали в селении квартал Татазул-уба (азер. "Татлар-оба"). Голод 1930-х гг. репрессии и кровная месть вытолкнули в 1930-50-х гг. значительное количе-

ство населения многолюдных селений Баш-Гейнюк и Ашагы-Гейнюк Шекинского района на пропитание в Закатальский округ. Расселившись в некоторых селениях Белоканского района, они способствовали переходу на тюркский язык аварского населения этих населенных пунктов. К таковым относится селение Мачабхим (Сарыбулак), в котором в 1947 г. поселились несколько десятков семей гейнюкцев. В их числе был и нынешний директор института истории НАН АР Якуб Микаил оглы Махмудов, родившийся 10 февраля 1939 г. в селе Баш Гейнюк Шекинского района и закончивший среднюю школу в 1956 г. в селе Сарыбулак Белоканского района.

В 1940-50-е гг. в Белоканском районе появились первые азербайджанские семьи из Грузии – "таркамаял" (терекеменцы). Более массовый поток их в район начался в конце 1960-начале 1970- х гг., в бытность Гейдара Алиева 1-м секретарем КП Аз-ССР. Миграция терекеменцев в район продолжается и по сей день, хотя за последние 2-3 года их поток несколько сократился. Среди терекеменцев сохраняется и родовое деление. Одним из наиболее крупных родов терекеменцев в Белоканском районе являются "караджаловы" или караджалар, основная масса которых прибыла из одноименного селения в Телавском районе. По словам местного краеведа Акифа Мамедли, "караджалар" – это название крупного рода в селениях Толиб и Тулуял, а также "большое тюркское селение в Грузии" [33, s.122]. Во многом из-за "караджалар" перешло на тюркский язык аварское население этих двух крупных селений Белоканского района. Караджалар также живут в муниципалитете Кациб и особенно в небольшом селении Чеэрчиязух (азер. "Гараджа-бина"), в котором они составляют большинство населения. Терекеменская миграция в Рогноб (Казма) также способствовала тюркизации этого населенного пункта. В свою очередь терекеменцы были переселены в Кахети в 1750-х гг. царем Ираклием II. Как отмечает академик А.Гильденштедт, в селах Муганлер, Карагелер, Кепеналчи и Кизилхадгил проживало 250 семей тюркменских татар, "которых царь Ерекле около 20 лет тому назад переселил сюда как колонистов из Муганской степи, где они жили между Арасом и Курой" [11, с.90]. В конце 1980-х начале 1990-х гг. терекеменцы из Сага-

реджойского района (азер. Гарачоп) начали переселяться в город Белоканы, а также пока еще преимущественно аварские по составу населения муниципалитеты Кациб, Поштбина, а также доприселяться к более ранним мигрантам в муниципалитете Рогноб.

В числе 20 тыс. жителей Белоканского района, азербайджанцев по самосознанию и языку, около 60% являются ассимилированными аварцами; около 25 % – терекеменцами, выходцами из Грузии; от 7 до 10% уроженцами Шекинского района; около 3% – фарсоязычные цыгане; остальные выходцами из различных регионов Азербайджана и Армении.

Теперь несколько слов о названии Белоканы. Коренное аварское население называет город Билкан [20, с.18]. Данное название зафиксировано и в местной хронике XVIII в. [31, с.17] Наряду с этим иногда встречается и форма "Биликан", как например в следующей исторической записи. "Умер Уммахан в Городе Белоканы (*Биликан*) в усадьбе Абдуллы – сына Халаджа, в 1215/1800-1801 гг. Похоронен он был также, в Закарском вилаяте" [32, с.40].

Название Билкан, скорее всего, образовалось по схеме, аналогичной с формированием аварского "годекан" – "площадь, место собраний" (в южных диалектах аварского "гудей" – "разговор", "кІан" – "место"). Тогда корневое "били", следует увязать с аварским названием черешни. Дело в том, что в закатальском диалекте аварского языка наблюдаются случаи утраты исконной фарингализации: "баІІи" (литературный аварский) "били" (закатальский диалект) "черешня" [4, с.136]. В.Ф. Минорский связывает название села с племенем "бел" гилянского происхождения с суффиксом "-кан" [15, с.33]. Однако коренное население тут аварское, соответственно данная этимология тут вряд ли уместна.

institute of history.ru

Никакой критики не выдерживают попытки превратить название Белокан в Балакенд (азер. *бала "маленький" + кенд "село, деревня"*), а тем более тезис о том, что *"возникновение в XI веке названия Балакен (д) ("Маленькое село") следует признать естественным для рассматриваемой зоны, еще в VIII-IX вв. ставшей местом обитания тюрок и называвшейся в грузинских источниках "Диди Туркоба"* [16, с.30-31]. Между тем, восточноиранский термин кенд – "город, селение" по мнению В.Минорского был перенесен в Закавказье огузами [34, p.78].

Впервые же в Закавказье топоним с компонентом "кенд" (село Котуркенд в равнинном Карабахе) упоминается в источнике XIV века (Шараф ад-Дин Йезди, сочинение "Зафарнаме"). Идея о наличии тюркоязычного населения в долине Алазани еще в VIII в. настолько нелепа, что не заслуживает даже комментария.

Вышеназванная теория была озвучена в 1970-х гг. Однако "новая азербайджанская наука" в лице директора Института истории Академии наук Азербайджана Якуба Махмудлу считает, что название Билкан "связано с именем огузского полководца Белякана" [13, с.XIV]. Вслед за ним эту версию без тени сомнения начинают повторять и другие азербайджанские авторы, такие, к примеру, как Акиф Мамедли [32, s.7]. Что интересно, А.Мамедли пишет о раскопанном скифском кургане близ реки Алазани, а далее о том, что Якуб Махмудов раскопал там могилу того самого огузского военоначальника Белакана (???) [32, s.28]. То, что между миграцией на Кавказ этих двух народов прошло около двух тысяч лет, краеведа никак не смущает. Впрочем, "краеведа" утверждающего, что название Сакартвело (Грузия) произошло от названия тюркского (?!) племени саков, слова "ер" (мужчина, на азербайджанском языке) и "вело" (поле, не уточняется правда на каком языке), мало что может смутить [33, s.43].

В принципе, история любого этноса всегда бывает полна противоречивыми суждениями тех, кто её описывает. Поэтому в этом вопросе всегда следует стремиться отделять зерна от плевен, серьезные научные изыскания от профанации и провокационных заявлений.

ЛИТЕРАТУРА

1. Административно-территориальное деление Азербайджана (Президентская библиотека). Баку, 2007. **2**. АКАК. Т. II, № 1390, Рескрипт Александра I Цицианову от 23 мая 1803 г. **3.** *Алескеров Ю.Ю.* Очерк социально-экономических отношений в Закатальском округе в XIX в. (до 1870 г.): Автореф. дисс. на соиск. учен. степ. к.и.н. М., 1953. **4.** *Асланов А.М.* Азербайджанский язык в орбите языкового взаимодействия (социально-лингвистическое исследование). Баку, 1989. **5**. Вахушти. География Грузии (Введ., пер. и примеч. М.Г. Джанашвили) // Записки Кавказского отдела

Императорского Русского географического общества. Кн. XXIV. Вып.5. Тифлис, 1904. **6.** *Гаджиев М.С.* Лпиния (исторические факты, локализация, этническая принадлежность) // Дагестан в эпоху Великого переселения народов (этногенетические исследования). Махачкала, 1998. **7.** *Гейбуллаев Г.А*. Топонимия Азербайджана. Баку, 1986. **8.** *Гусейн-заде Р*. Аварцы в Азербайджане // Журнал "Ирс", Баку, № 30, 2007. **9.** *Еремян С.Т*. Моисей Каланкатуйский о посольстве албанского князя Вараз-Трдата к хазарскому хакану Алп-Илитверу // ЗИВ АН СССР, т. VII, 1939. **10.** *Ермолов А.П*. Записки: 1798-1826 гг. М., 1991. **11.** *Иоганн Антон Гильденштедт*. Путешествие по Кавказу в 1770-1773 гг. / Комм. и ред. Ю. Карпова. СПб. 2002. **12.** *Коцебу М.А*. Сведения о джарских владениях. 1826 г. // ИГЭД. **13.** *Махмудлу Якуб*. Илисуйское султанство – жемчужина из сокровищницы нашей истории (вступительная статья главного редактора) // Э.М. Летифова. Северо-западный Азербайджан: Илисуйское султанство. Баку, 1999. **14.** *Микаилов К.Ш*. Арчинский язык. Махачкала, 1967. **15.** *Минорский В.Ф.* История Ширвана и Дербента. М., 1963. **16.** *Молла-заде С.М.* Топонимия северных районов Азербайджана. Баку, 1979. **17.** Население Закатальского округа по народной переписи 1871 года // Сборник сведений о кавказских горцах. Вып. VI. Тифлис, 1872, Отд. III. **18.** *Омаров М.М*. Анкьракь (Семиземелье). Махачкала, 2006. **19.** *Саидова П.А*. Диалектологический словарь аварского языка. М., 2008. **20.** *Саидова П.А*. Закатальский диалект аварского языка. Махачкала, 2007. **21**. Свод статистических данных о населении Закавказского края, извлеченных из посемейных списков 1886 г., издан по распоряжению главноначальствующего гражданской частью на Кавказе Закавказским статистическим комитетом. VIII. Закатальский округ.– Тифлис, 1893. **22.** *Фон-Климан Ф.* Война на Восточном Кавказе с 1829 по 1834 год в связи с мюридизмом // Кавказский сборник. Том XVII. Тифлис, 1896, С. 325 **23.** *Фон-Плотто А.И*. Природа и люди Закатальскаго округа // Сборник сведений о кавказских горцах. Вып. IV. Тифлис, 1869. **24.** *Фон-Климан Ф*. Война на Восточном Кавказе с 1829 по 1834 год в связи с мюридизмом // Кавказский сборник. Том XVII. Тифлис, 1896. **25.** *Хайдарбек Геничутлинский*. Историко-биографические и исторические очерки / Пер. с араб. Т.М. Айт-

берова, вступ. и комм. В.Г. Гаджиева. Махачкала, 1992. **26.** *Халилов М.Ш*. Грузинско-дагестанские языковые контакты. М., 2004. **27.** *Халилов М.Ш*. Цезско-русский словарь. М., 1999. **28.** *Хапизов Ш.М*. Тлейсерух (Кьессер): историко-этнографический очерк. Махачкала, 2008. **29.** *Хуан Ван-Гален*. Два года в России. Кавказская война: истоки и начало. 1770-1820 годы. СПб., 2002. **30.** ЦГИА Груз. ССР, ф. 236, оп. 2, д. 4, л. 11-19. **31**. ЦIоралъул аваразул рагъазул тарих. ХIадур гьабуна Т.М. Айтберовас. МахIачхъала, 1996, Гь. 17 (на авар. яз.). **32.** *Akif Məmmədli.* Balakən-Zaqatala bolgesinin tarixinə dair. Baki, 2007. **33**. *Məmmədli Akif*. Balakən-Zaqatala bolgesinin tarixinə dair. Baki, 2007. **34**. *Minorsky W*. Mongol place names in Mycri Kurdistan (Mongolika-4) // Bulleten of the oriental and african studies. XX-I. London, 1957. **35**. Plinii Naturalis Historia, Liber VI, XI, London, 1969. **36**. *Süleymanova S.Ə.* Albaniyanın şimal-qerb sərhəd bölgəsi Lpiniya-Ereti // AMEA Tarix Institutu Elmi Əsərləri. 20-ci cild, Bakı, 2007 (на азерб. яз.). **37.** Официальный сайт Госкомстата АР www.azstat.org. **38.** Официальный сайт администрации Белоканского района www.balakən.az.

instituteofhistory.ru

1.13. Клычевы – аксайская фамилия хунзахского происхождения

Настоящее историческое исследование в чем-то похоже на расследование уголовного дела в том смысле, что не знаешь заранее, к какому результату тебя оно приведет. Речь, конечно, не идет о тех статьях или книгах, в которых задача ставится раньше, чем собран материал по данной теме. Так и в нашем случае, изучение обстоятельств, связанных с идеологическим противостоянием сторонников и противников имамата в XIX в. привело нас к интересным находкам, которые вылились в статью, в которой описывается история одного рода, который оставил заметный след в истории Дагестана.

Наиболее известен современным дагестанцам из числа представителей этого рода – ученый Юсуп Аксайский, талант и способности которого признает даже его оппонент – Мухаммадтахир Карахский[1].

Правовед и поэт Юсуп-кади

Юсуп-кади Аксайский (Йусуф ал-Йахсави) родился в 1795 г. и умер в 1871 г.[2] Он был крупным ученым своего времени в области арабского языка и литературы, а также во всех отраслях шариатских наук, особенно в праве и его основах. Исследователям его биографии известны имена пятерых его учителей. Как пишет Али Каяев, «арабские науки он изучал у Беццав Исупа» из села Мехельта, «основам права обучался у Дайит-бека» из Гоготля, а «фикху и остальным наукам» у Саида из Аракани[3]. М. Гайдарбеков указывает, что Юсуп обучался у Хадулава из села

---

[1] Хроника Мухаммед Тахира аль-Карахи (О дагестанских войнах в период Шамиля) // Пер. с араб. А.М. Барабанова. М.-Л., 1941. С. 251-254.

[2] *Назир ад-Дургели*. Услада умов в биографиях дагестанских ученых (Нузхат ал-азхāн фū тарāджим ‘уламā’ Дāгистāн) / пер. с араб., комментарии, факсимильное издание, указатели и библиография подготовлены А.Р. Шихсаидовым, М. Кемпером, А.К. Бустановым. М., 2012. С. 135.

[3] *Мусаев М.А*. Биографии дагестанских ученых-богословов, противников имама Шамиля, в изложении ‘Али ал-Гумуки (Каяева): перевод, комментарии // Фундаментальные исследования. 2014. № 6-3. С. 634.

Хахита[1]. Также известно, что он обучался медицине «у своего шейха Нур-Мухаммада ал-Авари»[2]. То, что все пять его учителей являлись аварцами уже говорит о том, что Юсуп знал аварский язык, поскольку ученики в то время по нескольку лет жили у своих учителей.

Однако, в отличие от большинства выпускников мадраса, располагавшихся в аварских селениях Дагестана в начале XIX в., он выбрал путь служения российским властям на Кавказе. Имеются сведения, что еще в 1818 г. Юсуп выполнял поручения Махди-шамхала по заданию русских офицеров в Аварии[3]. В 1825 г. он уже участвовал в военных действиях против «горцев», а 4 апреля 1829 г. произведен в прапорщики. 19 октября 1832 г. Юсуп определен на службу в Лейб-гвардии Кавказский конно-горский полуэскадрон[4]. М. Гайдарбеков пишет, что в 1249 г. х. (1833–34) Юсуп в это время пребывал в должности кадия солдат-мусульман Кавказского конвоя гвардии в Санкт-Петербурге[5]. Здесь он 26 октября 1836 г. был произведен в поручики, а в 1837 г. уволен и вернулся на родину[6], где продолжил службу. Российские официальные документы упоминают Юсупа 1 февраля 1841 г. как прикомандированного к Кавказско-горскому полуэскадрону. Военные власти Северного Кавказа также использовали его знания арабского языка при подготовке переводов сводов обычного права для административных нужд[7]. В дальнейшем, вплоть до своего увольнения 2 июня 1860 г. он выполнял обязанности кадия Хасавюртовского окружного суда. После увольнения со службы, он получал 400 рублей пенсии из Кизлярского уездного казначейства и жил в принадлежащем ему и родственникам селе-

---

[1] *Гайдарбеков М.* Антология дагестанской поэзии на арабском языке // Рукописный фонд Института истории, археологии и этнографии Дагестанского НЦ РАН. Ф 3. Оп. 1. Д. 129. Л. 2.

[2] *Мусаев М.А.* Биографии дагестанских ученых-богословов… С. 634.

[3] Письмо Мегди-Шамхала к ген. Ермолову // Акты, собранные Кавказской археографической комиссией. Т.VI. Ч. II. Тифлис, 1875. С. 91.

[4] АС РСО-А. Ф. 12. Оп. 4. Д. 25. Л. 17.

[5] *Гайдарбеков М.* Антология дагестанской поэзии… Л. 4–6.

[6] АС РСО-А. Ф. 12. Оп. 4. Д. 25. Л. 17.

[7] *Кемпер М.* Шариатский дискурс имамата в Дагестане первой половины XIX в. // Дагестан и мусульманский Восток: сб. ст. / сост. и отв. ред. А. К. Аликберов, В. О. Бобровников. М., 2010. С. 111.

нии Казакмурза-юрт[1]. Будучи шариатским кадием и преподавателем, Юсуф-кади совмещал судебные дела, с обучением и воспитанием учащихся[2]. Исследователями отмечается, что за службу русской администрации Юсуп был щедро вознагражден. Ему принадлежало 2500 десятин земли, на которых было расположен три хутора, часть из которых была пожалована ему за критику Шамиля[3]. Назир Дургелинский также отмечает, что Юсуп-кади «выступал в поддержку завоевательной политики самодержавного Российского правительства, выражая чувство глубокого презрения к дагестанским имамам, которые вели священные войны против такой политики. При этом он получал денежное пособие и вознаграждение от самодержавных властей»[4].

Необходимо отметить, что Юсуп-кади был известным в Дагестане литератором, автором касыд, в которых немалое место занимает осуждение деятельности имамов. В касыде, в которой он порочит имамов, имеются и строки с осуждением убийства его учителя Нурмухаммада Хунзахского, несовершеннолетнего представителя нуцальской фамилии – Булача и его матери – Баху. Самая известная из его касыд – та, где он поносит имама Шамиля, злорадствуя по поводу его пленения и по поводу того, что он попал в руки к русским. Как свидетельствует Али Каяев, Юсуп «перешел там все границы и сказал в касыде то, что не подобает простому невежде, не говоря уже о достойном ученом»[5]. Многие дагестанские ученые выступили со словами жесткого осуждения позиции Юсупа Аксайского. Большинство из них сделали это в стихотворной форме – Хаджи-Мухаммад, сын Абдурахмана из Согратля, ставший затем 4-м имамом; Махмуд из Хукала, Аттахаджи из Кумуха, Нажмудин Гоцинский, Хасан Алкадари и другие. Мухаммадтахир ал-Карахи приводит в своем известном со-

---

[1] АС РСО-А. Ф. 12. Оп. 4. Д. 25. Л. 17.

[2] *Оразаев Г.М-Р.* Из биографических очерков Али Каяева о дагестанских алимах (Ученые в области арабской филологии) // Вестник Института ИАЭ. 2014. № 1. С. 60–62.

[3] *Гайдарбеков М.* Антология дагестанской поэзии на арабском языке // Рукописный фонд Института истории, археологии и этнографии Дагестанского НЦ РАН. Ф 3. Оп. 1. Д. 129. Л. 10.

[4] *Оразаев Г.М-Р.* Из биографических очерков Али Каяева… С. 60–62.

[5] *Мусаев М.А.* Биографии дагестанских ученых-богословов… С. 634.

чинении, посвященном истории имамата, некоторые подробности своего идеологического противостояния с Юсупом-кади, а также свои стихи, написанные в качестве ответа на его выпады[1].

У него есть отдельные заключения и фетвы по правовым вопросам, вызвавшие много споров среди дагестанских ученых и осуждений со стороны Мухаммадтахира Карахского и Аттахаджи Кумухского. Понося их, Юсуп сочинил одну касыду, где среди прочего говорится, что апостолами его оппонентов являются «ал-Карахи, а затем и ал-Гумуки, подобные обезьянам, привязанным к верблюдам». Обобщая, отметим, что Юсуп был «плохого мнения о трех дагестанских имамах – Гази-Мухаммаде, Хамзате и Шамиле, считая их заблудшими людьми, сеющими раздор на земле. Он был один из самых ожесточенных их противников, и из числа тех, кто отваживал от них людей. Он выступал в пользу подчинения русским и проявления покорности им»[2].

Как отмечают современные исследователи, признавая литературный талант Юсупа, Назир Дургелинский и Али Каяев резко порицали его политическую позицию, выражавшуюся в «обслуживании интересов завоевателей»[3]. Исследователь начала XX в. – Назир Дургелинский высказывается о позиции Юсупа-кади следующим образом: «Шайтан одобрил его сторону, его тело. Имам Шамиль, бесспорно – обновитель ислама и муджахид на пути Аллаха. Его восхваляли ученые различных стран, особенно ученые двух священных храмов (Мекки и Медины), а если кто порочил и порицал его после этого, то не наносил ему вреда, напротив, это усиливало его мощь и величие»[4].

institutehistory.ru

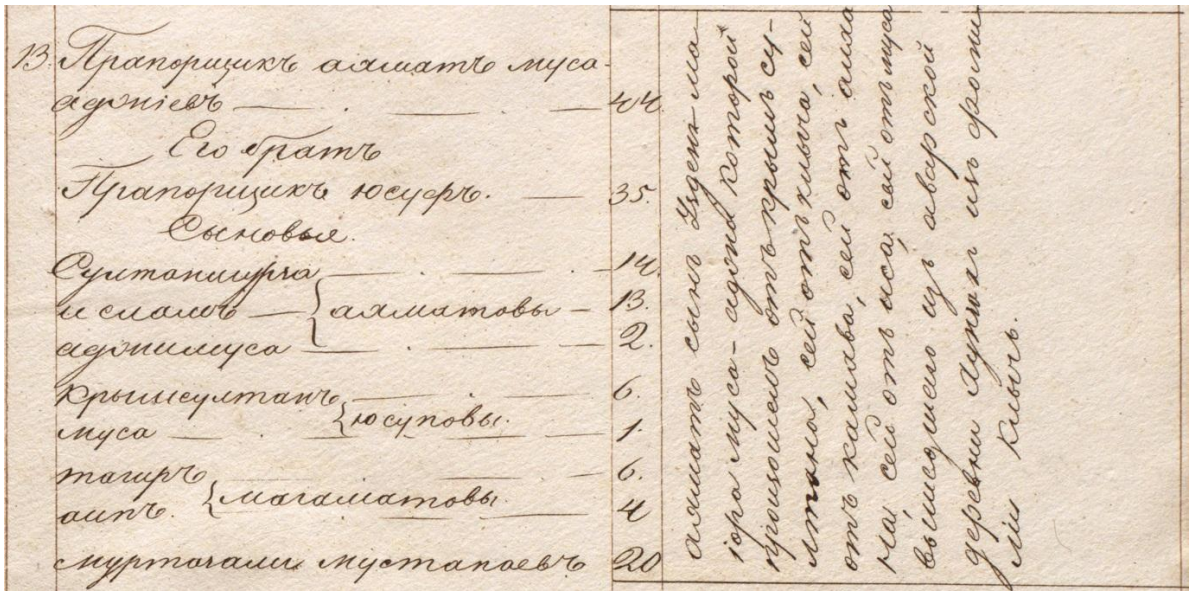
Вместе с тем, следует отметить, что узнав о смерти имама Шамиля, Юсуп-кади «раскаялся и приказал своей семье покаяться в том, что они говорили. Он признал, что Шамиль есть один из лучших среди людей»[5]. Назир Дургелинский относит раскаяние Юсуп-кади к более раннему времени. По его словам, в 1859 г. по дороге в Калугу, Шамиль оказался в Аксае, где его встретил Юс-

[1] Хроника Мухаммед Тахира аль-Карахи… С. 251-254.
[2] *Мусаев М.А.* Биографии дагестанских ученых-богословов… С. 633.
[3] *Мусаев М.А.* Биографии дагестанских ученых-богословов… С. 634.
[4] *Назир ад-Дургели.* Указ. раб. С. 136.
[5] *Мухаммад Тахир аль-Карахи.* Указ. раб. С. 255.

уп-кади. По словам Назира, «они поздоровались за руку. Юсуп попросил Шамиля простить его за пасквиль и насмешки в его адрес и что он был опечален этим и горевал по этому поводу»[1].

Происхождение и семья

У аксайского узденя Муса-хаджи, который умер до 1830 г. было три сына. Один из них – «Магамат» также умер до 1830 г. и оставил после себя двух сыновей – Тагира (1824 г.р.) и «Аипа» (1826 г.р.). Старший из оставшихся в живых – «Ахмат» (1786 г.р.) имел в 1830 г. чин прапорщика и имел трех сыновей: Султанмурзу (1816 г.р.; в некоторых документах – Султанмурад), Ислама (1817 г.р.) и Муса-хаджи («Аджимуса» 1828 г.р.). У самого Юсуп-кади было два сына – Муса-хаджи (1829 г.р.) и Крымсултан (1824 г.р.). Первый пошел преимущественно по религиозной линии, а второй стал военным. К 1870 г. он состоял подпоручиком Терской постоянной милиции и проживал в селе Казакмурзаюрт[2]. Сын Крымсултана – Абдулхаким Клычев стал уже кадровым военным. На начало 1909 г. он был подполковником военно-топографического отдела в управлении Кавказского военного округа Российской империи.

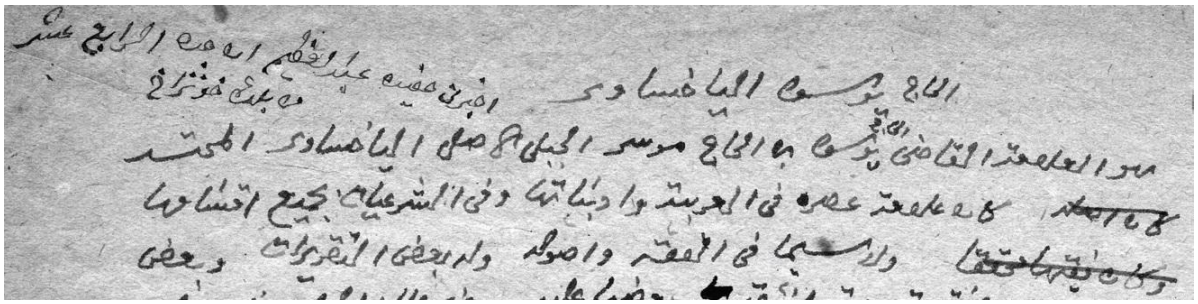


Архивный документ о происхождении Клычевых

[1] *Назир ад-Дургели.* Указ. раб. С. 136-137.
[2] АС РСО-А. Ф. 12. Оп. 4. Д. 103. Л. 224.

Юсуп-кади принадлежал к роду, представители которого были известны как алимы и набожные мусульмане. Сам Юсуп, его отец Муса и дед Крим-Султан носили почетную приставку хаджи, т.е. совершившие обряд паломничества в Мекку[1]. Сам Юсуп вместе со своим сыном Муса-хаджи два раза совершал паломничество.

Как пишет известный исследователь биографий средневековых дагестанских ученых, «предки» Юсуп-кади «были горцами, ставшими аксайцами», причем в тексте имеется поздняя приписка: «Мне рассказал его внук ʻАбд ал-ʻАзим, что его дед в четырнадцатом колене был выходцем из города Хунзах»[2]. На это сообщение обратил внимание и Т.М. Айтберов, который перевел и включил его в недавно изданный сборник исторических материалов: «Выдающийся ученый Юсуп-хаджи Аксайский… был горцем по корню, но по происхождению своему был он уже аксайцем… Его внук, который носит имя Абдулазим, рассказал мне, что его четырнадцатый предок был из города Хунзаха»[3].



Запись Али Каяева о происхождении Клычевых

Эта информация находит более обстоятельное подтверждение в русских архивных данных. Согласно документу от 1830 г. («Родословный список князьям и старшинам, имеющим чины и не имеющим, пользующимся особенным уважением и отличающимся добрым поведением и нравственностью в кумыкском и чеченском владениях с помещением одну только мужскую линию с обозначением узденьских степеней и фамилии, а князьям и старшинам без обозначений степеней») Клычевы действительно

[1] *Мусаев М.А.* Биографии дагестанских ученых-богословов… С. 633.
[2] *Мусаев М.А.* Биографии дагестанских ученых-богословов… С. 633.
[3] *Айтберов Т.М.* К истории аварцев Терско-Сулакского междуречья. Махачкала, 2015. С. 67.

являлись выходцами из Хунзаха. Из Аварии «вышел» некий Муса, от которого проведена генеалогическая цепочка до Юсуп-кади Аксайского: Муса – Иса – Алихан – Хамав – Клыч – Крымсултан – Муса-хаджи – Юсуп[1]. Таким образом, из Хунзаха переселился седьмой предок Юсуп-кади Аксайского по имени Муса. Произошло это, судя по средней смене поколений за 29-30 лет, в самом начале XVII в., т.е. в период образования Эндирейского владения и активности его основателя – Султан-Махмуда.

Казалось бы, по прошествии нескольких веков историческая память, этническое самосознание и владение аварским языком должны были стереться у потомков выходцев из Хунзаха. Однако, как мы видим на примере жизни самого Юсуп-кади Аксайского, который владел аварским языком, обучался в Хунзахе у Нурмухаммада-кади и более того, считал его «своим шейхом», традиционные связи с родиной предков и владение аварским языком, сохранялось в этой фамилии на протяжении целого ряда поколений.

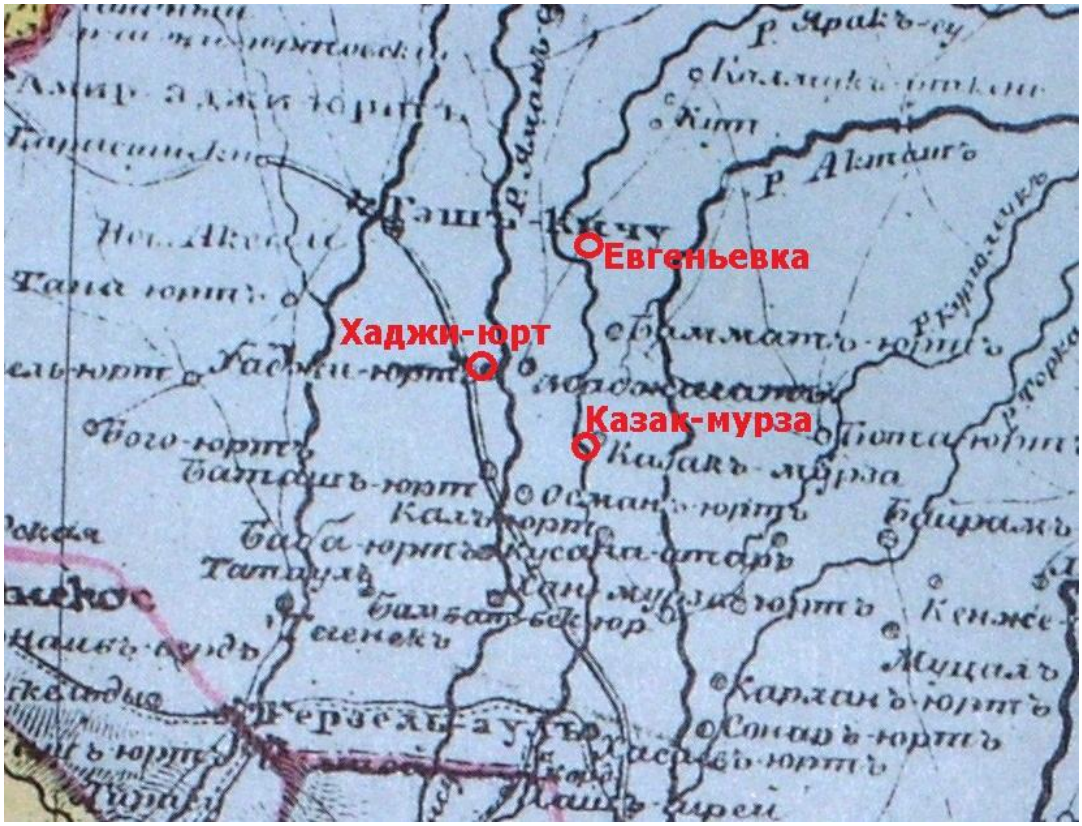
Клычевы (от тюрк. *клыч* – «сабля, меч») считались в XIX в. одной из особо богатых и влиятельных узденских фамилий Хасавюртовского округа[2]. Еще в XVII-XVIII вв. они приобрели значительные земельные угодья к востоку от сел. Аксай и к северу от современного города Хасавюрт. В частности, известно, что они «покупкою приобрели ту землю, на которой находится теперь деревня их Хаджи-юрт». К концу 1840-х гг. Клычевы были в числе четырех узденских фамилий, имевших «свои деревни» на территории Хасавюртовского округа[3]. Хаджи-юрт – это западная часть современного селения Аджимажагат-юрт Хасавюртовского района. Дело в том, что до второй половины XIX в. на противоположных берегах речки Ямансу располагались два поселения – Хаджи-юрт и Мажагат. В дальнейшем они объединились под общим названием – Аджимажагат-юрт. Учитывая, что впервые поселение Хаджи-юрт упоминается в 1812 г. как «Муса Хаджи», со-

[1] РГВИА. Ф. 13454. Оп. 5. Д. 450. Л. 8.

[2] *Айтберов Т.М.* К истории аварцев Терско-Сулакского междуречья... С. 66.

[3] *Шихалиев Д.-М.* Рассказ кумыка о кумыках / сост., пер. И ком. С.Ш. Гаджиевой. Махачкала, 1993. С. 56.

стоявшее из 20 дворов[1], то логично предположение, что его в конце XVIII в. основал отец Юсупа Аксайского – Муса-хаджи[2].



Фрагмент карты сер. XIX в. с указанием хуторов, расположенных на землях Клычевых

Кроме современного Аджимажагат-юрта на земле Клычевых располагалось еще одно поселение, в котором жил и похоронен в 1871 г. сам Юсуп-кади Аксайский. Это Казакмурзаюрт, в котором располагалась усадьба Клычевых[3]. В Казакмурза-юрте в 1867 г. имелось 20 дворов, часть из которых была представлена беглецами с территории Имамата[4], т.е. – аварцами и чеченцами. Вплоть до 1920 г. это селение было также известно как «хутор Клычева», принадлежавший Абдулазиму (Абуку) Клычеву. Позже оно стало

---

[1] *Буцковский А.М.* Выдержки из описания Кавказской губернии и соседних горских областей. 1812 г. // История, география и этнография Дагестана (XVIII-XIX вв.). Архивные материалы / под ред. М.О. Косвена и Х.-М. Хашаева. М., 1958. С. 245.

[2] *Айтберов Т.М.* К истории аварцев Терско-Сулакского междуречья. Махачкала, 2015. С. 67.

[3] *Идрисов Ю.М.* Очерки истории северных кумыков. Махачкала, 2014. С. 102.

[4] Там же. С. 101.

известно как Симсир[1]. Дело в том, что в 1918-1920 гг. из Веденского округа Чечни в Хасавюртовский округ переселились несколько тысяч чеченцев, занявших русские, немецкие и отчасти кумыкские хутора и селения, жители которых вынуждены были покинуть свои родные дома из-за нападения вооруженных банд, терроризировавших местное население. Таким образом «хутор Клычева», он же Казакмурза-юрт, в 1920-21 гг. оказался заселен чеченцами из хутора Симсир, расположенного близ селения Зандак Ножаюртовского района Чечни.

На земле Клычевых было расположено еще одно поселение – немецкий хутор Евгеньевка, который находился на старой дороге из Аджимажагат-юрта в Чагаротар, на правом берегу речки Ямансу. Ныне это ферма, расположенная в 3 км южнее селения Моксоб Хасавюртовского района и принадлежащая СПК селения Иштибури Унцукульского района. Хутор Евгеньевка оказался заброшен в те же смутные 1918-19 гг., когда из Хасавюртовского округа вынуждены были уехать несколько тысяч колонистов – немцев, украинцев и русских. В отличие от остальных населенных пунктов, он так и остался заброшенным.

Массовая миграция 1919-1922 гг. «чеченизировала» целый ряд небольших населенных пунктов в Хасавюртовском округе. Среди них были и хутора, построенные на землях Клычевых. По переписи 1926 г. Казакмурза-юрт (хутор Клычева) уже значится как «хутор Сим-Сир», состоящий из 38 хозяйств (139 жителей). Почти все население – чеченцы (36 хозяйств и 132 жителя), кроме которых на хуторе жили по одной аварской (5 жителей, выходцы из андийского участка) и кумыкской (2 жителя) семье[2]. В Евгеньевке из 41 семьи (134 чел.) 24 были чеченскими (67 чел.), 15 немецкими (52 чел.) и 2 кумыкскими (15 чел.). Значительный наплыв чеченцев имел место и в Аджимажагатюрте. Из общего числа 142 хозяйств (593 жителя), кумыки составляли 102 хозяй-

[1] *Джамбулатов Р.Т.* Революция и гражданская война на Тереке (Хасав-Юртовский округ и Кизлярский отдел). Махачкала, 2012. С. 55; Идрисов Ю.М. Очерки истории северных кумыков. Махачкала, 2014. С. 160.

[2] Материалы всесоюзной переписи населения 1926 года по Дагестанской АССР. Вып. I. Список населенных мест Дагестанской АССР. Махач-Кала, 1927. С. 152.

ства (398 жит.), чеченцы – 38 хозяйств (192 жит.). Кроме них имелось по одной лезгинской и курдской семье[1].

Герой Советского Союза – Иса Клычев (Султанов)

Из числа представителей фамилии Клычевых в XX веке вышло много известных врачей. Еще в XIX веке Юсуп-кади Аксайский, получил медицинское образование в Хунзахе у Нурмухаммад-кади и видимо эта любовь к медицине передалась и его потомкам. Кроме вышеупомянутого Абдулазима и Юсупа Клычевых, работавших в первой половине XX в., можно назвать несколько известных врачей и второй половины XX в. Среди низ особо следует выделить врача высшей категории, заслуженного врача Российской Федерации Абдул-Хакима Салим-Султановича Клычева.

Герой Советского Союза Иса Клычев (Султанов)

Талант фамилии Клычевых в XX веке проявил себя и в военной сфере. Представитель этого рода – **Иса Султанович Клычев** (вынужден был поменять фамилию на «Султанов») стал Героем

[1] Там же.

Советского Союза. Родился Иса Султанов (Клычев) в 1917 г. в селении Аджимажагатюрт Хасавюртовского района. После окончания автодорожного техникума в Казани, в 1939 г. был призван в Советскую Армию. В августе 1941 года окончил Харьковское военно-танковое училище. Командир взвода 126-го танкового полка 17 гвардейской механизированной бригады 1-го Украинского фронта. Старший лейтенант Султанов (Клычев), заменив командира роты, 24 января 1945 года обеспечивал наведение переправы через Одер, а 25 января форсировал реку в районе г. Кёбен. Здесь он захватил и удерживал плацдарм. Погиб 1 февраля 1945 г. и похоронен в городе Кёбен (ныне н.п. Хобеня Нижнесилезского воеводства в Польше, к северу от крупного города Вроцлав). Звание Героя Советского Союза присвоено 10 апреля 1945 года. Награждён также орденом Ленина, Красной Звезды.

Военный врач и сторонник имамата – Абдулазим Клычев

Наше повествование было бы неполным, если бы мы более подробно не остановились на еще одной личности из рода Клычевых. Абук (Абдулазим) Клычев как бывший царский офицер воевал против войска Деникина в качестве сотника армии Узун-хаджи, который выступал за восстановление государства Шамиля – северокавказского имамата. Во время разорения Хасавюрта отрядами Узун-хаджи, этот Клычев вывел оттуда до 200 человек, переправив к себе на хутор[1]. Т.М. Айтберов указывает, что Абдулазим Клычев отлично знал аварский язык и «разговаривал на нем с дворянами из кумыкских селений»[2]. Выше приведены данные, согласно которым Абдулазим Клычев рассказывал Али Каяеву, что его предки переселились из Хунзаха, что говорит о сохранении четкой исторической памяти и аварского языка у этой фамилии на протяжении веков, несмотря на то, что основным их языком, конечно, был кумыкский.

institute of history.ru

Интересные подробности об Абдулазиме Клычеве мы узнаем из интервью с прямым потомком и тёзкой знаменитого Махти-Шамхала Тарковского Махти Камиловичем Тарковским. Его жена являлась внучкой Абдулазима Клычева и потому семейные ис-

[1] *Джамбулатов Р.Т.* Указ. раб. С. 55; *Идрисов Ю.М.* Очерки истории северных кумыков... С. 160.
[2] *Айтберов Т.М.* К истории аварцев Терско-Сулакского междуречья... С. 67.

тории Клычевых он знал не понаслышке. После установления советской власти в Дагестане Абдулазим вынужден был уехать в Чечню, чтобы избежать репрессий. Там Махти Тарковский и увидел Абдулазима Клычева. Отец Тарковского вернулся с Великой Отечественной войны тяжело больным человеком и умер в 1947 году. Вплоть до смерти, жена пыталась его спасти, возила к разным врачам, в том числе в Грозный к жившему там Абдулазиму Клычеву. Как рассказывает Махти Тарковский: «Я, совсем маленький, присутствовал при той их встрече. Отец лежал на диване, а мать объясняла Абдулазиму, зачем они приехали. Последний, видать, почувствовал в ней принадлежность к знатному роду, спросил ее, чья она дочь, она ответила, что дочь Султан-Меджида Уллубиева (из Эрпели – прим. автора) и Умсапият, дочери Джалил-Хаджи (из Караная – прим. автора). Оказалось, что Абдулазим был знаком с последним и заговорил с мамой на аварском языке»[1]. Сам Махти Тарковский объясняет знание аварского языка Абдулазимом Клычевым наличием у него земель в Зубутли и его проживанием по соседству с аварцами, однако в таком случае он мог научиться лишь сносно изъясняться на этом языке и вряд ли стал бы затевать разговор с представительницей знатного рода из кумыкского селения Эрпели для которой основным языком также должен был быть кумыкский. Вероятнее то, что оба представителя знатных кумыкских фамилий знали аварский язык с детства и владели им в совершенстве, чего вряд ли можно добиться, если он не был в быту наряду с кумыкским.

В этой связи стоит напомнить читателям слова выдающегося дагестанского политического деятеля первой половины XX в. – Гайдара Баммата, который в своей книге, изданной в Париже в 1929 г., писал, что дагестанцы есть *«разнородный… массив людей, говорящих на двух языках – кумыкском и аварском, в дополнение к своим диалектам»*[2].

[1] *Идрисов Ю.* XX век в зеркале фамильной истории Тарковских // Газета «Ёлдаш». 07.03.2014 г.

[2] *Гайдар Баммат.* Кавказ и русская революция (политический аспект). Махачкала, 2000. С. 13.

1.14. К вопросу об административном делении в Имамате Шамиля (Анкратль и Анцратль)

В кавказоведении XIX век по праву считается историческим периодом, по которому существует наибольшее количество источников. Однако вместе с тем в его освещении остается очень много белых пятен, зачастую не меньше чем за предыдущие периоды. Одним из таких вопросов, нуждающихся в компетентном исследовании, остается эпоха имамата Шамиля. Несмотря на повышенный к себе интерес, она до сих пор является сферой активности преимущественно псевдоисториков или ангажированных ученых, что сказывается на степени изученности темы и научном уровне опубликованных трудов. Кстати за последние 50 лет мы не имеем ни одного качественного комплексного исследования по имамату Шамиля или биографии его руководителя. Особенно это касается Дагестана – как основного центра этого государства и территории, на которой происходили основные процессы, характеризующие эту эпоху. Под дагестанской фамилией не вышло ни одно качественное исследование, которое можно было позиционировать на всероссийском или международном уровне – исследованы только отдельные вопросы или изданы источники.

В частности один из интересных, но не изученных вопросов – административно-территориальное деление Имамата, его основные принципы и причины, по которым происходили его изменения. Прежде всего, стоит отметить, что за основу административного деления в Имамате была взята уже существовавшая система так называемых «вольных обществ» (автор не согласен с такой формулировкой, однако это вопрос отдельного исследования) и ханств, которая подверглась лишь незначительной корректировке, обусловленной соображениями военной необходимости и то – на границе с русскими укрепленными линиями. За основу я взял территорию южной части горной Аварии, а именно Анкратль (авар. *Анкьракь* – «семиземелье») и Анцратль (авар. *АнцIракь* – «десятиземелье»). Ныне это Тляратинский и Чародинский районы Республики Дагестан, соответственно. При исследовании административного деления этого региона, вошедшего в сферу влияния имамата позднее, нежели территория северной ча-

сти горной Аварии, обнаруживается необходимость разделения всего периода существования этого государства на два периода – до и после начала 1840-х гг.

До этого периода единственной формой административно-территориального деления Имамата являлось наибство, а сами эти образования и их создание целиком зависело от «человеческого фактора». То есть если на данной территории проявлял активность какой-либо влиятельный приверженец имамов Гази-Мухаммада или Хамзата, то он объявлялся наибом, а вся территория, на которую он мог распространить свое влияние – наибством. Посредников между наибами этих земель и имамом не было, также как и нижестоящие структуры, целиком остались в том же состоянии, только вместе с непосредственно своими прежними обязанностями, выполняли те или иные приказы наибов.

Кардинальную реформу государственного устройства, вернее его создание, имам начал в 1842-43 гг. Частично эти преобразования отражены в рапорте генерал-майора Клюки фон Клюгенау генерал-адъютанту Нейгардту от 22 марта 1843 г. под названием – «Об управлении, введенном Шамилем на подвластной ему территории». Согласно этому документу, Клюгенау еще в начале января того же года поручил капитану генштаба Неверовскому «осмотреть все укрепления в северном и нагорном Дагестане, находящиеся в них гарнизоны, а также собрать сведения относительно мер, принимаемых Шамилем к учреждению внутреннего управления в землях, повинующихся ему горцев». Неверовский, по возвращении своем из гор, представил генералу Клюгенау следующие собранные им сведения о нововведениях имама Шамиля, «касательно военного и гражданских учреждений и об его намерениях»: «Все общества, лежащие от Анди до Казикумухского ханства, признающие над собою власть Шамиля, разделены им на шесть наибств. Отложившиеся аварские деревни составляют одно наибство и поручены Хаджи-Мурату. Общество Анкратль имеет наибом Омара. В Тилитлинском обществе назначен наибом Магомед. В обществе Карате наибом Галбац-Дебир. В Тилитли, Гидатле и отложившихся андийских деревнях назначен наибом Кибит-Магомед. В Карахском обществе наиб Абдурахман-Дибир. В Андии наибом Газиу, а в Гумбете Абакар-

кадий. Наибы имеют право казнить людей виновных и еще полные хозяева вверенных им участков, но должны отдавать отчет о своих действиях Шамилю... Пятисотенными начальниками назначены почти везде наибы. Они называются генералами, полковниками и капитанами. Генералы Ахверды-Магома, Шуаип-мулла, Улубий-мулла, Абакар-кадий и Кибит-Магомед. Полковники Абдурахман-дибир и Омар Анкратльский. Капитанами называются остальные младшие наибы» *(Движение горцев…, 1959. С. 382-384).*

Таким образом, власть Шамиля в Анкратле и Анцратле окончательно закрепилась лишь в 1843 г. До 1839 г. и событий на Ахулгохе, внимание Шамиля было сосредоточено на северной части Аваристана, а в 1840-м и в последующие два года на Чечне и прилегающих наибствах в бассейне реки Анди-ор. Только в 1843 г. с взятием Хунзаха и изгнанием русских гарнизонов из центральной Аварии, в Имамат на прочной основе вошла эта территория, которая в первый год введения в нем наибства руководилась Мушлазул Мухаммадил Омаром из сел. Бетельда и Абдурахман-дибиром из сел. Гочоб.

Эта схема продержалась только один год и подверглась значительным изменением летом 1844 г. Наибы, назначенные в прошлом году над всем Анкратлем или Анцратлем, отвечали уже только за одно из обществ (Карах или Чурмут *(Юров А., 1883. С. 349)*), а сами наибства были значительно разукрупнены. Согласно русским разведданным в июле 1844 года «Даниэль-бек получил от Шамиля в управление Хунзах и все общества по южную сторону аварского Койсу, между Андалалом и Казикумухом с одной стороны и границами Кахетии и белоканского округа с другой, и, находясь в Тлессерухе, собирает вооруженные толпы от всех этих обществ» *(Юров А., 1883. С. 343)*. Таким образом, Анкратль и Анцратль в 1844 г. были объединены под управлением Даниял-бека – цорского (закавказского) аварца и елисуйского султана, совершившего хиджру на территорию Имамата. Основным местом своего пребывания Даниял-бек избрал селение Ириб в Тлесерухе (ныне Чародинский район РД). Тогда же произошло разукрупнение наибств вплоть до управляющих бывшими «вольными обществами». К примеру, по ситуации на май 1847 г. на территории Анкратля упоминаются 7 наибов: в Анцухе – Адалав, Бежте –

Хасан-дибир, Анцросо – «Мулла-Шабан», Ташал – Махама, Бугнада – Малла-Мухаммад, Косдода (Кособ и Томс) – «Магома-Тамин» (вероятно Мухаммад-Амин) и в Тлянада – «Омар-Магома» *(АКАК, 1885. С. 447)*. На территории Анцратля на тот же период имелось четыре наибства – Карах, Тленсерух, Мукратль и Рисор.

Таким образом, Анкратль и Анцратль объединялись в одно мудирство с включением в него и более северных территорий, как-то Андалала и Гидатля, с разделением его максимум на 11 наибств: 7 – в Анкратле и 4 – в Анцратле.

Однако эта схема не являлась раз и навсегда утвержденной структурой. Наибства могли нередко объединяться или заново делиться в зависимости от необходимости и степени управляемости. К примеру, в конце 1840-х гг. бывшие общества Анцросу и Тлебел составляли одно наибство, руководимое Ших-Шабаном, также как Анцух и Хванал составляли наибство под началом Махмудил Адалава *(Волконский Н.А., 1885. С. 170)*. Также Чурмут и Тланада большую часть периода существования Имамата являлись одним наибством.

Часто по итогам поведения итогов военной кампании за год, происходило переутверждение или замена наибов, а также реорганизация самих наибств. К примеру, в конце октября 1847 г. в Дарго – столице Имамата прошло совещание наибов под руководством самого Шамиля. По его итогам, согласно агентурным данным русских, Ших-Шабан «был оставлен» наибом Чурмута, Тлебела и Тланада, а бывший майор русской армии билканец Караали назначен наибом Анцросу, Бугнады и Унхада. Махмудил Адалав был назначен мудиром над ними обоими *(Волконский Н.А., 1885. С. 244)*. Вместе с тем, непосредственно в качестве наиба, Адалав руководил регионом, включавшим в себя Анцух, Ташал и Хванал.

В самом начале 1848 г. согласно русским разведывательным данным, Адалав поссорился с бежтинцами и братья Караали и Хаджияв-хаджи из Билкана. Братья пошли жаловаться на Махмудил Адалав Шамилю, но тот постарался их помирить и несмотря на недоразумения ни одного из них не снял с должности *(Волконский Н.А., 1885. С. 249)*. В 1847 г. на территорию Имамата перешел влиятельный житель села Катих – Кацаразул Батракил Му-

хаммадали, которого Шамиль через несколько месяцев, судя по всему, в сентябре 1847 г., во время осады Салта, назначил наибом Анцросо *(ЦИАГ. Ф. 5. Оп. 1. Д. 3095. Л. 4)*.

Причинами реорганизации наибств или снятия самого наиба с должности служили военные неудачи на данном направлении или неблагонадежность жителей и самого наиба. К примеру, летом 1850 г. генерал Бельгард сжег селения Чурмута и Тланада, за что Шамиль снял наиба этих обществ – Ших Шабана и включил его наибство (Чурмут, Тланада и Тлебел) в состав территории, управляемой наибом Батракил Мухаммадали *(ЦИАГ. Ф. 5. Оп. 1. Д. 3095. Л. 14)*. В результате осенью 1850 г. Кацаразул Батракил Мухаммадил сделался фактически наибом центральной и верхней частей Анкратля, за исключением Анцуха и Ташал.

Таким образом, административное деление Имамата в южной части горной Аварии было основано на старой и проверенной схеме разделения на «вольные общества», что оправдывалось расположением обществ в отдельных ущельях. Однако эта схема подвергалась изменениям в зависимости от оперативной ситуации и военной необходимости.

institute of history.ru

Литература

Акты Кавказской археографической комиссии / под ред. А.П. Берже. Тифлис, 1885. Т. X. – 982 с.

Волконский Н.А. Трехлетие на лезгинской кордонной линии (1847-1849) // Кавказский сборник. Тифлис, 1885. Т. IX. – С. 157-366.

Рапорт ген.-м. Клюки фон Клугенау ген.-адъют. Нейгардту об управлении, введенном Шамилем на подвластной ему территории. 22 марта 1843 г. // Движение горцев Северо-Восточного Кавказа в 20–50-х гг. XIX в. Сборник документов / Составители: Гаджиев В. Г., Рамазанов Х. Х. Махачкала, 1959. – 785 с.

Записка о образе жизни жителя Закатальского округа, сел. Катех, ныне Джурмутского наиба Подпоручика Батрак-Магомед-Али, действий его и событиях, случившихся с ним // Центральный исторический архив Грузии. Ф. 5. Оп. 1. Д. 3095. – 15 л.

Юров А. 1844-й год на Кавказе // Кавказский сборник. Тифлис, 1883. Т. VII. С. – 157-318.

1.15. Взаимоотношения восточногрузинских горцев и Имамата

Общепринятым считается мнение, что Имам Шамиль объединил под своим правлением Дагестан и Чечню, с кратковременным вхождением в состав имамата Закатальского округа, Ингушетии, Кабарды и других регионов Северного Кавказа. Однако документы, обнаруженные в Центральном историческом архиве Грузии (ЦИАГ), позволяют, на мой взгляд, включить в состав кратковременно входивших в состав Имамата регионов Кавказа и Тушети – высокогорную часть Восточной Грузии. Ныне это горная часть Ахметского района Кахетии, расположенная на стыке границ Грузии, Чечни и Аварии (Дагестана). Ее территория – 896 квадратных километров верховий реки Анди-ор (Андийское Койсу) – сравнима с Шамильским районом Дагестана.

В ЦИАГе есть несколько дел, которые характеризуют наличие тесных взаимоотношений Имамата с Тушетией. Одно из наиболее интересных – дело «О поддержании тушинами связи с Шамилем», в котором имеются документы 1847 года. В деле есть донесения управляющего Тушино-Пшаво-Хевсурским округом подполковника Чолокашвили («Челокаев») от 14 апреля 1847 года №414 адресованные на имя начальника Джаро-Белоканского военного округа и всей лезгинской кордонной линии генерал-лейтенанта Шварца. В них он пишет, что во-первых, *«тушины Чагминского и Пирикительского обществ, в прошлом году – войдя через пирикительцев Легу и Бабо Каадзевых, Давыда Дартлойского и Накуда Татрулидзева, в сношения с Шамилем заплатили ему дань»*; а во-вторых, *«тушины, не дождавшись разрешения на ходатайство свое об уничтожении постоянных караулов, уничтожили таковой самовольно»*[1]. Дальнейшие рапорты Чолокашвили говорят о продолжении тушинами линии на продолжение сотрудничества с Шамилем и неповиновения царским властям. Рапортом от 12-го июня за №745 он докладывает, что тушины отказались дать 50 человек всадников, в состав Лезгинского отряда, который занимался карательными экспедициями в южной части горной Аварии. Рапортом от 27 июня за №800, Чо-

[1] Центральный исторический архив Грузии (ЦИАГ). Ф. 16. Оп. 1. Д. 9404. Л. 1.

локашвили пишет, что тушины *«после уплаты чагминцами 130 рублей, пирикительцами 170 руб. и цовцами 16 рублей, заключили с Шамилем условие не выходить никуда против лезгин и предупреждать их на случай движения русских войск»*[1].

Согласно данным самого Шамиля, его резиденция пользовалась прежде всего доходами из Тушетии, т.е. «за счет податей», которые уплачивались с 1843 г. в размере по два рубля в год с 1 дома[2].

Поскольку, в летнее время из-за труднодоступности Тушети и отсутствия там членов администрации Кавказского наместничества Российской империи о действиях тушин точных данных не было, управляющему округом Чолокашвили пришлось заняться расследованием их взаимоотношений с Шамилем лишь осенью, когда тушины спускались для зимовки в верховья Алазанской долины в Алвани: *«За тем о действии тушин во все время нахождения их в горах ничего достоверного известно не было, исключая только слухов, что они совершенно помирились с Шамилем. С последних чисел сентября, когда почти все они уже спустились на Алвани, я приступив под рукой к узнанию истины и положения дел тушинского народы, открыл следующее:*

1-е.Чагминское, Пирикительское и Гомецарское общества заплатили Шамилю в августе месяце дань с дыма по 1 рублю, а цовское по 40 коп серебром. Сборщиками были сами же тушинские нацвалы и присланные от Шамиля два наиба, жившие большею частью в селе Омало.

2-е. Многие из тушин, в особенности пирикительцы, пасли свои стада вместе с кистинскими.

3-е. Вход лезгинам, кистинам и дидойцам в Тушетию был совершенно свободен, равно тушины беспрестанно ходили в Дагестан.

4-е. Дагестанцы привозили шали, андийские бурки и другие произведения в самом большом количестве, меняли у тушин на товары, вывезенные из Грузии и другие вещи, равно продавали за деньги…Спустившись с гор тушины навезли с собою огромное количество андийских бурок, лезгинских шалей, продают в Ти-

[1] ЦИАГ. Ф. 16. Оп. 1. Д. 9404. Л. 1.
[2] АКАК. Т. XII. С. 1488.

флисе и Телаве и покупают разные товары - для отправления в Анди и Дидо…»[1].

Действия тушин по уплате налогов Шамилю и активной торговле с аварцами («лезгинами») и чеченцами («кистинами»), можно было бы приписать желанию наладить быт и хозяйство, а также обезопасить себя от действий мюридских отрядов. Однако в противоречие с этим входят сообщения о том, что *«партии хищников… проходили через Тушетию в Кахетию, но их никто там не преследовал, а напротив им давали продовольствие»*; а также, что *«партия хищников»* действовавшая в верховьях реки Алазани, в частности в окрестностях селения Ахмета против царских войск и администрации состояла из тушин и более того, *«была предводительствуема тушином, как показал бежавший от них пленник»*[2]. Это говорит о том, что уплата якобы «дани» Шамилю ничто иное, как уплата налога, общего для всех общин, входивших в Имамат. В этой связи активное участие грузин Тушети в военных действиях отрядов Имамата, а также формирование собственных диверсионных отрядов, вступивших в военные действия против войск и администрации Российской империи, говорит о том, что Тушети фактически вошла в 1847 г. в состав государства Шамиля.

Более того, как архивные данные подчеркивают, что действия тушин *«имеют весьма дурное влияние на хевсур и пшавцев, которые быв еще грубее и легковернее тушин, уже и теперь им завидуют, называя их народом свободным. Да и самое неповиновение тушин местному начальству имеет тоже не менее дурное влияние, особенно на горных хевсур, которые и без того довольно неукротимы»*[3]. Влияние тушин на жителей Хевсурети – высокогорного региона расположенного к западу Тушети, и впрямь имело место. Управляющий Тушино-Пшаво-Хевсурским округом в своем рапорте от 6 ноября 1847 г. указывает: *«До меня дошли слухи, что хевсуры селений Шатиль, Муцо и Ардот, в минувшем июне месяце заплатили Шамилю дань… Действительно, в июне Шамиль прислал каких-то кистин, требуя от показанных хевсур*

[1] ЦИАГ. Ф. 16. Оп. 1. Д. 9404. Л. 2-3.
[2] ЦИАГ. Ф. 16. Оп. 1. Д. 9404. Л. 2-3.
[3] ЦИАГ. Ф. 16. Оп. 1. Д. 9404. Л. 3.

дани. Они собрали по 1 руб. серебром с дыма, некоторые деньгами, некоторые козлами, некоторые красным товаром»[1]. Хевсуры в свою очередь осенью того же года начали уже беспокоить жителей соседнего горного региона Восточной Грузии – Пшави. По данным управляющего Тушино-Пшаво-Хевсурским округом 17 октября 1847 г. пшавцы ходатайствовали, чтобы руководство округа *«защитило их от хевсур, которые несравненно более их тревожат и наносят вреда, нежели кистины или лезгины»*[2].

Это обстоятельство вызвало серьезную обеспокоенность царской администрации на Кавказе, которая силовыми методами заставила тушин и хевсуров вновь покориться властям Российской империи и пополнить ряды так называемой милиции, предназначением которой было сопровождение регулярных войск и участие в военных действиях. Немаловажной целью при этом в глазах царских офицеров виделось разжигание вражды между тушинами и их соседями – аварцами. Несмотря на это, по воспоминаниям самих царских офицеров и в 1850-е годы *«соприкасаясь с лезгинами* (аварцами – Х.Ш.) *во время летних пастбищ в горах, тушины, по большей части, жили с ними в это время довольно мирно, даже отплачивались Шамилю за неприкосновенность их стад, по рублю с дыма»*[3].

Это понятное дело не устраивало царскую администрацию, которая для создания вокруг горцев Имамата враждебного окружения не жалела финансовых средств и прибегала к неблаговидным методам, для этого применяемым. Среди них была и охота за головами горцев, объявленная и оплачиваемая царскими офицерами. Это породило возникновение среди тушин и хевсур определенного слоя «охотников», основным занятием которых стало убийство жителей Имамата, причем без разбора – мюрид это или мирный житель. Нередко при этом жертвами этих лиц становились дети и женщины.

---

[1] ЦИАГ. Ф. 16. Оп. 1. Д. 9404. Л. 11-12.
[2] ЦИАГ. Ф. 16. Оп. 1. Д. 9404. Л. 6.
[3] *Волконский Н.* Лезгинская экспедиция (в Дидойское общество) в 1857 году // Кавказский сборник. 1876. Том 1. С. 381-382.

Наиболее известным из охотников за головами являлся тушин Шете Гулухаидзе. Характерны и интересны воспоминания о нем царского офицера В.М. Антонова: *«Вся Грузия, от младенца до старика, знала и чтила его, как замечательного героя, а для лезгин он служил страшилищем и пугалом. Хорошо известен он был и наместнику Кавказа, светлейшему князю Воронцову, и всегда им с почетом принимаем. У лезгин в каждой семье стращали детей во время их плача именем Шоте. Так, например, выдают за достоверное событие, что в дидойском ауле Хупро, в глухую ночь, в одной из сакель капризничал, заливаясь неугомонным плачем, 2-х летний ребенок. Мать, будучи не в состоянии унять ребенка, стала его стращать именем Шоте, но так как и это средство не помогало, то она, отворив окно, высунула в него ребенка головою вперед, сопровождая свое действие словами: «На, на, возьми его, Шоте», и младенец моментально затих. Успокоенная мать потянула ребенка в саклю и, о ужас – младенец оказался без головы. Эту немилосердную операцию совершил Шоте, в ожидании выхода из сакли кого-нибудь из взрослых, но подвернулся случай отрубить голову младенцу, и он не поцеремонился отрубить ее. В погоню за Шоте бросился отец и старший сын, нагнали его тихо шедшим к окраине аула и вдвоем набросились на убийцу, но кровавая стычка длилась недолго, она окончилась смертью обоих нападающих лезгин. Односельчане нашли убитых без кистей правых рук…*

Нам приходилось гостить в его сакле, на стене которой, над дверями снаружи, красовались прибитыми 116 человеческих рук, лично им приобретенных в различных боях, набегах и засадах…

Вот этот то именно Шоте со своей сотней тушин первым ворвался в аул Тларата и, понятно, все жители поголовно были перебиты. Пощады не было ни женщинам, ни детям, но за то сам он понес невознаградимую потерю: его сын, 20-тилетний юноша, георгиевский кавалер и знаменосец в сотне, убит был наповал 24-х летним лезгином, защищавшим свою семью из 5 человек. Тушины оставили в живых этого лезгина для того, чтобы отдать ого в распоряжение Шоте»[1].

---

[1] *Антонов В.М.* Эпизоды из Кавказской войны // Исторический вестник, № 6. 1896. С. 802-803.

В воспоминаниях офицера П. Николаева описан другой случай зверства со стороны такого рода наемников, которые должны были служить «горючим материалом», который подрывал добрососедские отношения аварцев и тушин и превращал их во взаимную вражду и ненависть. Итак *«однажды было приказано взять какой-то небольшой аул. Тушины, не ожидая команды, понеслись на него с горы; впереди мчался на серой лошади священник в рясе, меховой шапке и с винтовкой за плечами; когда мы подошли с пехотою, то делать ничего не оставалось, аул был взят, жители спасались бегством, а тушины, рассыпавшись, шарили по саклям. Посреди пылала мечеть, из которой слышалось протяжное мусульманское пение. Двери мечети были завалены огромным камнем, а перед ним стоял тушинский священник, опершись на винтовку.*

– Что он тут делает? – спросил я пехотного офицера,

– А видите ли, в мечети остался мулла и все призывал правоверных к оружию, но, видя, что они бегут, подошел к дверям, выстрелил из двух пистолетов и, опустившись на колени, начал петь свои молитвы. Тушинский поп, заглянув в мечеть и вскрикнув: «А это ты, подлец, погоди же!» – завалил камнем дверь и приказал своим зажечь со всех сторон здание; вот уже скоро оно и обрушится»[1].

По воспоминаниям П. Николаева, офицеры регулярной армии без особого энтузиазма один раз попробовали отговорить попа от этой затеи, который таким образом мстил за убийство тремя годами ранее своего брата, но безрезультатно. Не исключено, впрочем, никаких уговоров и не было, а это упоминание призвано очистить честь офицера, равнодушно наблюдавшего за тем, как заживо сжигали людей. Также стоить отметить то, как смакуются такие детали царскими офицерами для того, чтобы оставить в источниках, коими являются их мемуары о Кавказской войне, свидетельства якобы непримиримо враждебных отношений между отдельными кавказскими народами. В качестве примера можно вспомнить вышеприведенные отрывки, а также дочитать отрывок из воспоминаний про сожжение мечети, из кото-

institute of history.ru

[1] *Николаев П.* Воспоминания о князе А. И. Барятинском // Исторический вестник. 1885. № 12. С. 632-633.

рой между тем, *«чернее и чернее подымались клубы дыма, длиннее взвивались пламенные языки, а дикое пение страшно и зловеще раздавалось внутри мечети. Руки холодели и волос становился дыбом при этих почти нечеловеческих звуках. Я несколько раз слышал тот гимн, который татары поют перед смертью, когда решаются в бою не сдаваться и умереть до последнего человека. Впечатление его тоже потрясающее, но пение того муллы я долго забыть не мог. Оно было резко, пронзительно, но, вместе с тем, торжественно и вполне удовлетворяло своему назначению. Это было последнее обращение дикого человека к божеству, которое, быть может, он в ту минуту видел галлюцинацией своего воспаленного мозга. Вдруг мечеть рухнула, осыпав нас дождем искр и головней, с земли поднялся густой столб пыли, и затем все смокло, только маленькие огоньки тихо вспыхивали и трещали на земле»*[1].

Не удивительно, что после подобного рода «активности» отдельных тушин, поощрявшихся имперским военным командованием, отношения между ними и горцами, носили более ожесточенный характер. Однако в целом большинство народа с обеих сторон понимало, что действия отдельных лиц как со стороны горцев Имамата, также совершавших порою недопустимые по своей жестокости и направленности против мирных грузин акты насилия; так и со стороны грузин достойны только осуждения. Поэтому в народной памяти преобладающее положение занимают воспоминания, связанные не с негативной стороной нашей истории, а с положительными примерами добрососедских связей, служащих историческим фундаментом, на котором строятся взаимоотношения между двумя народами.

instituteofhistory.ru

[1] Там же.

1.16. Шахабас Каранайский и его потомство

Судьба одного курайшитского тухума в бурных событиях XIX в.

В XIX в. в Имамате помимо Шамиля, других наибов и известных военачальников было много выдающихся лиц и даже семей, о которых мы подчас забываем.

Одной из таких фамилий, которая незаслуженно пребывала в забвении является семья Шахабаса Каранайского (авар. – *Гъараниса ШагьгIабас*), которая оставила свой уникальный след в истории Имамата. Восстанавливая события прошлого, особенно описывая биографии отдельных личностей Имамата, исследователи только лишь на основе преданий пытаются приписать им нереальные подвиги, либо пришить «наибские погоны», которых они в реальности не видели и т.д. Вместе с тем, полностью игнорировать устную традицию тоже было неправильным, но, однако же, она должна служить вспомогательным, а не основным источником, помогать восстанавливать какие-то детали при описании событий и фактов, подтверждаемых письменными источниками и документами. В данном случае мы попытаемся рационально использовать как письменные арабоязычные источники, так и обращаться к семейным преданиям для того, чтобы разобраться в некоторых деталях происходивших в XIX в. событий.

История села и тухума

На западе Буйнакского района расположено древнее аварское селение Каранай (авар. – *Гъарани*), от которого в 1850-х гг. путем переселения части жителей на свои же земли, образовался отселок под названием Нижний Каранай (авар. – *Гъоркь Гъарани*). В связи с образованием Нижнего Караная, старое селение стало называться Верхним Каранаем. Данный населенный пункт в течение XIX в. перенес немало испытаний.

В 1844 г. Каранай был в очередной раз разрушен российскими войсками и его жители расселились в различных местах. Первоначально Шахабас поселился в столице Имамата – Ведено, но после его разрушения в 1845 г., Шахабас поселился в селении Бетти-Мохк (ныне Ножаюртовский район Чечни), где обосновалось много аварцев из числа каранайцев и ахатлинцев. Здесь Ша-

хабас основал медресе, где обучались около 40 юношей, женился на чеченке, от которой у него родились еще 2 сыновей и 1 дочь (всего у него было 7 сыновей)[1]. Там же в селе Бетти-Мохк расположена могила Шахабаса и его двоюродного брата Ислама.

Надо указать, что само селение Бетти-Мохк было образовано в 1840-х гг. аварцами, которые переселились в чеченские леса. Известный этнограф кавказовед Н.Г. Волкова в ходе экспедиции 1969 г. собрала данные о том, что *«в той же Ичкерии напротив сел. Шовхалберды на правом берегу р. Ясси (р. Аксай) находится сел. Бетимохк, жители которого обосновались в этих местах при Шамиле. В настоящее время это селение имеет 70 дворов. Его жители считают себя чеченцами и не знают аварского языка, но соседнее чеченское население называет их сули»*[2].

Если же обратиться к истории происхождения самого Шахабаса, то тут мы имеем письменный источник, копию которого получили от известного краеведа – Исмаила из села Буртунай Казбековского района. Это колофон (запись переписчика о дате и прочих обстоятельствах, сопутствовавших переписке какой-либо рукописи) Корана, переписанного в 1315 году хиджры (начался 1.06.1897 г.) Темирбегом, сыном Абдулхалима из Верхнего Караная. В записи приведена генеалогия, скопированная с другого текста, составленного с общего согласия трех братьев: Абдулкадира, Шейха и Абдулхалима, который и являлся отцом переписчика. Эти брата, согласно колофону, являются *«сыновьями Темирбега, сына Дибирасул Мухаммада, сына Шахабаса, сына Илдара, сына Чикира, сына Курмана (Гъурман-акай), сына Темирбега, сына Чикира, сына Шахабаса, сына Хасана, который переселился из Шама»*.

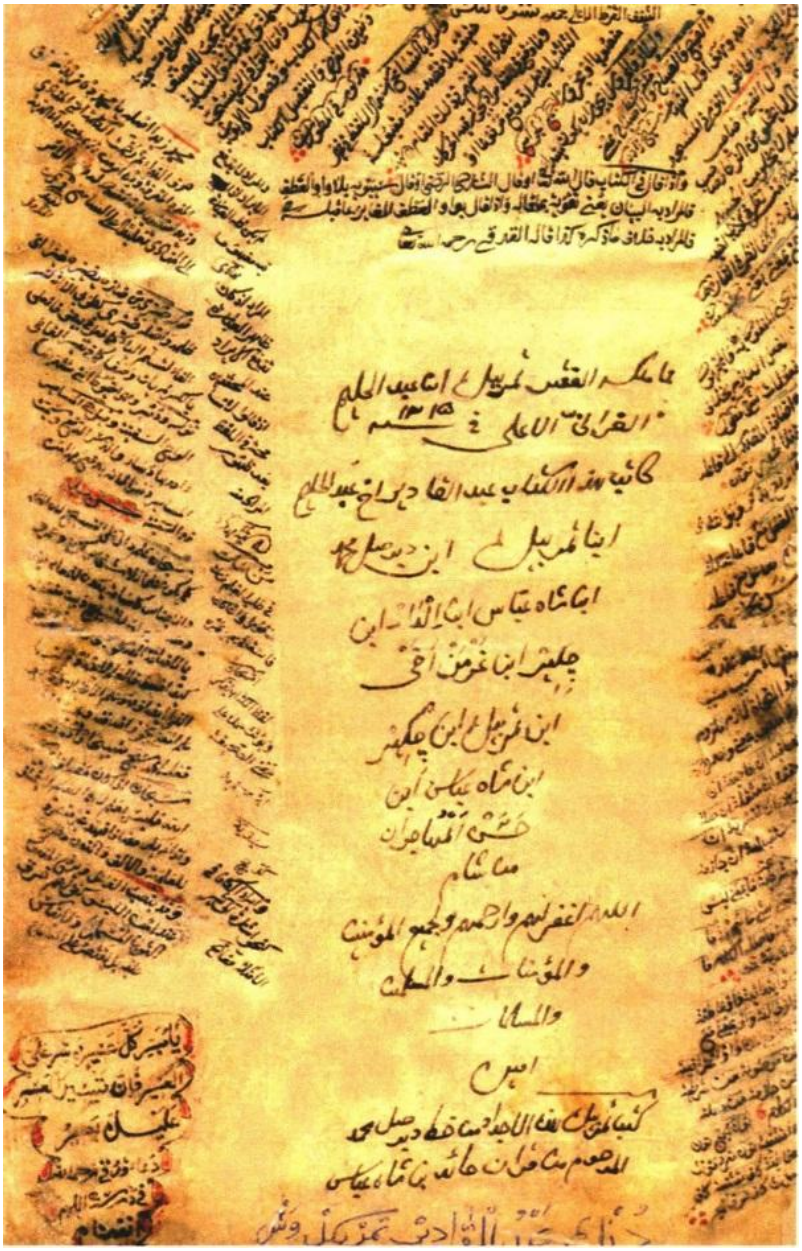
Шахабас Каранайский, о котором идет речь в данной статье, являлся братом вышеуказанного Темирбега, сына Дибирасул Мухаммада. Учитывая, что Темирбег и Шахабас родились в 1780-х годах и учитывая, что среди образованных дагестанцев средневековья по нашим подсчетам на одно поколение приходится около 30 лет, переселенец из Шама (Сирия и соседние страны) по име-

---

[1] *Гаджиев Б.* У отрогов Исмаил-меэра. Махачкала, 2001. С. 16, 18.

[2] *Волкова Н.Г.* Этнический состав населения Северного Кавказа в XVIII – начале XIX века. М., 1974. С. 205.

ни Хасан, должен был родиться в самом начале XVI в. (1510-е гг.) и переселиться в Дагестан в середине данного столетия.



Колофон с генеалогией предков Шахабаса

Его потомку в 9-м поколении было суждено стать одним из видных государственных деятелей Имамата. В 1844-45 годах Шахабас жил некоторое время в Ведено, являясь кадием столицы Имамата. В моем архиве среди копий писем имама Шамиля, имеется документ, касающийся Шахабаса, в котором имам подтверждает его полномочия в качестве потомка курайшитов.

Перевод документа:

«Это – разъяснение на случай возникновения в будущем противоречий и напоминание для других людей.

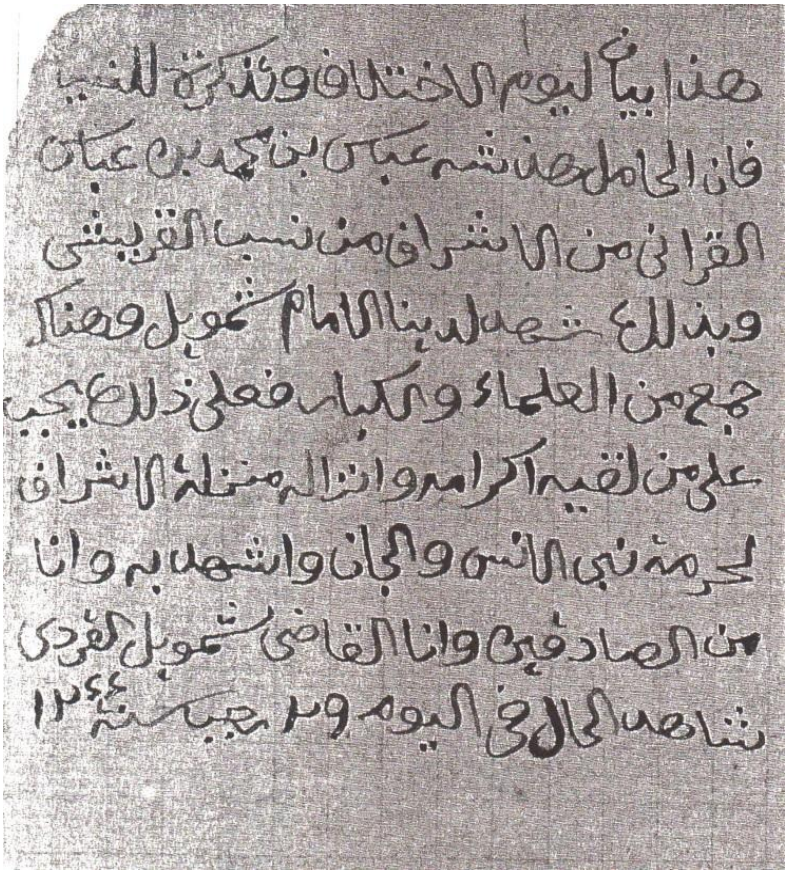
Обладатель этого документа (листа) – Шахабас Каранайский, сын Мухаммада, сына Абаса является благородным человеком, происходящим из рода Курайш.

О его происхождении дал присягу в нашем присутствии сам Шамиль-имам. Сделал он это на собрании ученых и больших людей.

По причине принадлежности Шахабаса к числу курайшитов обязан каждый, кто встретит его, выказать почтение этому человеку и усадить его на место, которое предназначено для людей благородных, делая это из уважения к Пророку.

Я, кадий Шамиль Кородинский, входящий в число людей правдивых, даю об этом присягу.

29 число месяца раджаб 1266 года хиджры» (9 июня 1850 г.)



Документ о курайшитском происхождении Шахабаса Каранайского

Судьбы одной семьи из элиты имамата Шамиля

Мы можем с уверенностью говорить о том, что еще до переселения в Ведено и далее в Бетти-Мохк, Шахабас был приверженцем идей Имамата. Согласно преданиям, собранным в свое время Булачом Гаджиевым, именно Шахабас из Караная и его кунак из села «Гоцлос» стали «виновниками» обнаружения могилы имама Газимухаммада на горе Тарки и последующего его захоронения в Гимрах[1]. Пятеро сыновей Шахабаса во второй половине 1840-х гг. вступают в число муртазеков Шамиля. По семейным преданиям в августе 1859 г. на Гунибе, во время осады его царскими войсками, в составе гвардии Шамиля оборону держали пять сыновей Шахабаса. Самого младшего – Валихасана отец держал около себя, но тот попросился проведать братьев и Шахабас, в конце концов, уступил просьбам сына, оказавшегося на Гунибе. Здесь воевали пять сыновей Шахабаса во главе с 40-летним Сайгидахмадом, который считался отчаянным храбрецом, обладавшим отменной силой и острым умом. Вместе с ним были 15-летний Валихасан, Зубаир, Дибирасул Мухамад и Абас. Согласно преданиям, во время попытки прорыва царских войск на Гуниб, Сайгидахмад с братьями бросился на солдат с возгласом: «Ла хIавла ва ла къувата иллабилЛагь» (Нет силы и мощи, кроме как у Аллаха). Солдаты подняли их на штыки и в неравной схватке погибли все 5 сыновей[2].

Из 7 сыновей Шахабаса в живых осталось только двое – Хайид и Газимухамад. Хайида, получившего тяжелые ранения еще до Гуниба, привезли в Бетти-Мохк на арбе и местный лекарь с трудом поставил его на ноги. В дальнейшем Хайид переехал в родное селение Верхний Каранай, где и был похоронен. Здесь у него родились три или четыре дочери: Райханат, Султанат, Маймунат и Умайганат (по другим данным – Райханат, Умайнат и Салихат).

instituteofhistory.ru

Судьба Газимухамада сложилась иначе. Во время гунибского сражения, он был в Чечне, а в 1860 г. собрав отряд из 15 абреков, ушел в леса на границе Ичкерии и Саламеэра. Есть информация, что в 1861 г. Газимухамад воевал вместе с Байсунгуром из Беноя, но ее надо еще проверить. В 1862 г. после разгрома отрядов абреков на границе Дагестана и Чечни, Газимухамад смог уйти в пре-

[1] *Гаджиев Б.* У отрогов Исмаил-меэра. Махачкала, 2001. С. 17.
[2] Там же. С. 18.

делы Османской империи и осел сначала в Дамаске. Здесь он женился на арабке и у него родились двое сыновей. Отсюда он переехал в Хиджаз, где и прожил остаток своей жизни. Ему даже довелось увидеть Шамиля в 1871 г., когда тот приехал в хадж и присутствовать на его похоронах. От него в Каранай с дагестанскими паломниками приходили письма и посылки[1].

Про последний бой на Гунибе, в котором погибли сыновья Шахабаса, есть описание на основе преданий, которое издано в популярной литературе. Согласно этой информации, охранная сотня, которая сопровождала казну Шамиля не в полном составе, но смогла пробраться на Гуниб. Отряд, в который входили братья, включал в себя на Гунибе 19 воинов, в т.ч. 4 мюрида из Эндирея. Валихасан первый бросился на солдат и успел сразить двоих, но его подняли на штыки. Остальные тоже пали под их штыками. Последним погиб Сайгидахмад. «Ростом более двух метров, косая сажень в плечах, он был любимцем имама и мюридов, всегда под их одобрительные окрики выходил на состязания, будь то борьба или метание камня и всегда побеждал. Как лев, играючи, он принял и последний свой бой и дрался отчаянно. Вокруг него была целая груда из тел поверженных врагов, пока его не сумели свалить. Из девятнадцати мюридов в живых остался лишь Пижаали, который истекая кровью, сумел отползти в пещеру и потерял сознание. Так он сумел выжить. Здесь же, в пещере, он захоронил своих друзей – сыновей Шахабаса»[2].

Эту историю с трагической гибелью пятерых братьев на Гунибе можно было бы отнести к числу многочисленных преданий, которые гиперболизируют действительно имевшие подвиги своих предков или даже придумывают несуществующие, однако есть и письменные источники, которые подтверждают гибель сыновей Шахабаса Каранайского при обороне Гуниба. Это сочинение Абдурахмана, зятя имама Шамиля и сына Джамалудина Газикумухского – «Краткое изложение подробного описания дел имама Шамиля», написанное в Калуге, написанное в Калуге в 1864 г. Согласно данному сочинению, *«русские пошли на хитрость – решили подняться на гору с какой-либо [незащищенной] стороны и атаковать нас без промедления с той стороны, где стоял быв-*

[1] Там же. С. 19.
[2] Большая вольная энциклопедия Дагестана. Махачкала, 2012. С. 598.

ший наиб Амирассул Мухаммед ал-Кудали, под покровом ночи. Амирассул Мухаммед вместе с четырьмя товарищами стоял на страже на участке горы, обращенном в сторону селений Куяды. В то время имам находился вместе со своими приверженцами и сподвижниками в доме "Глухого" Хаджи Чохского за ограждением. Когда имам отдыхал у него в доме, ему сообщили, что русские атаковали его сына Газимухаммеда со стороны Хоточа. С имамом в это время были только я, Хаджи-Али Чохский и еще один человек, которого я не знал… Из-за малочисленности сил и обширности горы войску пришлось оставить незащищенными некоторые участки горы. Имам приказал немедленно подать ему коня с пастбища. С ним поехали также я и Амир Чиркеевский... Что касается Хаджи-Али, то он поспешил на другую сторону горы со словами: "Подлинно, я укреплю местность там, где ненадежно". Там (в этой местности) наблюдателем был Миккик Муртазаали Чиркеевский с товарищами. Когда дошло до нас известие о наступлении русских на Газимухаммеда, мы отправились в его сторону и услышали там, как русские кричали в один голос: "Ура! Ура!" Мы слышали их голоса, но не видели их самих из-за сильной темноты…

В тот момент мы были атакованы войсками русских со всех четырех сторон, так что стало не видно горы от множества их на склонах. И пришли в движение теперь те, кто находился в укреплении около нас, по направлению к Гунибу, а это из-за растерянности в первый момент, когда узнали они это известие. И вот, когда они дошли до открытого места за селением, русские окружили их. Они, [в свою очередь], совершили нападение на русских. Многие из них приняли там мученическую смерть, а некоторые были ранены. Среди убитых тогда были мухаджир Хаджи Насрулла ал-Кабири, ***дети Шахабаса ал-Гурани*** (правильное чтение: *ал-Гарани*)*, мухаджир Камал ал-Гадири, Хассанилав ал-Чиркави, а также Газали, юноши из Гуни и подобные им»*[1]**.** В данном случае под выражением «дети Шахабаса ал-Гурани», следует понимать сыновей Шахабаса Каранайского (араб. *ал-Гарани*), погибших при отражении атаки на селение Гуниб.

---

[1] *Саййид Абдурахман, сын Джамалуддина ал-Хусайни ал-Газикумухи ад-Дагестани.* Краткое изложение подробного описания дел имама Шамиля. Калуга, 1281 г.х. / пер., введ., комм. Н.А. Тагировой. М., 2002. С. 77.

Братья Зубаировы на зиярате Шахабаса в Бетти-Мохке

Судьба потомков Шахабаса

После окончания войны и падения Имамата Шамиля, большинство каранайцев, ахатлинцев и бетлинцев вернулись в свои селения, но значительная часть осталась на земле, ставшей для них второй родиной. Часть каранайцев переселилась в Хасавюртовский округ, где осела в различных кумыкских селениях. К примеру, можно назвать семью Исака, отца героя Российской Федерации, участника ВОВ Абдулхакима Исмаилова (1916-2010), которая переселилась из Бетти-Мохка в селение Чагаротар. Исмаиловы приходятся дальними родственниками потомкам Шахабаса и также как и они, в 1844 г. переселились из Караная в Бетти-Мохк. Оттуда уже предок Исмаиловых переселился в кумыкское село Чагаротар.

Часть потомков Шахабаса обосновалась в другом кумыкском селении Эндирей. Случилось это следующим образом. Из числа каранайцев и их друзей, участвовавших в обороне Гуниба, в живых остался лишь Пижаали. Он вернулся в Бетти-Мохк и женился на овдовевшей жене своего друга Зубаира, которая была на сносях. Пижаали вырастил как родного ее сына, названного в честь погибшего отца Зубаиром. Уже в 26 лет, в 1885 году Зубаир

переселился в село Эндирей, где у его отца были друзья. Причиной тому стала кровная месть из-за ссоры с братьями своей жены в Бетти-Мохке. Таким образом, Зубаир обосновался в Эндирее, здесь же живут и его многочисленные потомки. Будучи образованным алимом, он стал муллой квартальной мечети Бораган-аул.

По его стопам пошел и его сын Мухамад. Он 28 лет был имамом Эндирея и около 30 лет руководил местным лесничеством. Зубаир похоронен в Эндирее, рядом с алимом и поэтом Инхоса Алихаджи. У него родилось 5 сыновей – Шахабас, Ибрагим-Халилуллах, Шихабдулла, Шигабудин и Зубаир. Все они и их потомки сохраняют память о своем происхождении и неизменную в их роде любовь к исламу и знаниям, знают прекрасно как кумыкский, так и родной аварский языки.

Как уже говорилось, у Шахабаса было 7 сыновей, из которых двое (Вали-Хасан и Сайгидахамад) не имели детей и соответственно потомства. Потомки Хайида и Дибирасул Мухаммада живут в селе Верхний Каранай, а потомство Абаса – в Буйнакске. Азизат Абасова, 1939 г.р. рассказала Булачу Гаджиеву, что ее отца в честь Шахабаса назвали Абасом. На каранайских кутанах Ачаир и в районе Экибулака им принадлежали земли и скот. В связи с коллективизацией им пришлось из Ачаира перебраться в Каранай. Ее братьев Абдулвагаба, Сагид-Ахмада и Шахабаса призвали на фронт. Первый погиб под Ленинградом, второй после ранения на операционном столе, а третий пропал без вести. От разрыва сердца погиб четвертый ее брат – Вали-Хасан. Не перенеся смертей всех 4 своих сыновей, вскоре умер и их отец Абас. Сабля Валихасана, младшего сына Шахабаса, хранится до наших дней у праправнучки Шахабаса – Салихат, проживающей в гор. Буйнакск[1].

Дети Газимухаммада, как мы уже говорили, родились от жены арабки и сейчас его потомство живет, по некоторым данным в священном городе Медина. В итоге потомки каранайца Шахабаса живут ныне в Буйнакске, Верхнем Каранае, Хасавюрте, Дылыме, Эндирее, Бетти-Мохке и Медине.

[1] *Гаджиев Б.* У отрогов Исмаил-меэра. Махачкала, 2001. С. 18, 22-23.

1.17. Роль аварских алимов в распространении ислама в Панкисском ущелье Грузии (XIX – XX вв.)

Панкисское ущелье, расположенное в верховьях реки Алазани на северо-востоке Грузии, на территории Ахметского района на рубеже XX-XXI стало широко известно в связи с политическими процессами, там развивавшимися. Совсем другая ситуация здесь складывалась на рубеже XIX-XX вв., что и является темой данной статьи.

Основное население ущелья составляют кисты или кистины, которые фактически являются чеченцами, переселившимися в массе своей в первой половине XIX века из горной Чечни. Согласно С.К. Чхенкели, первое поселение кистов в Панкиси произошло приблизительно в 1826 г. Тогда здесь поселился основатель сел. Дуиси с родственниками [6, с. 230-236]. Немного позднее, во времена имамата Шамиля (конец 1840-х гг.) было основано сел. Джоколо [6, с. 230-236]. Третьим возникло селение Омало, остальные – позже. Компактное переселение кистов было завершено к 1860 г., хотя единичные случаи имели место и намного позднее [3, с. 22]. В Панкиси переселялись выходцы из горных малоземельных ущелий на границе с Грузией: Майиста, Мелхиста, Терлой, Хильдихарой, Хачарой и Гезехой (Итум-калинский район), также были переселенцы из ингушей – галашевцев и джераховцев и аварцы из Дагестана, в основном мусульманские проповедники. Кроме того в ущелье живет около одной тысячи беженцев из Чечни, переселившихся сюда в 1990-2000-х годах. Кисты живут в следующих селениях Панкиси (данные переписи населения Грузии 2002 г.[5, с. 92-95]):

№	Название села	жителей	кисты	другие
1	Дуиси	4103	78%	чеченцы - 19%
2	Джоколо	1228	79%	чеченцы - 13%
3	Омало	1221	97%	
4	Биркиани	910	93%	
5	Цинубани	264	77%	чеченцы - 16%
6	Шуа Халацани	189	96%	
7	Земо Халацани	125	71%	грузины – 26%
8	Квемо Халацани	122	75%	осетины – 21%
9	Думастури	231	29%	осетины – 55%
10	Кварелцкали	299	16%	грузины – 81%

На данный момент кисты составляют большинство населения и в селе Думастури, откуда за прошедшие 9 лет большинство осетин уже выехало. В целом в селах Ахметского района (33,07 тыс. жит.) кисты на 2002 год составляли 20,9% населения, а вместе с чеченцами – 24,1%. Сейчас почти все кисты – мусульмане. Особенно повысилась религиозность кистов после прибытия сюда чеченских беженцев. М. Вачагаев закономерно заключает, что именно под влиянием чеченских беженцев в ущелье произошли очевидные изменения в пользу большой исламизации данного региона [1]. Сегодня в ущелье действуют несколько мечетей: Дуиси – 2, Омало – 1, Джоколо – 1, Биркиани – 1, Цинубани – 1, Шуа Халацани – 1. При этом в ущелье уже нет ни одной реально действующей церкви.

Современная картина доминирования ислама в Панкиси сложилась в результате сложных религиозных процессов на рубеже XIX-XX вв., в которых активное участие приняли дагестанские аварцы. Дело в том, что основное население Дуиси изначально было формально мусульманским, но вера их была слаба, а знания в религии поверхностны, также не соблюдались многие требования и обряды. В двух других селениях (Джоколо и Омало) при переселении чеченцы какой-то религии не придерживались, в основном это были приверженцы традиционных верований. Согласно письменным воспоминаниям местного краеведа М. Албуташвили, переселившихся в 1845 году кистов-мусульман в 1866 году насильственно крестили [3, с. 231]. «Общество по восстановлению православного христианства на Кавказе», учрежденное российскими властями в 1860 году в Тбилиси, пыталось рекрутировать священнослужителей из среды кистов. Оно приступило к строительству духовных школ, для распространения грамотности и церквей (в частности, в селении Джоколо; в конце XIX века в нем жили 187 христиан и 18 мусульман). При этом здесь, «как и в других горных районах, христианизация населения принимала порой насильственные формы» [2].

По данным Д. Павлиашвили, к началу XX в. (1903 г.) большая часть кистов (771 человек) стали христианами, а меньшая (200) – мусульманами [4, с. 1]. Эти данные христианских священников, не подтверждаются при обращении к другим источникам. Согласно ним, в Дуиси в конце XIX в. жило 546 человек, из

них 47 христиан и 499 мусульман, а общая численность кистов на 1901 г. составляла 1352 человек [2]. Несмотря на то, что жители Дуиси считались мусульманами, им долго не разрешали строить мечеть. Разрешения они добились только в 1898 г. Однако и это разрешение позднее было аннулировано начальником Тианетского уезда. Местные кисты – христиане во главе с Гиа Кавтарашавили обратились к князю Чолокашвили, и тот наложил запрет на строительство. Объяснялось это опасениями властей, «чтобы православную часть кистов не перетянули к мусульманской вере» [4, с. 1]. Кисты обратились к дибиру аварского сел. Билкан в Закатальском районе – Бакаласул Абдулле. Тот вместе с представителями дуисцев поехал в Тбилиси и с помощью муфтия Кавказа получил разрешение на строительство мечети, которая была построена в 1902 году [3, с. 232]. По сведениям Л.Ю. Маргошвили, первыми проповедниками ислама в Панкиси были кисты – братья Хангошвили (Гебиша, Ахига и Нонги). Вскоре после поселения в Панкиси Гебиша поехал в хадж, а после возвращения поехал в Чечню и привез с собой некого Зайда, имевшего исламское образование. Однако тот вскоре скончался. После него в Панкиси приехал дибир «Курмахама» (судя по имени – аварец), который прожил здесь около десяти лет и уехал на родину. Затем уже пригласили дибира Курбана из какого-то аварского селения в Дагестане, он женился на кистинке и его потомки живут в Дуиси [3, с. 232].

institute of history.ru

По словам дуисца – мурида накшбандийского тариката, чьи предки по линии матери – аварцы (*джгIай*), помощником Исы-апанди в деле распространения ислама и его близким другом являлся его дед – Ражаб (1886 г.р.). Он родился здесь, но был сыном дибира Курбана – аварца приехавшего в Дуиси в качестве муллы. У Курбана было два сына: Ражаб и Абдулла. У каждого из них было в свою очередь два сына: у Ражаба – Али (2 сына) и Шуайб (2 сына), а у Абдуллы – Жабраил (3 сына) и Джараб (2 сына). Ражаб и сам работал в Дуиси некоторое время дибиром (муллой), поскольку другие опасались занимать эту должность. Дело в том, что царские власти, которые хотели христианизировать кистин, преследовали дибиров. Сам Ражаб неоднократно арестовывался, немало времени провел в заключении, но не оставлял своей миссионерской деятельности по распространению

ислама в ущелье. Потомки дибира Курбана, живущие в Дуиси взяли местную кистинскую фамилию Хангошвили. Но, по словам их носителей, они – потомки Курбана от второй жены, а потомки его от первой жены, оставшейся в Дагестане, и сейчас живут там, в аварских селениях Кокрек и Дзержинское Хасавюртовского района.

Как нам удалось уточнить у Умара Халимова 1953 г.р. из сел. Дзержинское Хасавюртовского района, первую жену Курбана звали Патимат и она родила ему двух дочерей – Изахат, 1914 г.р. и Шумайсат, 1916 г.р. Сам Умар Халимов является сыном Шумайсат, которая проживала в с. Дзержинское (ее сестра Изахат жила в сел. Кокрек). По словам Халимова, его прадед Курбан в 1880 г. переселился из аварского сел. Кванхидатль в Панкиси, распространяя там ислам и служа дибиром. Периодически он приезжал и на родину.

После Курбана дибиром в Панкиси был чеченец Тавсолта, который приехал в 1905 году и прожил здесь три года, а в 1909 году, по данным Л.Ю. Маргошвили, приехал «некий проповедник Ис-Эффенди, который проповедовал учение Накшбанди и заложил основу этой секте. Он умер в 1920 году в с. Дуиси, похоронен в селе Кабала Лагодехского района» [3, с. 232]. В этом месте хотелось бы отметить, что в июне 2011 г. в ходе поездки в сел. Дуиси автору удалось встретиться с внуком хозяина дома, в котором проживал в начале XX века Иса-апанди (которого кисты называют «Исс-эфенди») – 82-летним Ахмадом Багакашвили. Его предки приехали сюда в середине XIX века из Майистинского ущелья Чечни. На территории усадьбы Ахмад Багакашвили построил новый дом, да и старый дом перестроен, за исключением той части, в которой проживал Иса-апанди. По словам Багакашвили, их семья специально оставила эту часть дома как воспоминание о религиозном лидере и место сбора его муридов. Его дед – Махам Багакашвили и Иса-апанди были хорошими друзьями, чем и было обусловлено то, что шейх жил у него дома. Ахмад Багакашвили рассказывает: «когда наши предки приехали в Панкисское ущелье из горных чеченских ущелий на границе с Грузией, они не были мусульмане. Здесь началось распространение христианства, в меньшей мере – ислама. Но мусульман было ма-

ло и знания их в исламе были минимальны. Когда Иса-апанди узнал о таком положении в Панкиси, приехал сюда и прожил здесь 12 лет, распространяя здесь ислам». Ахмад Багакашвили говорил и о караматах, которыми по его словам обладал Иса-апанди (узнавал о мыслях пришедшего к нему человека). По его словам «когда умер Иса-апанди, его лошадь убежала в Кабали в дом шейха. Так родные приехали в Дуиси и узнали, что умер Иса-апанди. Перед смертью он хотел, чтобы его похоронили здесь в Панкисском ущелье, однако понимал, что родственники его не оставят здесь. Его тело омыли здесь и увезли в Кабали, где он и похоронен». Во дворе дома, где умер шейх, установлена памятная плита, окруженная оградой. Перевод надписи на ней и приведенной ниже надмогильной плиты Исы-апанди был выполнен заведующим Центра востоковедения ИИАЭ ДНЦ РАН М. Мусаевым, за что автор выражает ему искреннюю признательность. На каменной плите вверху есть розетка с надписью «Аллах. Мухаммад», слева от нее надпись: «Да благословит его Аллах и приветствует!» Справа также написаны религиозные формулы, не несущие исторически ценной информации. Основная содержательная часть надписи содержится по центру плиты: *«Хозяин этого камня – покойный шейх, муршид Иса-афанди, сын покойного Ибрахима ад-Дагистани переселившегося из этого мира в иной (ахират) в одиннадцатый день благословенного месяца раджаб (30 марта 1920 г.) похоронили его, да простит их двоих Аллах, и да смилостивится над ними двумя. Попросивший написать эту надпись его старший брат Раджаб. 1338 год».*

Дом, в котором жил Иса-апанди и сейчас служит местом собраний его муридов по пятницам. До обеда здесь собираются женщины – старушки, а после – мужчины, тоже в основном пожилого возраста. Мы попали сюда до пятничного намаза, а потому в комнате было около 20 женщин пожилого возраста – муридов, занятых исполнением вирда. В селе есть и последователи кадирийского тариката Кунта-хаджи, но собираются они в другом месте.

Дом в сел. Дуиси, в котором жил Иса-апанди

Стоит сказать, что в Дуиси, к сожалению, джамаат в пятницу ходит на праздничный намаз в две мечети – старшее поколение в старую мечеть, а молодежь в новую, расположенную на дороге. Не существенно различается и обрядовость – в старой мечети собираются в основном последователи накшбандийского и кадирийского тарикатов, а в новой – мусульмане, которых условно можно назвать салафитами. Дибир (имам) старой мечети Дуиси – представительный седобородый кистинец Идрис-хаджи Цатеашвили, которому исполнилось 78 лет. По его словам «первого имама мечети Дуиси также звали Идрис-хаджи. Он был аварцем из юго-западного Дагестана (*суйли*) и придерживался кадирийского тариката. Под его руководством в 1877-78 гг. была построена первая в Панкисском ущелье мечеть. В это время в близлежащем кистинском селении Джоколо уже действовала церковь и царские власти активно крестили кистин. Уже построенную мечеть власти дважды разрушали, запрещали ее восстанавливать, но ислам в Панкиси все равно распространялся, хотя и с трудом. Центром распространения ислама здесь было Дуиси, где в основном живут выходцы из маистинского ущелья. При Исе-апанди ислам активно начал распространяться и в других селениях и к

концу его жизни почти все кистины уже приняли ислам. Помогло и то, что в 1917 году случилась революция. Российская империя разрушилась, централизованная поддержка христианизации кистин прекратилась, как и денежная подпитка кистин – христиан».

К началу XX века, данные общества в большинстве своем были уже исламизированы. Главным свидетельством этого стало строительство мечети в селе Дуиси в 1902 году. Но при этом, оставался еще целый пласт кистинцев, считавших себя христианами, и посещавших церковь в кистинском селе Джоколо. Согласно М. Вачагаеву в начале XX в. активную проповедническую деятельность здесь развил Иса-апанди: «После отъезда муллы Тавсолты в 1908 году, на его место год спустя по приглашению жителей села Дуиси, прибыл из села Кабала, накшбандийский шейх аварского происхождения Исс-эфенди. Он не только продолжил начатое дело его предшественником чеченским шейхом Тавсолты, но начал и активно распространять тарикат во всей северной части данного региона вплоть до своей смерти в 1920 году. Исс-шейх, с детства проявлявший рвение в деле постижения ислама, в раннем возрасте обратил внимание жителей села своими не по-детски серьезными рассуждениями о грешности образа жизни своих родных и сельчан. Исс-шейх, пытался переломить ситуацию и заставить формально считавших себя мусульманами полностью принять Коран, как основу их жизни, и замены горских обычаев и традиций нормами шариата... Еще при жизни ему пришлось испытать на себе удары со стороны новых властей, которые закрыли единственную мечеть, и запретами пытались прекратить популяризацию тарикатского учения в северной части Грузии. Исс-шейха похоронили в 1920 в селе Кабали Лагодехского района Грузии, преимущественно заселенного азербайджанцами и аварцами. Его могила, почитается как могила человека снискавшего всеобщее уважение на пути распространения ислама. Его мюриды, по сегодняшний день отдающие дань уважения своему наставнику, верят, что он и сегодня может совершать чудеса, особенно в том доме, в котором он прожил годы в селе Дуиси и который по сегодняшний день, не тронутый временем, является зияратом в честь Исс-эфенди. Его наибом еще при жизни

был определен также местный житель Керим Маргошвили (тейп дышни), который и руководил вирдовым братством после смерти устаза шейха Исс-эфенди» [1].

Чуть позднее чеченцы Панкиси познакомились и с учением Кунта-хаджи, то есть уже с кадирийским тарикатом суфизма. Активным его распространителем стал уроженец сел. Ца-Ведено шейх Ода-хаджи приехавший в Дуиси в 1928 году. Как подчеркивает М. Вачагаев, благодаря Ода-хаджи часть кистинцев стали последователями кадирийского тариката кунта-хьажинского вирда, хотя до этого в большинстве своем были последователями накшбандийского тариката в лице последователей Иса-апанди [1]. В дальнейшем религиозная жизнь в Панкиси под давлением властей практически замерла, хотя старшее поколение все еще продолжало исполнять основные религиозные обряды. Первое послабление властями было сделано только в 1969 году, когда разрешили открыть мечеть и исполнять ритуальные обряды суфийских вирдов, уже не прячась от властей. События в Чечне в середине 90-х годах и в начале 2000 года, когда в данный регион переселилось много чеченцев из горной части Чечни, религиозная карта данного региона, сильно, изменилась в пользу тех, кто проповедовал кадирийский тарикат в лице вирда Кунта-хаджи Кишиева. Практически большая часть населения края в лице этнических чеченцев проживающих в Панкиси стали последователями данного вирда. При этом не без влияния чеченской войны, в данном регионе устойчиво присутствует и элемент салафизма [1].

Касаясь жизни и деятельности Ташазул Исы-апанди невозможно пройти мимо истории образования им и его родственниками сел. Кабали в Лагодехском районе Грузии. Автор побывал в этом селении в 2009 г. в рамках полевой работы по изучению аварских поселений Алазанской долины. Анклав Кабали из четырех селений в Лагодехском районе Грузии: Кабали (3,5 тыс. жит.), Караджала, Ганджала и Узунтала с общей численностью 11 тыс. жителей Кабали заселено в массе своей уже ассимилированными аварцами на рубеже XIX-XX вв., три других селения населены в основном шиитами, приехавшими в первой половине XX века из разных регионов Закавказья. Надо отметить, что население Кабали представлено суннитами-шафиитами, а ими в Закав-

казье являются дагестанцы или потомки дагестанцев, в то время как тюркоязычные сунниты в Закавказье – ханафиты. Жители Кабали также являются последователями накшбандийского и шазилийского тарикатов, есть здесь и последователи аварского шейха Малламухаммада из Белоканского района. В Кабальской зоне расположены четыре мечети, по одной на каждое селение, однако пятничный намаз совершают только в суннитской мечети села Кабали, поскольку религиозность шиитов на очень низком уровне. В отличие от суннитской, шиитские мечети работают только в дни религиозных праздников, в частности дня Ашуры [7].

Надмогильная плита Иса-апанди

Основателями селения Кабали были Иса, его старший брат Раджаб и их односельчанин Хаджи-Мухаммад, а также родственники и земляки из горных обществ Анцух и Таш. В частности, мечеть – первое общественное здание, обычно располагающееся в историческом центре села, построена Исой-апанди на принадлежащей ему же земле. В 150-200 метрах от мечети находится фамильное кладбище потомков Исы-апанди и его брата, которые стали первооснователями села. Ниже мы приводим перевод эпитафии с его могилы: *«Он Создатель. Это место захоронения шейха, совершенного муршида, известного в народе, как солнце днем*[1]*, Исы-афанди, сына превосходного шейха Ибрахима ад-Дагистани ат-Таши, умершего, да смилуется над ним Аллах, 8-го дня благословенного месяца раджаб 1338 года (27 марта 1920 г.)».* Далее к Исе-апанди присоединились выходцы из селений Гарбутль, Нахада, Кутлаб и других аварских селений, есть даже выходцы из Ботлиха. На данный момент в Кабали всего несколько десятков лиц, преклонного в основном возраста, владеют аварским языком, хотя люди, интересующиеся своим прошлым, помнят о своем аварском происхождении. Самому автору удалось поговорить с тремя из аварязычных представителей Кабали, которые хорошо владели как своим диалектом, так и литературной формой аварского. Всего в Кабальской зоне проживает чуть более 10 тысяч человек, из них около 3,5 тысячи имеют аварские корни [7].

institutcofhistory.ru

Шейх Иса-апанди, по рассказам его внуков, был родом из Анцухского ущелья, хотя родное село, они назвать не смогли. Однако в селе Тиви мы уточнили у самих анцухцев, в частности у 76-летнего Бадрудина Адалова, что он был выходцем из села Хидиб Ташского общества (эта информация подтверждается нисбой ат-Таши на надмогильной плите Исы-апанди), которое граничит с самим Анцухом. Потомство у хидибцев, основавших селение Кабали, было большое. У самого Исы, который был женат на уроженке аварского села Кабахчолиб Белоканского района – Хурулэн (Хуруней), было 15 детей. У его сына Мухаммада (15 февраля 1915 г.р.) их было девять – три дочери и шестеро сыно-

[1] Буквально написано: «как солнце днем», т.е. очень хорошо известный, но эпитет «солнце в ночи» был бы уместнее.

вей. Сам Мухаммад, хотя и знал аварский язык и родители его были аварцы, в паспорте был записан азербайджанцем.

Сын шайха Исы – Мухамад

В начале XX в. сюда переселилось много аварцев из Дагестана. К примеру, из сел. Магитль (Кособская община) Тляратинского района тогда переселились два брата Искандар и Абакар. У сына последнего – Амирали, 1946 г.р. четверо сыновей: Абакар, Акиф, Равшан и Рашид. Также из Кособа переехали Иманмагомедовы (Эгельда). В Узунтале живут потомки выходца из Кособа – Курбанова (Ахаласул) Мусы, 1943 г.р. В сел. Кабали большая фамилия Мусаевых, вроде бы происходит из сел. Мазада Тляратинского района. Ее руководителем был долгое время Хаджимухамад Мусаев, родившийся 2.05.1928 г. В Узунтале живут потомки Мухамадил Тимура, Хайбулы и многих других, уже покойных переселенцев из Дагестана.

15 января 1915 года
ЧИСЛО, МЕСЯЦ, ГОД РОЖДЕНИЯ
село Кабали
МЕСТО РОЖДЕНИЯ
Лагодехского района
Грузинской ССР
Азербайджанец
НАЦИОНАЛЬНОСТЬ
Отделом внутренних дел
КЕМ ВЫДАН ПАСПОРТ
Лагодехского райисполкома
Грузинской ССР
Начальник органа внутренних дел
„17" июля 1979 года
საბჭოთა სოციალისტური რესპუბლიკების
კავშირის
მოქალაქის
პასპორტი
VIII-ТИ № 530148

В это же время в селе был довольно ощутимый прилив тюркоязычного населения из разных регионов Закавказья. Также под влиянием руководства Азербайджанской ССР в селе в 1930-х годах была открыта школа с азербайджанским языком обучения, а все жители в паспортах были записаны азербайджанцами, что в дальнейшем повлияло на этнические процессы в селении [7].

Список литературы: 1. *Вачагаев М.* К вопросу о суфийском элементе ислама в Панкиси (Грузия) // Журнал «Prometheus». №5. Париж, 26 апреля 2010 г.; 2. Ислам на территории бывшей Российской империи. Энциклопедический словарь. М., 1999. Вып. 2.; 3. *Маргошвили Л.Ю.* Культурно-исторические взаимоотношения между Грузией и Чечено-Ингушетией (кисты Панкиси). Тбилиси, 1990; 4. *Павлиашвили Д.* Школьное дело в Тианетском уезде // Цнобис пурцели. Тбилиси, 1903. №2361 (на груз. яз.).; 5. Сакартвелос мосахлеобис 2002 цлис пирвели эровнулии саковелтао агцерис дзиритади шедегеби (Сакартвело соплебис мосахлеоба). Тбилиси, 2003. Т. II. С. 92-95 (на груз. яз.); 6. *Чхенкели С.К.* К поселению чеченцев в Панкисском ущелье // Материалы по истории

Грузии Кавказа. Тбилиси, 1937. Вып. III; 7. *Шахбанов М.* Прошлое и настоящее кахетинских аварцев // Газета «Новое Дело». Махачкала, 5 февраля 2010 г.

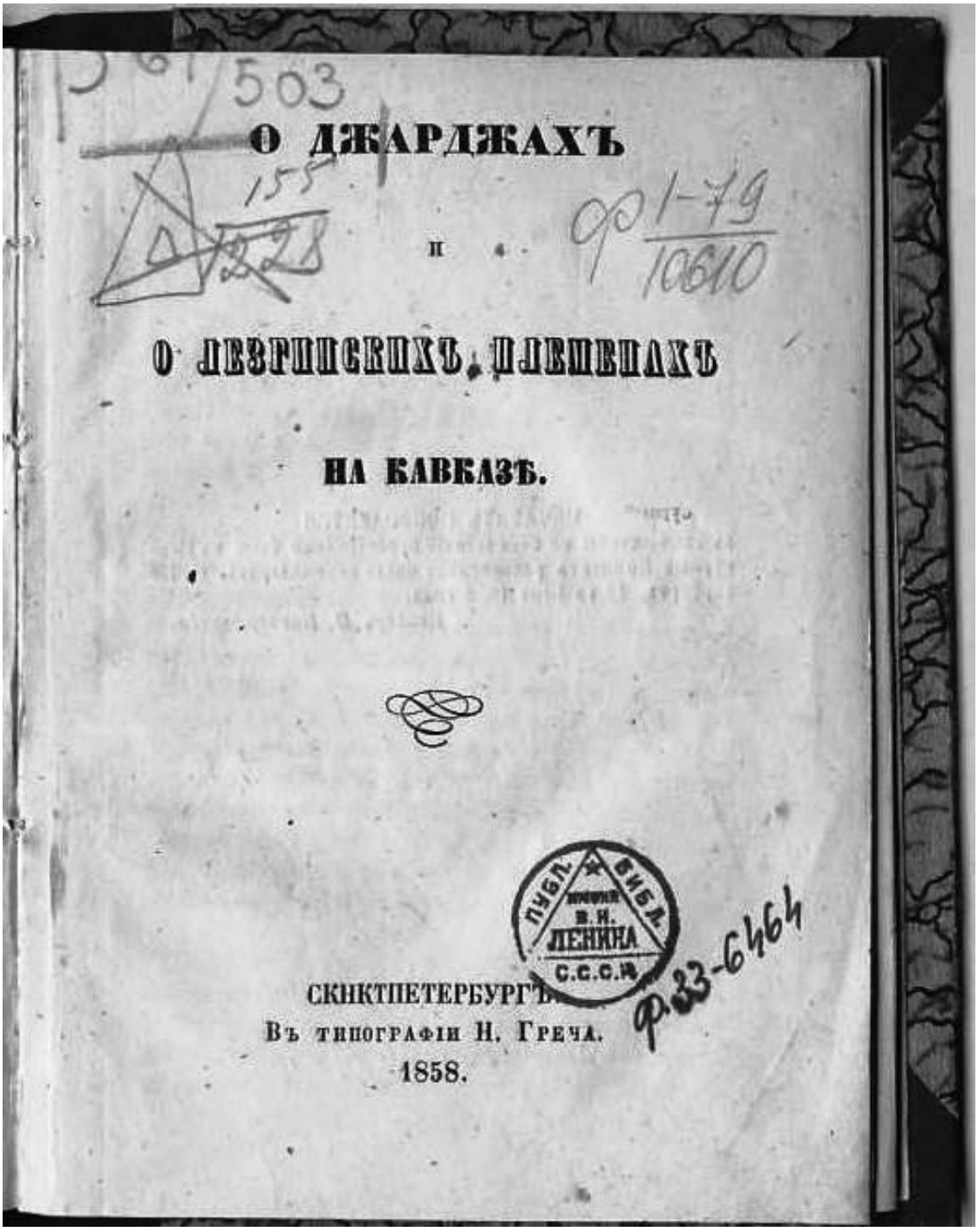
Аварец из сел. Узунтала Лагодехского района (фото 2009 г.)

instituteofhistory.ru

М. М-цев.

2.1. О джарцах и лезгинских племенах на Кавказе.

Санкт-Петербург, 1858.



Вообще полагают, что Кавказские народы не что иное, как скопище бродяг, хищников и убийц, лишенных всякого нравственного чувства, и не колеблются утверждать, что если против них употребляют средства, предписываемые войною, то как бы из сожаления и единственно для того, что бы не навлечь на себя нареканий общественного мнения.

Благодарение Богу, столь жестокие предубеждения никогда не находили отголоска в отеческом сердце нашего Государя: всесильная воля Его, оплот необоримый, не колебалась и удерживала завоевание в пределах права и человечества.

Там не менее, дорого стоящий и кровавый опыт полувековых битв доказал до очевидности, что для России наименее неоспоримый результат этой непрерывной борьбы состоит в том, что Кавказские горцы научились у Русских военному искусству, научились вести свое противодействие более или менее последовательно, пользуясь характеристическими отличиями своей страны, покрытой горами и лесами, пересеченной глубокими долинами и недоступными ущельями. Мы видели близко, и не на одних полях битв, воинственные племена горцев; мы жили посреди их не всегда с саблею в руках; мы изучали их, и позволяем сказать без всякого предубеждения, что на самом деле они лучше нежели как идет о них молва. Те, которые имеют целью прославление войны на смерть, видели и показывали только недостатки и пороки этой неукротимой и дикой породы; но что быть справедливым, надобно обратить внимание и на хорошую сторону, и старый солдат, пишущий свои заметки, попытается выполнить эту задачу добросовестно. Указывая на хорошее, он отнюдь не отрицает дурного; между горцами, как и везде, они встречали не героев, а людей, но тем не менее в этих людях, представляющих смесь добра и зла, есть стороны здоровые, не тронутые, которые были испускаемы из виду. Надеемся поднять их, взять за исходную точку те хорошие качества, которые еще в них уцелели.

Изложить эти качества, доказать фактами, что они существуют, такова цель нашей статьи. Да не обвинят нас в пристрастии, если после всего, что было оговорено дурного о горцах, мы решаемся сказать только о том, что в них хорошего. Утверждаем не обинуясь, что и ныне под грубою корою горца, скрываются

качества благородные, достаточный запас правоты и рыцарских чувств; мы полагаем, что легко было бы привязать их к себе искренно, найти в них приверженцев верных, пособников преданных. Что нужно для достижения этой цели? Вызвать их доверие, показать и свое собственное, не посягать без надобности на их обычаи и нравы, не отдалять никогда силы от справедливости. Горцы являют себя покорными перед властью беспристрастною, чуждою прихотей и грубой заносчивости, понимая, что такая власть полезна и необходима, и никогда не противится его праведной каре. Слова наши, столь противоположные господствующему мнению, требуют доказательств: мы представим их, и для вашего убеждения, возьмем эти доказательства из неопровержимых и свежих данных. В случае надобности, они могут быть подвержены самими действователями или очевидцами.

В сентябре 1839 года Генерал Анреп (в настоящее время Генерал-Адъютант Граф Анреп-Эльмпт) был назначен начальником Джарской области и Лезгинской кордонной Ливии. Почтенный такой доверенностью Монарха, он знал отеческие намерения Императора Николая Павловича; ему было известно, что постоянной заботливостью благородного сердца Государя было осчастливить подвластные Ему народы. Генерал отправился на Кавказ с живейшим желанием честно и полезно исполнить свою обязанность, изучить те причины, в следствие которых горцы так давно противились нашему правительству. Округ, начальником которого был назначен Генерал Анреп, лежит между Алазанью и Кавказским Хребтом, и к нему были присоединены Мугох, Рутул и владения Султана Элисуйского. Население состоит из трех разнообразных частей: Джаров, Мугалов и Ингилаев. Джары, происхождения Лезгинского, никогда не переставали быть в дружественных и родственных отношениях со своими горскими соседями; владея никогда страною, они красивы, богаты и хорошо вооружены, отличаются умом, отвагою, гордостью, доходящею до раздражительности; нравы их по преимуществу военные; ведя непрестанную войну с Грузинами, они умели, успехами своего ружья, сохранить независимость и внушить уважение соседям. Мугалы, прежние данники Джаров, большею частью Мусульмане, выселившиеся или по страсти к приключениям и хищниче-

institute of history.ru

ству, или уклоняясь от преследования правосудия. Ингилаи почти все Христиане; они образовались из военнопленных и переметчиков, давно подчиненных Джарам.

Завоевание Русских расторгло все узы подчиненности между этими племенами, и уровняло Джаров с другими. Лишась своего первенства, оскорбленные в своей гордости и интересах, они боролись долго, и конечно, не могли питать чувства возмездия и ненависти, подавляемых и с тем же вместе усиливаемых торжеством оружия. Чувства эти не угасли. Генерал Анреп скоро в том убедился. В первое время пребывание своего в Закаталах, он при каждом выезде из укрепления слышал вокруг себя свист пуль, посылаемых с соседних высот. Генерал мог бы поступить строго, внушить к себе уважение страхом; он этого не сделал. Зная, что ничто не действует так на храбрых горцев, как доверие, новый начальник не обращал внимания на угрожавшую ему опасность, и не принимая никаких излишних предосторожностей, являлся везде, куда призывал его долг службы. Чтобы предоставить доказательства своего мирного управления, генерал Анреп старался при всяком случае сделать добро, и уничтожить зло; он строго запретил непрерывные набеги, которые раздражают горцев, поддерживают в них неприязнь, и передают из рода в род, как роковое наследие вражду и месть.

Иногда, конечно, надлежало употреблять и меры строгости, требовать силою то, в чем горцы отказывали власти и праву; но это случалось только тогда, когда уже были истощены все средства убеждения. Наказывая, генерал говорил, что поступает так с сожалением и по долгу своего звания, и прибавлял: «обнаженная сабля для Царя тоже, что лоза в руках отца». Его слова любви и вместе твердости были наконец поняты. Мало по малу умы успокоились, и Русская власть, являя себя всюду хранительницею порядка, защитницею добрых, и грозою одних злых, приобрела себе друзей в горах и на равнинах. Новый начальник, встреченный оружейными выстрелами, спустя несколько месяцев, удостоверился, что перемирие возможно, и что обязанности его на самом деле не так трудны, как он предполагал.

Есть достоверные данные, свидетельствующие, что горские племена, не смотря на свое хищничество и жестокость, сохранили чувства благородные, которые, часто ослабевая у нас, находятся у них в своей первобытной чистоте: за доверие они платят доверием, за благодеяние признательностью, за дружбу преданностью. Само собой разумеется, что это должно разуметь лишь о характере целой нации, а отнюдь не об отдельных лицах, которые имея с нами ежедневные отношения, заимствовали у нас только искусство прикрывать свои пороки, и придавать своей испорченности неприязнь, что бы тем вернее были достигнуты цели. Генерал Анреп, желая иметь возможно частные сношения с народом, что бы лучше изучить его и самому быть узнанным, возложил на областное правление, в котором лично присутствовал, тяжебные дела, а для установления однообразия, ввел в судопроизводство некоторые предания, и сделал обязательным внесением приговоров в протокол. Ежедневно, кроме тех случаев, когда генералу надлежало быть непременно в другом месте, суд заседал от восьми часов утра до четырех до полудни, выслушивал тяжущихся, допрашивал свидетелей, и все это происходило публично, возбуждая общее любопытство многочисленных слушателей, которые своими изъявлениями одобрения и неодобрения, были полезны судьям. Приговоры всегда кратки и точны, были произносимы таким образом, что бы выставить его побудительные причины, и доказать его справедливость. Потому проигравший тяжбу редко пользовался предоставленным ему правом требовать пересмотра судопроизводства. Конечно, такой порядок был утомителен для судей, и подвергал тяжелому испытанию самое закаленное терпение; но многочисленные выгоды вознаграждали людей, преданных долгу, за это число личные неудобства; народ не мог сказать, что суд покривил души, был невнимателен и пристрастен; он видел своими глазами, что судопроизводство совершалось скоро, без особых формальностей, если не бесполезных, то по крайней мере скучных для первобытного народа, что дела обсуждались гласно, решались под исключительным влиянием данных, и в добавок, личный непрестанный надзор начальника края делал почти невозможными злоупотребления, неизбежные во всякой сложной администрации.

Можно ли придумать средство вернее и быстрее для ознакомления с разнообразными племенами, как быть в ежедневных сношениях со всеми сословиями с Джарцами, Мугалами, Ингилаями, с богатыми и бедными, с сильными и слабыми, и изучать их характер, их страсти, их предрассудки в иной драме, где говорит сама природа, где она высказывается на деле?

Неоспоримо так же, что право предоставленное всякому входить свободно в присутствие, следить за прениями, видеть, так сказать, те обстоятельства, под влиянием которых образовалось убеждение судьи, долженствовало уничтожить недоверчивость, внушить уважение к правосудию, к власти сочувствие и любовь. Что бы устранить немедленно в предубеждении, надлежало действовать открыто, и доказать всем, что меры правительства основывались на строжайшей справедливости, и что всякое постороннее влияние было чуждо правосудию. Генералу Анрепу, в самом начале, удалось убедить в том управляемые им племена. Элисуйский султан давно имел процесс с джарцами равнинного Мугала, требуя возврата большей части земель, им занятых. Выслушаны были приставы и старшины; они сами были прикосновенны к делу, но показание их тем не менее благоприятствовало султану. Генералу оставалось только утвердить приговор в пользу лица сильного, которое он желал обязать, и преданность которого заслуживала награды. В таком положении было дело, когда к генералу явились три Джарца и представили ему неопровержимое доказательство продажности и несправедливости своих старшин. Приговор был тотчас же уничтожен, и Джарцы утверждены в своих правах. Султан гневно выслушал новое решение, потому что процесс имел для него первостепенную важность; но надлежало покориться, и в последствии этого, этот султан, так сильно затронутый в своих выгодах, отзывался Князю Чернышеву, тогдашнему военному министру, с большою похвалою об управлении краем. Вот доказательство, что на Кавказе совесть говорит иногда громче выгоды!

Генерал Р.И. Анреп

Однажды, когда комната присутствия была наполнена больше обыкновенного, генерал заметил человека угрюмой наружности, безмолвно стоявшего у стены. Тщетно стараясь уловить его взгляд, генерал встал и подошел к нему. «Зачем ты здесь?» спросил он: «пришел ли ты посмотреть или с жалобою?»

- «Говорят, ты правосуден», отвечал ему горец: «я хочу убедиться в твоем правосудии. Вера наша похваляет месть; ваши законы порицают мщение». Сказав это, горец развязал мешок, который принес собой, и выбросил на пол отрезанную голову. Все присутствовавшие ужаснулись. «Посмотри», продолжал горец: вот голова моего друга; взгляни на эту смертельную рану, а между тем убийца не схвачен, он свободен. Я жаловался на него здесь и даже в Тифлисе; подавал просьбу сердарю, все было напрасно;

я беден, меня не слушают. – «Приходи через неделю», отвечал ему Генерал Анреп: «ты будешь удовлетворен». По окончании присутствия, он приказал принести к себе все дело. Суд был произведен правильно. Во время ссоры, одного человека ударили в голову оружейным прикладом, но по свидетельству врачей, удар не имел никаких вредных последствий. Раненный, выздоровел совершенно, умер спустя три месяца от простуды, однако зачинщика ссоры не преследовали. Генерал приказал немедленно арестовать виновного, и суд приговорил его к двумстам палочным ударам. Спустя неделю, когда приговор только что был исполнен, явился тяжущийся, по-прежнему с отрубленною головой в мешке и увидел наказанного у дверей присутствия. «Удовлетворен ли ты?» спросил его генерал. Свирепый горец не отвечал на слова: он стоял неподвижно, устремив глаза на врага. Вдруг наказанный пошевельнулся. Тогда горец, торопливо схватив свой мешок, сказал зловещим голосом: «Этот человек будет найден мертвым где-нибудь в другом месте, но меня не обвиняйте». Генерал понял угрозу, и отправил горца в караульню». В продолженье четырехдневного ареста, он одумался, узнал как было дело, и понял, что друг его отомщен достаточно. С тех пор все успокоилось в горце: лицо его уже не имело того свирепого выражения, на которое генерал обратил внимание, и долго после этого следил он, почти с удовольствием за приговорами суда.

В другой раз – два горца, два чистых разбойника, из чеченцев, принадлежавшие к свите Шамиля, просили позволения тайно переговорить с генералом. «Сколько ты заплатишь нам?» если мы принесем тебе голову Шамиля» сказали они. Генерал, в то же мгновенье, отвечал холодно: «Не знаю чем бы я заплатил вам за то, что вы смели явиться ко мне с таким подлым предложением, но знаю наверное, что если Шамиль не покорится, то падет под нашими ударами, и что мы никогда не унизимся до вероломства против какого бы то ни было неприятеля». Устрашенные разбойники были очень рады, что могли убраться целыми и невредимыми. Генерал своим ответом, не долго оставшимся в тайне, приобрел новые права на уважение горцев, и привлек к себе любовь многих из них.

Недостаточно было улучшить все отрасли управления; надлежало еще успокоить умы, подводить доверие такими мерами, которые, не имея вида уступок, были бы приятны горцам. Читателю известны главные причины враждебного расположения Джарцев к Русским. Что бы ослабить эти причины, генерал много заботился о местной конной милиции. Сформированная для государственной службы, эта милиция состоит из разноплеменных людей, но Джарцы, по своей особенной способности, по своему неоспоримому превосходству, занимали почти все, даже высшие места; их поощряли, награждали щедро, в особенности офицеров, и не возбуждая ничьей зависти, нашли средство удовлетворять самолюбию этого честолюбивого и гордого племени. Джарцы более и более привязывались к правительству, и верной новой дружбе, как прежде были верны во вражде, оказали существенные услуги.

Утверждая благоденствие правоверных покоренных областей, подчиняешь своей власти и непокорных. Это средство действительные силы; при том оно дешевле и человеколюбивее. Набеги были прекращены; но у бедных, воинственных горцев воровство не только привычка, но часто бывает потребностью, необходимостью. В горах нет хлебопашества, нет верного продовольствия, и вот причина периодических вторжений горцев в сопредельную Кахетию, область богатую и плодоносную. Горцы должны оружием поддерживать существование своих семейств, там, где железо ничего не может извлечь из камня; производя свои нападения врасплох, они почти всегда уходят с добычею, ибо могут избирать по своему усмотрению время и место, и редко встречают достаточное сопротивление; но хотя жители равнины и не смогут спасти своей собственности, однако защищают ее, и кровь льется потоками.

Генерал Анреп, желая прекратить такое положение дел и уклоняясь от необходимости наказывать набеги горцев, называемые голодом, снял посты, охранявшие горные ущелья, и присоединил их к гарнизонам укреплений. Посты эти, по малочисленности своей, были постоянною жертвою горцев при набегах, но теперь, усилив гарнизоны, они дали так же возможность усилить и само наблюдение за выходами из гор, тем, что слабые разъеди-

ненные посты были заменены сильными разъездами. Казалось, что при таком способе наблюдения, горцы могли быть свободны в своих набегах, потому что путь был открыт; но вышло не так: мера, принятая генералом, принесла благодетельные плоды. Она, возбудив вначале удивление в горцах, возродила потом в них доверие, и была главным подводом к тому, что что горцы решились сойти с равнины для покупки състных припасов. Мера эта дала так же горцам достаточные средства добывать хлеб для себя и своих семейств честным трудом, и таким же образом иметь законную долю в жатве; летом их употребляли на обработку шелковичных садов и рисовых полей, занимались копанием водосточных рвов, собиранием пшеницы и сенокосом, и представляли им полную свободу возвращаться на зиму в горы.

Еще прежде решено было основать Русское поселение на Кавказе. Генерал Анреп, по ходатайству Главнокомандующего, Генерала от Инфантерии Головина, получив дозволение Государя Императора образовать колонию из местных жителей, убеждал горцев мирно спуститься на равнину со скотом, для оплодотворения трудом земли богатой, столь долгое время увлажаемой человеческой кровью. Это открытое предложение было принято доверчиво; но чтобы отвлечь горцев, по наделении их достаточными средствами от привычного грабежа, надлежало условиться с ними, установить между различными племенами Лезгинской Линии ответственные власти, приняв в то же время меры обуздать строптивых силою. Решена была экспидиция. Между тем, как собирались войска, Генерал Анреп, поверяя нескольким друзьям, которых имел в горах, и желая избегнуть кровопролития, спросил у Его Величества, через посредство главнокомандующего, дозволения отправиться в горы. Он взял с собою только адъютанта Штабс-Капитана Колюбакина, Капитана Грузинского Князя Чаликова, Лезгинского переводчика по имени Маклач[1], и человек тридцать Джарских старшин. Генерал хотел переговорить с начальниками племен, и постараться получить убеждением то, чего решено было достигнуть, если бы оказалось нужным, силою оружия.

institutеofhistory.ru

[1] Уроженец сел. Чох Андалалского бо.

В условленный день Генерал Анреп назначил своим горским друзьям свидание в землях Джурмуто[1], самого близкого племени. После долгого и трудного похода по местности совершенно пустынной, увидели вдали скакавшего навстречу конвоя всадника, лошадь которого была покрыта пеною и пылью. Это был старый Хаджи-Курбан, из племени Киссеругов[2]. Он приехал крайне встревоженным: узнав расположение умов горцев, он сказал, что генерал идет на верную смерть, и умолял его воротиться и не предпринимать невозможного. «Хаджи-Курбан!» возразил Генерал Анреп: «благодарю тебя за участие; сердце мое тронуто этим новым свидетельством твоей дружбы. Если бы ты предупредил меня в Закаталах, может быть, я отложил бы до другого времени свою поездку. Теперь поздно, и я не изменю своего решения. Повинуясь моему Государю, могущественному Императору, меня пославшему, я повинуюсь самому Богу. Богу известны сокровеннейшие тайны человеческого сердца; Он знает, что цель всех моих действий есть благоденствие племен, вверенных моему попечению, и я поручаю себя деснице Божьей: для человека, вверяющегося Богу, нет опасности. Провидение привело меня к вам, я узнал ваши добрые качества, ценю их и люблю вас: видеть пролитие вашей крови было бы для меня так же тяжело, как пролитие крови моих храбрых солдат. Возвратись к своим, и скажи что я иду вслед за тобою. Ты не растолковал им хорошенько цели моего прибытия, я объясню сам, и ты увидишь». Старик уехал со слезами, а генерал не внемля робким советам, направился в горы, сильный тою уверенностью, которую внушает убеждение в исполненном долге.

На другой день, в половине первого, конвойные Джарцы увидели с одной возвышенности первое жилище Джурмутов, каменное сооружение, прикрепленное, будто ласточкино гнездо, к боку горы, и сливавшееся с нею своим сероватым цветом. Издали можно было видеть в ауле большое движение, и порою блеск оружия. Глубокий овраг отделял генерала и его конвой от этого

[1] Бо Томурал, оно состояло из 8 селений, расположенных ныне на востоке Тляратинского района Дагестана.

[2] Бо Тленсерух, оно состояло из 13 селений, расположенных ныне на территории Чародинского района Дагестана.

жилища, к которому вела узкая тропинка. В одной из многочисленных извилин этой трудной дороги, генерал встретил, не без удовольствия, одного Джурмута, по имени Рамазан, жителя ближайшего аула. Генерал знал этого человека, и не доверял ему, ибо Рамазан, богатый и имевший дар слова, проповедовал возмущение; но горец действовал так хитро, что по недостатку улик, его не могли арестовать. Рамазан приветствовал генерала, кивнув головою и не скрывал недовольного выражения своего лица. Вопреки обычаю, он не пригласил его в свой аул, но указал пальцем на луг в долине и на небольшую мельницу на берегу быстрой речки, предложив расположиться здесь на ночь. Совету его последовали, и конвойные заняли мягкий луг. Успокоились одни кони; люди же были встревожены, унылы; человек сорок всадников, принадлежавших к разным племенам, между которыми генерал мог рассчитывать на триста или четыреста пособников, увеличили собою его малочисленный конвой. Всех тяготило мрачное предчувствие, и все сожалели зачем генерал не послушал старого Хаджи-Курбана. Опасения достигли высшей степени, когда Рамазан спросил у генерала, не позволит ли он на тамашу, которого предполагали дать в четь его. Конвойные, ровно как и горские старшины, присоединившиеся к генералу, украдкой давали ему знать, что бы он не соглашался, а между тем переводчик объяснял, что тамаша есть ночное увеселение, нечто вроде фантазии: вооруженные молодые люди перепрыгивают через пылающие костры, стреляют из ружей. Переводчик уверял генерала, что он и конвой его непременно будут служить мишенью. Не обнаруживая доверчивости, генерал отвечал: «Скажите Рамазану, что я благодарю его за внимание; с удовольствием принимаю праздник, который навсегда будет служить воспоминанием о моем первом пребывании между горцами, и даст мне случай увидеть молодых людей, с которыми мне надобно переговорить о многом».

Генерал Анреп надеялся, что его ласковые и откровенные слова ослабят в уме молодых людей враждебное влияние Рамазана, и уничтожат злой умысел. Улыбка адского удовольствия пробежала по тонким губам Джурмута; глаза его, выражавшие злобу

и алчность, заблестели, и он тот час же отправил повсюду посланцев с известием, что вечером назначена тамаша.

Спустя несколько минут, Рамазан, приблизившись к переводчику, шепнул ему что-то на ухо. «Что он говорит тебе?» спросил генерал. – «Рамазан мой кунак», отвечал Маклач: «Он принимал меня в своей сакле, и приглашает к себе сегодня; у него есть лучший сыр, и он хочет, что бы я отведал его вместе с ним». Очевидно было, что Рамазан хотел спасти воего гостя от замышленного убийства. Генерал сказал Рамазану: «Твой сыр, как кажется хорош; может быть у тебя не достанет его на всех (генерал указал на конвой), и потому я один пойду к тебе в гости с Маклачем, которого ты приглашаешь. Если сыра довольно на двух, будет достаточно и на троих».

Невозможно передать впечатлений, произведенного на Рамазана столь неожиданным вызовом генерала: судорожное его лицо выражало и смущение и жестокую борьбу злобного сердца, ибо горцы, при всем своем лукавстве, еще не дошли, подобного нам, до способности скрывать внутреннее волнение, не показывать на лице то, чего ощущает душа. Совершенно сбитый с толку, вне себя от замешательства, а может быть желая выиграть время, чтобы обдумать, он попросил у генерала позволения отправится вперед. «Не нужно», отвечал генерал: «я хочу, что б ты был моим проводником и спутником». Потом, обратившись к своим конвойным, сказал: «Будем же; подайте лошадь мне и Маклачу». Джарцы хотели воспротивиться его отъезду и сопровождать своего начальника, и уже занесли ногу в стремя, но генерал движением руки остановил их, и вслед за ними поехал со своим переводчиком и с необыкновенным проводником.

Аул, где жил Рамазан, отстоял версты с три; к нему ведет отвесная горная тропинка, до того узкая, что всадник почти всегда задевает одной ногой скалу, а часто бывает принужденно подбирает ногу на седло, тогда как другая нога качается над пропастью, да весьма на небольшой глубине, клокочет быстрый поток. Что бы пробраться благополучно по такой узкой тропинке, должно иметь голову, не подверженную кружению.

Жители аула вышли навстречу своему старшине; мужчины были вооружены с головы до ног; женщины, едва переводя дух, с

изумлением и злобно смотрели на приезжих; но несколько ласковых слов успокоили общее волнение, и путники доехали медленно, по извилистым закоулкам аула, до сакли Рамазана, сложенной из камней и глины, и выбеленной известью. Внутри, комната была убрана двумя стульями и столом – роскошь весьма редкая у горцев. Стол накрыли немедленно. Рамазан тревожно следил за движениями генерала. Но лишь только увидел, что почтенный гость отведал сыра, лицо его мгновенно просияло, и мрачное выражение сменилось почти радушием. Перед ними был теперь не враг, а гость; ненависть утихла, и ядовитая змея присмирела. Вдруг на улице послышался шум; три горца вбежали в саклю, и проговорили несколько слов, между которыми были произнесены имена Магмы и Гуссейна. Это были два кунака генерала, два знаменитых разбойника, ужас долин и гор; один военный начальник Капучи[1], другой старшина Анцухов[2]. Спеша к условленному месту свидания, они проехали больше ста двадцати верст, прибыли с многочисленною свитою в лагерь Джарцев, но не найдя здесь генерала, тот час же отправились в аул Рамазана. Генерал вышел к ним навстречу, дружески подал им руку, а они скрестив руки на груди, преклонились перед ним с глубочайшим уважением. Появление этих двух грозных горцев, их преданность и почтение к генералу, произвели самое благоприятное впечатление: всякая нерешимость, всякая холодность разъяснились. Рамазан, гордясь иметь у себя таких гостей, был в восторге, и напропалую угощал сыром и хмельною бузой, столь отрадною горцам, и так противную нашему вкусу.

Уезжая из аула, генерал подарил порядочную сумму денег в пользу недостроенной, по не достатку средств, мечети, и кроме того красивый рукописный Коран с рисунками и в богатом переплете. Многие жители сопровождали его до самого лагеря, где верные Джарцы были в смертельном беспокойствии. Они встретили генерала громкими изъявлениями радости. Рамазан и спутники его были угощены на славу, и новый кунак получил в пода-

[1] Бо Хванал, оно состояло из селений, расположенных ныне на территории Бежтинского участка.

[2] Бо Анцух, оно состояло из селений, расположенных на северо-западе Тляратинского района.

рок своей жене пару серег и кусок шелковой ткани. Наступила ночь. «Ну, Рамазан», спросил генерал, «в котором же часу будет тамаша?» - «Я отменил ее», отвечал горец в смущении, и чтобы пощадить его, не расспрашивали о причинах отмены. Наутро, все отправились к племени Киссеругов; поезд был блистательный: ежеминутно прибывали многочисленные кунаки из племени Анцросцев, Ташлинцев, Канадальцев[1], Капучи; дорога становилась более и более каменистой; она была еще труднее вчерашней.

На пути к Киссеругам, надобно было переезжать мост, переброшенный через глубокий овраг, и по-видимому, сложенный из двух прочных камней. Генерал удивился однако, что настилка моста была из такого мягкого вещества, что в некоторых местах проваливалась и трескалась под копытами лошадей. Любопытствуя, генерал сошел с лошади, и обратился с расспросами к старожилам. Они отвечали, что давно, во времена незапамятные, когда зима была очень сурова, огромный снеговой обвал, скатившийся с вершины горы, засыпал овраг, река пробираясь сквозь снеговую толщину, которая окрепнув и превратившись в лед, образовала правильную арку. Голыши, падая со смежных скал, или принесенные людьми, послужили к настилке, и таким образом явился мост необыкновенной прочности. Начиная от этой удивительной игры природы, находящейся на одной из высших точек Кавказа, путники с большим трудом спустились с обнаженных круч, и к вечеру достигли земли Киссеругов, пройдя узкое ущелье, называемое «Лезгинскими Воротами»[2].

Все, случившееся накануне, уже было известно здесь и произвело благотворное впечатление. Киссеруги, предводимые старшинами, стеклись во множестве для приветствования генерала. Между ними увидел он, не без удовольствия, и старого Хаджи-Курбана, веселое лицо которого помолодело. Тут же встретил генерал первый раз благородного и храброго Хаджи-

[1] Анцросу, Ташал и Тланада – общества селений, расположенных на территории Тляратинского района.

[2] Кавудухъ (авар. – «у ворот») – узкий участок ущелья Тленсерух, расположенный южнее сел. Ритляб Чародинского района. Здесь ущелье преграждала каменная стена, в которой были устроены ворота, охраняемые караулом из местных жителей.

Хаджиева[1]; его дружба была впоследствии весьма полезна. Хаджиев имел тогда сорок восемь лет от роду, был красавец; умное лицо его его выражало благодушие, привлекающее к нему всех и каждого. Он носил чалму, отличительный признак всех посещавших Мекку. Хаджи пользовался уважением не только между своими родичами, но и между собственными племенами: без его совета не предпринимали ничего важного. Отличаясь проницательным умом, благородным сердцем, прямодушием, силою характера, он, в обращении своем ласковом, предупредительном, обнаруживал то личное достоинство, то справедливое уважение к самому себе, которое, не исключая скромности, служит как бы внешним отражением души ясной и твердой, совести незапятнанной. Генерал провел два дня у племени Киссеругов, нашел их гораздо выше по образованию всех прочих, и долго спустя, когда ему случалось заговаривать о Киссеругах, можно было заметить по его речи, что это посещение оставило неизгладимый след в его памяти.

Лишь только генерал прибыл к Киссеругам, они убедительно стали просить его удалить конвойных, и предоставить им, как неоспоримое право, честь охранения его особы. Генерал согласился, и не раскаялся: они всячески старались угодить ему, и даже не ухищрялись на обнаружение роскоши, неведомой этому народу: ибо вся роскошь Киссеругов ограничивается оружием, а простая, воздержная жизнь их не знает ничего кроме самого необходимого. Стараясь повсюду чествовать своего гостя, желая доставлять ему возможные удобства, они расстилали для него ковры и ткани, которые сами не выделывают, а похищают, во время частых набегов, у соседей. Между Киссеругами много мюридов, т.е. ученых, толкователей Корана, и заклятых врагов Христиан. Для мюрида один взгляд на Христианина считается тяжким грехом, и он дозволяется только в том случае, когда надобно выбрать место, что бы лучше вонзить кинжал или поразить пулею. Мюриды составляли почетный конвой Генерала Анрепа, и оказывали ему величайшее внимание. Хаджи-Курбан и многие старшины принимали его у себя в гостях с редким радушием.

institutеofhistory.ru

[1] Хаджияв-хаджи – уроженец сел. Ириб, один из старшин (авар. – чIухIби) Тленсеруха в 1830-е годы.

Хаджи-Курбан представлял генералу жену свою – чрезвычайное свидетельство доверия и уважения со стороны мусульманина.

Не только у Киссеругов, но вообще у всех, даже богатейших Кавказских племен, дома выстроены плохо; несмотря на суровую зиму, продолжающуюся от восьми до десяти месяцев, в окнах нет стекол, нет, следовательно, и света внутри сакли: самые окна закрыты кое-как дощатыми ставнями. Комната освещается только огнем очага; вместо всякого убранства, стоят лишь сундуки с пожитками, покрытые коврами; посреди стола, едва в фут вышиною. Для обеда, стол накрывается скатертью из скатанного теста, по ввиду и толщине похожею на грубую холстину: всякий гость съедает свою долю скатерти. Нет ни вилок, ни ложек[1]; следует взять пальцами, даже похлебку из крепкого мясного навара с овощами. Все тяжелые заботы по хозяйству лежат на жене. Хотя Киссеруги и отличаются задушевным гостеприимством, однако оно имеет свои невогоды: на ковры их нельзя садиться безнаказанно, не унеся с собою жгучих воспоминаний. Генерал знал это по опыту, и потому предпочел расположиться на открытом воздухе, в палатке, которую горцы поспешили раскинуть и убрать по возможности. Разложили добрый огонь, уселись в круговинку, и проговорили большую часть ночи о местных делах, о взаимных сношениях племен, о главных причинах их частых войн, о нравах, обычаях и верованиях. Беседа была в всышей степени любопытная, по охотному участию в ней начальников и старшин. Во время разговора о религии; генерал хвалил некоторые места в Коране; согласовавшие, по нравственному учению; с Христианскою Верою, и обратил особенное внимание на это согласование. О мести генерал сказал, что всякий человек, не лишенный ума и сердца, должен сознаться, что Магомед, провозглашая месть законною, повиновался страстям, слабостям, жалкому делу человечества. Никто не оспаривал и не поддерживал этого мнения, но шепот, не имевший в себе ничего враждебного, свидетельствовал, что слова генерала произвели благоприятное впечатление.

[1] Автор, конечно же, ошибается. У аварцев веками были в употреблении ложки и вилки, также как и специальные приборы для их хранения (*гIучалтIан*), которые являются яркими образцами высокого уровня деревообработки в горном Дагестане.

Позже, переводчик подтвердил это, и просил генерала почаще возвращаться к сему предмету при беседах с горцами. Ободренный первым успехом, генерал спросил: кто, по их мнению, счастливый человек? Заметив колебание слушателей, он прибавил: «Чтобы быть счастливым, надобно прежде всего жить в мире с самим собою, и иметь безупречную совесть». Ответ был принят с общим одобрением. «И так друзья», продолжал генерал, «я не могу допустить, что бы можно было жить в мире с самим собою, если не замышляешь гибель и смерть ближнего; безупречная ли у того совесть, кто из злобы и мести пролил кровь своего брата?» Тихое удовольствие, с которым были приняты эти слова, доказывало, что семена мира и любви пали на почву не столь неблагодарную, как привыкли думать; и тут ничего удивительного: горцы вообще не отличаются большей понятливостью, редкою ясностью ума. При нашей утонченной образованности, ум не развивается часто в ущерб сердца; у горцев всегда и везде преобладает чувство. Хотите ли, что бы вас поняли? Говорите из сердцу. С горцами, отношения, основанные на одних вещественных выгодах, изменчивы так же, как и сами эти выгоды, и никогда не бывают искренни; но горцы не платят с лихою любовью за любовь. Тот, кто приобрел между ними друга, может положиться на эту дружбу: во всяком случае он найдет ее верною и преданною до самого самоотвержения.

На третий день, приняв наиба, кази, мулл и избранных старшин, и утвердил их в должности, Генерал Анреп отправился в землю Мукратлов[1]. Больше двух сот Киссеругов, присоединились к конвою. В пятом часу по полудни, на границе, разделяющей оба племени, собрались слишком две тысячи вооруженных горцев. Почтенный старец приблизился к крайнему пределу двух волостей, и дал новоприбывшим знать не ходить далее. Поезд остановился, и выступил вперед один Хаджи Хаджиев. Старик сказал ему: «Приветствуем генерала и его Джарцев. Другие же, кроме тебя, Хаджи Хаджиев, да не ступят на нашу землю: мы не хотим этого». Генерал изъявил желание удержать при себе Курбана, Магму и Гуссейна, да и еще несколько своих приятелей; но

[1] Бо Мукратль, оно состояло из селений, расположенных на территории Чародинского района.

оба племени давно враждовали между собою, и потому надобно было отослать всех конвойных Киссеругов. Оставшись один с Джарцами и с Хаджи-Хаджиевым, генерал приблизился к старцу, который так же подошел к нему ласково: это был недавно избранный наиб. Он представил генералу, называя каждого по имени, кази, мулл и старшин, разместившихся вокруг в его порядке. «Мы знаем», сказал он, «цель твоего приезда в горы, и чтобы доказать тебе наше уважение, предупредили твое желание: мы выбрали себе начальников». Генерал изъявил в кратких словах свое удовольствие, утвердил вновь избранных, убеждал их поступить так, чтобы народ благословил новое учреждение, говорил им о Государе Императоре, как об отце, благость которого равняется его могуществу, и уверял, что всякая просьба, поданная начальству через наиба или кази, будет принята во внимание. Затем генерал смело вступил в толпу, где находились в значительном числе Карахцы, Гидатлинцы, Андалалцы[1] собравшиеся из любопытства. Лагерь был раскинут на возвышенной луговине, с которой виднелись вдали многочисленные аулы, и кругозор простирался до земли Карахов и Андалалов. Местность было оживленная, скалы являлись изредка посреди роскошной растительности; на дне долины, у подошвы крутого утеса, расстилался обширный аул Калзы[2]. День был прекрасный: заходящее солнце обливало серые скалы невыразимо чудным розовым оттенком, а горевшие пурпуром вершины гор тянулись к востоку как широкие фиолетовые тени богатейших цветков. Невозможно передать словами все прелести этой картины; надлежало бы иметь все краски палитры живописца, обладать гением Крюгера, что бы уловить, на выразительном и подвижном лице горцев, мимолетные выражения чувства, ибо у жителя Кавказа, душа, мысль красноречие высказывается лицом, нежели словом; на лице горца отражается внутренняя драма во всех его последовательных видоизменениях:

[1] Карах, Гидатль и Андалал – общества, располагавшиеся на территориях Чародинского, Шамильского и Гунибского, соответсвенно, районов Дагестана.

[2] Кульзеб – селение, располагавшееся на территории Чародинского района. В 1944 г. его жители были выселены в Чечню, а в 1957 г. поселились на территории Кизилюртовского района Дагестана. Старое селение уже давно заброшено и превратилось в развалины.

тут и недоверчивость, и ненависть, и любовь, но никогда не заметите вы бесстрастия.

После нескольких часов беседы со старшинами, толпы горцев, удовлетворенных в своем любопытстве, разошлись. Кази и свита его удалились. Джарцы стали совершать намаз. Генерал готовился отдохнуть после дневных трудов, снял с себя шашку, пистолеты и разложил на траве бурку: вдруг увидел в некотором расстоянии широкую плиту, возвышавшуюся на несколько футов над землею. Это был приготовленный для него стол; генерал решил воспользоваться им, и позвал своего адъютанта, Поручика Кулебакина, что бы продиктовать ему, под свежим впечатлением событий, рапорт главнокомандующему. Во время этого занятия, генерал заметил человека, который один прохаживался по пустынной равнине: походка его была быстрая, беспокойная; длинный широкий тулуп, с широким отложным воротником, закутывал его с ног до головы. Тулуп был бараний с висевшими с боков, будто змеи, хвостами. Незнакомец ходил, описывая круг, центром которому служил камень, где адъютант написал рапорт. Постепенно круг стеснялся и генерал до сих пор, не обращавший внимания на человека в тулупе, мог теперь рассмотреть его: он был бледен, погружен в думу; но потупленные, впалые глаза его посматривали украдкой на генерала и сверкали странным блеском. Вдруг, не более как в десяти шагах, незнакомец, сбросив с себя тулуп, устремился в рубашке на генерала, и выстрелил в него, почти в упор, из пистолета. Но к счастью, генерал нагнулся, что бы схватить свое оружие, и тем спас себя от неминуемой смерти: пуля пробила сюртук, коснулась бедра, и оставила лишь небольшую контузию.

Убийца, быстрый как молния, бросился к аулу, и хотя Джарцы, никогда не дающие помаха, послали вслед за ним пуль двадцать, однако, пользуясь извилинами пути, разбойник ускользнул.

Джарцы поскакали в погоню, настигли бы и изрубили его, но чтобы не делать тревоги, их воротили в лагерь. Хаджи-Хаджиев хотел вызвать Киссеругов; и наказать его за подлое покушение. Джарцы с криками требовали немедленной мести: твердая воля начальника успокоила их. Между тем прибежал из

аула кази, страшась за ответственность, и прежде всего спросил у генерала, не опасна ли его рана. «Дай мне руку», отвечал генерал, и через пробитую одежду провел его по телу. Кази возвел глаза в небо. Тогда генерал сказал: «Видишь пробоину в платье; рука твоя прикасалась к моему телу, где же пуля? Вот тебе доказательство, что я прибыл к вам по воле божией».

В это время показался вдали старшина аула, и закричал: «Мы не виноваты; призываю Бога в свидетели, что мы непричастны преступлению. Скажи, какого хочешь доказательства к истине моих слов?»

- «Приведите ко мне преступника и выдайте мне…»

Не прошло часу, как привели крепко связанного убийцу. «Возьми этого человека», сказали горцы: «он хотя ученный и мулла, но всегда был дурного поведения. За три года перед сим, изгнанный своим семейством и племенем, он поступил на службу к Шамилю, и к нашему несчастью, недавно воротился сюда». Генерал не мог не подивиться бесстрашию этого разбойника, дерзнувшего посягнуть на его жизнь в самом лагере, посреди Джарцев, преданность которых была известна злодею. Но разбойник не выдержал своей роли до конца: как все подлые убийцы, он прибергнул к уверткам.

- «Верно ты много наслышался обо мне дурного, что хотел убить меня?»

- «Нет, кроме хорошего я ничего не слышал о тебе».

- «Какая же причина побудила тебя на преступление?»

- «Ни какая. Я подвержен падучей болезни, с молодых лет страдаю припадками умопомешательства, и когда это случается со мною, сам не знаю что делаю. Искренне раскаиваюсь в случившемся».

- «Тебе следовало бы подумать о своем племени, о своих братьях, непричастных к преступлению, а между тем, по твоей вине, они могли бы подвергнуться жестокому возмездию. Благодари Бога, что этого не будет».

Генерал вознамерился воспользоваться сим случаем для прекращения, если можно, вражды между этими племенами и соседями, и поэтому потребовал, что бы убийца был судим, по законам Корана, судом, составленным из кази и мулл обеих пле-

мен, Мукратлов и Киссеругов. Непременным условием постановлялось, что бы приговор был исполнен лишь с утверждения генерала.

Мукратлы, не смотря на отвращение свое, судить со своими врагами, согласились. Вскоре потом последовало полное примирение враждовавших.

Здесь должны мы нарушить хронологический порядок событий, чтобы тотчас познакомить читателя с развязкой рассказанного нами события. Спустя три недели по возвращению Генерала Анрепа в Закаталы, явились к нему депутаты с приговором следующего содержания: «Во всем деле очевидна рука Бога Всемогущего. Провидение хотело показать тебе чудесным спасением, что божественная благодать осияет тебя; но та же самая благодать должна осиять и виновного. Если он был только орудием, то в поступке его есть что-то от Бога, и он может быть осужден на смерть. В следствии этого, по законам Шариата, мы присуждаем виновного к погребению заживо на целый месяц; ежели он умрет от такого наказания, то получит двести палочных ударов, и получит двести палочных ударов, и затем будет выпущен на волю. Ожидаем твоего приказа для исполнения приговора». Бумага была подписана кази и муллами обоих племен, как того требовал генерал. Депутатам отвечали, что о помиловании преступника представлено Главнокомандующего Генералу Головину, и потому надобно дождаться ответа.

institutcofhistory.ru

Через несколько времени прислан был ответ о помиловании. Преступник, уведомленный о том письме Генерала Анрепа, был так тронут сим великодушным решением, что выразил свою признательность и свое раскаяние письменно в послании, которое можно назвать образцом восточного красноречия, и которое генерал сохранил у себя. Чувства помилованного не были притворны: он доказал то своим безукоризненным поведением и стараниями отдать оказанную ему милость. В последствии он сам приходил в Закаты благодарить генерала, не зная об его отъезде, по случаю назначению его Начальником Черноморской Береговой Линии.

На другой день после преступного покушения, надлежало проститься с добрым Хаджи Хаджиевым и со старшинами, и ге-

нералу немало стоило труда избавиться от их убедительных просьб. Он направился в землю Андалалов, которая, принадлежала к Аварии, занимает одну из прекраснейших нагорных равнин Кавказа. Кади ожидал генерала на границе для обычной встречи; сын его, Хаджиев, предшествовал ему по приказанию отца, или точнее, по собственному желанию, из преданности г генералу. По его словам, несколько злонамеренных людей, искусных стрелков, предполагая что конвой пойдет на Хунзах, главное селение Аварии, засели по дороге, в горных ущельях, на неприступных скалах, чтобы увидеть генерала. Позже, этот Хаджиев служил в Тифлисской милиции, и произведенный в прапорщики, был в собственном Его Величества конвое, в Санкт-Петербурге.

Земля Андалалов находилась вне черты ведомства Генерала Анрепа, и потому он продолжал путь к Рутулу и Султанству Элисуйскому, через княжество Кази-Кумух, в ввиду Гуниба, грозной естественной крепости проехал мимо Чоха, большого и населенного аула Андалалского, игравшего в последствии столь важную роль, и прибыл наконец во владения Кази- Кумуга. Два Джарца были посланы вперед с известием о приезде генерала, и Князь Кази-Кумуга, сопровождаемый двумя братьями и весьма многочисленною свитою, выехал навстречу.

Прием был радушный; горцы источались в изъявлениях вежливости и в предупредительности, особенно же были щедры на музыку: певчие, с аккомпанементом бубен, усердно пропивая бузу, исполнили, по приказанию князя, шумный и вовсе негармоничный концерт, продолжавшийся, без устали, день и две ночи, до самого отъезда гостей. Генерал, еще не отдохнув от утомительного триумфа, прибыл на границу Рутула, где ожидал его Даниэль–бек, Султан Элисуйский, с родственником своим наибом. Даниэль-бек, ныне один из самых деятельных пособников Шамиля, был в то время одним из красивейших мужчин: грациозный во всех своих движениях, одаренный самым приятным голосом, он соединял в себе все, что могло очаровать зрение, слух и даже ум, потому что речь его была запечатлена изяществом и вежливостью. Никто не превосходил его в ловкости владения оружием, никто легче его не мог, без видимых усилий,

обуздать непослушного коня. Богатый Лезгинский костюм выставлял еще более мужественную красоту, которая утрачивала весь свой характер в мундире Лейб-Гвардии Гродпенского Гусарского Полка, где Даниэль-Бек, числился полковником. Но уверяют, что этот красавец был человек глубоко развращенный, и его обвиняли в тяжких преступлениях: говорили что он отравил своего отца, и заколол брата. Достоверно известно, что он выкалывал глаза и отрубал руки своим поданным за малейшие проступки. Генералу Анрепу стоило большого труда отклонить Даниэля-Бека от подобных жестокостей. Даниэль-Бек утверждал, что эта строгость необходима, и хотя обещал повиноваться, однако по отъезду генерала, выколол глаза своему зятю[1]. Известно, как впоследствии, этот человек, пожираемый честолюбием, оскорбленный в своем тщеславии, бросил свое почетное положение, удалился из своего султанства, и передался Шамилю. В то время, о котором мы говорим, Даниэль-Бек был весьма внимателен к Генералу Анрепу, принял его с утонченной любезностью в своем материнском доме, где восточная роскошь шла об руку со всеми затеями Европейского комфорта, сам провожал его в ближайшие аулы, указывал на живописные места, осматривал вместе с генералом главные источники минеральных, теплых и других вод, и наконец, сопутствовал ему до Закатал.

Поездка Генерала Анрепа в горы, радушный и порою симпатичный прием горцев, враждебные замыслы, так легко устраненные, сильная ненависть, обезоруженная доверием, превратившаяся в дружбу, все это не доказывает ли, как мы сказали в начале статьи, что зло в характере Кавказских горцев, о котором составили такое преувеличественные понятие, перемешано с добрыми свойствами, что эти воинственные и дикие натуры, столь трудно обуздываемые, не испорчены до последней степени. Мы полагаем, что если бы мы, пользуясь обстоятельствами, могли доказать горцам, что сила, против которой они борются напрасно и упорно, была, по признании ею, силой дружественной, стремящейся к добру, и карающей одно зло; если бы начальники настойчиво продолжали мирный труд, то нет сомнения,

[1] Все эти «жестокости», приписываемые Даниял-беку, не имеют ничего общего с действительностью.

борьба бы утратила общий характер, и мы скоро нашли бы покорность там, где ныне вспыхивают мятежи; любовь и преданность там, где видят лишь наследственную вражду, которую надобно заливать кровью.

Как бы то ни было, но экспедиция Генерала Анрепа не осталась без последствий, хотя ее называли отважною до дерзости. Сам Генерал Анреп смотрел на свою поездку, как на долг службы, и в глазах его она оправдывалась тою доверенностью, которую внушил ему характер горских племен. Он узнал их и научился уважать.

Установление правильной власти меду горскими племенами значительно облегчило управление краем, и сообщило администрации большую силу. Горцы получая пропуск от своих наибов и кази, отвечавших за их поведение, толпами спускались на равнину, не для грабежа, а для работы. Эти пропуски, обмененные на письменное дозволение начальства, давали горцам возможность свободно проживать во всем крае, и мирные работники тот час же нашли такое вознаграждение за свой труд, что выселение на равнину весьма усилилось.

Враждебные действия прекратились не только между Русскими и горцами, но и между племенами, по самой простой причине: получив дозволение жить в крае, горцы не могли быть недоверчивыми; поводов к столкновениям на равнине не было; честный труд давал средства удовлетворять необходимым надобностям, ради которых прежде предпринимались хищнические набеги, вызвавшие вечную кровавую месть. Горцы не могли объяснить себе бескорыстных и неутомимых забот Русского начальника об упрочнении их благоденствия, и для прекращения их семейной или племенной вражды.

Однажды, Магма, предводитель Капучинцев, о котором говорено выше, сказал откровенно Генералу Анрепу: «Напрасно ты трудишься в ущерб себе; если горцы дерутся, истребляют друг друга, тем лучше для тебя: они ослабеют».

- «А Бог», возразил ему генерал, «наш Отец, наш Создатель! неужели ты думаешь, что приятно видеть, если люди пожирают друг друга, будто дикие звери?»

- «Нет», отвечал Магма решительно, и замолчал.

- «Если так», продолжал генерал, «то правила нашего управления должны согласоваться с законами Бога, и поэтому за противодействие нам, мы должны наказывать, как за преступление; в добавок, это противодействие бесполезное: воля Божья восторжествует всегда. Разве Бог не всемогущ?»

Генерал любил подобные беседы; говорил при всяком случае, что Государь Император одобряет, если Русский начальник горцев сам считает себя горцем и смотрит на их выгоды, как на свои собственные; постоянно основывает действия управления на началах нравственных, религиозных. И речь его, обращавшаяся к совести, к сердцу, всегда была принимаема с уважением, и редко не достигала цели.

Магма сказал однажды переводчику: «Слушая твоего начальника, я как будто слышу Шамиля». Этот простодушный отзыв более нежели похвал. Мы желали бы видеть в нем совесть, руководство на будущее время.

Электронная библиотека
Института истории,
археологии и этнографии
Дагестанского ФИЦ РАН

instituteofhistory.ru

2.2. К. КОЗЛОВА.
Поселения и жилища аварцев.
1945 г.

Введение

Работа целиком написана на данных двух экспедиций. В первой экспедиции летом 1944 г. материал собирался в районе Хунзахского плато, во второй экспедиции, летом следующего года работа проводилась в Гидатлинском ущелье.

Специальной литературы по вопросу об аварских поселениях и жилищах не существует. Отдельные, очень короткие замечания встречаются в описаниях различных авторов, посетивших Дагестан. Особенно это относится к запискам участников покорения Кавказа. Приведу некоторые из таких работ:

И. Андрусов. Поездка в Дагестан летом в 1898 г. // Землеведение, 1901 г. Кн.1-2.

А. Александров и С. Лобанов. Заметки из путешествия по Дагестану // Журн. «Этнографическое обозрение». Т. 84-85. 1910 г. №1-2.

А.П. Андреев. По дебрям Дагестана // исторический Вестник. 1899 г. №10.

Н.Д. Буш. По скалам Андийского Дагестана // Извест. Геогр. Об-ва. Т. 41, 1905. №3.

В. Величко. Полное собрание публицистических сочинений. Т. I. Кавказ, СПБ 1904.

Н. Воронов. Из путешествия по Дагестану. Сб. свед. о кавк. горцах. 1868 г. Т.1, 3.

Я.Н. Анучин. Отчет о поездке в Дагестан // Изв. русск. геогр. Общества. Т. 20.

К.Ф. Ган. Путешествие по высочайшим местам Дагестанской области летом 1901 г. // Изв. Кавк. Отд. Русск. Геогр. Об-ва. 1903 г. Т. 16. №4.

К.Ф. Ган. Путешествие в Кахетию и Дагестан // Сб. мат. для опис. Кавказа. Т. 31. 1902 г.

А. Гейман. Нагорный Дагестан // Разведчик 1897 г., № 360.

Н. Глиноецкий. Поездка в Дагестан // Военн. Сб. 1862 г. № 1, 2, 3.

А.М. Завадский. Поездка по Андийскому Койсу // Изв. Кавк. Отд. Русск. геогр. об-ва. 1904 г. Т. 16. №5, Т. 17, №2.

П.П. Зубов. Картина Кавказского Края. Часть 1-3. СПБ 1904-05.

Я. Костенецкий. Записки об аварской экспедиции 1837 г. // Совр. 1850 г. № 10.

В.С. Кривенко. По Дагестану // Русск. Вестн. 1896 г. №№ 2, 3, 4.

Н. Львов. Домашняя и семейная жизнь дагестанских горцев аварского племени // ССКГ. 1870. Т. 3.

А. Лилов. Очерки быта кавказских горцев // СМОМПК. Т. 14. 1892. отд. 1.

Е.Л. Марков. Очерки Кавказа. Картины кавказской жизни, природы и истории. СПБ, 1887 г.

А. Неверовский. Краткий взгляд на северный и средний Дагестан в топографическом и статистическом отношениях // Военн. журн. 1847 г. № 5.

Пржецлавский. Дагестан, его нравы и обычаи. Вестн. Европы. Т. 3. сентябрь 1867 г.

А. Руновский. Канлы в немирном крае // Воен. сб. 1860 г. № 7.

Н.Б. Бакланов. Архитектурные памятники Дагестана. Ленинград, 1935 г.

Несколько слов об аварцах // Сб. свед. о кавк. горцах. 1869. Т. 2. и многие другие.

Глава I

В своей работе я коснусь аварских селений, расположенных на Хунзахском плато и Гидатлинской долине.

Эти два района занимают смежное географическое положение. Хунзахское плато представляет собой высоко приподнятое плоскогорье, пересеченное небольшими возвышенностями расположенное на высоте около 2.000 метров над уровнем моря, и окруженное со всех сторон цепями гор. На такой высоте совсем нет деревьев, если не считать чахлых березок в Хунзахе, и взор радуют только альпийские луга, представляющие большой кон-

траст с окружающими голыми угрюмыми скалами, подавляющими своим величием.

За высоким хребтом, на расстоянии около 50 км от Хунзаха, находится Гидатлинская долина, представляющая в природном отношении полную противоположность Хунзахскому плато. Она имеет вид ущелья, расширяющегося в котловину, по которой протекает маленькая речка, впадающая в Авар-ор.

Эта котловина окружена со всех сторон горами и сплошь покрыта зелеными садами и полями, поднимающимися ступенями по склонам гор.

Для общего ознакомления с описываемыми мною двумя районами остановлюсь немного на занятиях жителей и на историческом прошлом, которое оказало сильное влияние на характер селений и отдельных жилищ этой территории.

Природные условия определяли и род занятий аварцев. Они, в основном, занимаются скотоводством, сочетая его с земледелием. Скот летом пасется высоко в горах на большом расстоянии от аула, где за ним следят чабаны (пастухи) и специально приставленные люди, которые собирают молоко, приготовляют сыр и масло, спуская их потом на ишаках в аулы. Зимой скот спускают в долину, но большое число скота в селения поместить нельзя, так как не хватает достаточного количества корма для его содержания, поэтому в ауле остается небольшое количество скота, а остальной скот спускают в долину, иногда очень далеко от аула.

Наряду со скотоводством немалую роль играет земледелие. В Аварии в большом количестве встречаются террасные поля небольших размеров, напоминающие широкие ступени по склонам гор. В таких условиях нельзя применить новейшие сельскохозяйственные орудия, поэтому в Аварии до сих пор бытует самобытный серп, согнутый под прямым углом, молотильные доски я кое-где еще сохранились вместо плуга местная деревянная соха (пуруц).

В Хунзахе скотоводство преобладает над земледелием. Зимой скот угоняют далеко на север, в Хасавюртовский район, на пути скоту приходится преодолевать большие препятствия, особенно во время переправы через реки, много скота, главным образом молодняка, гибнет при этом.

В Гидатле скотоводством занимаются наряду с земледелием, продуктов которого, в противоположность Хунзаху, хватает на круглый год. Гидатлинцы не угоняют свой скот на зиму в другие районы, а спускают в аулы, где для него имеются специальные скотные дворы с запасом корма на всю зиму.

В историческом отношении Гидатль и Хунзах представляли собой прямую противоположность.[BR]Хунзах издавна, еще в домусульманское время, управлялся ханами. Особенно пользуется большой известностью в народных преданиях хан Суракат, который вел борьбу с арабами, вводившими мусульманство. Аварские ханы считались одними из самых могущественных в Дагестане. Они владели почти всей территорией, населенной аварцами, за исключением нескольких свободных обществ.

К числу таких свободных обществ принадлежал и Гидатль. Между аварскими ханами и независимыми гидатлинцами беспрерывно шла борьба. Ханы стремились покорить Гидатль, гидатлинцы же упорно отстаивали свою независимость. Они с гордостью заявляют, что хану ни разу не удалось подчинить своей власти Гидатль.

Кроме того, мимо Гидатлинской долины, вверх по реке Аварор (одной из главных рек в Дагестане) проходила дорога, по которой аварцы из разных мест отправлялись в Кахетию с целью пограбить и захватить побольше пленных. Такие, так называемые походы в Цор, предпринимали и хунзахцы и гидатлинцы. Обычно весной, как только начинали таять снега на горах, удалые молодцы собирали желающих пограбить и отправлялись в поход. Чаще всего в набегах принимала участие молодежь, которая своим удальством и выносливостью в таком трудном и опасном деле хотела завоевать уважение в глазах старших. Походы в Цор хорошо отражены в аварском фольклоре.

Конечно, такие походы не оставались без последствий, грузинские князья отвечали тем же. Все это заставляло аварцев укреплять свои селения и быть всегда готовыми к их защите.

Кроме вышеописанных внешних причин, заставлявших жителей укреплять не только целые селения, но и отдельные дома, были и внутренние. Аварцы издавна, жили тухумным строем, который сравнительно быстро исчез при ханской власти, я о нем

почти не помнят, но в Гидатле воспоминание о тухумах еще достаточно свежо. Вместе с тухумами бытовала и кровная месть, которая приводила к вражде не только членов отдельных семей, но и целых тухумов, Кроме столкновений внутри аула были столкновения и между аулами. Это хорошо видно в адатах, (неписаных законах, которые в каждом ауле были особые, отличающиеся от адатов в других аулах).

Внутренние столкновения легче было нивелировать при наличии ханской власти, но совсем другое дело было в Гидатле, свободном обществе, где каждый был сам себе хозяин, я защищался, как умел. При этом большую роль играл Тухум. Если тухум был богатый и влиятельный, то член тухума чувствовал за собой большую силу, и наоборот, если тухум был бедный я незначительный.

Глава II

Сама природа помогала аварцам в укреплении их селений. Обычно селения располагаются так, что к ним трудно подойти, причем учитываются все природные возможности, особенно если селение располагается на крутом склоне горы. В таких аулах поражает теснота застройки, дома стоят тесно прижавшиеся друг к другу, так что трудно определить, где кончается один дом и начинается другой. Строения поднимаются ярусами друг над другом, при этом в большинстве случаев крыша одного дома служит двором для другого, или двором является выступающая часть крыши нижнего этажа данного дома. Такое селение имеет вид амфитеатра.

instituteofhistory.ru

Улица в подобных аулах представляют собой узкие тропинки, вьющиеся вверх и вниз по склону горы. Очень часто встречаются, особенно в Кахибском районе, улицы, проходящие под зданиями, имеющие вид узких, длинных, темных и кривых коридоров, пересекающихся под углом друг с другом.

В таких коридорах всегда бывает темно и грязно, поэтому около стены устраивают нечто вроде тротуара из ряда небольших плоских камней. Все улицы в ауле во время дождя превращаются в бурные потоки, стремительно несущиеся вниз по склону горы. Эти потоки смывают всю грязь, накапливающуюся на улицах.

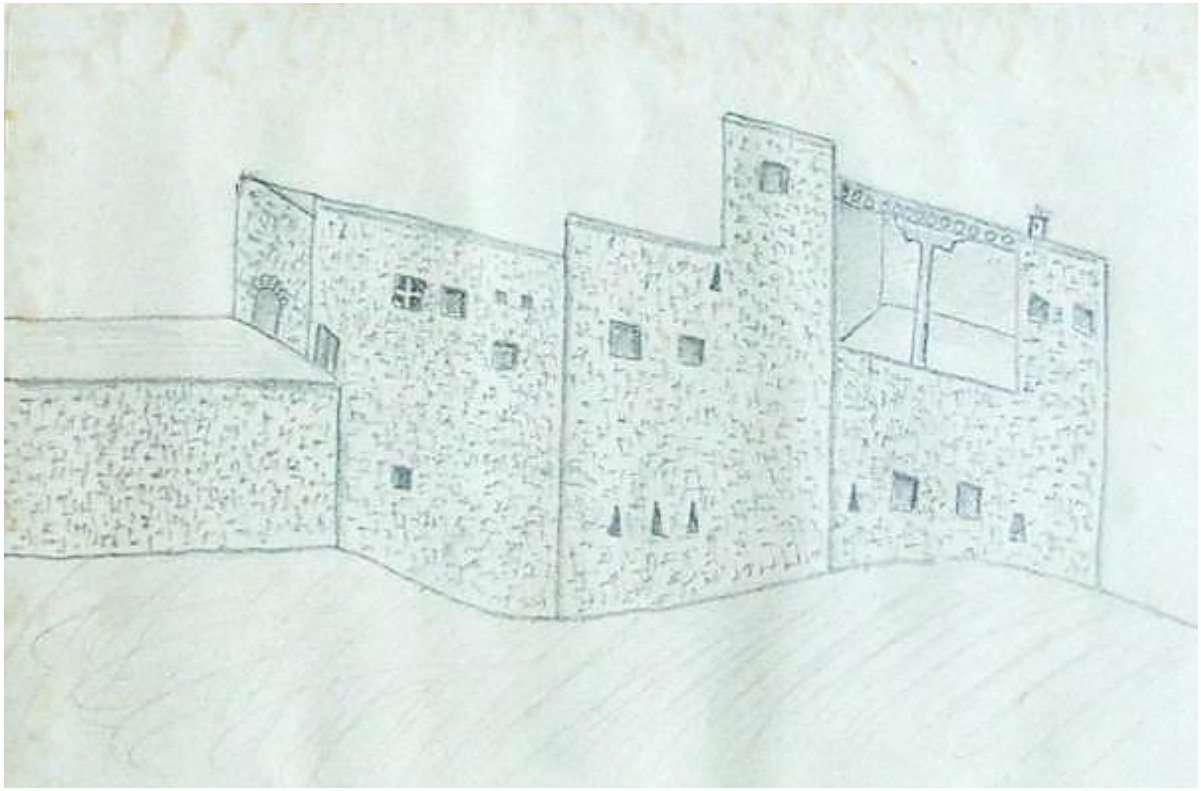
Но, в основном, можно сказать, что улицы в аварских селениях загрязненностью не отличаются, так как навоз обычно тщательно собирается для приготовления кизяка, особенно в тех селениях, которые страдают недостатком дров.

В горных аулах, расположенных на ровном месте, такой тесноты застройки не наблюдается, очень часто здесь встречаются открытые внутренние дворики, обнесенные со всех сторон каменной стеной. Имеется несколько улиц более широких, чем в аулах, расположенных по склону горы. В общем, улицы во всех аварских аулах отличаются сильной узостью и кривизной.

Теснота застройки и кривизна улиц аула, расположенного даже на ровном месте, объясняется в первую очередь историческими, а затем и географическими условиями, в которых жили аварцы.

Стремление сделать селение наименее уязвимым для врага играло главную роль при планировке аула. Селения, расположенные по крутым склонам гор, имеют вид труднодоступных орлиных гнезд. Проникнуть в селение можно было только с одной или с двух сторон. По этой причине крайние дома в некоторых аулах строились вплотную друг к другу и образовывали нечто вроде крепостной стены, в которой почти не было окон, а если и были, то высоко от земли и иногда защищались машикулями (каменными выступами без дна) от попадания стрел и пуль. В стенах домов устраивалось большое количество бойниц.

С этой же целью возводились по краям аула башни, имевшие в некоторых случаях высоту 12 этажей. С такой высоты можно было хорошо обозревать окрестности, и предупредить население о появлении врагов. Кроме сигнализационной, башни имели и другие функции. Так, например, в двух башнях в с. Урада, находившихся раньше на месте теперешней джума-мечети, были вбиты в стены каменные гвозди (для каждого мужчины отдельный гвоздь), на которые вешали оружие я круглый большой, в виде баранки хлеб – горо.



Крепостная стена в верхней Ураде Кахибского района

Это делалось на случай неожиданной тревоги, чтобы мужчины могли отправиться в поход, имея под рукой оружие и необходимое количество продовольствие. Обычно в аварском доме готовой пищи не бывает, ее приготовляют только перед самой едой и употребляют в горячем виде, поэтому в башне всегда имелся готовый хлеб, который время от времени менялся.

Местные жители имеют очень смутное представление о назначении башен. На вопрос, с какой целью построены башни, обычно следует один и тот же ответ, что башни строились для защиты кровника от гостя родственников убитого. Несколько раз приходилось слушать просто курьезные ответы, что какой-нибудь человек, прежде чем убить, строил себе башню для защиты.

Несомненно, башни играли большую роль при кровной мести и при внезапной вражде между тухумами (тухум или тлибиль – группа родственников, ведущая свое происхождение от одного общего предка) с. Урада удалось записать адат, касающийся кровной мести в связи с башнями: «Если кто-нибудь убьет одного человека, то убийца прячется в башню, где они должны сидеть целый год. Если он не досидит один день, то его штрафуют на

одного быка, если не досидит десять дней, то на десять быков и т.д.»

Очень трудно определить, имел ли у аварцев каждый тухум свою отдельную башню, как это мы видим у их соседей чеченцев, или башнями пользовались все тухумы сообща. На этот вопрос давали противоречивые ответы. Одни говорили, что каждый тухум имел свою башню, другие отрицали это.

В пользу общего владения башнями всеми тухумами вместе свидетельствует несоответствие в основном числа башен числу тухумов. В одних аулах, как например, в Гента, Тидибе, башен меньше, чем тухумов, а в других аулах, например в Мачада, наоборот, тухумов меньше, чем башен.

Но в пользу принадлежности башен отдельным тухумам говорят расположение башен, которое с военной точки зрения совершенно бессмысленно. Так, в некоторых аулах (Тидиб, Хотода) две башни расположены друг от друга на расстоянии едва ли сотни метров. Причем, в Тидибе более низкая башня была построена позднее. Так, что она имела меньшее военное значение, чем башня, построенная ранее. Возможно, что обе башни принадлежали одному тухуму.

Доказательством могут служить башни аула Гента, расположенные на разных концах аула, но принадлежавшие одному тухуму.

Но как быть, когда в ауле всего только две башни и обе принадлежат одному тухуму? Следовательно, остальные тухумы не имели башен. Иногда довольно большие тухумы дробились на несколько мелких, которые возможно, не строили себе отдельной башни, а пользовались башней того тухума, в состав которого они первоначально входили. В некоторых же селах число башен соответствует числу тухумов. Вполне возможно, что совсем не обязательно связывать тухум с определенной башней. Были тухумы, имевшие несколько башен, а были тухумы, совсем не имевшие ни одной башни. Это зависит от неодинакового положения тухума.

Были тухумы более почетные и менее почетные. Например, в с. Гента, было четыре тухума – один местный, а основатели трех следующих появились позднее. Обе башни аула принадлежали местному тухуму, другие же тухумы башен не имели. Не прихо-

дится отрицать и наличие общественных башен. Несомненно, что две вышеописанные башни в Ураде, в которых хранилось оружие и продовольствие, были построены на пользу всего общества. Кроме того, были сторожевые башни, расположенные по ущельям между селениями. На них всегда были расставлены дозоры, следившие за появлением неприятеля и сигнализировавшие о его приближении.

Башни строятся из дикого камня, слегка отесанного с одной стороны, выходящей наружу. В основании башни лежит квадрат со стороной от 4-х до пяти метров с улицы. В стенах башен часто можно видеть большие плоские камни с высеченным изображением сцен охоты, лабиринта и различных геометрических знаков. Происхождение этих камней никто не мог объяснить.

По мере надстройки следующих этажей башни едва заметно суживаются кверху. Перекрытия между этажами делаются деревянные с насыпанным слоем земли. В отдельных случаях первый, второй и третий этажи между собой не сообщаются. Вход в третий этаж располагается над входом во второй, а вход в первый этаж находится на другой стороне башни. Остальные этажи сообщаются между собой через люки в углу потолка каждого этажа с помощью приставной лестницы. Большинство осмотренных башен расположено вплотную с жилыми постройками, поэтому вход во второе иногда и в третий этаж находится внутри жилого дома. Для большинства башен окна не характерны, их заменяют бойницы, которые обычно бывают асимметрично расположены. Снаружи они почти незаметны, а внутри имеют вид ниши. Все виденные мною башни построены на естественном фундаменте, т.е. на выступе скалы, который очень часто увеличивает их высоту. Крыша башен плоская, как и в жилых домах. Толщина стен колеблется от 40 см до 1 метра.

В случае кровной мести горец вполне мог спрятаться в собственном доме, который защищал его нисколько не хуже башни. Особенно это относится к домам – крепостям, высотою в 4 этажа, снабженным бойницами и не имеющим окон, или имеющим окна, которые нисколько не затрудняют оборону дома. Иногда, окна таких домов имеют машикули.

В общем, аварские селения, расположенные в горах, иногда на большой высоте, имеющие кривые и узкие улицы и тесно прижатые друг к другу дома, являлись труднодоступными для врагов.

Глава III

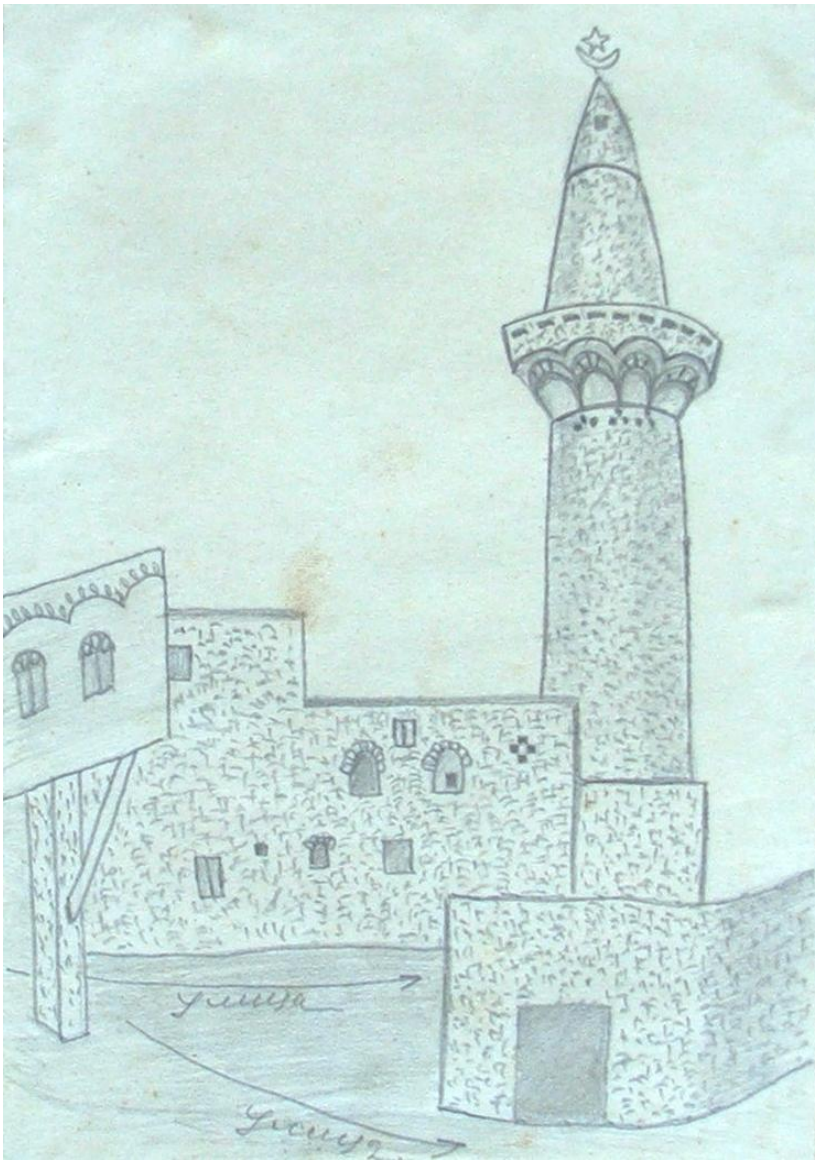
Весь аул делится на кварталы – «авалы», которые в некоторых случаях соответствуют определенным тухумам, в других этого не наблюдается. В каждом ауле имеется мечеть – «мажгит», в больших аулах мечетей несколько, иногда каждый авал имеет свою мечеть. При наличии нескольких мечетей всегда имеется главная мечеть –джума-мечеть. В этой мечети молились только по пятницам (само слово «джума» означает «пятницу»). Мечети в некоторых аулах, построение на относительно ровном месте, стоят высокие минареты, на вершине которых устроена площадка, с которой муэдзин созывал молящихся. На площадку можно попасть только по очень узкой винтовой лестнице, вьющейся вокруг столба внутри минарета.

В аулах, расположенных по склону горы, мечети минаретов не имеют, и муэдзин призывал к молитве прямо с плоской крыши мечети. Эти мечети имеют один этаж и теряются среди других построек аула.

Из других общественных сооружений в ауле нужно отметить «кор» - хлебную печь, которой пользуются все женщины сообща. Таких печей в ауле бывает несколько, иногда только одна. Эти печи устраиваются под навесом около какого-нибудь дома или в специальных саклях. В хлебных печах сушат и поджаривают зерно, которое потом везут на мельницу, иногда пекут чуреки (местный хлеб), например, при устройстве поминок по умершим.

Мельниц в ауле бывает обычно несколько. Они очень примитивно устроены. Вода, отведенная от ручья или реки по специальному желобу, вращает горизонтальное колесо с лопастями, к которому прикреплено верхнее колесо жернова. Мелет такая мельница очень медленно, и нужно потратить значительное количество времени, чтобы смолоть немного зерна. Так, например, чтобы смолоть мешок зерен от абрикосовых косточек для урбеча (местная восточная сладость) нужен целый день с раннего утра и

до позднего вечера. На мельнице работают, главным образом, девочки подростки и женщины.



Мечеть с минаретом в с. Тлях Кахибского района

В каждом аварском ауле имеется «гудекан» или «корт» - своеобразный мужской клуб на открытом воздухе. Все дороги в ауле ведут на гудекан - небольшую площадку, расположенную чаще всего в центре аула и окруженную со всех сторон стенами домов. Получается своеобразное помещение без крыши с большим количеством входов я выходов. По краям площадки положены большие плоские камни, заменяющие скамьи. На гудекане мужчины проводят целые дни с раннего утра до поздней ночи, усевшись поудобнее на камни, которые блестят как отполирован-

ные от усиленного употребления. Здесь выслушиваются все хабары (новости), обсуждаются самые различные вопросы, даются ответы, делится впечатлениями и т.д. Самую большую роль на гудекане играют старики, хранители старинных преданий и адатов. Они сидят важно в больших лохматых папахах, шубах, даже в жаркий день, с палкой в руке и с кинжалом у пояса. Старики у аварцев пользуются большим почетом и уважением. Молодежь имеет право голоса на гудекане только с 15-ти лет. Раньше гость при въезде в аул сначала отправлялся на гудекан, а потом только к своему кунаку. Иногда бывает несколько гудеканов в одном ауле, но всегда один из них является главным, В некоторых, селениях встречаются зимние гудеканы также на открытом воздухе, но где-нибудь на солнечном месте, летом же стремятся спрятаться в тень.

institutefhistory.ru

У женщин имеются свои места сборищ - в коре, на мельнице, а особенно у водоема, где они берут воду. Воду обычно отводят по деревянным желобам или глиняным трубам с гор, иногда на довольно большое расстояние. Попадая в аул, вода по трубам отводится в определенное место в виде арки в стене дома или в специальный водоем с арками. Очень часто в водоеме имеется деревянное или каменное корыто, куда чечет вода из труб. К этому корыту в некоторых аулах зимой гоняют поить скот.

Глава IV

До сих пор я касалась общих черт селений описываемых мною двух районов. Теперь я остановлюсь на конкретном описании отдельных аулов. Аулы Хунзахского плато имеют много общего между собой в историческом, географическом и хозяйственном отношении» Остановлюсь на двух из них, которые играли большую роль в истории аварцев.

Хунзах.

Хунзах расположен на краю Хунзахского плоскогорья. С двух сторон он защищен естественными препятствиями: крутым, труднодоступным склоном горы, на вершине которой начинается Хунзахское плато, и отвесным обрывом, с которого низвергаются водопады, образующие далеко внизу небольшую речку, на берегу

которой раскинуты сакли аула Хини, утопающего в садах, поднимающихся террасами по склону горы. На краю каждой террасы журчит ручей, орошающий почву под фруктовыми деревьями, пышно разросшимися в столь благоприятных условиях. До Шамиля этого аула не существовало.

Сады принадлежали отдельные жителям Хунзаха, некоторые из них имели там свои хутора. Шамиль освободил рабов-грузин хунзахского хана и поселил их на месте настоящего Хини. Первоначальное население Хини смешалось с местным аварским, и теперь жители Хини ничем не отличаются от окружающих аварцев. Они еще помнят имена основателей существовавших там трех тухумов: Гадалав, Омар и Дайт.

Насколько богата растительность в Хини, настолько она бедна в Хунзахе. Небольшое количество тощих берез и несколько деревьев на берегу ручья, протекающего через весь аул, украшают столь славную в прошлом столицу аварских ханов.

Ханский дворец, построенный сравнительно недавно, расположен на краю аула, на крутом берегу ручья. Он представляет собой несколько двухэтажных зданий, обнесенных вокруг стеной. Теперь дворец используется для нужд колхоза.

У хунзахцев осталось очень смутное представление о тухумах, никто из них не мог назвать имени ни одного тухума.

Авалов было пять Самилал, ЩулалъутIа, ШототIа, Лъарахъ, ХIорихъ. В каждом авале была своя мечеть, кроме того, существовала джума-мечеть. Мечети минаретов не имели, молящихся созывали прямо с крыши. В Хунзахе показывают гробницу Абу-Муслима, арабского полководца, распространителя мусульманства в Дагестане.

На краю аула имеется кладбище, недалеко от которого построена водяная мельница обычной горской конструкции с горизонтальным колесом.

Несмотря на возможность более свободного размещения построек, мы здесь не видим ни одной достаточно широкой улицы, по которой мог бы свободно двигаться трехколесный экипаж. Только по двум, трем улицам может проехать двухколесная горная арба. Остальные улицы очень узкие, в них едва могут про-

ехать два всадника вряд, а в некоторых с трудом могут разойтись два человека.

Каждый дом в ауле имеет открытый внутренний двор не большого размера, четырехугольной формы, обнесенный глухой каменной стеной, немного выше человеческого роста. Наличие внутреннего двора объясняется плоскостным положением аула. Стены отдельных дворов примыкают друг к другу, поэтому улицы представляют собой длинные кривые коридоры, которые выходят большие двустворчатые ворота. Улицы плохо мощеные, но грязи на них почти не бывает, так как никакого мусора на улицы не выбрасывается, а навоз тщательно собирается для приготовления кизяка.

Почти все сакли в ауле двухэтажные с плоскими крышами, небольшое число одноэтажных сакель построено совсем недавно. Очень часто верхний этаж дома строится на несколько лет позже нижнего. В большинстве случаев площадь нижнего этажа больше площади верхнего. Для хунзахских домов характерно наличие крытой галереи в первом и во втором этажах. Иногда она отсутствует в верхнем этаже, тогда ее заменяет крыша нижнего этажа (рисунок №3 в приложении).

Во внутренний двор дома ведут большие ворота, над которыми часто устраивается навес, В воротах имеется небольшая калитка, чтобы каждый раз не открывать створок ворот.

На ворота вместо ручки прибивается железное орнаментированное кольцо местного старинного кузнечного производства. В некоторых домах над воротами изнутри устроен звонок, который звенит при каждом открывании и закрывании ворот.

Внутренний открытый двор обычно хорошо вымощен, иногда *в,* углу его устроен небольшой огород. На внутренний двор выходят все двери помещений нижнего этажа и окна первого и второго этажей. Сообщения между этажами не существует. В верхний этаж можно попасть, в большинстве случаев, по каменной лестнице со двора, а иногда по деревянной.

Нижний этаж предназначается для хозяйственных нужд. В нем имеется несколько хлевов с каменными или деревянными кормушками в углу для скота, сеновал, кладовая и очень часто одна или две жилых комнаты, в которых живут зимой.

В некоторых домах эти комнаты теперь превращены в кладовые, и узнать их можно только по камину, оставшемуся в стене. В верхнем этаже находите две, три, иногда четыре жилых комнаты, редко – сбоку можно видеть сеновал,

В настоящее время Хунзах представляет крупный районный центр со школой семилеткой, со зданием почты, хорошим клубом, в котором очень часто демонстрируют кинокартины, с гостиницей и столовой, со сравнительно большим количеством служащих.

В трех километрах от Хунзаха находится крепость, построенная русскими после коварного уничтожения Гамзат-беком аварских ханов в 1834 году. В крепости имеется школа десятилетка, больница и другие учреждения. Это придает Хунзаху значение одного из самых культурных центров в Дагестане.

Тануси

Аул расположен на Хунзахском плато немного выше Хунзаха. Климат здесь гораздо суровее, чем в Хунзахе. Кругом зеленеют альпийские луга на фоне окружающей с трех сторон цепи гор, из ущелий которых с появлением первых лучах солнца поднимается туман, обволакивая аул легким облаком, приятно обдающим утренней прохладой.

В прошлом это была древняя столица Аварского ханства, где жили аварские нуцалы. Сюда же бежал последний из Сасанидов по рассказам арабских авторов и местных преданий, после разгрома арабами Персидского царства.

Как говорят местные предания, аул был обнесен высокой стеной, и до сих пор показывают место, где стояли ворота, ведшие в аул. Кроме того, рассказывают, что аул был соединен цепью с горой Акаро, по которой передавались сигналы о приближении врагов. Теперь этот аул небольшой и имеет очень унылый вид. В нем много заброшенных зданий, описания которых я коснусь ниже.

Новейшие сакли не отличаются тщательностью постройки и красотой. В ауле нет ни одного дерева, ни одного сколько-нибудь примечательного здания, за исключением мечети, построенной

сравнительно недавно, с высоким белым минаретом, который виден издалека, в лучах солнца.

Дома в ауле расположены в полном беспорядке, группируясь вокруг мечети, находящейся в центре аула. В общем, нужно отметить большую тесноту застройки, чем в Хунзахе. Здесь очень мало открытых внутренних дворов, а если они и встречается, то очень маленьких размеров. Улицы, как и в других аварских селениях, очень узкие и представляют сложные зигзаги. Дома обычные, характерные для аварцев в целом, двухэтажные сакли с галереями в первом и втором этажах или только во втором. Иногда галерей нет, их заменяет крыша первого этажа. Внизу дома помещается скот, наверху живет семья.

Недалеко от входа в аул, около правления колхоза, находится гудекан, представляющий собой зеленую, немного покатую площадку, на которой проводит дни мужское население аула от маленьких мальчиков до глубоких стариков.

В данное время аул ничем не отличается от многих небольших аварских селений, расположенных в стороне от дорог и живущих своей замкнутой жизнью.

Глава V

Гидатль

Гидатль в древних, времен являлся свободным обществом, не знающим ханской власти и составлявшим Гидатлинское бо (войско или народ), куда входили жители всех аулов Гидатля.

Об историческом прошлом Гидатля сохранились предания, которые передаются в различных версиях и имеют много противоречивых элементов. Каждый рассказчик высказывает свою точку зрения на тот или иной вопрос. Если сгруппировать все предания и попытаться вывести из них что-нибудь определенное, то получится приблизительно такой рассказ о происхождении гидатлинских аулов.

На месте существующих теперь гидатлинских садов и полей были дремучие леса с громадными деревьями. Возможно, что эти леса еще существовали в сравнительно недавнее время, если об-

ратить внимание на ширину столбов некоторых старинных домов в аулах Гидатля,

Деревья, из которых сделаны эти столбы, имели в поперечном сечении около 1-го метра, откуда-нибудь было невозможно, принимая во внимание отсутствие удобных дорог и колесных экипажей, на которых можно было бы доставить подобный материал в гидатлинские аулы. Сплавить по Авар-ору такой лес также очень трудно, так как река около Гидатлинского моста неглубокая и очень быстрая. Скорее всего, эти деревья росли поблизости, и их сравнительно легко можно было использовать при постройке дома.

В какое-то время в Гидатлинской долине появились откуда-то два шамхала. Один из них поселился в ЦИино, другой в Хучада. От этих селений теперь сохранились только кладбища и развалины.

На месте бывшего ЦИино были найдены общие могилы, в которых лежало по несколько покойников в скорченном положена^ лицом на востоку большие кувшины, врытые в землю. Величина кувшинов была такова, что в один из них провалился бык.

Имя «Шамхал» объясняют обычно так, что он родился в селе Шам в квартале Хал. Как сообщают местные жители, тогда еще не выло мусульманской веры, а была только христианская. ЦИинский шамхал был могущественнее хучадинского. Он имел трех жен и четырех сыновей.

Своих сыновей он поселил в разных местах Гидатля, *и* от них произошли селения: Урада, Гента, Тидиб, Хотода. У этих сыновей, в свою очередь, были свои сыновья, за исключением хотодинского, у которого была дочь, поэтому земли Хотоды после его смерти перешли к Ураде.

ЦИинский и хучадинский шамхалы все время враждовали между собой. Однажды хучадинский шамхал напал на ЦИино и сжег селение. Жители ЦИино переселились в Ураду. Куда делся цИинский шамхал неизвестно. Сохранилось много дорог, ведших из ЦИино в Хучада и в другие места, и прибавляют, что стада овец этого шамхала долго еще бродили на окружающих склонах гор.

Шамхал из Хучада продолжал делать набеги на селения Гидатля, тогда гидатлинцы собрали против него войско, но сил

было мало, и они обратились за помощью к хунзахцам. Произошел бой, хучадинский шамхал был разбит, и земли его были захвачены.

Жители Хучада потом переселились на новое место и образовали существующий теперь аул Мачада. После победы над хучадинский шамхалом гидатлинцы и хунзахцы начали делить добычу между собой, кому достанется скот, а кому земля. Бросили жребий, право выбора досталось гидатлинцам. Гидатлинцы посоветовались и решили выбрать скот, так как земля все равно останется на месте. С этого времени дружба между Хунзахом и Гидатлем прекратилась, началась отдельные столкновения я даже боя.

Выше аула Голотль Кахибского района есть скала, куда выезжали гидатлинцы для защиты хучадинской земли от хунзахцев, а затем и сами стали нападать на последних. Дальше Гидатлинского моста хунзахцы не ходили. Наконец, они помирились и установили границу от Датуна до Змеиной дороги. Хучадинская земля осталась у гидатлинцев. При дележе наследства дочери не получали части из этой земли, так как она была завоеванная.

Границы Гидатля простирались от Зиуриба на востоке до Уриба на севере (около Датуна). Кроме того, граница проходила через Хордузухъ мегIер (на границе с Ахвахским районом) - ХIамакIкIал (ослиное ущелье) - вверх от Датуна по Борхьил нух (дорога змей) - ТIалукь гIицо (большой камень, похожий ка камень для молотьбы) - Борлъараб гамачI (ущелье), ГIакуда шуб (холм) - ГIасдерил кьуро (Асабская скала) - ТоргIариб бет1ер (вершина) - РагIал (гора) - ГIаша кIалтIу (ка вершине горы) - Ракьуб гIор (Ратлубская река) - Борлъараб кIарат1 (туннель в скале).

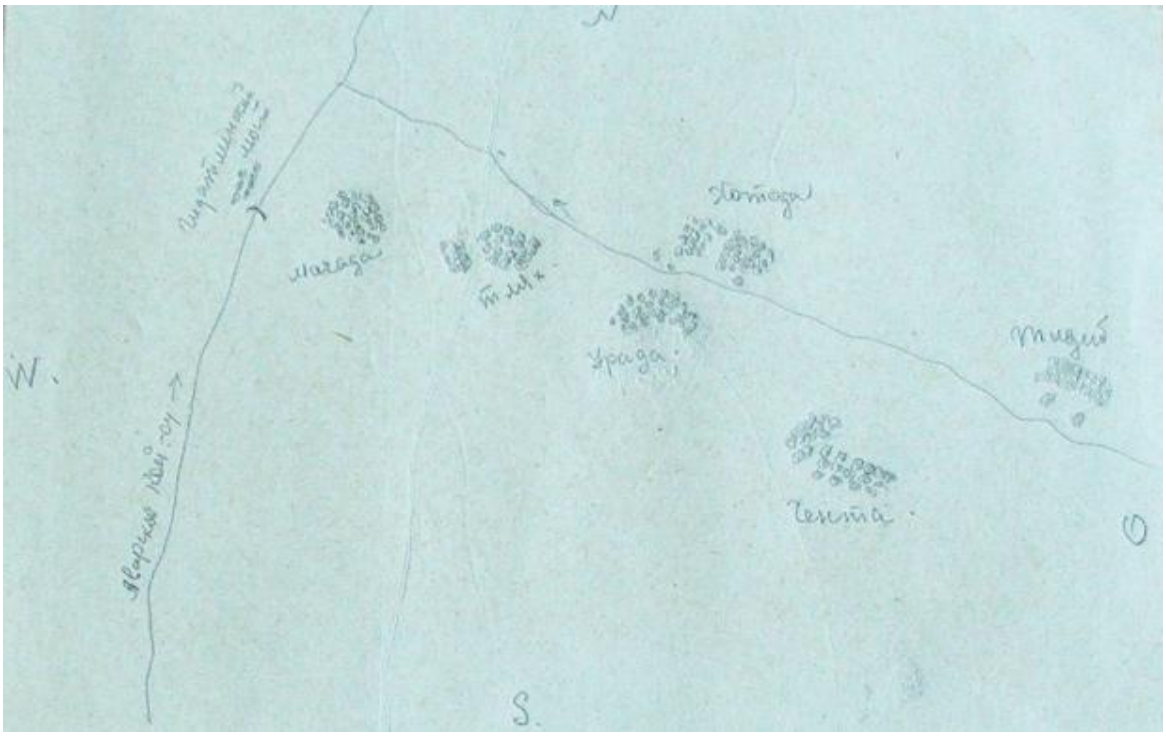
Кроме шести аулов самого Гидатля и аулов Зиуряб и Уриб Гидатлю неким владениям принадлежал аул Кахиб, теперь районный центр, образовавшийся подобно Зиурябу и Урибу из пограничного сторожевого пункта.

Теперь в Гидатлинской долине мы имеем шесть аулов: Урада, Тядяб, Мачада, Гента, Хотода и Тлях. Аулы расположены по склонам гор на противоположных сторонах котловины, Тидиб и Хотода на одной стороне, остальные на другой.

instituteofhistory.ru

Вокруг Гидатлинской долины находятся урочища, ка которые ходили вызывать дождь. Это обычно высокие горы. Поднявшись на них, люди думали, что они будут, таким образом, ближе к Аллаху. Назову некоторые из них: Лъимазул мугIрил (место, где не тает снег), урочище Зобида («зоб» означает «небо»), ГIигогIадино и другие.

Теперь я перехожу к описанию отдельных аулов Гидатля. Урада является самым большим аулом в Гидатле и занимает центральное положение среди других пяти селений, В прошлом в Ураде жил гидатлинский наиб. В дошамилевское время, вопросы, касающиеся всех шести аулов Гидатля, решались на Хурда, небольшой, находящейся около Урады, возвышенности с плоской вершиной, на которой устроено искусственное маленькое озеро, вода в которое отведена с ближайших гор. Ураде принадлежала треть гидатлинских земель.



План расположения аулов Гидатля

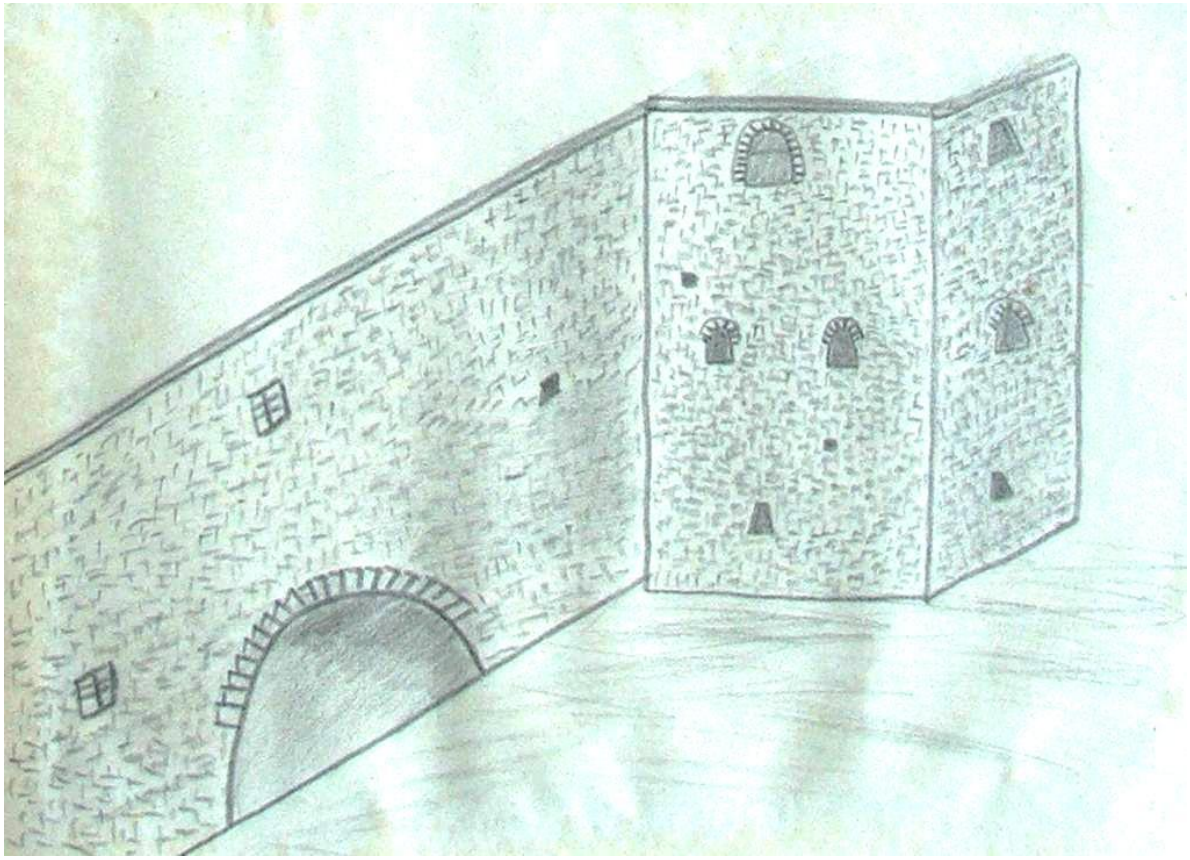
Она расположена на крутом склоне горы, лицом на запад и северо-запад. Селение делятся ка две части: на Нижнюю Ураду и на Верхнюю Ураду. Здания Верхней Урады, поднимаясь по склонам горы, захватывают немного и ее вершину. Нижняя Урада возникла раньше верхней, границей между ними служат дорога,

проходящая по склону горы. Нижняя Урада делилась на 4 авала: Ахъада, Рахъада, Кьонода, Кьибида, ЧамакIода.

Число тухумов нижней Урады доходило до 6-ти. Приведу их названия: Бедесерилал, ЦIухIекилал, Дархалал, Имаголал, КагIидалал, Кванал. Число башен точно проследить не удалось. Одни указывают на три башни, другие на пять. Скорее всего, их было пять. Две башни расположены рядом и находились на месте джума-мечети. От одной из этих башен сохранились развалины. Обе башни были общественные. Третья башня была расположена немного поодаль от двух первых, на ее месте теперь возвышается двухэтажная сакля; четвертая башня находятся на краю аула на крутом, почти отвесном склоне горы, от нее осталось около 2-х этажей. Измерить ее не удалось, так как крутой спуск и окружающие развалины мешают к ней подойти. Пятая башня находится на значительном расстоянии от аула на противоположной горе, это, по-видимому, была сторожевая башня; от нее осталась невысокая стена, окруженная кучей развалин. Вокруг этой башни никаких строений не имеется.

В Верхней Ураде было четыре авала: ЧухIада, Содухъ, Кабдух, Гванда и четыре тухума: Антиголал, Мишиталал, ГIачилал, Нахитилал. Как говорят, они произошли от внуков ЦIинского шамхала.

Число башен определенно никто не мог назвать. Обычно говорят, что в Верхней Ураде было три, или четыре башни, но удалось обнаружить следы только двух башен. Обе башни расположен на двух противоположных концах Верхней Урады, одна из них, выходящая на гудекан, имела шесть этажей и была расположена на краю аула на высокой скале с западной стороны, теперь она превращена в двухэтажное жилое помещение, в стенах которого остались следы узких бойниц. Другая башня стояла на восточной стороне поодаль от аула. Она имела четыре этажа, в данный момент сохранились только два этажа. Размер башни у основания внешней стороны – 430 см. х 430 см. В данной момент башня используется в качестве кладовой.



Один из домов – крепостей в Верхней Ураде

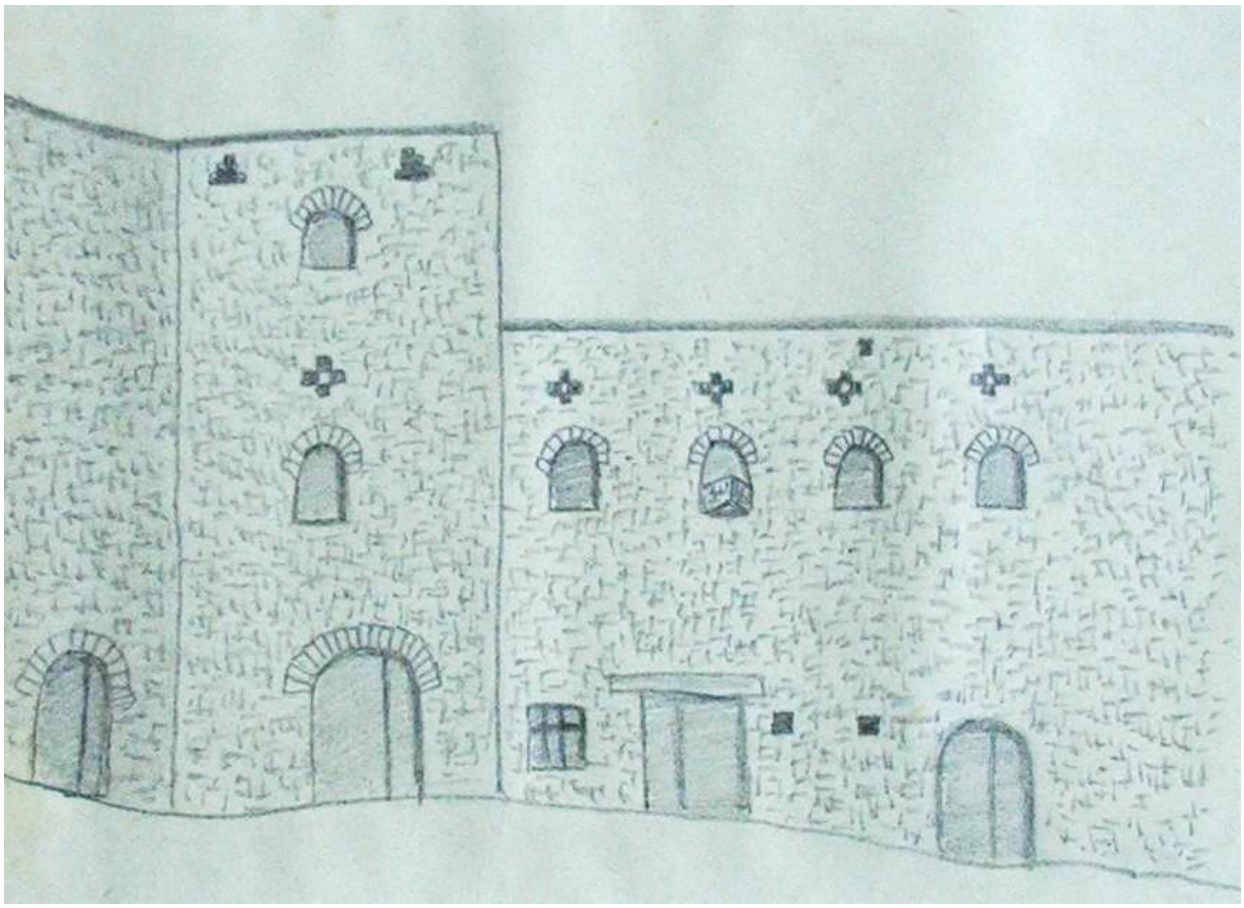
В Верхней Ураде имеется много домов-крепостей 3-х и 4-х этажей. Обычно эти дома расположены по краям аула. Если смотреть на аул с южной стороны (со стороны кладбища), то можно видеть, что крайние дома тесно прижаты друг к другу и образуют сплошную крепостную стену (см. рис. в начале работы). Окна в этих домах пробиты сравнительно недавно, я в некоторых стенах до сих пор сохранились бойницы. Эта стена защищала ту сторону селения, с которой легче всего было подойти к нему.

В Верхней Ураде плотность застройки невероятная. Небольшое число узких кривых улиц проходит под открытым небом, остальные представляют узкие, темные, кривые, грязные, закрытые сверху коридоры, проходящие внутри целого нагромождения зданий. В них с трудом можно ходить днем, не говоря ухе о темноте южных вечеров. Вечером передвижение по таким улицам производится с факелом. Очень часто можно видеть на слабо освещенной стене дома медленно передвигающийся черный, хо-

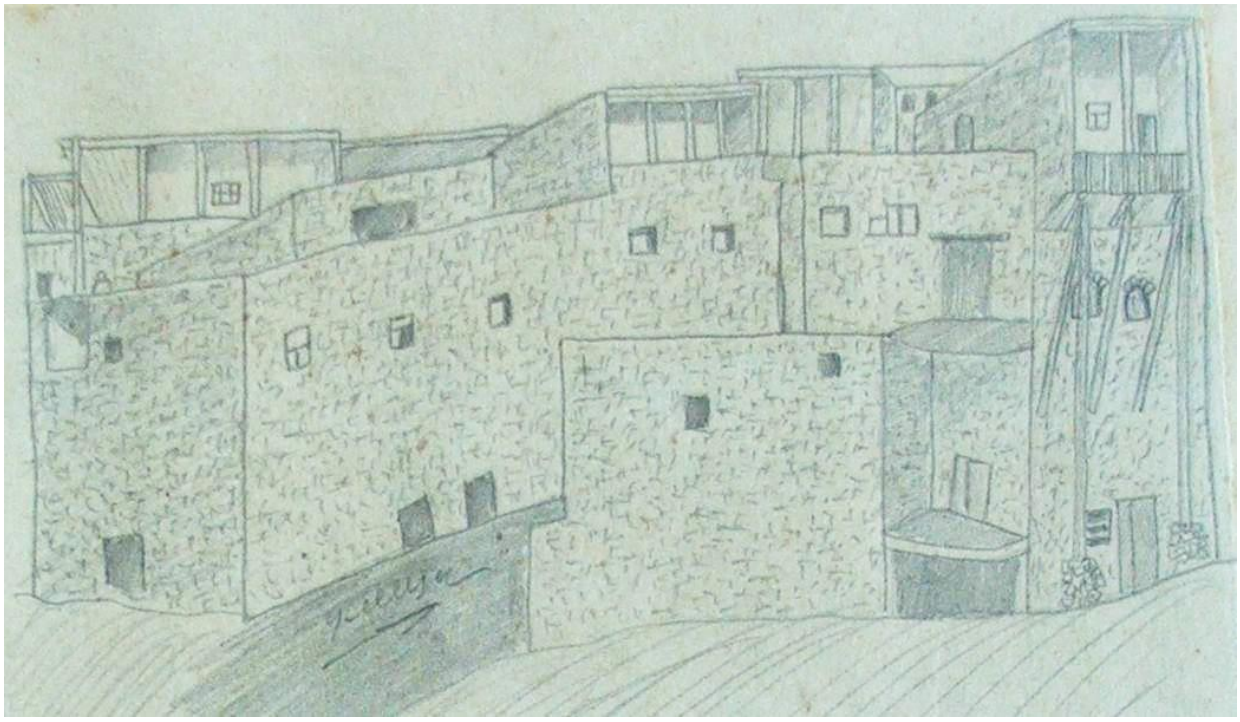
рошо гармонирующий с окружающей темнотой, силуэт женщины в длинном платье с факелом в руках.

Улицы Нижней Урады представляют собой узкие тропинки, вьющиеся по крутому склону горы. Дома Нижней Урады тесно прижаты друг к другу и поднимаются ярусами – один над другим, Очень трудно определить, где кончается один дом и начинается другой. Даже этажи одного дома не расположены друг над другом, а сдвинуты в сторону, часто крыши нижнего этажа или ниже лежащего дома служат двором для верхнего этажа. Иногда одну из стен дома, особенно это касается нижних этажей, заменяет скала или срез в склоне горы.

В Нижней Ураде находится джума-мечеть больших размеров. В эту мечеть по пятницам приходили молиться не только жители Урады, но и соседнего аула Тлях. В ней молились и женщины, находившиеся сзади мужчин. Помещение для женщин отгораживалось особой занавеской. Рядом с мечетью, вернее, у стен мечети находился гудекан Нижней Урады.



Дом-крепость в Верхней Ураде



Вид в Верхней Ураде

В Верхней Ураде была своя отдельная мечеть, которая теперь совсем заброшена.

В настоящее время центр жизни аула переместился в Верхнюю Ураду. Там же находятся и Правление колхоза, и главный гудекан, на котором проводят свои дни мужчины от мала до велика, и водоем, куда приходят за водой женщины со своими луженными кувшинами за спиной (кудари), и изба-читальня, а также ясли, расположенные на границе Нижней и Верхей Урады. Раньше школа находилась на краю аула в Верхней Ураде. Теперь новая школа-семилетка находится между аулами Урада и Тлях, так как ее посещают дети из обоих этих аулов.

Вокруг Урады разбросаны небольшие хутора, которые раньше принадлежали отдельным хозяевам, а теперь всему колхозу. На хуторах зимует скот, а летом там производятся заготовка сена женщинами на зиму для скота, В Ураде имеется пять водяных мельниц: четыре в самой Ураде и одна на хуторе. В Нижней Ураде имеется один кор, которым пользуются все женщины аула.

Тлях

У этого аула загадочное прошлое. Местные предания ничего не говорят об его происхождении. Ни один из сыновей Шамхала

не селился в Тляхе. Сами жители Тляха очень мало знают об истории своего аула. Они только говорят, что в прошлом их аул был очень большой и имел красивые большие ворота, ведшие в селение. Урадинцы же говорят, что Тлях основан выходцами из Урады, поселившимися на его месте, в давно пришедшее время.

Аул расположен на вершине горы на относительно ровном месте. Несмотря на возможность более свободной застройки, дома плотно прижаты друг к другу и не имеют открытых дворов. Улицы очень узкие и кривые, встречаются улицы коридоры, подобные урадинским. В ауле много древних построек, не уступающих по древности некоторым жилищам других аулов Гидатля.

В центре аула имеется гудекан с деревом посредине, обставленный со всех сторон большими камнями для сидения и двумя стульями из камня с наклоненными спинками. Недалеко от гудекана имеется мечеть с высоким красивым минаретом, увенчанным мусульманскими полумесяцем со звездой. Кроме того, была мечеть для женщин.

В ауле было три тухума: ХичибухIал, Гвахичулал, ГорчIулал и пять авалов: Магдидухъ, РогIоридухъ, ГIутихада, Бусрахъ, ГIитIингIобогIа.

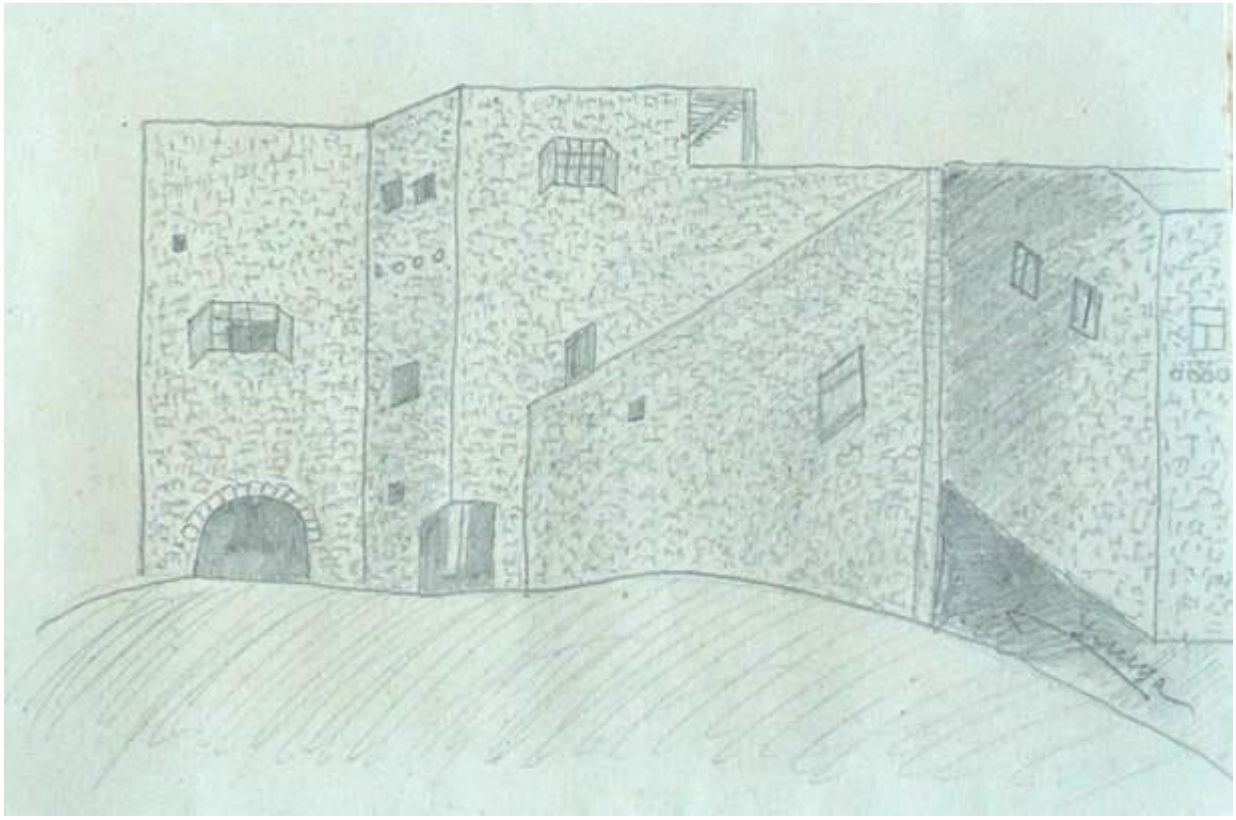
instituteofhistory.ru

На весь аул было только одно кладбище, на котором хоронили все тухумы вместе. По рассказам местных жителей в ауле было три башни, только неизвестно, соответствовали ля они каждому тухуму в отдельности или нет. Из других общественных сооружений в ауле стояли один кор и три мельницы.

Немного выше селения имеется группа построек, очень тесно расположенных, в большинстве случаев двухэтажных, с отсутствием каких-бы то ни было галерей, представляющая собой вымерший аул. Повсюду видны закопченные стены и потолки. Ничего определенного об этих постройках узнать не удалось. Теперь они используются, как хлевы и сеновалы для скота.

За аулом поднимаются большие террасы с прекрасными садами из различных фруктовых деревьев.

В настоящее время аул Тлях объединен в один колхоз с Урадой.



Вид в с. Тлях

Тидиб

Аул расположен на крутом склоне горы, поднимаясь, 8-ю - 10-ю ярусами от середины горы до ее вершины. Улицы и дома ничем не отличаются от улиц и домов Урады и других аулов Гидатля.

В Тидибе сначала было четыре тухума: Артукилал, Хадарилял, Нахатилал (Гарданилал) и Хандилал, затем образовалась еще два тухума: Хасанилал и Хадулал.

Между тухумами Артукилал и Хадарилал все время шла борьба за первенство. Это чувствуемо теперь. Представители тухума Артукилал говорят, что из их тухума образовались два последних тухума (Хасанилал и Хадулал), представители же тухума Хадарилал свидетельствуют обратное.

Первым тухумом вообще считается тот тухум, родоначальник которого поселился самым первым на месте данного селения.

Борьба между тухумами Артукилал и Хадарилал за первенство отразилась на преданиях о происхождения аула Тидиб.

По одной версии получается так, что Хадо приехал из Грузии, чтобы захватить местные земли и стать князем. С ним была

его дружина. Он заставил своих людей копать землю на 15 саженей на месте будущего аула, чтобы достать воду. Когда источник был устроен, он построил крепость, состоящую из 7-ми зданий, соединявшихся подземными ходами. Подземным же ходом крепость была соединена с источником. Окна у зданий сделал высокими, чтобы стрелы не попадали в голову человека. Постройкой крепости он положил начало основанию с. Тидиб. Крепость была построена на вершине горы, на краю крутого ската с обратной стороны селения. Крепость была приспособлена к длительной осаде. Внутри нее находилось все необходимое на случай осады: большие склады продовольствия, мельница, даже манеж. Защитниками крепости, кроме 7-ми сыновей Хадо, являлись 200 человек его дружины. В укрепление, вел только один вход. Рядом с крепостью он построил башню в 12 этажей, а его потомки рядом с первой построили вторую башню, только немного ниже.

Затем рассказывают несколько случаев, подчеркивающих могущество, деспотизм и богатство этого князя. Он и его сыновья безнаказанно уводили девушек из других селений Гидатля и угоняли стада быков. Однажды Хадо устроил пир и пригласил на него 17 князей (откуда были князья неизвестно). Для них он зарезал 17 быков и посадил князей на бычьи головы. Быки жарились целиком. Для этого был разожжен громадный костер. В комнате было так жарко, что лопнул от жары ближайший столб. Два других грузинских основателя тухумов приехали позже. Артук же (сын Шамхала, который посылал своих сыновей в разные места, где они основывали существующие теперь селения Гидатля) приехал позже, когда Тидиб уже существовал. Он поселился в ауле и основал свой тухум.

Другая версия изображает историю аула совсем иначе. Первым на месте будущего аула поселился Артук, сын Шамхала и основал свой тухум - Артукилал. Потом из Грузии приехал Хадо с двумястами человек, истребил почти весь тухум Артукилал (осталось только четыре человека) и захватил крепость и башню, построенные артукилал и сделал свой тухум первым.

Третья версия считает Хадо выходцем из шухби (так называют потомков Шамхала), появившимся в Тидибе после Артука.

Вернее всего, вторая версия, потому между Гидатлем и Грузией беспрерывно происходили сношения, мирные или враждебные, и среди гидатлинцев, в противоположность хунзахцам, в антропологическом типе сильно заметна грузинская примесь.

От крепости остались одни развалины и длинный коридор с входом в виде высокой арки, которой местные жители называют манежем. В этот коридор открываются двери соседних помещений, используемых теперь в качестве хлевов.

От более древней башни осталось четыре этажа. Верхний этаж превращен в жилое помещение. У основания сторона башни имеет ширину в 5 метров, толщина стены у этой башни равна 86 см.

Вторая башня находится почти рядом с первой. От нее осталось пять этажей. Первый, второе и третий этажи не сообщаются между собой. Вход в третий этаж находится над входом во второй, а в первый этаж можно попасть только с обратной стороны башни. Вплотную к башне пристроен дом, пожалуй, одно из самых старинных жилищ в Тидибе. Во второй и третий этажи можно попасть только изнутри дома по приставной лестнице. Третий, четвертый, пятый и следующие этажи сообщаются между собой через люки также по приставной лестнице. Перекрытия в башне деревянные, стены внутри не обмазаны.

В ауле одна мечеть (сначала она была в одном месте, а потом в другом) и одна кор, устроенная в отдельной одноэтажной сакле. В прошлом в селении было четыре гудекана, а теперь один, кладбищ было три, на которых хоронили все тухумы вместе. В настоящее время в ауле имеется гидроэлектростанция, дающая свет всему селению и школа семилетка.

Хотода

Аул расположен по склону горы напротив Урады, лицом на юг. Дома поднимаются ярусом друг над другом, лепясь вверх по склону горы до ее вершины.

Большинство улиц проходит под зданиями. Для освещения таких улиц в стенах, выходящих наружу, проделаны проемы в виде арок. Внизу, у подножья горы раскинулись террасовые сады, самые лучшие из всех аулов Гидатля.

Небольшим ручьем аул делится на две части: восточную (большую) и западную.

В Хотоде было три тухума: Ханталал-мачилал, из того тухума, происходил легендарный аварский герой Хочбар; Мугурилал, Аксалилал-одураталил.

Каждому тухуму соответствовал определенный авал. Названия авалов следующие: ТIадраха – шандах, Аксараха – пахьуч, Рихиндаб – бохдакь.

Раньше каждому авалу соответствовала одна мечеть. Всего, таким образом, было три мечети, одна из них считалась главной. В каждом авале был свой гудекан, теперь имеется один общий гудекан.

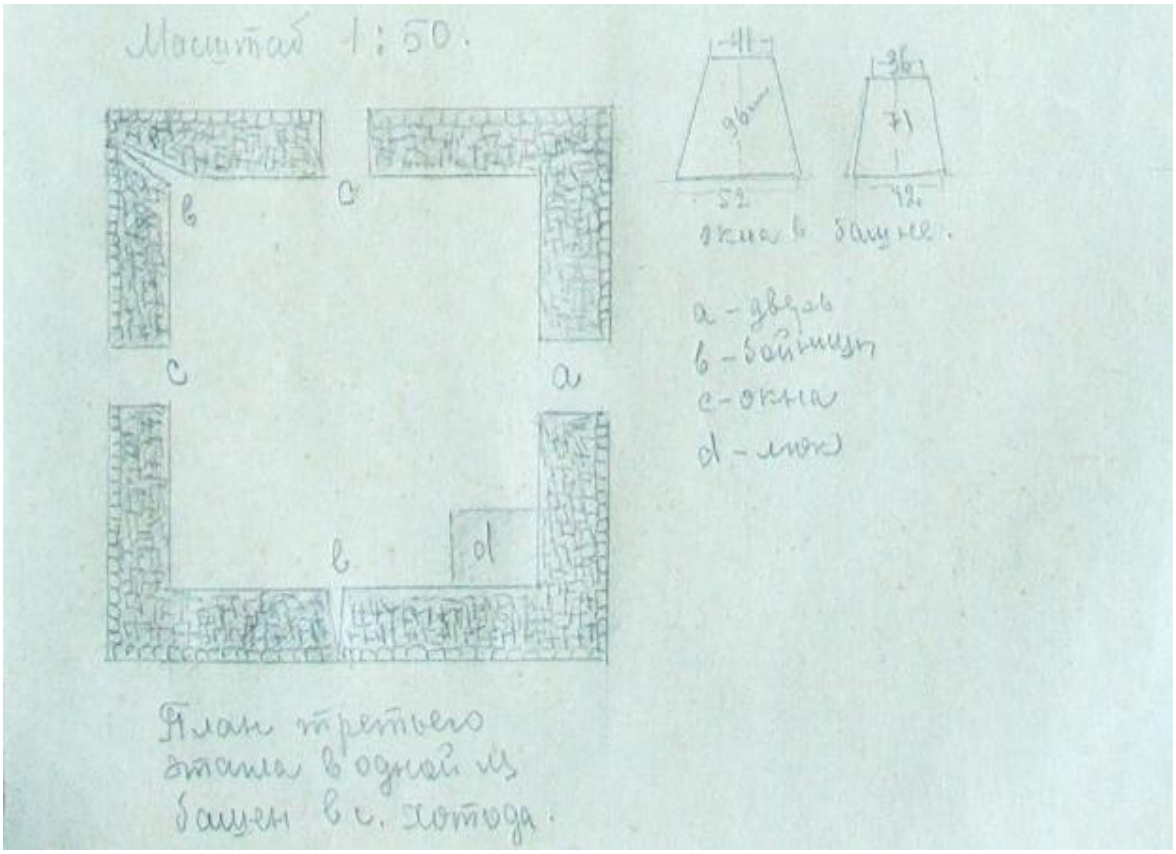
На восток от аула узкой полосой среди террасовых садов тянется кладбище, на котором хоронили все тухумы вместе. Немного выше расположено старинное кладбище; некоторые из местных жителей относят его к христианскому времени. На этом кладбище остались только следы от памятников, и совсем нет ни одного дерева.

Раньше в ауле было три общих кора. Теперь остались только два.

В селении в прошлом имелось шесть или семь башен, точно определить не удалось. Обнаружены остатки только трех башен. Две из башен расположены на очень близком расстоянии друг от друга на краю аула, на вершине горы и обращены на север, в противоположную сторону от аула, туда же, куда обращены башни аула Тидиб.

От одной из этих башен сохранилось пять этажей. Перекрытие существует только между первым и вторым этажами. Первый и второй этажи между собой не сообщаются. Входы в них находятся на диаметрально противоположных сторонах башня. Вход в нижний этаж тщательно заделан камнем. Дверь в третий этаж башни находится над дверью во второй. Сообщались ли второй и третий этажи между собой или нет, сказать трудно, так как не сохранилось перекрытия между вторым и третьим этажами. Следовательно, неизвестно, был люк в перекрытии или его не было совсем. Перед входом во второй этаж, вероятно, раньше существовало здание. Теперь от него остались ничего не говорящие

развалины, через которые пришлось с трудом перебираться, чтобы попасть в дверь второго этажа башни. Размер двери во втором этаже равен 64х104 см. Двери, как и обычно в аварских постройках, двухстворчатые. Площадь помещения во втором этаже равна 174х217 см., высота от пола 241 см. Толщину стен не удалось измерить. В стенах видны две небольшие ниши и одна бойница.



План третьего этажа в одной из башен в с. Хотода

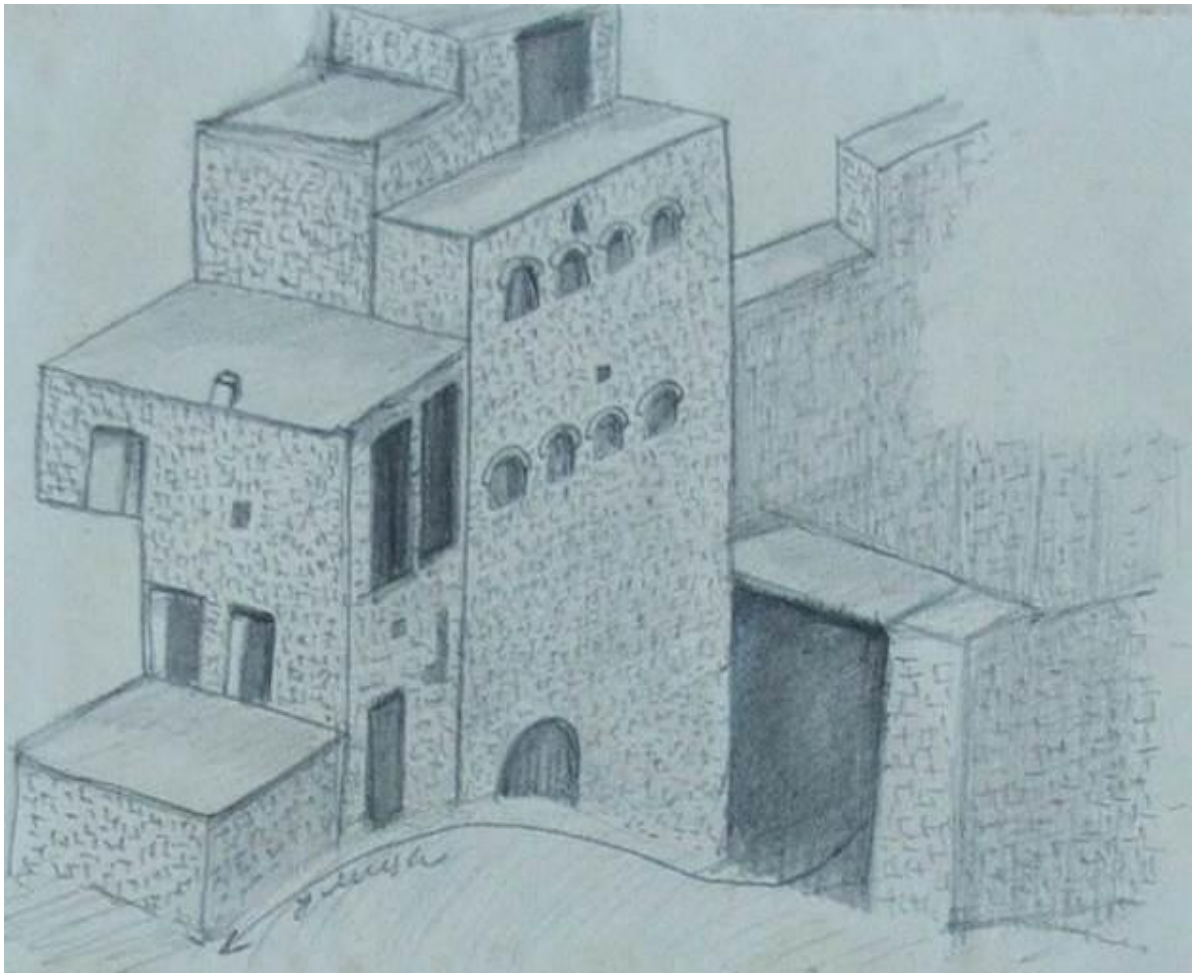
От второй башни, расположенной рядом, сохранилось полтора этажа. Обе башни построены на естественном фундаменте, на выступах скалы, которые увеличивают значительно их высоту, так что в первый этаж не попадешь без приставной лестницы.

Третья башня находятся на противоположной стороне по отношению к двум первым, на южном склоне горы. Ширина стены у основания башни с внешней стороны равна 376 см. От башни сохранилось четыре этажа. Со стороны входа во второй этаж имеется жилой дом и прежде чем попасть в башню, нужно подняться на второй этаж дома я пройти через все помещения ц стене башня. Второй я третий этажи соединяются между собой через люк. Кроме того, в стене третьего этажа имеется дверь,

расположенная над дверью во второй этаж. Площадь в третьем этаже равна 221 х 236 см., высота около 3-х метров. На третьем этаже имеется два окна в смежных стенах. Размеры окон (см. на плане) и размер двери равен 63 х 92 см.

Над дверью имеется бойница, кроме того, еще две бойницы находятся в других стенах, В стенах башни в третьем этаже сделаны две ниши. Толщина стен третьего этажа равняется 40 см.

Кроме башен в ауле имеются дома – крепости 3-х и 4-х этажей, как и в других селениях Гидатля. Из культурных учреждений в ауле – имеется школа-семилетка.



Группа построек в с. Хотода. В центре виден 3-хэтажный дом-крепость.

Гента

Хозяйств 177. Жителей 610 чел. Селение расположено выше всех аулов Гидатля по северному склону горы, не доходя до вершины.

Дома в беспорядке лепятся друг над другом. Аул почти все время Находятся в тени и имеет очень сумрачный вид.

Ущелье, по дну которого течет с гор, образуя водопад небольшой ручей, образовавшееся сравнительно недавно, как говорят местные жители, около сотни лет тому назад, делит аул на две части – восточную (большую) и западную

Внизу на берегу ручья устроены две мельницы. Вода отведена по желобу от ручья.

В восточной части аула расположены жилые постройки, в западной – скотные дворы, имеющие вид двухэтажных сакель с плоской крышей. В нижнем этаже этих сакель помещается скот, в верхний складывается сено. Верхний этаж, обычно, не имеет стены с улицы, вместо нее крышу поддерживают один, два столба, Таким образом, сено всегда видно с улицы. На западной стороне аула имеются четыре кладбища, на которых хоронили все тухумы вместе. Всего в Генте было четыре тухума: ХачибукIал, Матулал, ГъандибукIал, Нахатилал. Первые три тухума появилась позже, четвертый же был местный, Нахатилал прежде были христианами.

instituteofhistory.ru

В ауле имелись две башни. Одна находится на месте правления колхоза, от нее остался один этаж. Другая башня расположена на краю аула над ущельем. Она, как сообщают местные жители, имела 12 этажей. С такой высоты были очень хорошо видны окрестности. От этой башни осталось 4 этажа. Осмотреть ее не пришлось, так как проникнуть в нее можно было только через соседний дом, хозяева которого с раннего утра до темноты работали в поле. Во время уразы (поста) днем все жители аула стараются уйти из селения в поле, чтобы не так сильно страдать от голода и жажды. Вечером, учитывая темноту южных ночей, осмотр башен производить невозможно.

В ауле имеется три авала: Ахадесел, Кьосаби, Пачагьолода и два гудекана: летний и зимний, оба под открытым небом. Из общественных сооружений имелись одна мечеть и один кор.

Мачада

Аул расположен на плоском месте на вершине горы. Кругом аула расстилаются зеленые луга и богатые поля, что очень редко можно видеть в других аварских селениях. Положение аула на ровном месте дает возможность более свободному расположению

зданий и наличию более широких улиц по сравнению с другими аулами Гидатля. Аул возник в результате переселения жителей, существовавшего ранее, аула Хочода или Чолода, по другой версии, на место теперешней Мачады. От Хочада остались одни развалины. Там показывают могилу Одурата, распространителя мусульманства в Гидатле.

В селении было четыре тухума: Кантарилял, Хундерилал, ГIемерилал, Чаткинал. Последний тухум был наименее почетным. Число башен равнялось 7-ми или 8-ми, точно определять не удалось. Кроме того, имеются один, гудекан, одна мечеть с высоким минаретом, в которой теперь устроили школу, один кор (раньше было два), два кладбища, на которых хоронят все тухумы вместе.

Глава VI

Естественным материалом, из которого можно строить жилище в голых, скалистых горах Дагестана, является камень. Добыча камня в прошлом производилась при помощи тяжелого молота; теперь это делается посредством взрывчатых веществ. Кроме этого используется камень, имеющийся в большом количестве на берегах рек, а также камень из старых развалившихся построек. Раньше в постройке дома участвовало все население аула. Некоторые даже давали бесплатно свой материал. Сейчас такой обычай сохранился только в некоторых аулах, в частности, в аулах Гидатля.

Женщины на ишаках, а также на собственной спине доставляют камень к месту постройки. Мужчины возят камень только на арбах, если это возможно.

Гидатлинцы получают дерево, необходимое при постройке домр из аула Ругельда Кахибского района. Сначала лес сплавляют по Авар-ору до Гидатлинекого моста, а потом доставляют в аулы на арбах.

Хунзахцы получают лес из аула Кахиб Кахибского района, куда он попадает по Авар-ору из лесистой местности, расположенной в верховьях этой реки. Женщины, таскающие камня, получают за доставку камня только угощение, а мужчины угощение и деньги. Никаких обрядов, связанных с постройкой дома не имеется.

После доставки камня, его в некоторых случаях подвергают обработке, обтесывают его обычно с одной стороны, которая должна выходить на улицу и слегка равняют другие стороны. Это делают особые каменотесы при помощи простых орудий: зубила и молотка. В Хунзахском районе и в Гидатле я не видела ни одного дома, который был бы сложен из камней правильной формы, как это можно видеть на примере домов-дворцов в ауле Чох Гунибского района.

В Гидатле все башни, дома крепости и другие жилые постройки сложены из камня, обработанного с одной стороны, поэтому стены с внешней стороны имеют относительно ровную поверхность.

Теперь дома строят из необработанного, неправильной формы, как говорят, рваного камня в виде небольших осколков и маленьких глыб.

Большинство гидатлинских домов и некоторые хунзахские построены на естественном фундаменте, т.е. на природном камне по склонам гор. Иногда же возводятся искусственные фундаменты высотою до 1 метра со сравнительно небольшой глубиной. При постройке домов в селениях, расположенных на крутом склоне горы, приходится или углубляться в поверхность горы, - тогда одна, две или три стены нижнего этажа, иногда, но очень редко, и верхнего представляют собой срез в склоне горы, выложенный камнем, - или выравнивать площадку для основания дома при помощи каменной кладки, при этом с внешней стороны стены дока кажутся различной высоты.

Кладка стен производят 3 – 4 специальных мастера, которые получают за свою работу деньги и угощение. Для исследованных районов мастера большею частью местные.

В качестве цемента служит раствор местной почвы. В старых преданиях существует рассказ, что в качестве цементирующего вещества раньше служил раствор ржаной муки, а в некоторых случаях муки, замешанной на крови пленных, казненных для этого случая. На сухой кладке иногда строят заборы и еще какие-нибудь подсобные сооружения**.**

В среднем на постройку стен первого этажа требуется около 2-х недель, В стенах гидатлинских домов часто можно видеть

между камней горизонтально положенные бревна или куски дерева, которые чаще всего встречаются в стенах старинных домов. Местные жителя объясняют положение бревен в стенах между камнями стремлением увеличить прочность стен. Обычно такое сочетание камня с деревом производятся в местах, где бывают землетрясения.

Иногда верхний этаж дона отроятся на несколько лет позже нижнего. Перекрытие между первым и вторым этажами устраивается следующий образом: на верхние концы стен первого этажа кладется несколько бревен, играющих роль балок, на которые накладывается слой тонких бревен или жердей, сверх них укладывается слой хвороста, на который, в свою очередь, насыпается земля со щебнем и глиной. Иногда кладутся доски, в зависимости от того, какой пол будет в доме – земляной или деревянный. Затем начинают строить стены второго этажа, оставляя отверстия для окон, которые вверху имеют вид маленьких арочек, и проемы для дверей, очень часто также в виде арок. Последнее относится к гидатлинским домам, хунзахских домах все проемы имеют прямоугольную форму. Под потолком в стене в старых домах оставляли отверстие для выхода дыма. Как только закончат возведение стен, начинают строить потолок. Сверху на стены кладут одну, две идя три основных балки, которые имеют вид массивных брусьев или толстых, слегка отесанных, круглых бревен. Все балки в доме кладутся на ребро, это прядает большую прочность перекрытию. На балки во многих гидатлинских домах кладутся вплотную широкие доски, образующие потолок. Иногда, на основные балки поперек кладутся второстепенные балки, более тонкие, также на ребро, затем уже кладутся доски или жерди (поперек балок), на которые накладывается хворост. Очень часто концы бревен перекрытия я балок выступают наружу.

Их можно пересчитать с улицы. Затем на доски или хворост накладывается слой соломы или сена, на который сверху насыпается земля и глина, потом это все тщательно укатывается при помощи специального каменного катка цилиндрической формы, имеющегося почти на каждой крыше со сквозным отверстием. Прокатывание крыши полагается производить после каждого дождя, чтобы она не промокала. При этом в отверстие

катка вставляется деревянная трапециевидная рама, за которую берутся две женщины и катают каток взад и вперед по крыше, некоторое время по одному месту, затем по-другому.

На крыше оставляют отверстие для маленьких труб, в зависимости от количества каминов в доме. В некоторых гидатлинских дамах устроены ёрдики – отверстия в крыше для выхода дыма. Для быстрого стока воды с крыши, к краям последней приделываются короткие железные трубы или деревянные желоба.

В аулах Гидатля при насыпке крыши собирается все население аула, которое таскает землю для крыши и помогает ее укатывать. При этом все участники приносят с собой различные продукты (масло, сыр, муку). Выделяются 3-4 женщины для приготовления угощения. Часть продуктов дает хозяин дома. Как только крыша закончена, устраивается угощение и общие танцы в связи с окончанием постройки дока. Танцуют больше всего карш - общий танец мужчин и женщин. В дореволюционное время, если бедный горец не мог сделать угощение и устроить танцы, то бегаул, местное должностное лицо, собирал у себя мастеров и делал им угощение.

Все свадебные обряды, связанные с танцами и угощением, как и вообще все общественные собрания в ауле, производятся на какой-нибудь большой крыше, так как в ауле совсем нет достаточно ровного места для подобных собраний.

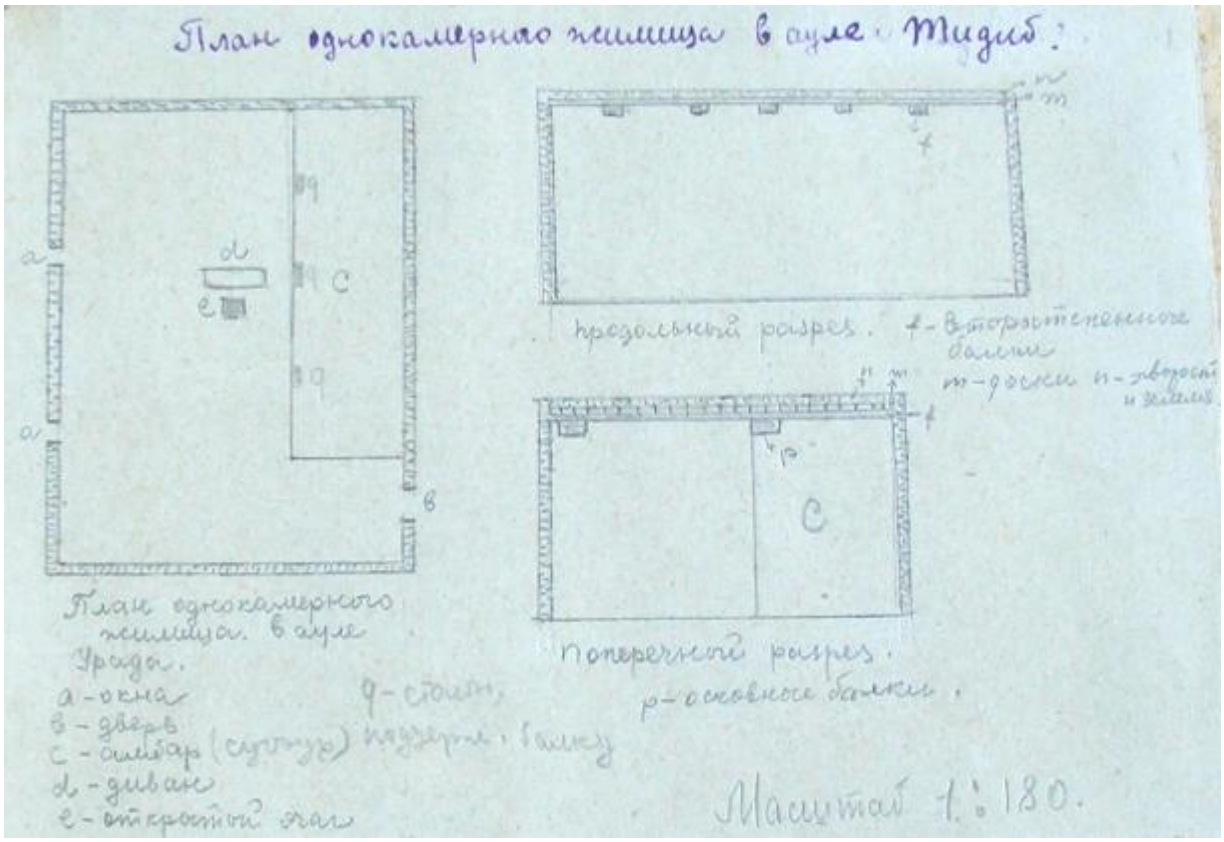
Деревянные части дома: двери, ставни в окнах, рамы, балки, столба делают особые мастера. В Хунзахский район эти вещи привозились в готовом виде из селения Заиб, ближайшего к Хунзаху аула, расположенного на Авар-оре куда лес сплавляется по реке,

Двери у всех аварских домов двустворчатые, в гидатлинских домах одна створка обычно меньше другой. Ставни бывают одностворчатые или двустворчатые. Особенно массивными и красивыми делает столбы внутри помещения. Стены домов изнутри, как правило, смазываются слоем глины, иногда белятся. В некоторых старинных гидатлинских домах стены, даже изнутри, не смазаны глиной и представляет собой голые, сильно закопченные камни. Толщина стен колеблется от 40 до 50-ти см. Аварские до-

ма рушатся сразу, т.е. одновременно проваливаются все перекрытия.

Глава VII

Самое простое по планировке жилище мы видим в аулах Гидатля. Оно представляет собой двухэтажное, иногда 3-х и 4-х этажное здание. В нижнем этаже, как правило, помещается скот, во втором и следующих этажах имеется по одной большой жилой комнате. В прошлом, как сообщают местные жители, эти комнаты были огромных размеров, до 100 метров и больше, но теперь больших комнат почти не сохранилось. Такие дома или разрушились или превратились посредством различных перегородок из однокамерных жилищ в многокамерные. Наличие такого большого помещения можно объяснить достаточной зажиточностью отдельных семей, а также наличием большой семьи, существования которой в прошлом не отрицают местные жители, Однокамерные жилища обнаружены во всех аулах Гидатля.



План однокамерного жилища в с. Тидиб

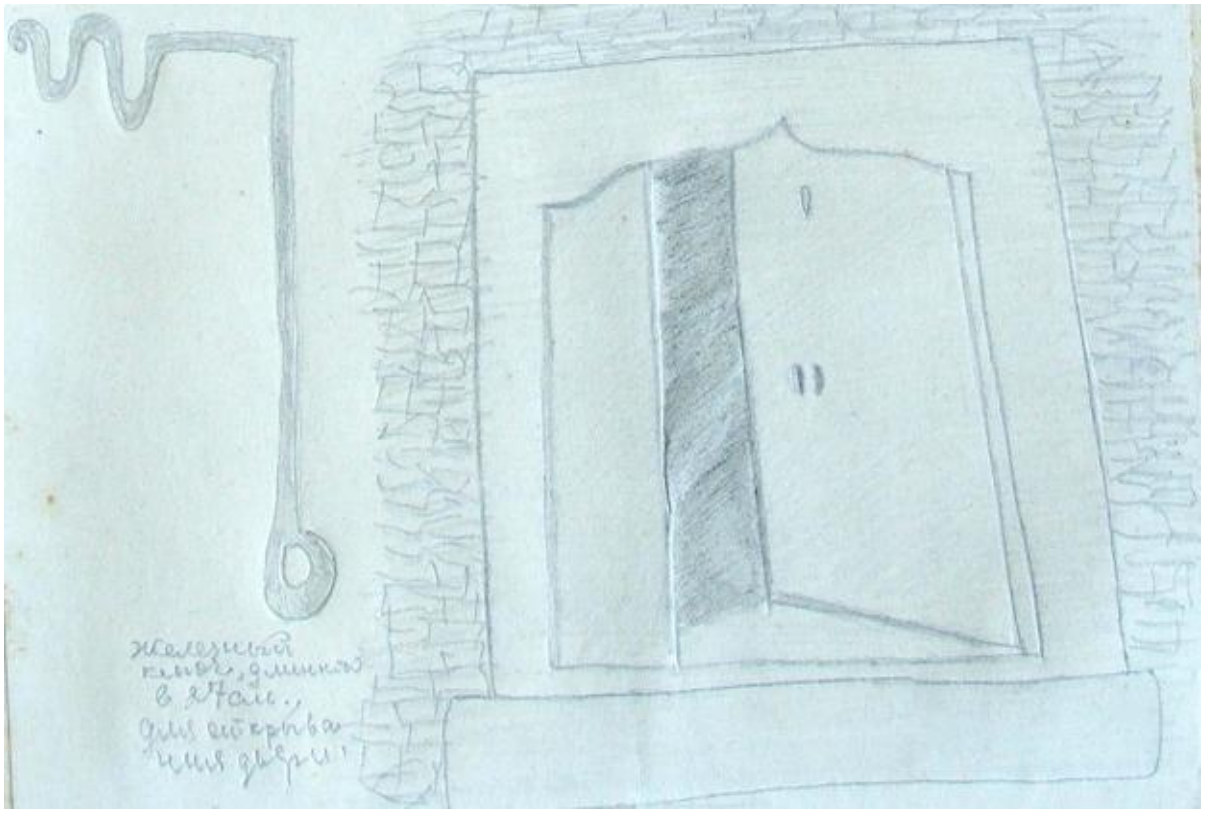
В большинстве сохранившихся подобных жилищ площадь колеблется от 30 до 50 м. и более. Этот тип жилища очень устойчив и в прошлом был единственным, по крайней мере, для аулов Гидатля. За древность и устойчивость в прошлом этого жилища говорит внешний вид и внутренняя обстановка, которые удивительно сходы у всех осмотренных жилищ во всех 6-ти аулах Гидатля.

С внешней стороны эти жилища отличаются тщательностью кладки и подбором камней, чего не наблюдается у современных жилищ. Двери очень маленьких размеров, в одном доме в высоту дверь имеет 1 метр, в ширину - 60 см. При входе в такую дверь приходится очень низко нагибаться, забывший нагнуться, получает изрядный синяк на лбу. Створки двери сделаны из целых кусков дерева. Доски в прошлом не распиливались, а откалывались от целого ствола дерева, путем вбивания клиньев. Техника распиливания была неизвестна; все деревянные части дома делались путем скалывания. Одна из створок двери больше другой, так как обычно открывается только одна половина двери, другая же неподвижно закрепляется изнутри. Дверь вращается в дверной раме безо всякой помощи железных петлей и гвоздей, ка пятах, т.е. каждая створка двери сверху и снизу на одной стороне, имеет два выступа в виде колышков, которые вставляются в ямке верней и нижней частей дверной рамы, и таким образом двери вращаются в своих гнездах. Вместо железных ручек к дверям прибиваются деревянные или в двери делаются рядом две выемки, между которыми образуется нечто вроде ручки. Это часто встречается в гидатлинских домах, так как двери бывают достаточно толстыми и дают возможность делать такие выемки. Кроме того, часто встречаются и с ручки железные кольца местного производства вроде хунзахских. В одной из створок дверей наверху имеется круглое небольшое отверстие, в которое вставляется своеобразный металлический ключ для открывания дверей, которые запираются изнутри специальными деревянными задвижками.

institute of history.ru

Окна делаются высоко от пола. Они снаружи имеют форму маленьких арочек, верх которых делается часто ив отдельных камней, но иногда и из одного целого камня или из двух камней.

Изнутри окна имеют четырехугольную форму, иногда суженную кверху. Окна закрываются ставнями (часто двустворчатыми) внутри дома. В ставнях в некоторых случаях можно видеть круглое отверстие для выхода дыма зимой, когда окна бывают обычно закрытыми. В некоторых случаях оконные проемы изнутри заделываются досками, в которых оставлены своеобразные двойные вырезы, загораживаемые ставнями также изнутри.

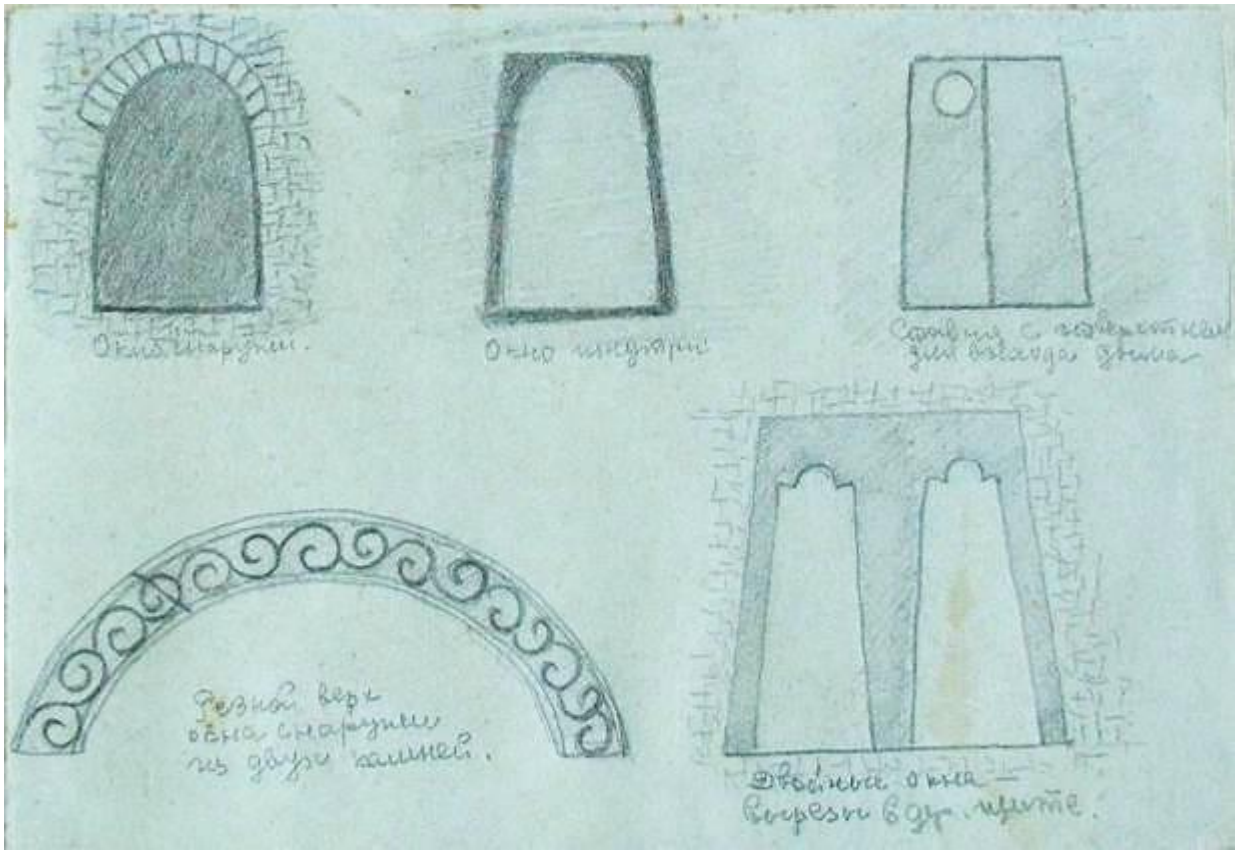


Дверь в одном из домов в с. Урада

Стекол в окнах не бывает, поэтому окна выглядят зияющими черными отверстиями. Кроме окон бывают бойницы и машикули, о которых упоминалось выше.

Весь внешний облик такого дома говорит о стремления его хозяев сделать свое жилище наименее уязвимым со стороны. Часто в старинных домах окна совсем отсутствуют, свет проникает в комнаты через отверстия под потолком для выхода дыма и через открытую дверь. Внутренняя обстановка в закон жилище чрезвычайно однообразна. Внутри помещение довольно высокое, от 2-х до 4-х метров высоты. Стены в одних домах изнутри обмазаны глиной, в других этого не наблюдается. Обмазанные и не

обмазанные стены имеют одинаковый вид. Они покрыты толстым слоем копоти и блестят, как отполированные.



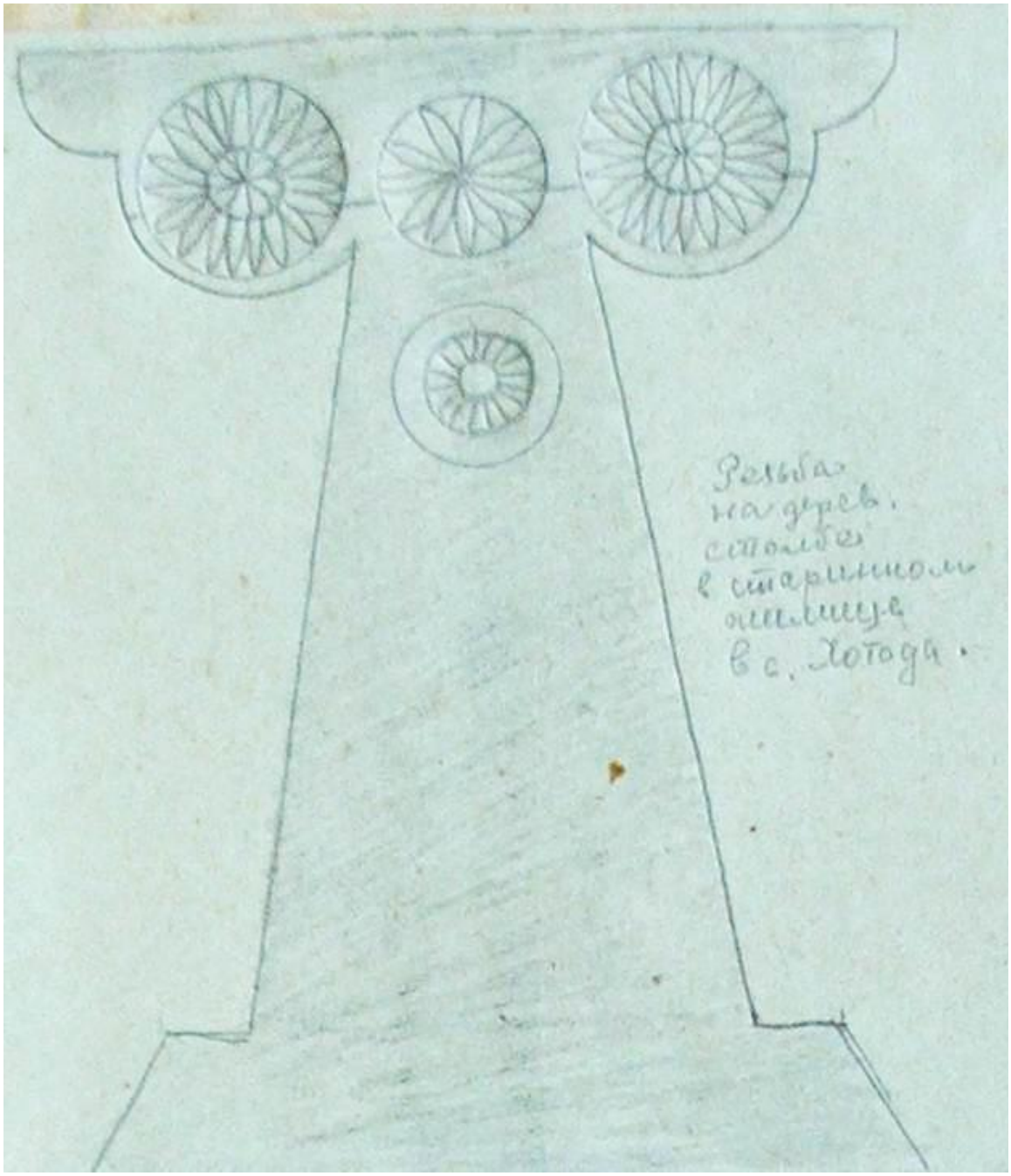
Типы окон в гидатлинских домах

Вдоль потолка проходят две массивные продольные балки: одна около самой стены над окнами, другая по фасаду «сугьура» (амбара), см. ниже. Иногда между ними в больших комнатах можно видеть третью такую же балку, идущую параллельно двум первым. На балке поперек наложены сплошь широкие толстые доски или поперечные брусья, на которые накладываются слон досок в продольном направлении. Балку, к которой пристраивают «сугъур» поддерживают несколько деревянных столбов (4-5), среди которых бывают резные. В большом помещении столбы поддерживают также балку, проходящую над окнами. Кроме деревянных столбов, в некоторых домах встречаются и каменные, но редко.

Внутри, чуть ли не третью часть комнаты занимает «цагъур» (своеобразный амбар), расположенный справа или слева от входа вдоль стены напротив окон. Делается он следующим образом: все пространство между столбами, поддерживающими,

балку, заделывается заподлицо досками сверху донизу. Задней стеной «цагъура» служит стена дома. Резьба на столбах является как-бы украшением «цагъура».

Между столбами устраиваются двустворчатые дверцы, в которые свободно может прясть человек. Внутри между этой загородкой и стеной устраивается помещений для «хранения различных продуктов, главным обрезок муки и зерна. Кроме того внутри цагъура оставляются пустые места, куда складываются дрова, бочки и другие вещи.



Резной столб в стене цагъура

На стене цагъура развешивается домашняя утварь и посуда. В тарелках делаются отверстия, куда вставляются веревочки для подвешивания на гвоздики. Внизу у подножья цагъура устраивается нечто вроде деревянной ступени вдоль всей стены цагъура, на которую ставятся котлы и другая посуда.

Напротив главного столба в цагъуре, посреди комнаты устраивается открытый очаг в виде площадки на полу, обложенной досками. Внутри низ очага выложен камнями, Размеры очагов колеблются, в среднем, от 50 х 50 см. до 70 х 70 см.

В некоторых домах ни потолке устраивается отверстие ёрдик для выхода дыма. Ёрдик сделан не непосредственно над очагом, а немного в стороне, чтобы во время дождей вода не попадала в очаг. Кроме того, для выхода дыма устраивается вышеупомянутое отверстие в стене под потолком и в ставнях окон. Над очагом в прошлом свисала цепь, ка которую подвешивали котел. Теперь такие цепи почти не встречаются, их заменили всевозможные железные таганы.

Перед очагом перпендикулярно к стене цагъура стоит деревянный диван очень устойчивой формы, характерней для всех аварских домов. Место около очага является почетным и предназначается для гостей. Кроме дивана в доме имеются несколько трехногих низеньких табуреток местного производства, Наряду с этим, встречаются лари для муки – «гъамас», напоминающие по форме сундуки, но внутри имеющие несколько отделений. Гамас делается из дерева с крышкой наверху и с 4-мя маленькими ножками. Три стороны гамаса богато украшаются резьбой, иногда раскрашиваются различными красками. В гамасе хранят зерно и муку. Другой мебели в таких жилищах не встречается. Почти во всех посещенных домах в каком-нибудь углу имеется ткацкий стан для тканья «турутов» - полосатых циновок из шерсти. Наряду с глиняным, хорошо утрамбованным полом встречаются деревянные, причем доски пола иногда идут то вдоль, то поперек в правильном чередовании. Часто под основным однокамерным залом имеется подвальная камера, совсем темная, предназначенная для хранения продуктов, Там бывают глиняные кувшины, врытые до горла в землю, теперь употребляемые для хранения овощей; в домусульманское время они служили для хранения вина.

Столбы в некоторых домах бывают шириной до 70 см. Они плоские, толщина их доходит до 26 - 30 см. Следует отметить, что бывают случаи, когда стены дома рушатся, а деревянные каркасы остаются.

Старинные однокамерные жилища Гидатля поражают своей массивностью и прочностью. Деревянные части дома – балки, доски, а особенно столбы бывают толстыми и широкими. К потолку в некоторых домах привешиваются длинные жерди, к которым подвешивают бычьи и бараньи туши для копчения и сушки. В общем, жилище имеет очень мрачный и неуютный вид.

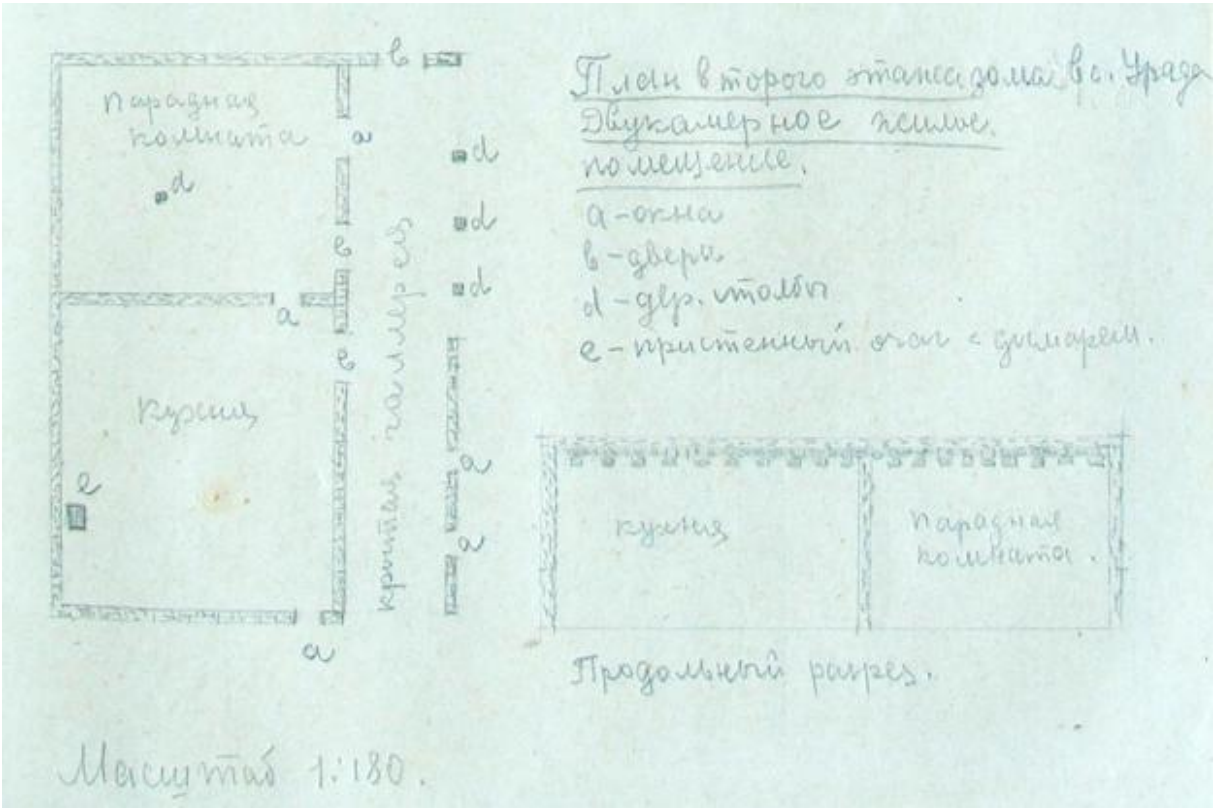
От вековой копоти все в доме стало черным и блестящим. С потолка свисают целые нити копоти, которые летают при малейшем дуновении ветра. При горении очага комната наполняется дымом, который невероятно щиплет глаза и заставляет задыхаться непривычного человека. Это жилище не имеет никаких террас и лестниц снаружи.

Старинные жилища украшались богатой резьбой по дереву. Вырезались узоры на дверной раме, на всей деревянной мебели: гамасе, диване, табуретках, ткацком станке. Особенно с большой любовью украшались до сих пор столбы в комнате. Орнамент довольно однообразный: в основе лежит круг, внутри которого вырезаны лучи, расходящиеся от центра во все стороны. В литературе такой мотив резьбы называется солярным.

instituteofhistory.ru

Однокамерное жилище отживает свое время, на его место приходит двухкамерное. Оно раньше всего появилось у зажиточных семей, у бедняков же до сих пор бытует старый прадедовский однокамерный дом. Выделение второй комнаты было вызвано стремлением сделать помещение более удобным для приема гостей, а также для хранения отдельных европейских вещей, которые стали появляться у аварцев от их соседей, менее замкнутых в своих горах и связанных с плоскостью.

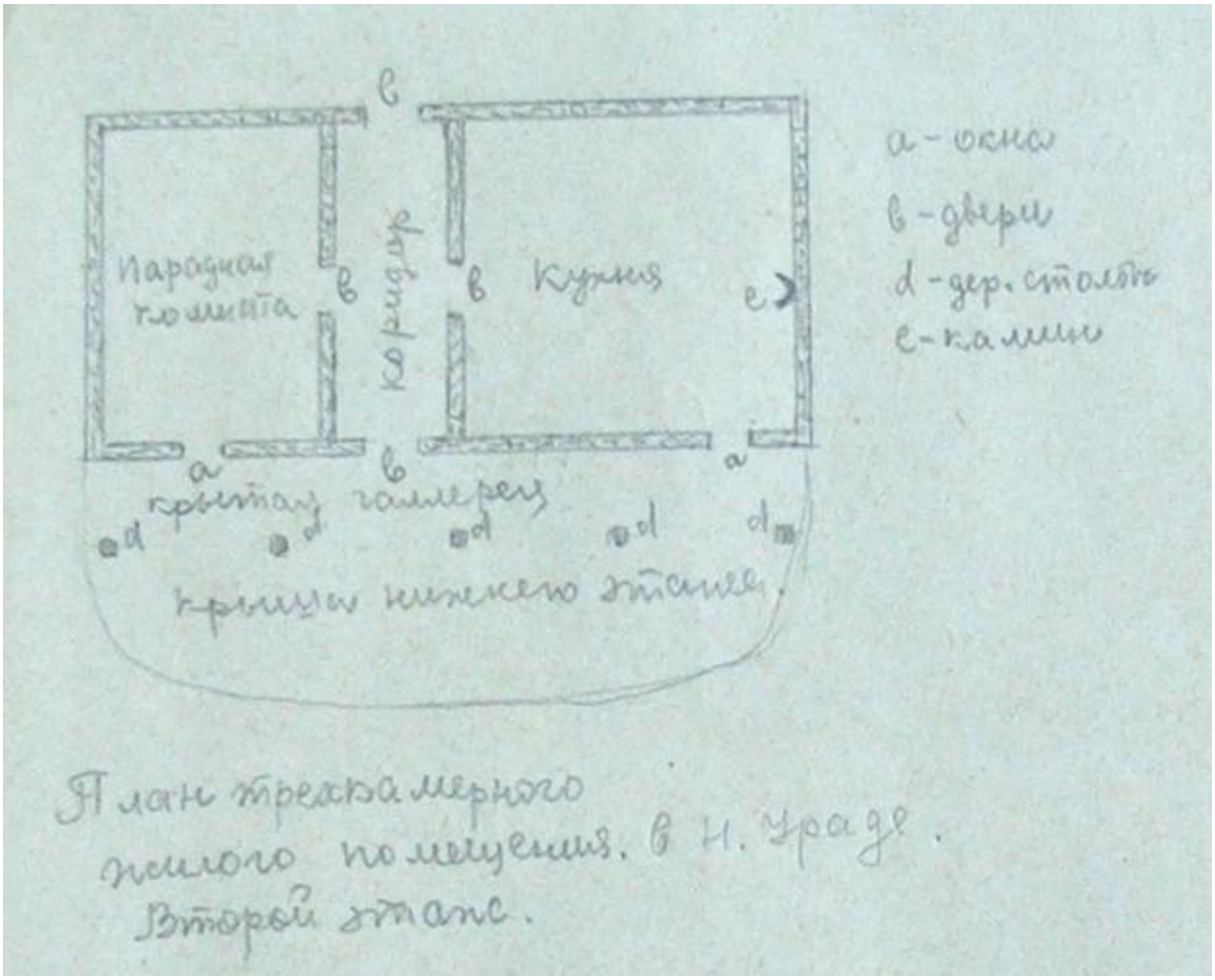
Выделение второй комнаты можно проследить на гидатлинских домах. Эта комната получается путем деления первоначального жилища ка две части, или чаще путем пристройки особого помещения рядом с первым. Обе комнаты имеют отдельные входы. Но связь между ними сразу не уничтожается, а сохраняется посредством окна – двери со ставнями посреди смежной стены.



План второго этажа дома в с. Ураде
Двухкамерное жилое помещение.
a – окна
b – двери
d – дер. столбы
e – пристенный очаг с дымоходом.

Продольный разрез.

Масштаб 1:180.



План трехкамерного жилого помещения в н. Ураде.
Второй этаж.

В старой комнате, которая теперь является кухней, сохраняется вся старинная мебель; характерная для аварцев в прошлом, и ничего не имеется нового. Парадная комната обставляется по-европейски. В ней имеются кровать, стол, стулья. Угощение для гостя подается их кухня через окошко в смежной стене. Парадная комната по чистоте представляет полную противоположность кухне.

Шаг вперед имеете с жилищем, делает и способ отопления. Вместо открытого очага появляется пристенный очаг с дымарем, сплетенным из прутьев и обмазанным глиной, Дымарь свисает над очагом на расстоянии одного метра. Но чаще всего встречаются камины, которые характерны для всех аварцев в целом.

В гидатлинских аулах чаще всего встречаются двухкамерные жилища.

Новые дома в Гидатле уже совсем другого типа. Необходимой принадлежностью нового двухэтажного дома в Гидатле является крытая галерея во втором этаже, на которую выходят двери комнат второго этажа. Крышу над галерей поддерживают деревянные столбы, доставленные на край стены первого этажа.

В некоторых домах Гидатля между двумя комнатами – кухней и парадной встречается коридор, Так как большинство домов лепятся по склону горы, то, чтобы попасть во второй этаж, совсем не нужно никаких лестниц, поэтому дверь с улицы ведет в коридор**,** в который открываются двери двух противоположных комнат. Сам коридор заканчивается выходом на галерею, расположенную на крыше первого этажа или нависающую над ним.

Галерея вообще не характера для гидатлинских домов в прошлом. Но в последние 30-40 лет стали пристраивать галереи к старым домам. Даже без расспросов, только судя по внешнему виду галереи, можно сказать, что она сделана совсем недавно. Существует несколько способов устройства галереи. Наиболее распространена пристройка галереи на уровне второго этажа к внешней стене дома. Пол галереи, в таком случае, поддерживает несколько каменных столбов, поставленные на землю или деревянных, упирающихся под углом в стену дома с крышей галереи служит продолжение крыши второго этажа, поддерживаемое столбами. Или терраса устраивается на крыше нижнего этажа.

Иногда для галерей отгораживается капитальной стеной особое помещение. Затем первоначальная стека уничтожается и на ее место ставится стол, поддерживающий крышу галерей.

Два новых дома в с. Хотода Кахибского района

При изучении гидатлинских домов приходится сталкиваться с большими трудностями. Так как дома расположены в идеальном беспорядке, то очень трудно определить, где кончается один дом и начинается другой. Иногда между двумя комнатами одного дома вклинивается комната другого дома, крыша нижнего этажа служит двором для выше расположенного дома. Поэтому очень трудно снимать планы с домов и особенно трудно делать вертикальные разрезы.

В Гидатле в большом количестве встречаются 3-х и 4-х этажные дома. Иногда они принадлежат одному хозяину, но бывают случаи, когда верхние этажи строились различными семья ми. В нижних этажах, как правило, находятся хлева для скота и склады для дров.

Зажиточные люди до революции имели еще отдельные скотные дворы в стороне от аула или в самом ауле.

Глава VII

На Хунзахском плато мы встречаемся с совсем иными природными условиями, чем в Гидатлинском ущелье. Довольно суровые зимы заставляли жителей каким-то образом приспосабливаться к окружающим условиям и искать какой-то другой источник тепла, кроме открытых очагов и каминов. С этой целью зимой жители переселялись из верхнего этажа в нижний – поближе к скоту.

В Аварии мы не встречаем таких жилищ, как в Сванетии, **в** которых скот и люди помещаются вместе в одной комнате.

Остатки наиболее древних жилищ на Хунзахском плато встречаются в одном из старинных аулов в с. Тануси. Эти постройки теперь совсем заброшены или используются под сеновалы и для других хозяйственных нужд. Было осмотрено три таких жилища, которые немного варьируют, но в принципе они однообразны. Перед саклей имеется крошечный четырехугольный открытый дворик, хорошо вымощенный и обнесенный с трех сторон довольно высокой каменной стеной» Сакля имеет два этажа, причем площадь первого этажа больше площади второго, поэтому крыша нижнего этажа образует небольшую площадку, заменяющую галерею перед комнатами второго этажа.

В нижнем этаже имеется одна жилая комната, служащая зимним помещением для семьи, которое отделено глухой каменной стеной от хлевов.

Во втором этаже имеется две комнаты, довольно обширные, являющиеся летним помещением. Во второй этаж, т.е. на крышу первого этажа, со двора ведет каменная лестница. В зимнее помещение в нижнем этаже можно попасть или с крыши первого этажа по узкой крутой каменной лестнице или через люк в полу в одной из комнат второго этажа.

Зимнее помещение, в котором жила вся семья, представляет собой очень маленькую, почти квадратную комнату. Размеры комнаты в одной из сакель равны 3,3 х 5,1 метра. Толщина стен 40 см., высота потолка около 2-х метров. Зимнее помещение поражает своей темнотой. Свет падает только через одно, два небольших отверстия в стене под потолком или немного пониже. В летних комнатах также нет окон, но там немного больше отвер-

стий под потолком и открытая наружу дверь дают достаточно света.

Стены и потолок в зимнем помещении покрыты толстым слоем копоти, блестящей в темноте. Это наводит на мысль, что здесь долгов время пользовались открытым очагом, но в стене, выходящей во двор, устроен камин с небольшим устьем, ничем не отличающийся от каминов, часто встречающихся в современных аварских постройках. Напротив камина, на расстоянии 100-170 см. от противоположной стены имеется невысокая (ок. 1 метра высоты) глиняная стенка, идущая параллельно стене на всем ее протяжении, отгораживая часть комнаты. В эту загородку зимой складывали картофель, сверху насыпали слой соломы, на которой спали члены семьи.

Такую же глиняную загородку я видела в Хунзахе в одном старом доме в нижнем этаже, в комнате, раньше служившей зимним жилым помещением, теперь превращенной в кладовую. Она во многом напоминает старое жилище в Тануси. В ней также нет окон, их заменяют отверстия под потолком, но размер хунзахской комнаты больше танусинской. В хунзахском доме, во втором этаже также имеются две комнаты, которые раньше не имели окон, об этом говорят сохранившиеся отверстия под потолком. Теперь в этих комнатах проделаны окна, но они не имеют стекол и наглухо закрываются ставнями.

Возможно, что в прошлом подобные жилища были характерна для аулов, находящихся в одинаковых географических условиях на Хунзахском плато.

По строительной технике эти жилища во многом уступают современным аварским достройкам. Стены сложены из рваного камня на сырой кладке. На потолке видна одна балка, представляющая собой круглое, но очень толстое бревно, плохо отесанное. Балку поддерживает такой же столб, поставленный посреди комнаты. В летних комнатах таких столбов несколько (3-4), расположенных на одной линии приблизительно на равном рас стоянии друг от друга. На балку поперек наложены не очень часто жерди, между которыми видны тонкие каменные плиты или дороет. Затем сверху наложен слой соломы или сена, на который насыпана земля. Все это тщательно укатано. Крыши у всех авар-

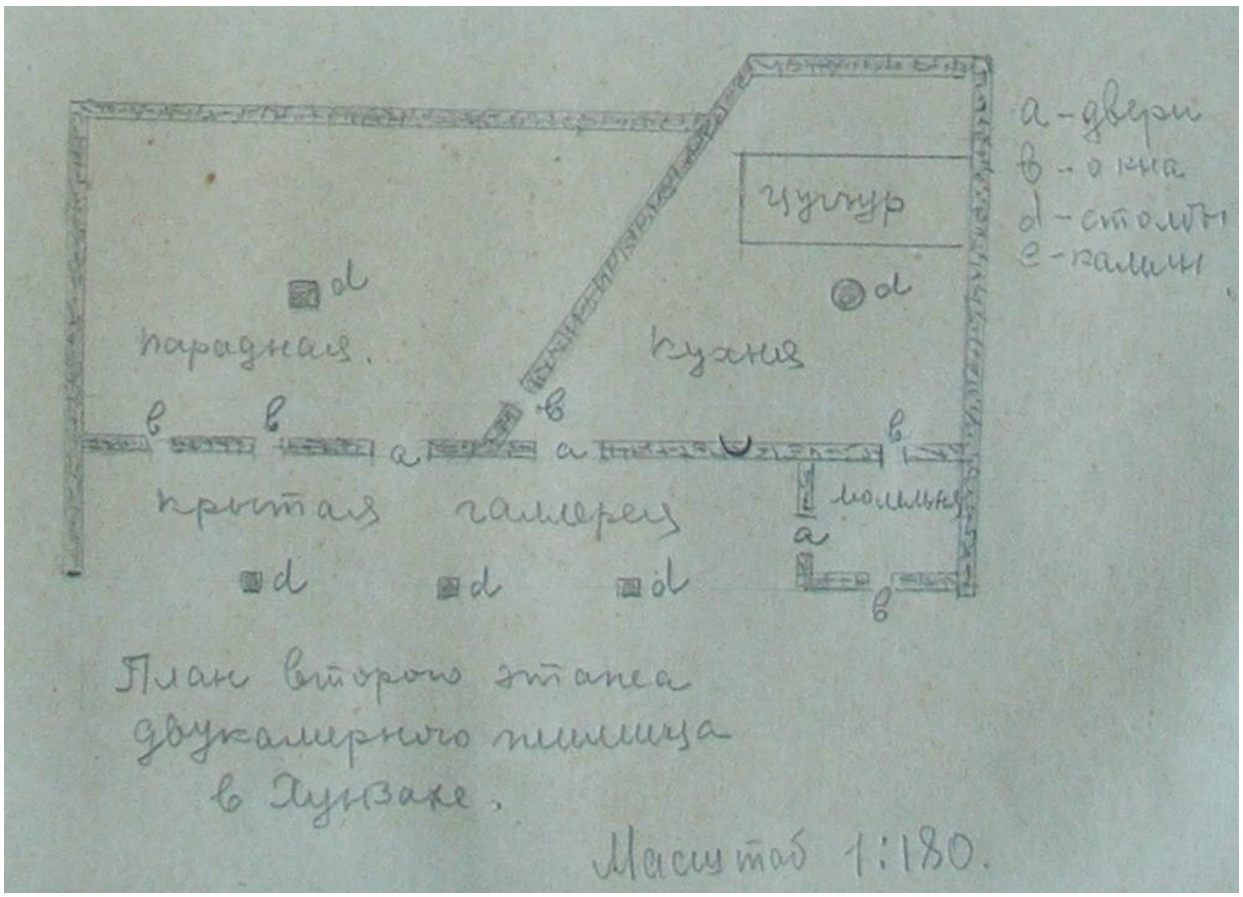
ских жилищ плоские. В стенах имеется несколько небольших ниш для утвари. Теперь эти здания наполовину разрушены и некоторые из них нет никакой возможности, как следует осмотреть и измерить.

Дома в аулах Хунзахского плато отличаются многокамерностью. Жилые комнаты имеются не только во втором, но и в первом этаже. Это можно объяснить часто неодновременностью постройки первого и второго этажей. Наиболее старые дома в Хунзахе напоминают современные широко распространенные жилища в Гидатле, т. е. двухкамерные.

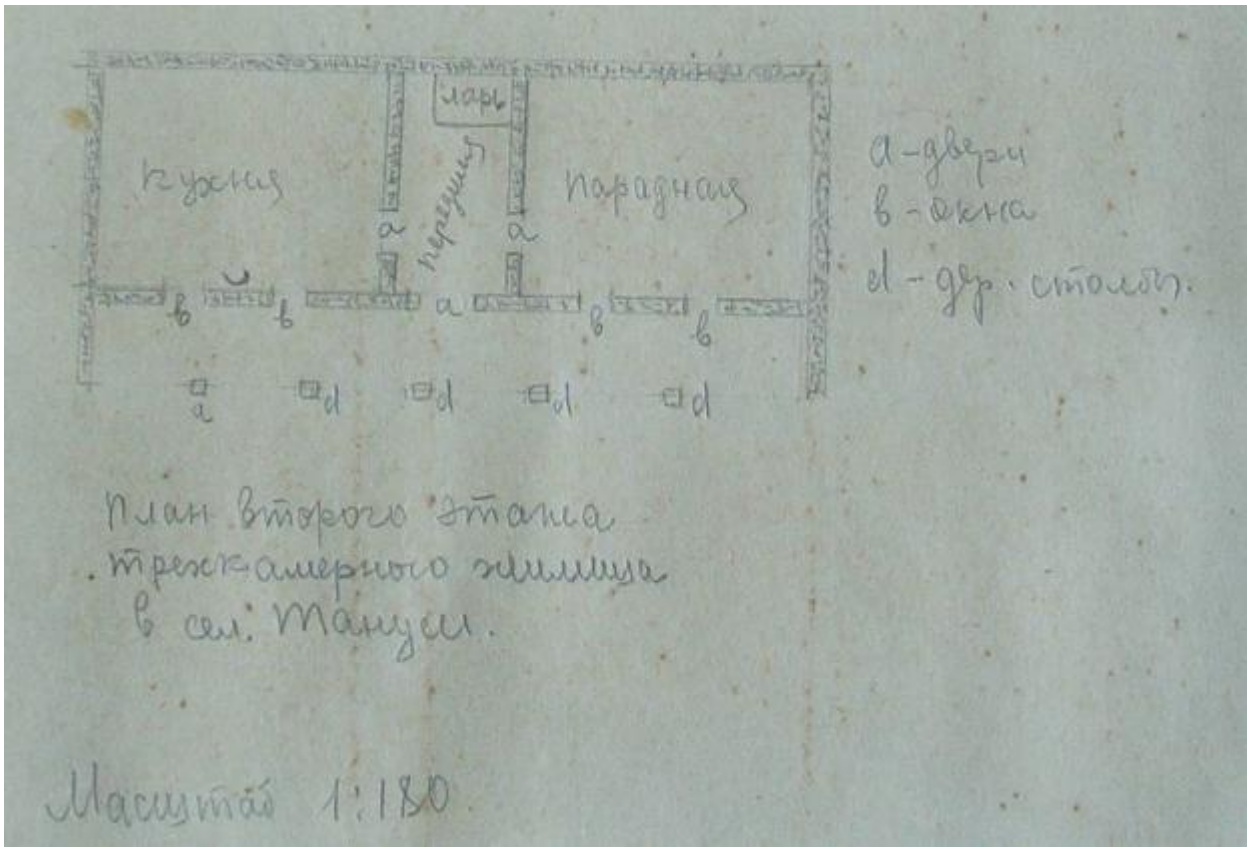
Но хунзахские дома, кроме комнат наверху имеют иногда одну жилую комнату внизу. В одном из таких домов помещение в верхнем этаже поделено насквозь стеной на две комнаты. Судя по строительной технике, можно сказать, что дом этот построен давно.

Одна из комнат имеет очень мрачный вид. Половину ее напротив двери занимает громадный цагьур, возвышающийся до потолка, с двухстворчатой дверью, по бокам которой приделаны деревянные рога. Потолок в этой комнате покоится на массивной балке, представляющей собой очень толстый круглый ствол дерева, грубо отесанный топором. На балку наложены жерди, между которыми виден хворост. Балка поддерживается массивным круглым столбом, поставленным посреди комнаты. Окон в этой комнате нет, свет проникает через небольшое отверстие под потолком, да еще через чердак – квадратное отверстие посреди потолка для выхода дыма, занятый теперь кусочком стерла. Под чердаком в прошлом находился открытый очаг, теперь его заменяет камин, находящийся в стене, выходящей на улицу. Потолок, балки, стол блестят от вековой копоти, как будто покрытые черным лаком. В стенах комнаты имеются несколько ниш, которые также свидетельствуют о древности постройки, так как в новых постройках ниш не делают. Эта комната соединена с другой соседней комнатой очень маленькой двустворчатой дверцей. Во второй-комнате имеются два окна, по-видимому, недавно сделанные. Внутри комнаты посредине виден столб, поддерживающий основную балку. Эта комната является парадной. Двери обеих комнат выходят на галерею перед вторым этажом.

institute of history.ru



План второго этажа двухкамерного жилища в Хунзахе



План второго этажа трехкамерного жилища в сел. Тануси

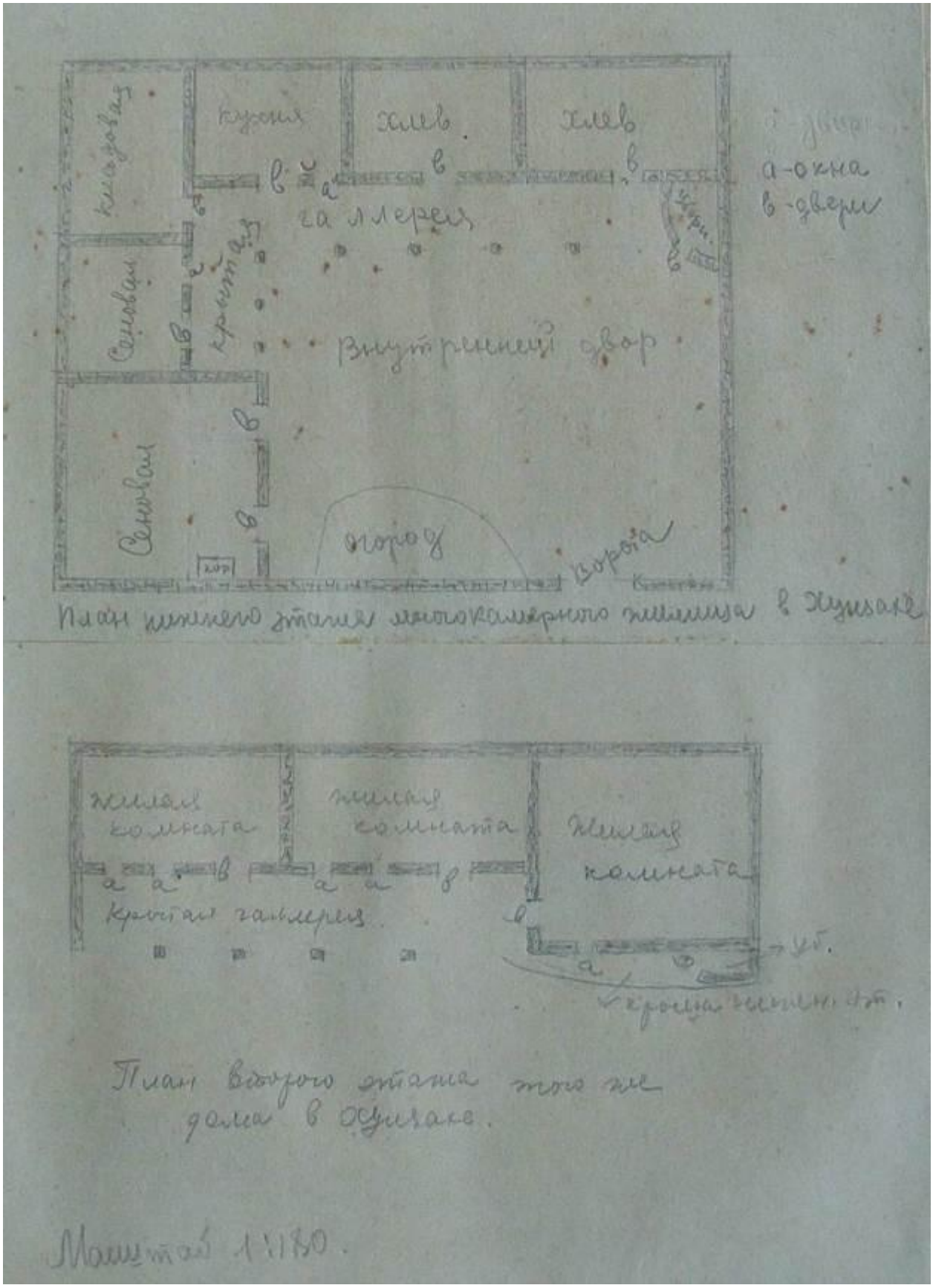
Самым распространенным типом жилища на Хунзахском плато является трехкамерное. Дверь с галереи ведет в среднюю комнату, небольшую, не имеющую окон, напоминающую переднюю. Напротив двери в этой комнате помещается цагур или гамас для хранения продуктов. Здесь же иногда имеется лавка для посуды.

По стенам в этой комнате развешана различная домашняя утварь (корыто для теста, ложка для хинкала). Направо и налево от этой комнаты находится еще две комнаты, двери которых расположены напротив друг друга и открываются в переднюю. Одна из двух последних комнат является парадной, другая кухней.

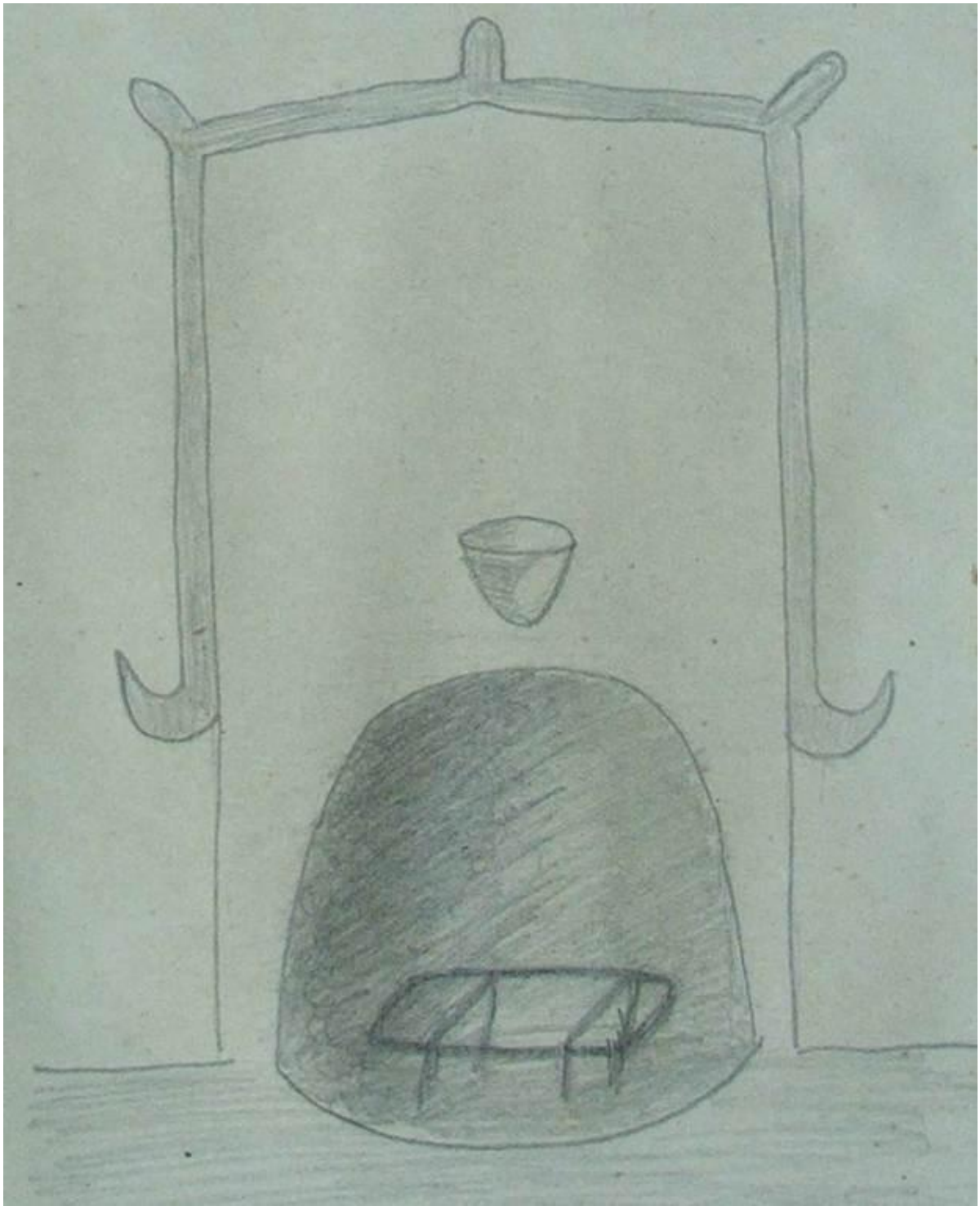
Такой тип планировки комнат встречается не только в аулах, расположенных на Хунзахском плато, но и в других местах. Такое размещение комнат имеется обычно в домах, построенных сравнительно недавно – 50-100 лет тому назад. Его придерживаются и в новейших постройках.

Но, в общем, для хунзахских домов характерна многокамерность. В верхнем, иногда и нижнем, этажах, бывает по нескольку комнат. В некоторых из них посередине поставлен деревянный столб, поддерживающий основную балку, проходящую посреди потолка.

По конструкции дома Хунзахского плато очень похожи друг на друга – это двухэтажные здания обязательно с галереей в верхнем этаже, иногда и в нижнем. Сообщения между ними не существует. Комнаты верхнего этажа в большинстве случаев являются парадными, в них семья не живет. Зимой вся жизнь протекает в помещении нижнего этажа, если оно имеется в доме, или в одной из комнат верхнего. Летом же основным местом пребывания семьи служит галерея. Здесь женщины ткут ковры, туруты, готовят пищу, сбивают масло, сушат фрукты, спят и т.д. Кроме галереи большое значение имеет крыша. На крыше сушат сено, складывают кизяк для просушки, устраивают танцы и т.д. В хунзахских домах совершенно отсутствует открытый очаг. Основным способом отепления является камин.



План многокамерного жилища в Хунзахе

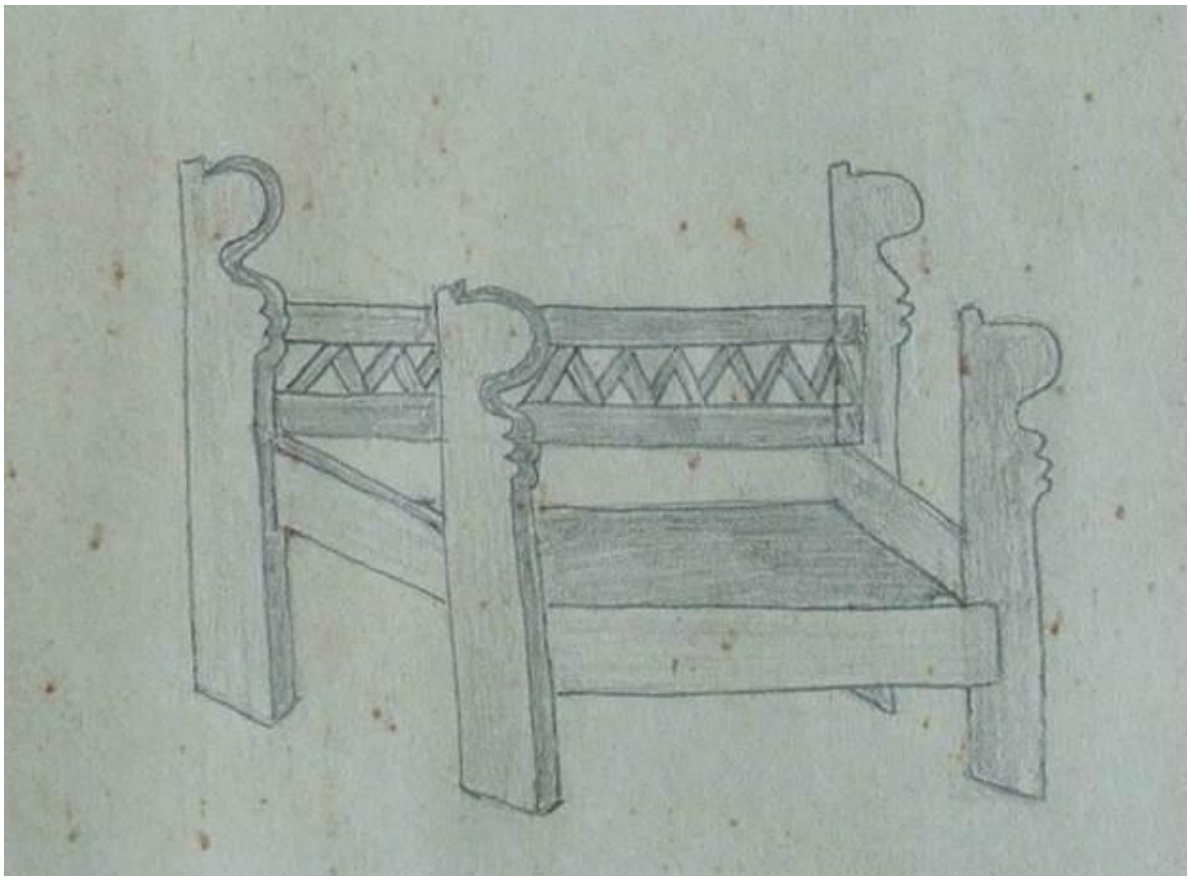


Гъансито – камин в одном из хунзахских домов

Глава VIII

Ассортимент аварской мебели однообразен. Сюда, главным образом, относятся аварские деревянные, часто украшенные резьбой диваны. Устойчивость их формы говорит за их древность. Они встречаются почти во всех аварских домах Гидатля

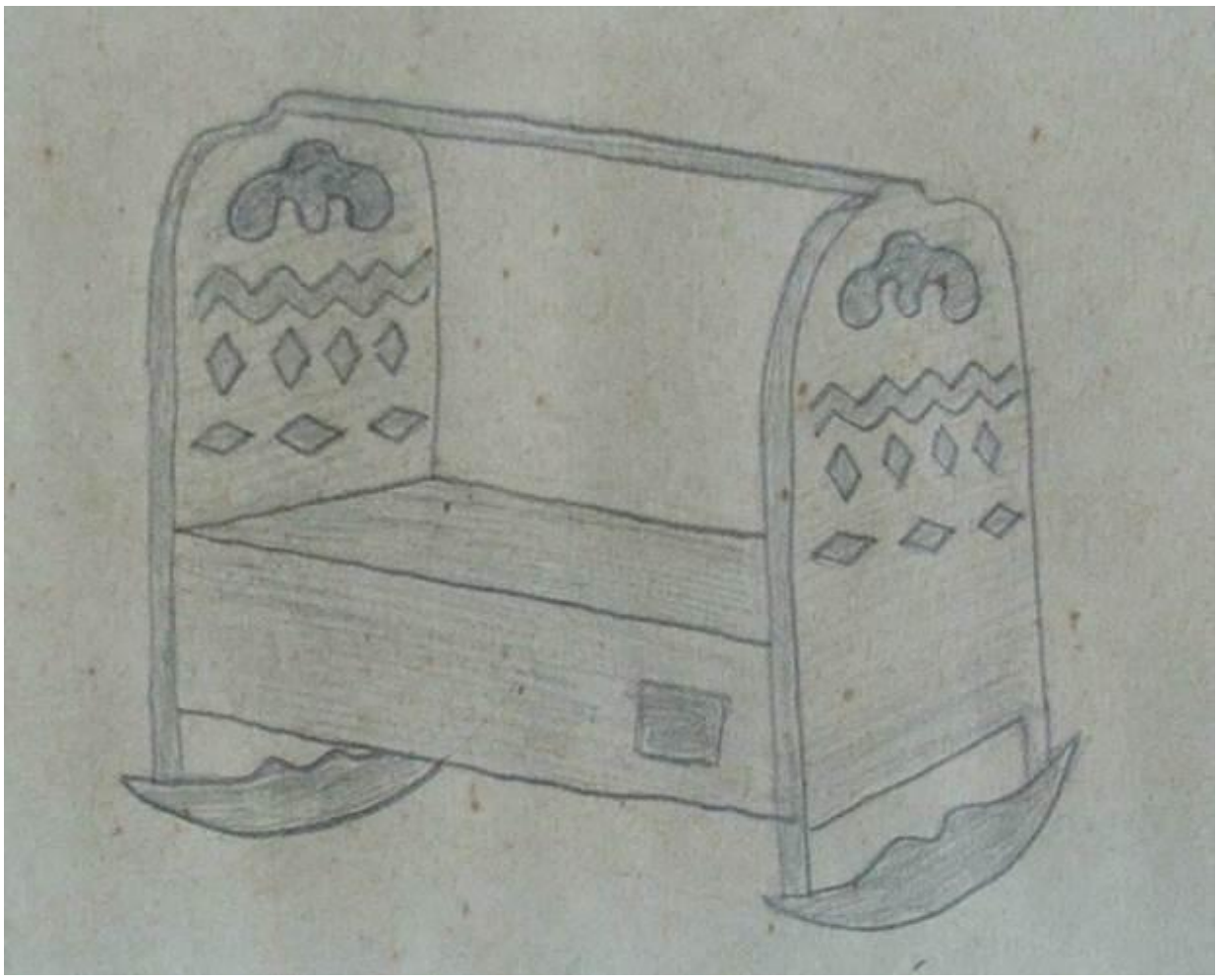
Хунзахского плато и других районов. В прошлом место для такого дивана было перед очагом. Это сохранялось до сих пор в старинных гидатлинских однокамерных домах с открытым очагом. В домах Хунзахского плато и в некоторых гидатлинских, теперь диван находится на галерее около входа в комнату.



«ХьонбакI» – диван

Другим чрезвычайно распространенным видом аварской мебели являются трех - четырехногие низкие маленькие скамейки. Они являются необходимой принадлежностью каждого жилица.

Ложе у кини плоское, поэтому ребенка привязывают широкими полосами материи, чтобы он не упал. Ножки кики соединены попарно полукруглым куском дерева, позволяющим беспрерывно покачивать кини из стороны в сторону. Вверху боковые стенки кини соединены планкой, дающей возможность подвешивать кини к потолку. Часто можно видеть женщин, возвращающихся с работ, с качалкой за спиной, в которой лежит ребенок.



«Кини» – люлька

К мебели же можно отнести «гъамас» - сундук, в котором хранят муку. Гамасы богато украшаются резьбой и красками.

Другой какой-бы то ни было аварской мебели, если не считать деревянного пюпитра в виде тележки для чтения корана, не существует. Уже издавна к аварцам начала проникать европейская мебель. Появилась сначала деревянная кровать, затем и другие виды мебели. Гидатлинские дома бедны обстановкой даже в парадных комнатах, кроме кровати, стола и табуреток редко что можно встретить. Богатством обстановки отличается хунзахские дома.

В аварских домах встречается большое количество утвари. Обилие утвари является доказательством зажиточности хозяев. Вся посуда выставляется напоказ на полках, развешивается на цагъуре, на стенах. Она является также основным украшением жилища. Вся местная утварь делится на деревянную, медную луженую и глиняную, а также, в небольшом количестве, каменную.

Из деревянной утвари чаще всего встречаются различных размеров мерки для сыпучих тел: «гIорто», «къали» и другое корыто для теста – «раса», специальная ложка для хинкала (местного кушанья из вареного теста в виде галушек с приправой из чеснока), ложки для еды, деревянные тазы для омовения, солонки, ящички с крышками, ступы для чеснока. Вся деревянная утварь, в большинстве случаев, местного производства и богато украшается резьбой в виде геометрических фигур, иногда покрывается различными красками. Кроме местных изделий, привозили изделия из села Куяда Гунибского района, которое славилось изготовлением деревянной утвари.

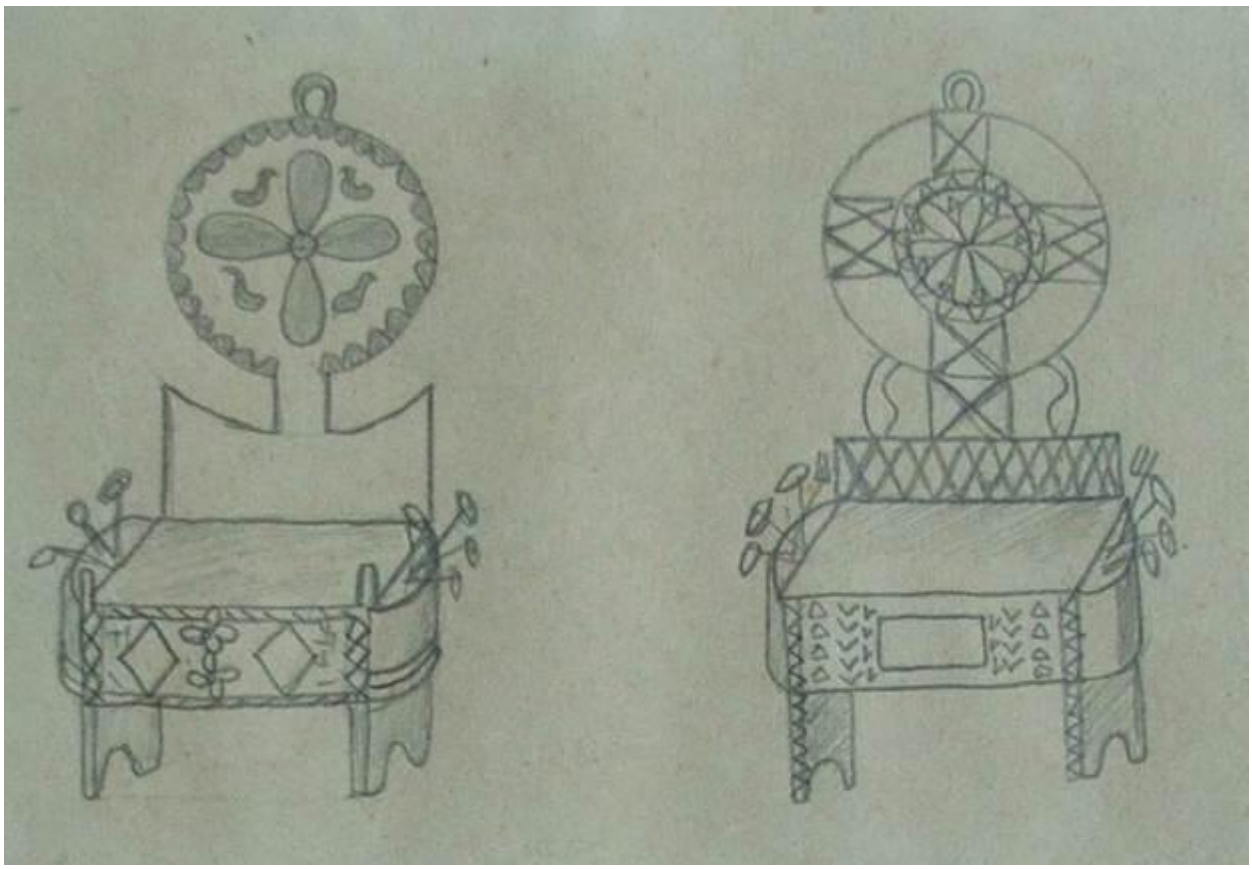
Своеобразным украшением аварской кухни, имеющимся в каждом доме, является «гIучалтIан» или «хадалтIан», оригинальный висячий ящичек для хранения ложечек и соли. Учалтаны старательно украшаются резьбой, красками, металлическими инкрустациями.

instituteofhistory.ru

Из металлических вещей нужно в первую очередь отметить сосуды для воды, имеющиеся в каждой дом. Они бывают очень устойчивой формы и изготовляются в аварском ауле Гоцатль или привозятся из даргинского селения Цудахара, и татского селения Лагидж в Азербайджане. Хунзах чаще всего встречаются изделия из Гоцатля и Лагиджа, в Гидатле – из Цудахара.

Эти сосуды в Хунзахе назыаются «гIерет» и «гулгун», в Гидатле – «кудари». Эрет отличается от гулгуна большим размером и отсутствием носика. В крышки эрета и гулгуна, имеющие, иногда внутренние полости, надсыпают камешки, которые издают мелодичные звуки при переноске сосуда. Форма эрета выработалась в местных географических условиях. Носить воду в открытых ведрах, как это бывает на плоскостях, в аварских аулах совсем нельзя.

Такое же длинное горлышко эрета не дает возможности воде выплескиваться при сильных толчках. Эреты женщинами косятся на спине; к ручке эрета привязывают веревку или кусок материи, и перекидывают через плечо. В некоторых аулах Хунзахского плато встречаются маленькие вышитые плоские подстилки, которые подкладываются под сосуд при переноске воды.



«*ГIучIалтIан*»ы

Кроме сосудов для воды обязательной принадлежности каждого дома являются медные, луженые, круглые, низкие тазы для омовения. С них же производится и стирка белья, затем мелкие круглые блюда, на которых подают кушанья на праздниках и свадьбах, в частности, «бахъухъ» - местная восточная сладость, приготовляемая из масла, муки и меда. Встречаются, кроме того, различные сосуды для молока, котлы для варки сыра, хинкала, мяса и т.д. Орнамент на луженой посуде наносится резцом, поэтому на сером фоне полуды видны различные узоры цвета меди. Вся вышеописанная металлическая посуде бывает кованая.

Интересен, так называемый, «ухъи» - металлический котел на трех ножках с двумя ручками по бокам. В прошлом его изготовляли в Кубачах из специального сплава, в состав которого входили драгоценные металлы, в том числе золото и серебро.

Сплав назывался «ухъи», это название потом перешло на котел. Ухи, являлся в прошлом мерилом стоимости в Гидатле (не могу утверждать, распространялось ли это и на Хунзах). По адатам аула Урады штраф за различного вида преступления взимал-

ся наряду со скотом, тем или иным количеством ухи. Это видно, например, из следующего адата: «Если произошел спор из-за земли или скота, то спорщики должны идти к мулле для разбора этого случая, если кто-нибудь не шел один день, то платил штраф один ухи, если ему скажут 10 раз подряд, чтобы он шел, то он платил 10 ухи в пользу общества».

«ГIеретI» и «гулгун»

Теперь ухи потерял свое былое значение и изготовляется из меди и отличается от других котлов тем, что он литой, а другие кованые.

Глиняные сосуды целиком привозные. Гончарное производство в Аварии не существует. Их привозят из лакского селения Балхар или в прошлом привозили из Чечни., в небольшом количестве также из Закавказья. Орнамент на балхарских сосудах

наносится глиной же, только других оттенков. Чеченские гончарные изделия в большинстве случаев, поливные.

В Хунзахском районе часто встречаются глазурованные поливные блюда, устойчивой формы с изображением коней, птиц и других животных. Не исключена возможность, что это продукты старого производства, как об этом говорят некоторые показания.

Кроме вышеперечисленных видов утвари в аварских домах в большом количестве встречается самая различная посуда городского производства. На самом видном месте выставляет самовары, которыми, в большинстве случаев, совершенно не пользуются. Красивые тарелки развешиваются по стенам вместе картин. Особенно ценится фаянсовая и фарфоровая посуда, которая накапливается из поколения в поколение и передается по наследству. Ее берегут на полках, сделанных, под самым потолком, до которых очень трудно добраться.

Теперь перехожу к описанию некоторых моментов семейного быта, связанного-с жилищем. Аварские семьи: невелики, в среднем число членов семьи колеблется от 3-х до 6-ти человек. Семьи с большим числом членов довольно редки. Обычно сын отделяется от отца, прожив год или два после женитьбы, или с появлением первого ребенка. Отделившийся сын строит себе, отдельную саклю или продолжает жить в доме отца, если дом достаточно велик и в нем имеются свободные помещения.

Аварцы очень любят своих детей, особенно мальчиков, появление на свет которых приветствуется выстрелами в аулах Гидатля.

Основную роль в аварской семье играет женщина. На ней лежит вся работа внутри дома, а также и в поле. Мужчина, являясь хозяином дома и главой семьи, ничего не делает и все свободное, вреда проводят на гудекане, стругая палочки и занимаясь приятными беседами. Зимой мужчина вообще ничего не делает, за скотом ухаживает исключительно женщина. Весной женщины, наравне с ишаками, таскают навоз на поля; пашут и сеют мужчины, а также вяжут снопы и молотят. Остальные все работы, как например, заготовка дров, косьба сена и зерновых, прополка кукурузы и т.д. лежит на плечах женщины. Дрова в аул доставляют женщины на ишаках («хIама»). Единицей измерения дров являет-

ся не кубометр, а определенное количество дров, которое может донести один хама. Сено же, чаще – сырую траву, переносят женщины на собственной спине. В общем, все самые тяжелые работы выполняются женщинами. Мужчине же по адату не полагается переносить на своей спине, какие бы то ни было тяжести.

Женщина с утра до вечера выполняет какую-нибудь работу. Если она не идет в поле, то у нее более чем достаточно работы дома. В прошлом в зажиточных домах, если жена не справлялась с работами, муж брал себе вторую жену, чтобы несколько облегчить труд первой. Женщина шьет, моет, вяжет, ткет ковры на вертикальном стане, выполняя самые различные узоры, сбивает масло, целыми часами сидя на корточках и качая вязкий, с очень выпуклыми боками глиняный или металлический сосуд с двумя ручками. Вокруг низкого горлышка сосуда часто можно видеть амулет из раковин каури, называемых «рыбье ушко», нанизанных на веревочку. Этот амулет защищает масло от сглазу и помогает быстрее его сбивать. Женщина же укатывает крышу почти после каждого дождя, смазывает стены и пол глиной. Смазка стен производится летом один или два раз год. Зимой смазывать стены нельзя иначе они потрескаются. В хунзаахских домах часто можно видеть беленые стены.

С утра женщина топит камин и готовит завтрак для всей семьи. Пища никогда не заготовляется впрок, поэтому перед каждой едой нужно топить камин. В Гидатле открытый очаг и камины топят дровами, привозимыми с гор, и очень редко кизяком. В Хунзахе главным видом топлива является кизяк, так как вокруг на большом пространстве нет ни одного дерева, который можно было бы употреблять в качестве дров. Кизяк приготовляют женщины. Они собирают навоз, делают из него нечто вроде круглых лепешек и приклеивают к стенам дома. Высыхая, кизяк отваливается от стен, его собирают и складывают на крыши для дальнейшей просушки. Вне дома кизяк хранят где-нибудь под навесом поближе к хлеву.

В обед камин истопят, едят что придется, остаток от завтрака или еще что-нибудь другое. Вечером приготовляют ужин, мало чем отличающийся от завтрака. Аварцы употребляют пищу в горячем виде. Хлеб – круглые, тонкие, пресные чуреки пекут утром

и вечером. Кроме того, варят хинкал, самое распространенное блюдо среди аварцев, состоящее из вареного теста, чаще из жареной муки, в виде галушек, иногда с начинкой из сыра или особой травы. При употреблении хинкал сильно приправляется чесноком. Кроме того, часто едят мясо и сыр.

Все домашние работы производятся на полу в согнутом положении. В Хунзахе можно видеть старух, как бы переломленных пополам, спина которых не разгибается от тяжелой работы и от большого количества времени, проведенного сидя на корточках.

Даже если есть кухня и стол, им все равно не пользуются, а садятся на низенькие стульчики или прямо на пол около камина и едят из чашки, поставленной прямо на пол.

Заметно бросается в глаза неравноправное положение мужчин и женщин в семье. Особенно сильно это подчеркивалось в дореволюционное время. Для мужа приготовлялись лучшие кушанья, чем для остальных членов семьи. Муж всегда ел отдельно. Жена беспрекословно подчинялась мужу и выполняла все его желания. Это сохранилось до сих пор в некоторых аварских семьях. Муж мог за малейший проступок выгнать жену из дома и жениться на другой. Браки легко заключаются и так же легко расторгаются. Все в доме принадлежит мужу, жена может распоряжаться только своим приданым, которое она при разводе забирает с собой.

instituteofhistory.ru

Непосредственного деления дома на мужскую и женскую половины не существует. Семья проводит целые дни в кухне, в которой обычно имеются у самой стены широкие деревянные нары, застилаемые на ночь войлоками или турутами, на которые кладутся постельные принадлежности: матрас, ватное одеяло и подушка. Кроме нар, в этой комнате обязательно устроена полка для посуды, по стенам развешана различная утварь: тазы, корыто для теста, учалтан, ложки для хинкала, решета. В общем, все, что необходимо для хозяйства. В углу стоит кини, часто около него устраиваются лавки, на которые также стоит посуда. Никакой европейской мебели в этой комнате не имеется. Эта комната, как правило, сильно закопчена и неблистает чистотой. В этой же комнате едят женщины и дети на нарах или на полу. Мужчина же спят в парадной комнате, которая представляет полную противо-

положность кухне. Стены и пол комнаты покрываются сплошь коврами. Если ковров в доме нет, то стены затягивают какой-нибудь простой дешевой материей, а пол застилают турутами. Часто на стенах можно видеть «арбабаши» - своеобразные двуцветные войлочные ковры, В парадной комнате, как правило, имеются одна или две высокие кровати, часто с никелированным верхом, снабженные всеми необходимыми постельными принадлежностями. Особенно богатством убранства нарядных комнат отличаются хунзахские дома. Там можно встретить столы, покрытые дорогими скатертями, два больших, рядом повешенных, зеркала. Вдоль стены делается полка на метр высоты от пола, завешанная ковром, на которой раскладываются дорогие парчовые и бархатные подушки, вышитые золотом и серебром, хорошие одеяла, резные, ярко раскрашенные сундучки, различных размеров, поставленные друг на друга в виде пирамиды. Кроме того, устраиваются полки, на которые ставят самую лучшую посуду и утварь, которая обычно не бывает в употреблении. Здесь можно увидеть расставленные по
росту эреты, гулгуны, самовары и другие сосуды. В угол иногда складывают матрасы, приготовленные для гостей.

В гидатлинских домах, имеющих одну комнату, мужчины и женщины спят в разных углах. Мужчина спит на диване или ка кровати, если она имеется, а женщина прямо на полу, подстелив под себя шубу, которая выполняет очень много функций. Она служит одеждой, матрацем, одеялом и подушкой. В некоторых гидатлинских домах можно встретить своеобразные постели-качалки, подвешенные к потолку.

В прошлом у аварцев был сильно развит обычай гостеприимства. Гость, приехав в аул, отправлялся сначала на гудекан, откуда его провожали к кунаку, если таковой у него имелся или помещали в дом к какому-нибудь совсем незнакомому человеку. Такую повинность выполняли все дома аула по очереди. Сельчане, отказывавшиеся принять гостя, платили определенный штраф. Этот обычай зафиксирован в адатах. По урадинскому адату штраф равнялся мере зерна в 18 кг., которое у аварцев очень ценятся.

Гость считался лицом неприкосновенным, будь это даже кровник, спасающийся от преследователей. Хозяин должен защищать гостя, рискуя собственной головой. Бывали случаи, когда хозяин отдавал гостю свое платье и обувь, если у того оно пришло в негодность. Гостю уступали самое почетное место в доме обычно около очага. Для него готовили самые лучшие кушанья; бахух и «цIурабчед» (чурек с начинкой), стлали хорошую постель и предупреждали все его желания. Если у хозяина не было чего-нибудь необходимого для приема гостя, он доставал это на стороне, у своих родственников или односельчан. За гостем ухаживал сам хозяин. Женщины при этом не допускались.

Гостеприимство не было тяжелым бременем для аварской семьи и не отражалось на хозяйстве, так как гость бывал довольно редким явлением, обычно, в год случались один, два гостя.

Выводы.

1) Из вышеприведенного видно, что аул является составной частью "бо" что в переводе значит "войско" или "народ". Бо составлялись по географическому признаку. Каждое замкнутое в горах ущелье или окруженное со всех сторон горами плоскогорье составляли отдельные бо. Так, в описанных районах были два бо: Гьидерил бо (в Гидатлинском ущелье) и Хундерил бо (на Хунзахском плато). Возможно, что бо входили в состав более крупных единиц, на которые делился аварский народ.

2) Являясь составной единицей более крупного объединения бо, росо (аул) сам представляет собой сложное ядро, делившееся на части в административном и общественном отношениях. К административному делению относится деление на кварталы - авалы, которые часто соответствовали общественному делению на тухумы - группы людей, ведущих свое происхождение от одного общего предка, про которого часто рассказывают легендарные истории. Тухумы не являлись последней простой единицей сложного общественного деления. Они в свою очередь в прошлом членились на большие семьи, о которых сейчас осталось смутное воспоминание. О наличии этих семей в старое время говорят сохранившиеся кое-где громадные (более 100 кв. м.) жилые однокамерные помещения с открытым очагом посредине.

Большие семьи вели коллективное хозяйство и имели общий очаг. Со временем большая семья распалась на свои составные части - малые семьи, которые у аварцев редко насчитывают в своем составе более шести человек. Малая семья, выделившись из состава большой, сохранила тот же старинный тип жилища, только меньших размеров.

3) Аварские поселения являются памятником военного быта. При постройке аула учитывались все природные возможности, способствовавшие неприступности селения. Большинство аварских аулов представляют собой орлиные гнезда, лепящиеся высоко по склону горы. Кроме того, возводились искусственные укрепления. Сюда, в первую очередь, относятся старинные жилые здания, дома-крепости, построенные обычно по краям аула я имеющие бойницы в стенах. Сама планировка аула проводилась с учетом облегчения обороны селения. Поэтому дома вплотную пристраивались друг к другу, а улица делались очень узкими. Их в любой момент можно было забаррикадироваться сделать невозможным доступ в селение. Большую роль в обороне аула играли башни, выполнявшие различные функции и называвшиеся в аварском языке «си».

4) На примере аварских построек, можно проследить эволюцию жилища из однокамерного в многокамерное. Однокамерное жилище, сохранившееся до сих пор в значительном количестве в аулах Гидатля, в прошлом являлось единственным для всех аварцев. Доказательством могут служить некоторые данные из лингвистики. «Дом» и "комната" обозначаются в аварском языке одним и тем же словом «рукъ». В некоторых местах при обозначении дома этому слову придают форму множественного числа, путем прибавления частицы « - зал» получается «рукъзал», что в переводе означает «несколько комнат». Затем к старинному однокамерному жилищу прибавляется вторая камера – парадная комната. Скоро между ними появляется коридор или передняя. В данное время большинство аварских домов представляет многокамерные постройки с несколькими жилыми комнатами.

5) В противоположность постройкам, расположенным на плоскости, где служебные помещения пристраиваются сбоку или шил сзади жилого дома, иногда раскидываются на некотором

расстоянии – друг от друга, так что получается, таким образом, понятие двор. Аварские дома включают в себя жилые и хозяйственные помещения. Здесь мы имеем своеобразную однорядную связь (т.е. жилые и хозяйственные постройки расположены под одной крышей) так как дом растет не в длину, как обычно, а высоту. Как правило, в нижнем этаже помещаются хлев для скота и кладовые, в верхнем же находятся жилые помещения. Амбар - цагур находится внутри жилой комнаты, в некоторых случаях - единственной, имеющейся в доме. В цагуре хранят зерно и муку, которые в Дагестане являются большой ценностью. Большинство полей представляет собой террасы по склонам гор, земля на которые нанесена из других мест. Обработка их также требует очень много труда, так как пользуются при этом старинными примитивными сельскохозяйственными орудиями. Новейшие орудия в условиях горной местности применить совсем нельзя. Поэтому зерно, добытое с таким большим трудом, тщательно хранится в самом почетном месте в жилой комнате.

6) В прошлом все постройки в ауле возводились при участии всего няселекия. Пережитки коллективного строительства сохранились в общих работах всех жителей аула при насыпке крыши в связи с окончанием постройки дома. В общественных работах мы видим отражение общинного строя.

7) При изучении утвари аварского дома, можно сделать вывод о замкнутом натуральном хозяйстве у аварцев в прошлом со специализацией по отдельным отраслям в нескольких пунктах.

8) Большой шаг вперед сделало аварское жилище после Октябрьской Революции. Проведение дорог в замкнутые, почти совсем отрезанные от внешнего мира селения, способствовало распространению культуры и дало возможность привозить издалека строительные материалы и европейскую мебель. В домах появились стекла, на место открытых очагов и дымящих каминов пришли железные печи. Вместо керосиновых, а в далеком прошлом жировых коптилок и лучины – «кан» во многих аулах появился электрический свет. Старина уходит в прошлое. Большинство аварских домов, особенно на Хунзахском плато, по чистоте и удобствам не уступает многим квартирам в городах.

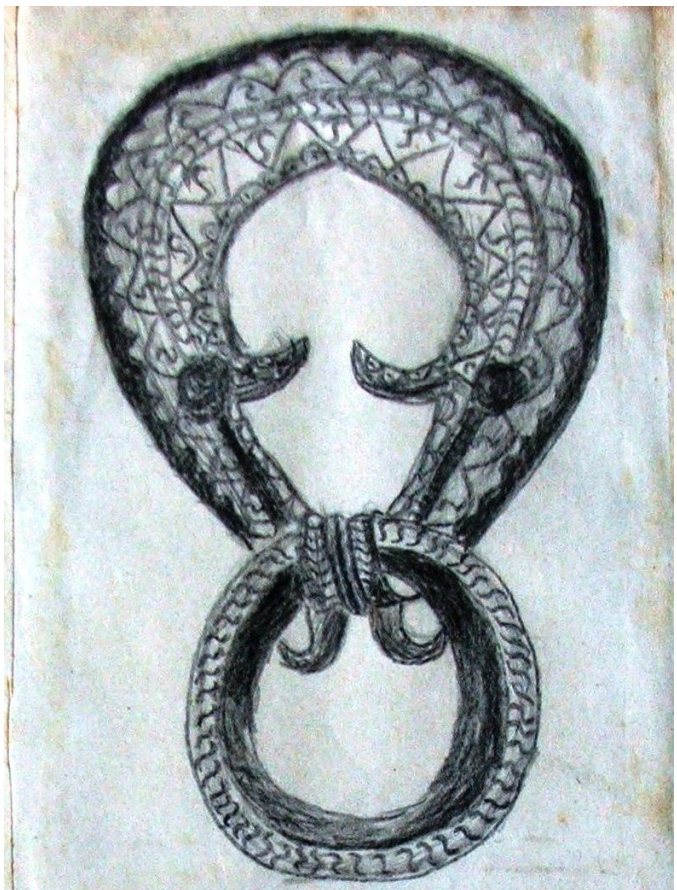


Рис. №1. Орнаментированное железное кольцо на воротах в с. Хунзах.

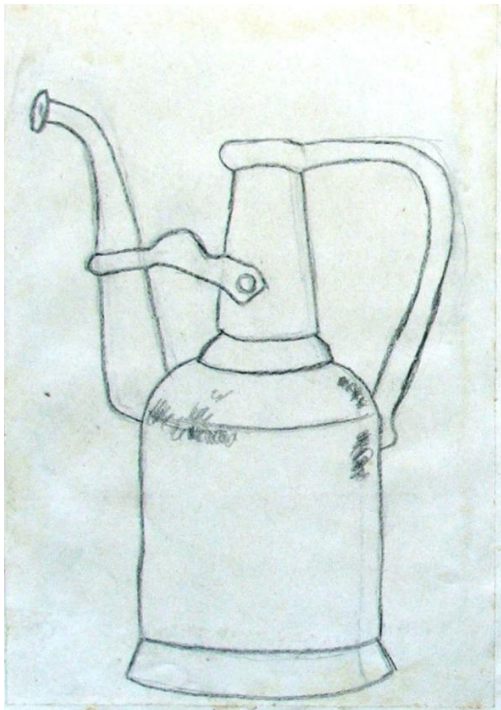


Рис. 11. Гулгун Цудахарского производства.

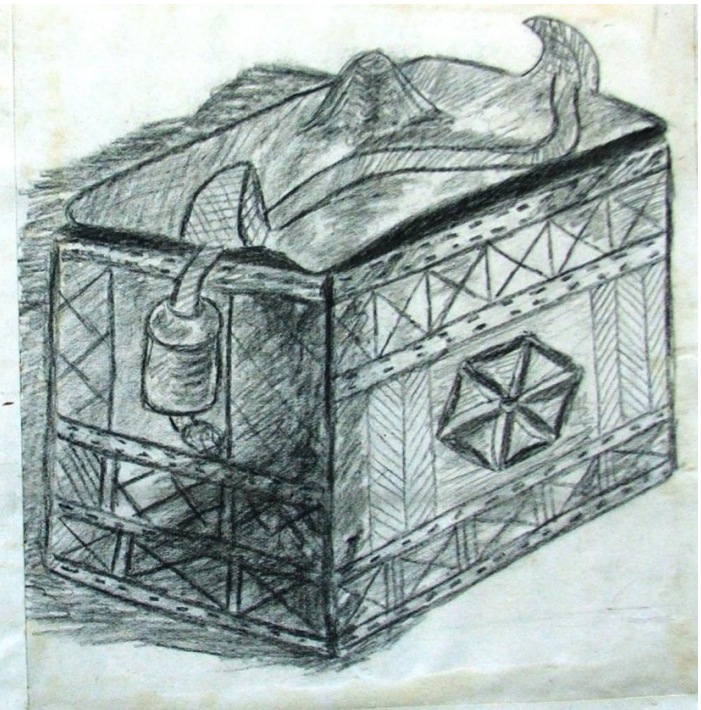


Рис. 12. Деревянный резной ящичек, приспособленный для переноски.

Рис. 2. Крепость, построенная русскими в 3 км. от Хунзаха.

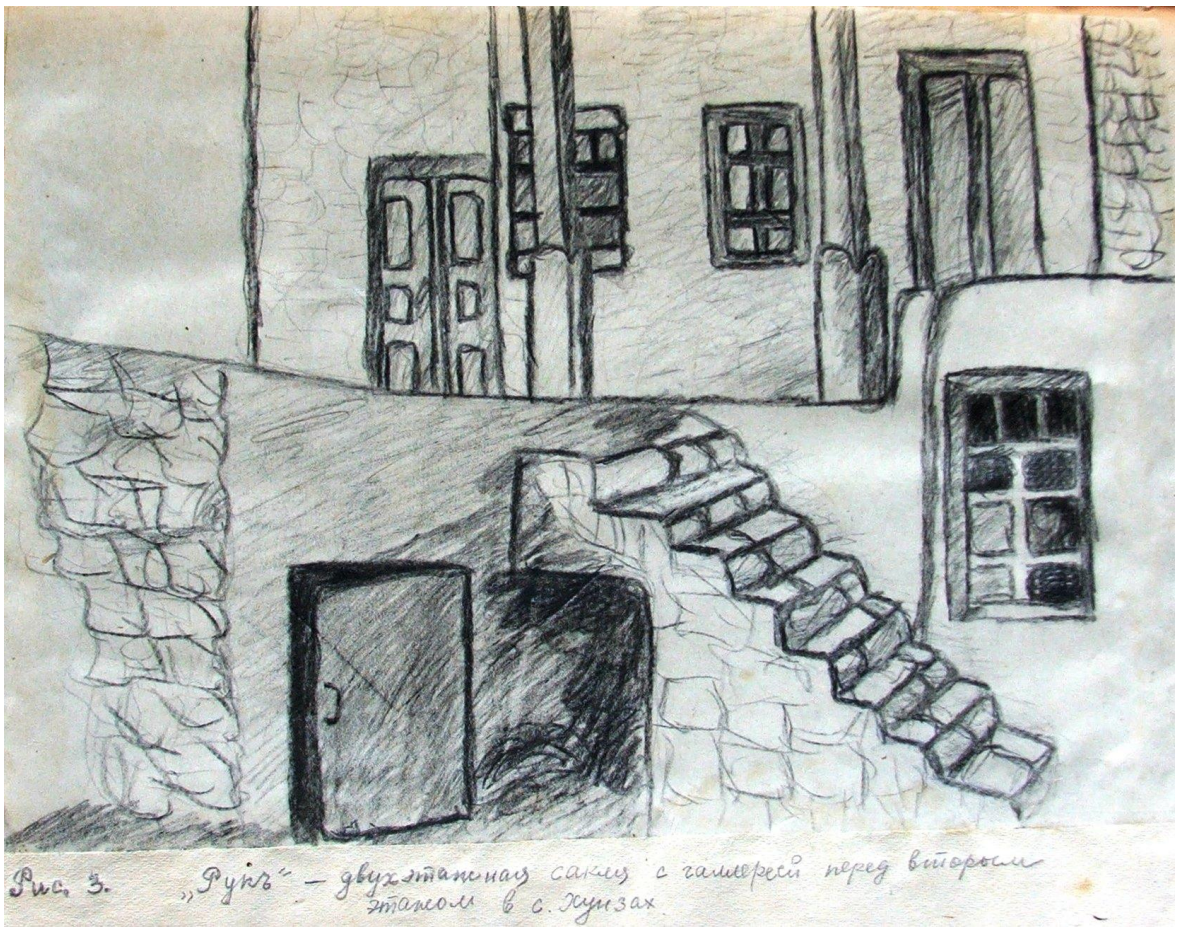


Рис. 3. „Рукъ" — двухэтажная сакля с галереей перед вторым этажом в с. Хунзах.

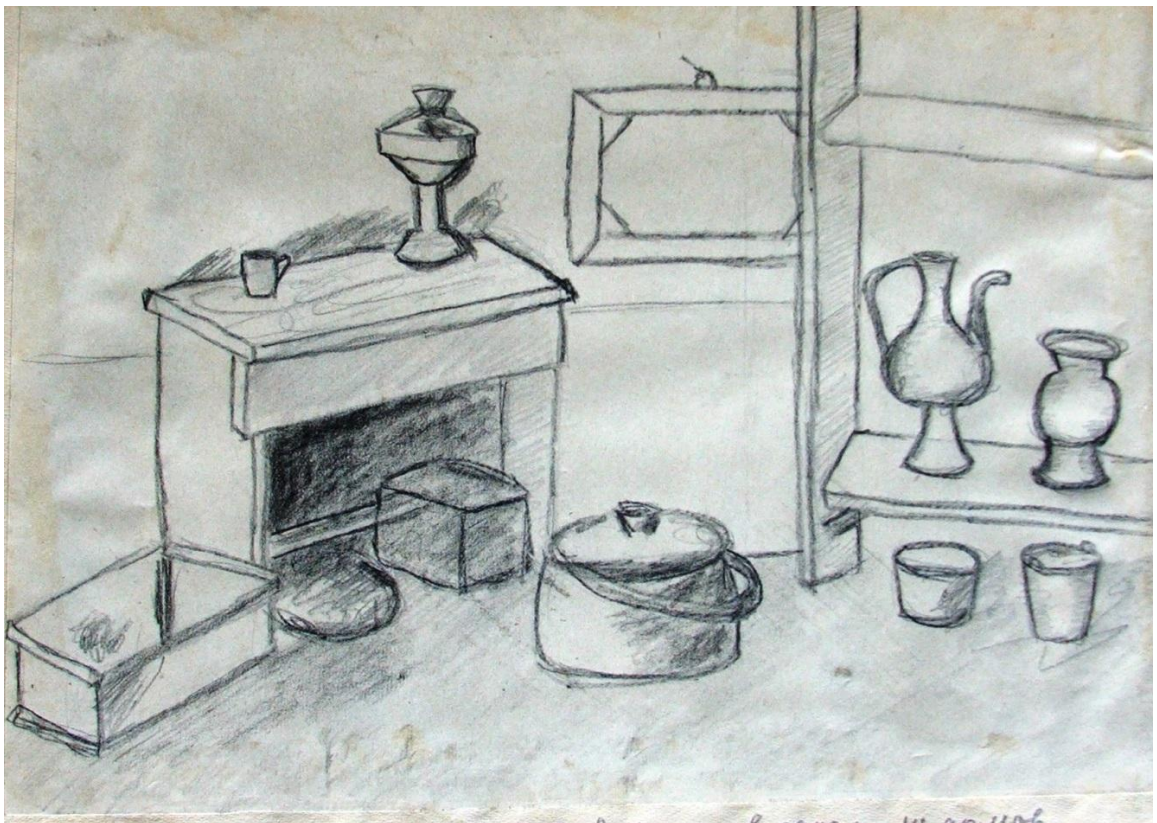


Рис. 4. Камин и полка для посуды в кухне в одном из домов в с. Жунзах

Рис. № 5 "Бусран хариш" — полка для постели, завешенная ковром, в парадной комнате в одном жунзакском доме

Рис. 6. Полка с посудой в парадной комнате в одном из домов в с. Хунзах

Рис. №7. Аварская утварь.

Рис. №8. "Гулгун" – медный луковый сосуд для воды. Орнамент нанесен резцом.

Рис. 9. "Ганцал рех" – медный луковый сосуд для молока.

Рис. 19. Гулгун Гозатлинского производства.

instituteofhistory.ru

Научное издание:

Хапизов Шахбан Магомедович
Галбацев Сурхай Магомедович

К ИСТОРИИ И ЭТНОГРАФИИ АВАРЦЕВ
(исследования и материалы)

Подготовка оригинал-макета *Эскаева Г.А.*
Дизайн обложки *Нурмагомедова М.Р.*

Подписано в печать 20.06.2017 г.
Формат 60x84 1/16. Печать ризографная. Бумага офсетная.
Гарнитура «Таймс». Усл. п. л. 17,25. Тираж 500 экз.

aleph

Отпечатано в типографии АЛЕФ, ИП Овчинников М.А.
367002, РД, г. Махачкала, ул. С.Стальского 50, 3 этаж
Тел.: +7 (8722) 935-690, 599-690, +7 (988) 2000-164
www.alefgraf.ru, e-mail: alefgraf@mail.ru